

ISSN 1997-1370 (Print)
ISSN 2313-6014 (Online)

**Журнал Сибирского
федерального университета
Гуманитарные науки**

**Journal of Siberian
Federal University**

Humanities & Social Sciences

2026 19 (4)

ISSN 1997-1370 (Print)
ISSN 2313-6014 (Online)

2026 19(4)

Издание индексируется Scopus (Elsevier), Российским индексом научного цитирования (НЭБ), представлено в международных и российских информационных базах: Ulrich's periodicals directory, EBSCO (США), Google Scholar, Index Copernicus, Eriplus, КиберЛенинке.

Включено в список Высшей аттестационной комиссии «Рецензируемые научные издания, входящие в международные реферативные базы данных и системы цитирования».

Все статьи находятся в открытом доступе (open access).

ЖУРНАЛ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА Гуманитарные науки

JOURNAL OF SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY Humanities & Social Sciences

**Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки.
Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.**

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет» (СФУ)

Главный редактор Н.П. Копцева. Редакторы А.В. Воробьев, А.В. Прохоренко
Корректор Т.Е. Бастрыгина. Компьютерная верстка И.В. Гревцовой

*Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-28723 от 29.06.2007 г.,
выданное Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия*

№ 4 от 27.04.2026. Тираж: 1000 экз.

Свободная цена

Адрес редакции и издателя:

660041 г. Красноярск, пр. Свободный, 82, стр. 24, ауд. 117.

*Отпечатано в типографии Издательства БИК СФУ
660041 г. Красноярск, пр. Свободный, 82а.*

<http://journal.sfu-kras.ru>

Подписано в печать 17.04.2026. Формат 60х90/8. Усл. печ. л. 17,8.

Уч.-изд. л. 17,3. Бумага тип. Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 25968.

Возрастная маркировка в соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ: 16+

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Н. П. Копцева – доктор философских наук, зав. кафедрой культурологии (Сибирский федеральный университет).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Е. Е. Анисимова**, д-р филол. наук, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, г. Красноярск.
- О. Ю. Астахов**, д-р культурологии, профессор, Кемеровский государственный институт культуры.
- А. Ю. Близнавский**, д-р пед. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Е. Б. Бухарова**, канд. экон. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- З. А. Васильева**, д-р экон. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Д. Н. Гергилев**, д-р истор. наук, и.о. директора, Институт российской истории РАН, г. Москва.
- К. В. Григоричев**, д-р социол. наук, профессор, Иркутский государственный университет.
- Д. Григорова**, профессор Софийского университета им. Климента Охридского (Болгария).
- И. А. Дамм**, канд. юрид. наук, заслуженный юрист Красноярского края, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- С. В. Девяткин**, канд. филос. наук, доцент, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород.
- С. А. Дробышевский**, д-р юрид. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- М. А. Егорова**, д-р юрид. наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина.
- Е. В. Зандер**, д-р экон. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Т. Х. Керимов**, д-р филос. наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург.
- А. С. Ковалев**, д-р истор. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- М. А. Колеров**, канд. истор. наук, действительный государственный советник РФ 1 класса, Информационное агентство Regnum, г. Москва.
- В. И. Колмаков**, д-р биол. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- А. А. Кроник**, профессор, Университет Ховарда, США
- Л. В. Куликова**, д-р филол. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- В. Ю. Леденева**, д-р социол. наук, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.
- О. В. Магировская**, д-р филол. наук, доцент, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- П. В. Мандрыка**, д-р истор. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- М. В. Москалюк**, д-р искусствоведения, Сибирский государственный институт искусств им. Д. А. Хворостовского, г. Красноярск.
- В. Г. Немировский**, д-р социол. наук, профессор, Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, г. Москва.
- Н. П. Парфентьев**, д-р истор. наук, д-р искусствоведения, профессор истории, заслуженный деятель науки РФ, Национальный исследовательский Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск.
- Н. В. Парфентьева**, д-р искусствоведения, профессор, член Союза композиторов России, заслуженный деятель искусств РФ, Национальный исследовательский Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск.
- Н. Н. Петро**, PhD, профессор общественных наук, Университет Род-Айленда (США).
- Р. В. Светлов**, д-р филос. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет.
- А. В. Смирнов**, д-р филос. наук, академик РАН, Институт философии РАН, г. Москва.
- А. Н. Тарбагаев**, д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист России, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск.
- Е. Г. Тарева**, д-р пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет.
- К. Б. Уразаева**, д-р филол. наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (Казахстан).

CONTENTS

Evgenii A. Akunchenko Electoral Cultural Code Formation as a Measure of Electoral System Anti-Corruption Protection	695
Elena A. Antonyan and Natalya A. Grishko Maladjustment as a Criminalizing Factor in the Formation of Corrupt Behavior of Civil Servants	708
Svetlana P. Basalaeva The Limits of Organizations' Autonomy in Local Rulemaking in the Fight Against Corruption	717
Alexey A. Bessonov Current State of Scientific and Methodological Support for Anti-Corruption Efforts	728
Viktor N. Borkov Fighting Corruption: Legal Ideas, Forms, and Reality	740
Yury P. Garmaev The Concept of Ensuring a Balance Between Anti-Corruption and Anti-Corruption Protection	750
Ida L. Goloborodko Digitalization as a Tool for Combating Corruption in the Post-Soviet States of Central Asia: International Legal Aspects	763
Irina A. Damm Ensuring Anti-Corruption Security as a New Paradigm of Anti-Corruption Activities	773
Vladimira V. Dolinskaya The Prosecutor's Claims About the Seizure of Property into State Ownership in the System of Protection of Subjective Civil Rights and Anti-Corruption	784
Ivan A. Kolpakov Extremism and Extremist Activity: Conceptual Correlation of the Concepts and Their Legal Content in the Legislation of the Russian Federation	797
Sergei A. Markuntsov Anti-Corruption Security as a Universal Interdisciplinary Design Contributors	810
Aleksandr D. Nazarov Minimizing Provocative Methods in the Conduct of Operational-Search Measures in Corruption-Related Crimes	818
Vitalii A. Nomokonov The Specifics of the Corruption Causes	826
Anna L. Repetskaya Information Technology in Combating Corruption and Anti-Corruption Protection	840

Tatiana R. Rumyantseva Anti-Corruption Rhetoric as a New Area of Scientific Research	850
Anna N. Starzhinskaya and Vladimir A. Makarov Improving the Legal Regulation of the Search for Criminally Acquired Assets	860
Tatiana M. Sudakova Computational (Algorithmic) Criminology: About the Development Prospects	869
Nazgul N. Sulaimanova and Cholpon N. Sulaimanova Responsibility for Illicit Enrichment in the Kyrgyz Republic: Legislative Regulation Issues	880
Artem M. Tsirin, Vyacheslav V. Sevalnev and Shao Zixuan The Digital Profile of a Corrupt Official: Outlines of a New Research Paradigm in Russia and China	888
Ellada V. Shamehina Metaverses as a Source of Corruption and Criminal Danger	899

EDN: YMQEUT
УДК 343.85

Electoral Cultural Code Formation as a Measure of Electoral System Anti-Corruption Protection

Evgenii A. Akunchenko*

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 04.04.2026, received in revised form 05.04.2026, accepted 06.04.2026

Abstract. The recent trend toward stagnation in anti-corruption efforts has prompted the scholarly community to seek new approaches to optimizing applied anti-corruption activities, including incentive-based preventive measures. The theory of anti-corruption criminological security offers an innovative framework that shifts analytical focus from sources of corruption risk to the objects requiring protection. This theory treats the enhancement of anti-corruption culture as an incentive measure designed to strengthen the resilience of vital social institutions against corruption threats. Since democratic elections constitute a constitutional foundation of Russian society, ensuring the anti-corruption security of the electoral system represents a state policy priority. This study examines the necessity of developing a distinct electoral cultural code in the Russian Federation, rooted in core concepts of Russian national ethics. Considering the challenges currently confronting the electoral system – the proliferation of destructive electoral stereotypes, the fragility of public trust in elections, and the risks of disinformation amid digital transformation – the author explores the anti-corruption potential of the electoral culture ethical foundations. The study concludes that an electoral cultural code oriented toward promoting integrity, fairness, and respect for democratic procedures among voters can serve as an effective measure of anti-corruption protection and make a tangible contribution to ensuring the electoral system criminological security.

Keywords: corruption, corruption prevention, anti-corruption activities, anti-corruption security, anti-corruption protection, anti-corruption culture, electoral cultural code, elections, electoral process, electoral system.

Research area: Sociology of Culture; Law.

Citation: Akunchenko E.A. Electoral Cultural Code Formation as a Measure of Electoral System Anti-Corruption Protection. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(4), 695–707. EDN: QYWNAF

Формирование электорального культурного кода как мера антикоррупционной охраны избирательной системы

Е.А. Акунченко

*Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск*

Аннотация. В условиях наметившейся в последние годы тенденции к стагнации системы противодействия коррупции научно-практическое сообщество предпринимает попытки найти новые резервы для оптимизации прикладной антикоррупционной деятельности, в том числе за счет использования стимулирующего профилактического воздействия. Одной из новаторских идей, позволяющих сместить акцент с источников коррупционной опасности на объекты антикоррупционной охраны и защиты, выступает теория антикоррупционной криминологической безопасности. Повышение антикоррупционной культуры в рамках указанной теории рассматривается как мера стимулирования, направленная на обеспечение устойчивости жизненно важных элементов социального организма перед негативным воздействием источников коррупционной опасности. Поскольку демократические выборы выступают одной из конституционных основ российского общества, обеспечение антикоррупционной криминологической безопасности избирательной системы относится к числу приоритетных задач государственной политики в области противодействия коррупции. В рамках настоящего исследования автор проблематизирует необходимость формирования в Российской Федерации особого электорального культурного кода, основанного на ключевых понятиях русской национальной этики. В контексте вызовов, которые на сегодняшний день стоят перед избирательной системой (распространение деструктивных электоральных стереотипов, неустойчивость доверия граждан к институту выборов, а также риски дезинформации в условиях глобальной цифровой трансформации и др.), раскрывается антикоррупционный потенциал духовно-нравственных основ культуры избирательных отношений. Сделан вывод о том, что формирование электорального культурного кода, ориентированного на утверждение честности, справедливости и уважения к демократическим процедурам среди избирателей, способно выступить в качестве действенной меры антикоррупционной охраны избирательной системы и внести ощутимый вклад в обеспечение ее антикоррупционной криминологической безопасности.

Ключевые слова: коррупция, предупреждение коррупции, антикоррупционная деятельность, антикоррупционная безопасность, антикоррупционная охрана, антикоррупционная культура, электоральный культурный код, выборы, избирательный процесс, избирательная система.

Научная специальность: 5.4.6. Социология культуры (социологические науки); 5.1. Право.

Цитирование: Акунченко Е. А. Формирование электорального культурного кода как мера антикоррупционной охраны избирательной системы. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(4), 695–707. EDN: QYWNAF

Введение**в проблему исследования**

На сегодняшний день научно-практическое обеспечение антикоррупционной безопасности избирательной системы является одним из важных направлений развития государственной политики в области противодействия коррупции. Защита процессов формирования органов народного представительства, а также избрания высших должностных лиц от негативного воздействия источников коррупционной опасности призвана создать наиболее благоприятные условия для полноценной реализации демократических принципов на всех уровнях публичной власти в Российской Федерации. Вместе с тем коррупционная преступность как негативное социально-политическое явление, история которого насчитывает не одно тысячелетие (Alexandrovskaia, 2004; Sakharov, 2013), продолжает представлять серьезную угрозу электоральным отношениям, несмотря на предпринимаемые со стороны общества и государства меры. При этом, как справедливо подчеркивается в криминологической литературе, сложившаяся модель прикладной антикоррупционной деятельности практически достигла пределов своего расширения, а значит, для ее качественного преобразования требуется поиск иных фундаментальных подходов (Damm, 2021).

Следует также признать, что существующие механизмы противодействия коррупции могут оказаться малоэффективными в силу стремительного технологического развития. Широкая цифровизация привычных процессов взаимодействия между людьми, утрата влияния традиционных источников информации и внедрение принципиально новых форм коммуникации приводят к кардинальной перестройке значительного числа общественных отношений, в том числе создают угрозы, связанные с неконтролируемым характером информационных потоков в период социальной нестабильности (Khabrieva & Chirkin, 2026: 21). Свободные выборы, лежащие в основе российской государственности, не находятся в изоляции и также претерпевают со-

временные преобразования наравне с иными элементами системы государственного управления. В подобных условиях особое значение приобретают такие антикоррупционные инструменты, которые способны не только создавать препятствия на пути совершения коррупционных деяний, но и укреплять устойчивость значимых для социального организма объектов перед негативным воздействием источников коррупционной опасности (Damm, 2022: 557–558). К числу таковых прежде всего следует относить меры, направленные на повышение антикоррупционной культуры участников избирательных отношений.

Концептологические основания исследования

Познанию коррупции в избирательном процессе посвящено множество научных трудов. Данный феномен выступал самостоятельным предметом или затрагивался в ряде диссертационных исследований как отечественных (Damm, 2006b; Turishcheva, 2007; Antonov, 2008; Kruglenia, 2013; Vist, 2015; Akunchenko, 2018b), так и зарубежных (Zhou Heng, 2010; Davaasambuu Ganzorig, 2017) специалистов. Применительно к нему в научной литературе подробно освещены вопросы понятийно-категориального аппарата (Akunchenko, 2018a; Chimarov, 2019; Kabanov, 2016; Sheverdiaev, 2017; Zyrianova, 2013b), субъектного состава (Devitskii & Zhmurov, 2017; Kabanov, 2013; Klimova, 2015; Zyrianova, 2013a; Zyrianova, 2013c), причинного комплекса (Astaniin, 2003; Kakitelashvili, 2018; Kleimenov, 2018; Klimova, 2014; Krasinskii, 2010) и предупредительного воздействия (Almieva, 2020; Damm, 2006a; Krasinskii, 2012; Nomokonov, 2018; Sheverdiaev, 2023). Вместе с тем анализ публикационной активности последних лет позволяет сделать вывод о том, что интерес исследователей к данной предметной области заметно снижается, несмотря на ее особую актуальность в рамках текущей внешнеполитической обстановки, а также предстоящих крупных избирательных кампаний.

В свою очередь, электоральная культура российского общества и правовые

аспекты ее содержания изучены более подробно. Указанная тематика выбрана для диссертационных исследований представителей различных гуманитарных наук (философии (Shirobokov, 2000; Korshunov, 2003), культурологии (Sukalo, 2015), социологии (Smirnova, 1999; Timoshenko, 2000), политологии (Gomerov, 1995; Sheshukova, 1997), педагогики (Rusina, 2020; Baikhanov, 2023), юриспруденции (Navalny, 1999; Artamonova, 2008) и др.). Однако антикоррупционный потенциал формирования электоральной культуры участников избирательного процесса в этих и других работах практически не исследован. Стоит отметить, что основной массив результатов теоретико-прикладных исследований антикоррупционной культуры на сегодняшний день накоплен преимущественно в отношении субъектов публичного и корпоративного управления (Kucherov & Tsirin, 2018; Sheverdiaev, 2020), а также образовательных отношений (Khamdeev, 2015; Siuzeva, 2016; Shtukarev, 2022; Titova, 2026).

Постановка проблемы

Коррупция и культура тесно связаны между собой. С одной стороны, коррупция имеет под собой прочные культурные основания. Коррупционные практики веками складывались в российском обществе и глубоко проникли не только в политические и экономические отношения, но и в процессы культурной идентификации и самоидентификации личности. С другой стороны, по мнению специалистов, «одни и те же культурные коды содержат в себе как терпимость и допустимость коррупционного поведения, так и возможность отрицания этого поведения в качестве культурного эталона» (Damm, 2023: 37). Поэтому важная задача для общества и (или) государства, вставших на антикоррупционный путь, состоит скорее в идентификации и устранении побуждающих коррупционное поведение духовно-нравственных причин и условий, чем в борьбе с его последствиями. Как отмечают С.С. Босхолов и В.А. Номоконов, «если проблема преступности – это прежде всего нравственная проблема,

то ее решение должно находиться главным образом в нравственной же плоскости» (Boskholov & Nomokonov, 2024: 133).

На текущем этапе становления государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции данная задача выражается в построении новых моделей взаимодействия, которые не столько отрицают архаичные социальные коммуникации «дарения-пирования», сколько косвенным образом утверждают не менее древние, но нацеленные на более важный результат культурные практики. Как отмечает Н.П. Копцева, «честь, совесть, праведность, справедливость – эти ключевые понятия русской национальной этики нужно пред-задать в современных практиках социальных коммуникаций» (Koptseva, 2014). Как следствие, особое значение приобретает не просто повышение уровня правовой культуры различных категорий участников избирательных отношений, а придание ей нравственной, в том числе антикоррупционной направленности за счет постановки во главу угла фундаментальных этических ценностей, которые призваны выступить стержневой основой для отечественной избирательной системы.

Практика проведения выборов федерального, регионального и местного уровней свидетельствует о том, что среди населения продолжает сохраняться высокий уровень абсентеизма или выраженного негативного отношения к проявлениям избирательной активности (Akunchenko, Damm & Shchedrin, 2018). Более того, отдельные зарубежные авторы указывают на наличие в российском обществе «политической апатии», которая вызвана убежденностью избирателей в невозможности повлиять на принятие решений (Prokor & Hrehorowicz, 2019). Полагаем, что указанные установки являются следствием широкого распространения деструктивных электоральных стереотипов, то есть упрощенных и зачастую искаженных представлений о ценности, функциях и состоянии избирательной системы в самом широком ее понимании, которые в значительной степени способствуют распространению

среди граждан радикальных идей, противоречащих конституционным основам нашего многонационального государства (Akunchenko, 2024: 9). При этом, как представляется, негативное влияние таких стереотипов многократно усиливается в условиях глобальной цифровой трансформации, облегчающей доступ к разнообразным источникам информации.

Сказанное актуализирует значимость научно-практического обсуждения проблем понимания и развития в России особого электорального культурного кода, учитывающего перспективные направления государственной политики в сфере патриотического воспитания и противодействия коррупции. На правах рабочей гипотезы представляется возможным определить в качестве такового систему ценностей и нравственных ориентиров, которые отличают активного участника выборов или референдума, осознающего значимость данных демократических институтов, уважающего правомерную деятельность организаторов голосования и принимающего любой результат легитимного коллективного выбора, независимо от своих политических предпочтений. Наличие такого культурного кода позволит обеспечить устойчивость граждан к негативному воздействию извне с целью дестабилизации общественно-политической и социально-экономической обстановки, в том числе под лозунгами широкого распространения коррупции в период организации и проведения выборов.

Обсуждение

В отличие от классического взгляда на систему предупреждения преступности в целом и отдельных ее видов в частности, концепция криминологической безопасности выступает перспективным направлением научных исследований и, по мнению М. М. Бабаева, представляет собой «интегральную социальную ценность» (Babaev, 2022: 334), в рамках которой главные приоритеты правоохранительной деятельности «переносятся с субъекта нападения на объекты защиты» (Babaev, 2022: 30). Более того, некоторые специалисты возводят кримино-

логическую безопасность в ранг самостоятельной теории. Например, С. Я. Лебедев подчеркивает, что ее актуальность и прогрессивность вызваны необходимостью формирования новой идеологии противодействия преступности, переориентации правоохранительной системы с поисков криминологических угроз на реальное выполнение основной задачи – обеспечение безопасности людей от преступных посягательств (Lebedev, 2000: 14). В свою очередь, согласно позиции И. А. Дамм, теория антикоррупционной криминологической безопасности как методологическая основа новой парадигмы антикоррупционной деятельности включает в качестве ключевого элемента подсистему обеспечения, которая объединяет два взаимосвязанных направления: охрану и защиту значимых объектов от коррупционных угроз и источников опасности, а также противодействие коррупционной преступности. При этом для антикоррупционной охраны характерны преимущественно меры стимулирующего характера, основанные на позитивном воздействии на объекты защиты, тогда как противодействию коррупции присущи главным образом ограничительные меры (Damm, 2024: 598).

Повышение защищенности объектов (отдельных индивидов, различных социальных групп и общества в целом) от угрозы негативного воздействия со стороны внутренних и внешних источников коррупционной опасности во многом определяется усилением культурного компонента, который занимает особое место в системе обеспечения антикоррупционной криминологической безопасности, поскольку предполагает использование «мягкой силы». Формирование электорального культурного кода как мера обеспечения антикоррупционной криминологической безопасности выполняет охранительную функцию, поскольку направлено на укрепление антикоррупционной устойчивости избирательной системы и ее отдельных элементов с использованием преимущественно принудительных средств, основанных на позитивном стимулировании.

Выступая в качестве антонима антикоррупционных ограничений, стимулы призваны «оказать воздействие на мотивационную сторону личности в целях снижения ее коррупциогенного потенциала» (Damm, Tarbagaev, Koptseva, Akunchenko & Diachenko, 2024: 538). При этом, как точно указывал Н. В. Щедрин, «в диалектическом единстве стимулирования и ограничения позитивно-поощрительная составляющая должна быть ведущей. Трудлюбие, законопослушность, служение обществу и другие виды позитивной активности должны быть более выгодными, чем негативные отклонения» (Shchedrin & Damm, 2025: 30).

Различные по своей природе и объектам воздействия стимулы лежат в основе антикоррупционной профилактики, определяемой в специальной литературе как «совокупность непринудительных мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение субъективных и объективных детерминант, которые способствуют совершению коррупционных правонарушений, а также на формирование антикоррупционной культуры в поведении физических лиц и деятельности государственных, муниципальных органов, организаций и институтов гражданского общества» (Damm, 2018: 40).

В свою очередь, ключевым средством антикоррупционной профилактики на современном этапе развития государственной политики в области противодействия коррупции выступает антикоррупционное просвещение. Последнее П. А. Кабанов рассматривает как систему «распространения субъектами государственной политики противодействия коррупции достоверной информации любым способом, в любой форме с использованием любых коммуникативных средств в отношении неопределенного круга лиц, направленной на формирование в обществе антикоррупционного мировоззрения, антикоррупционного поведения, антикоррупционного сознания и антикоррупционной культуры» (Kabanov, 2014: 49).

Формирование электорального культурного кода в аспекте обеспечения антикоррупционной криминологической безопасности, как следует из обзора, приведенного выше, находится в рамках предметного поля просветительской деятельности. Акцент на данном обстоятельстве особенно важен, поскольку в настоящий момент рассматриваемая сфера общественных отношений заключена в рамки особых правовых требований, направленных на защиту национальных интересов Российской Федерации (ст. 12.2 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»). Поэтому трансляция аксиологической основы избирательного процесса среди широких слоев населения должна осуществляться только на базе серьезного проработанного научного фундамента и апробированного инструментария средств воздействия.

Антикоррупционное просвещение в избирательном процессе – важное направление государственной политики Российской Федерации в области противодействия коррупции, которое на сегодняшний день недостаточно развито как на теоретико-методологическом, так и прикладном уровнях. Более того, помимо проблем, связанных с формой, содержанием, уровнем компетентности субъектов просветительской деятельности и периодичностью проведения соответствующих мероприятий, в современном российском культурном пространстве существует значительное число текстуальных и визуальных образов, смысловое наполнение которых способствует укреплению деструктивных электоральных стереотипов. Особо показательным в данном случае является эпизод фильма «День выборов – 2», согласно которому председатель региональной избирательной комиссии, узнав о появлении альтернативного кандидата, ночью вместе со своей супругой проникает в служебное помещение и осуществляет фальсификацию документов в целях легализации его выдвижения. Ироничный характер рассматриваемой ситуации в глазах зрителей уступает предубеждению о том, что установленные

законом электоральные процедуры могут быть легко и безнаказанно нарушены в угоду личным или групповым политическим интересам. В условиях запрета цензуры, закрепленного в ч. 5 ст. 29 Конституции РФ, ощутимым препятствием на пути распространения подобных установок может стать сформированное у граждан в результате антикоррупционного просвещения понимание многоуровневой защищенности избирательного процесса, знание системы сдержек и противовесов, обеспечивающих равенство прав и законных интересов его участников, а также представление о мерах юридической ответственности за нарушение законодательства о выборах.

Не меньшей проблемой являются факты дезинформации в период организации и проведения выборов различного уровня, в том числе основанные на дипфейках с участием должностных лиц избирательных комиссий (Deepfake, 2026). Сведения, потенциально имеющие большой общественный резонанс, но при этом заведомо несоответствующие действительности, все чаще распространяются по различным каналам связи в виде фото- или видеоматериалов, сгенерированных с использованием цифровых технологий. Представляя собой серьезную угрозу криминологической безопасности, «электоральные дипфейки» постепенно становятся объектом законодательных ограничений, которые уже сейчас внедряются по инициативе Центральной избирательной комиссии РФ (Pamfilova, 2026). Вместе с тем снижение деструктивного эффекта от их массового распространения может быть достигнуто путем реализации просветительских мероприятий, направленных на формирование у граждан навыков критического осмысления информационных потоков, в частности в ходе избирательных кампаний, а также умений проверять достоверность сведений, вызывающих социальное возмущение. Полагаем, что медиаграмотность в условиях глобальной цифровой трансформации должна стать элементом персональной культуры большинства российских избирателей, которые в своей совокупности станут носи-

телями электорального культурного кода нового поколения.

Эффективное антикоррупционное просвещение в избирательном процессе неразрывно связано с деятельным участием не только представителей органов публичной власти и научного сообщества, но и средств массовой информации, а также других современных коммуникаторов (блогеров, лидеров мнений, владельцев публичных каналов в мессенджерах и др.), поскольку последние обладают значительными ресурсами в сфере информационного воздействия на массовое сознание электората. При этом со стороны указанных субъектов в равной степени необходима повышенная ответственность перед обществом и государством за содержательное наполнение информационных сообщений, которые распространяются ими в период организации и проведения выборов. И если деятельность традиционных СМИ, имеющих государственную регистрацию, в этом смысле достаточно строго регламентирована нормами действующего законодательства, то в отношении относительно новых источников информации (например, анонимных телеграм-каналов) правовые инструменты воздействия зачастую остаются бессильными. В аспекте укрепления деструктивных электоральных стереотипов особую общественную опасность представляет возможность использования социальных сетей и мессенджеров с массово-коммуникативным функционалом в целях организованного распространения дезинформации о ходе отдельной избирательной кампании или дискредитации избирательной системы в целом для создания обстановки напряженности в обществе и дестабилизации процессов государственного управления. Представляется, что противодействие указанной угрозе может быть достигнуто с использованием как юридических ограничений, так и нравственных стимулов, направленных на формирование этического стандарта поведения субъектов информационного обеспечения выборов (Akunchenko, 2023).

Одну из значимых ролей в формировании электорального культурного кода в Российской Федерации призваны сыграть молодежные избирательные комиссии. Именно они объединяют в своих рядах, как правило, наиболее активных представителей молодого поколения, разделяющих фундаментальные ценности российского общества, а также имеющих устойчивую гражданскую позицию и патриотический созидательный настрой. Последовательное участие членов молодежных избирательных комиссий в осуществлении просветительской работы под руководством опытных наставников способно внести неопределимый вклад в решение сложных задач электорального воспитания молодых и будущих избирателей. Яркий личный пример участия сверстников в политической жизни страны на основе позитивных нравственных координат, а также демонстрация возможностей правомерного и осознанного выбора при реализации своих избирательных прав выступают одновременно в качестве и ориентира, и стимула для развития культуры электорального поведения российской молодежи в будущем. При этом важной составляющей подобной просветительской работы должна стать ее внешняя направленность, то есть ориентация на тех представителей молодого поколения, которые не принимают активного участия в политической жизни страны под влиянием деструктивных электоральных стереотипов разной степени выраженности. С учетом изложенного проведение масштабных научно-практических мероприятий, в ходе которых происходит интенсивный обмен передовым опытом работы молодежных избирательных комиссий и их наставников, может рассматриваться как важнейший элемент механизма эффективного развития (Forum, 2026).

Заключение

Подводя итог, следует подчеркнуть, что формирование электорального культурного кода представляет собой не просто повышение правовой культуры избирателей, а предполагает выход на качественно новый

уровень культурной идентификации и самоидентификации многонационального народа Российской Федерации, выступающего в соответствии с ч. 1 ст. 3 Конституции РФ единственным носителем суверенитета и источником власти в стране. В рассматриваемом аспекте базовые идеалы российского общества призваны стать нравственным ориентиром электорального поведения различных категорий участников избирательных отношений.

При этом, как верно отмечает А. А. Гусейнов, «нравственность является смыслом культуры. Но этот смысл не задается извне, он разворачивается в теле и на языке самой культуры» (Guseinov, 2014: 223). Поэтому культурная политика в избирательном процессе может получить интенсивное развитие в двух взаимосвязанных направлениях. С одной стороны, обществу и государству следует объединить усилия для того, чтобы практика «грязных» избирательных технологий, в том числе «черного пиара» в период предвыборной агитации, а также «продажности» избирателей и пр., перестала восприниматься в качестве культурного эталона российского электората. С другой – реализуемые просветительские мероприятия должны формировать не только чувство гражданской ответственности, как это заявлено в Концепции повышения правовой культуры избирателей в Российской Федерации на 2025–2027 гг., утвержденной Постановлением ЦИК России № 191/1493–8 от 25.12.2024, но и актуализировать ключевые понятия русской национальной этики (честь, совесть, праведность, справедливость и др.).

Антикоррупционная криминологическая безопасность избирательной системы – состояние защищенности ее ключевых элементов от воздействия источников коррупционной опасности – не может быть достигнута без развитого мировоззренческого иммунитета электората. Именно в культурном пространстве закладывается нравственная основа массового антикоррупционного поведения, которая в долгосрочной перспективе призвана стать значимым препятствием на пути корруп-

пирования участников избирательных отношений, а также внешних манипуляций под предлогом широкого распространения коррупции в период организации и проведения выборов. С учетом изложенного

формирование электорального культурного кода можно с уверенностью признать важной мерой антикоррупционной охраны избирательной системы Российской Федерации.

Список литературы / References

Akunchenko E. A. Antikorruptionnyĭ potentsial formirovaniia elektoralnogo kulturnogo koda Rossiiskoi Federatsii [Anti-corruption potential of forming the electoral cultural code of the Russian Federation]. In: *Eniseiskie politiko-pravovye chteniia: sbornik nauchnykh statei po materialam XVI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Krasnoyarsk, KRO Assotsiatsiia iuristov Ros-sii, 2024. 8–14.

Akunchenko E. A. Korruptsiia i korruptionnaia prestupnost v izbiratelnom protsesse [Corruption and corruption crime in the electoral process]. In: *Pravo i politika*, 2018a, 8, 28–42.

Akunchenko E. A. Kriminologicheskaia kharakteristika i preduprezhdenie korruptionnoi prestupnosti v izbiratelnom protsesse Rossiiskoi Federatsii [Criminological characteristics and prevention of corruption crime in the electoral process of the Russian Federation]. PhD diss., Krasnoyarsk, 2018b. 272.

Akunchenko E. A. O korruptionnykh riskakh ispolzovaniia v informatsionnom obespechenii vyborov sotsialnykh setei i messenzherov s massovo-kommunikativnym funktsionalom [On corruption risks of using social networks and messengers in election information support]. In: *Eniseiskie politiko-pravovye chteniia: sbornik nauchnykh statei po materialam XV Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Krasnoyarsk, Obshchestvennyi komitet po zashchite prav cheloveka, 2023. 13–19.

Akunchenko E. A., Damm I. A. & Shchedrin N. V. Antikorruptionnaia bezopasnost izbiratel'nogo protsessa: sostoianie i perspektivy [Anti-corruption security of the electoral process: state and prospects]. In: *Natsionalnaia bezopasnost*, 2018, 1, 49–71.

Alexandrovskaia S. V. Antikorruptionnaia kontseptsiiia v prave Drevnerimskoi Respubliki (V–I vv. do n.e.) [Anti-corruption concept in the law of the Ancient Roman Republic (5th-1st centuries BC)]. PhD diss., Krasnodar, 2004. 247.

Almieva A. A. O nekotorykh aspektakh protivodeistviia korruptsii v izbiratelnom protsesse [On some aspects of combating corruption in the electoral process]. In: *Pravo i politika*, 2020, 1, 65–71.

Antonov O. Iu. Teoriia i praktika vyiavlennii i rassledovaniia elektoralnykh prestuplenii [Theory and practice of detection and investigation of electoral crimes]. Dr. Sci. diss., M., 2008. 500.

Artamonova N. V. Razvitie pravovoi kultury izbiratelei v Rossii: konstitutsionno-pravovoi aspekt [Development of legal culture of voters in Russia: constitutional-legal aspect]. PhD diss., M., 2008. 225.

Astanin V. V. Griadut vybory... (O reguliativnykh vozmozhnostiakh organizovannoi prestupnosti v period izbiratelnykh protsessov) [Elections are coming... (On regulatory capabilities of organized crime during electoral processes)]. In: *Zakon i pravo*, 2003, 6, 17–18.

Babaev M. M. Izbrannye trudy po kriminologii [Selected works on criminology]. M., Iurlitinform, 2022. 600.

Baikhanov I. B. Pedagogicheskaiia kontseptsiiia formirovaniia elektoralnoi kultury uchitel'ia v usloviakh informatsionnogo obshchestva [Pedagogical concept of forming electoral culture of a teacher in the information society]. Dr. Sci. diss., M., 2023. 525.

Boskholov S. S. & Nomokonov V. A. Ontologicheskie i metafizicheskie osnovy obshchestvennoi opasnosti prestuplenii: o tupike neokriminologii [Ontological and metaphysical foundations of the social danger of crimes: on the dead end of neo-criminology]. In: *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal*, 2024, 18(2), 128–136. DOI 10.17150/2500–4255.2024.18(2).128–136.

Chimarov N. S. Izbiratelnyi protsess i korruptsiia: kharakteristika korruptionnykh proiavlennii i sovremennye sposoby ikh neutralizatsii [Electoral process and corruption: characteristics and modern counter-measures]. In: *Vlast i obshchestvo*, 2019, 1, 26–29.

Damm I. A. (Ed.). *Osnovy protivodeistviia korruptsii v sfere obrazovaniia* [Fundamentals of combating corruption in education]. Krasnoyarsk, Sibirskii federalnyi universitet, 2023. 366.

Damm I. A. Antikorruptsiionnaia kriminologicheskaia bezopasnost kak novoe napravlenie nauchnykh issledovaniy [Anti-corruption criminological security as a new direction of scientific research]. In: *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal*, 2021, 15(6), 734–743. DOI 10.17150/2500–4255.2021.15(6).734–743.

Damm I. A. Antikorruptsiionnaia profilaktika v sisteme protivodeistviia korruptsii [Anti-corruption prevention in the system of combating corruption]. In: *Natsionalnaia bezopasnost*, 2018, 4, 33–42. DOI 10.7256/2454–0668.2018.4.27591.

Damm I. A. Antikorruptsiionnye mery bezopasnosti v izbiratelnom protsesse [Anti-corruption security measures in the electoral process]. In: *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, 2006a, 6, 331–336.

Damm I. A. Korruptsiia v rossiiskom izbiratelnom protsesse: poniatie i protivodeistvie [Corruption in the Russian electoral process: concept and counteraction]. PhD diss., Krasnoyarsk, 2006b. 249.

Damm I. A. Obekt antikorruptsiionnoi kriminologicheskoi bezopasnosti: osnovnye napravleniia issledovaniia [Object of anti-corruption criminological security: main research directions]. In: *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal*, 2022, 16(5), 555–565. DOI 10.17150/2500–4255.2022.16(5).555–565.

Damm I. A. Osnovnye elementy sistemy teorii antikorruptsiionnoi kriminologicheskoi bezopasnosti [Basic elements of the system of anti-corruption criminological security theory]. In: *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal*, 2024, 18(6), 591–601. DOI 10.17150/2500–4255.2024.18(6).591–601.

Damm I. A., Tarbagaev A. N., Koptseva N. P., Akunchenko E. A. & Diachenko A. E. Stimuly i ogranicheniia v sisteme obespecheniia antikorruptsiionnoi bezopasnosti (obzor VII Sibirskogo antikorruptsiionnogo foruma) [Incentives and constraints in the system of ensuring anti-corruption security (review of the VII Siberian Anti-Corruption Forum)]. In: *Russian Journal of Economics and Law*, 2024, 18(2), 535–553. DOI 10.21202/2782–2923.2024.2.535–553.

Davaasambuu Ganzorig. Rassledovanie prestuplenii protiv izbiratelnykh prav (po materialam Mongolii) [Investigation of crimes against electoral rights (based on materials from Mongolia)]. PhD diss., M., 2017. 223.

Deepfake – V Sevastopole zapustili poddelnoe video s uchastiem glavy izbirkoma Faustovoi [A fake video featuring the head of the election commission Faustova was launched in Sevastopol]. In: *Komsomolskaia pravda*. URL: <https://www.kp.ru/daily/27631.5/4981545> (accessed 2026).

Devitskii E. I. & Zhmurov D. V. Podkup izbiratelei: vzgliad kriminologa [Bribery of voters: a criminological perspective]. In: *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal*, 2017, 11(2), 289–298.

Forum – Vybor. FM. Sirius: v Siriuse startoval obrazovatelnyi elektoralnyi forum molodezhi TsIK Rossii [“Vybor. FM. Sirius”: an educational electoral youth forum of the Central Election Commission of Russia started in Sirius]. In: *Ofitsialnyi sait TsIK Rossii*. URL: <http://www.cikrf.ru/news/cec/57732> (accessed 2026).

Gomerov I. G. Elektoralnaia kultura: politologicheskii analiz [Electoral culture: political science analysis]. Dr. Sci. diss., Novosibirsk, 1995. 393.

Guseinov A. A. Kultura i нравственность [Culture and morality]. In: *Vestnik MGIMO Universiteta*, 2014, 2, 221–223.

Kabanov P. A. Antikorruptsiionnoe prosveshchenie kak sredstvo protivodeistviia korruptsii: poniatie i sodержanie [Anti-corruption education as a means of combating corruption: concept and content]. In: *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, 4, 42–51.

Kabanov P. A. Elektoralnaia korruptsiia: osmyslenie nauchnykh podkhodov k iavleniiu [Electoral corruption: understanding scientific approaches to the phenomenon]. In: *Politicheskie partii i vybory: problemy sovremennosti: sbornik nauchnykh statei po materialam Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem)*. Orenburg, Izdatelstvo Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2016. 399–404.

Kabanov P. A. Kontseptsiiia lichnosti politicheskogo prestupnika kak politiko-kriminologicheskoi kategorii [The concept of the personality of a political criminal as a political and criminological category]. In: *Pravo i politika*, 2013, 3, 371–380.

Kakitelashvili M. M. Korruptsiionnye faktory chastnogo finansirovaniia politicheskikh partii [Corruption factors of private financing of political parties]. In: *Antikorruptsiionnaia bezopasnost izbiratel'nogo protsesssa: sostoianie i perspektivy: sbornik nauchnykh statei po materialam III Sibirskogo antikorruptsiionnogo foruma*. Krasnoyarsk, Izdatelstvo Sibirskogo federal'nogo universiteta, 2018. 62–70.

Khabrieva T. Ia. & Chirkin V. E. «Tsvetnye revoliutsii» i «arabskaia vesna» v konstitutsionnom izmerenii: politologo-iuridicheskoe issledovanie [“Color revolutions” and the “Arab Spring” in the constitutional dimension: a political and legal study]. M., Norma; INFRA-M, 2026. 192.

Khamdeev A. R. Pedagogicheskoe obespechenie formirovaniia antikorruptsiionnoi kultury studentov vuza [Pedagogical support for the formation of anti-corruption culture of university students]. PhD diss., Kazan, 2015. 336.

Kleimenov M. P. Dva aspekta obespecheniia antikorruptsiionnoi bezopasnosti izbiratel'nogo protsesssa [Two aspects of ensuring anti-corruption security of the electoral process]. In: *Antikorruptsiionnaia bezopasnost izbiratel'nogo protsesssa: sostoianie i perspektivy: sbornik nauchnykh statei po materialam III Sibirskogo antikorruptsiionnogo foruma*. Krasnoyarsk, Izdatelstvo Sibirskogo federal'nogo universiteta, 2018. 33–38.

Klimova Iu. N. Antikorruptsiionnoe napravlenie bezopasnosti subektov izbiratel'nogo prava [Anti-corruption direction of security of subjects of electoral law]. In: *Vestnik Vladimirskego gosudarstvennogo universiteta imeni Aleksandra Grigorevicha i Nikolaia Grigorevicha Stoletovykh. Seriya: Iuridicheskie nauki*, 2015, 2, 78–90.

Klimova Iu. N. Korruptsiogennye faktory v izbiratel'nom protsessse: podkhody k opredeleniiu i algoritm strategicheskogo upravlencheskogo vozdeistviia [Corruption-generating factors in the electoral process: approaches to definition and algorithm of strategic managerial impact]. In: *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, 1, 39–48.

Koptseva N. P. K voprosu o kulturnykh osnovaniakh korruptsiionnogo povedeniia v sovremennoi Rossii [On the cultural foundations of corrupt behavior in modern Russia]. In: *Chelovek i kultura*, 2014, 3, 23–50. DOI 10.7256/2306–1618.2014.3.12905.

Korshunov A. V. Elektoralnaia kultura kak sotsialnoe iavlenie [Electoral culture as a social phenomenon]. PhD diss., Ulianovsk, 2003. 148.

Krasinskii V. V. Mezhdunarodno-pravovye osnovy protivodeistviia partiinoi i elektoralnoi korruptsii na prostranstve SNG [International legal foundations of combating party and electoral corruption in the CIS]. In: *Pravo i obrazovanie*, 2012, 7, 111–121.

Krasinskii V. V. O korruptsiogennykh faktorakh izbiratel'nogo zakonodatelstva [On corruption-generating factors of electoral legislation]. In: *Rossiiskaia iustitsiia*, 2010, 2, 22–24.

Kruglenia A. N. Ugolovno-pravovaia okhrana izbiratel'nykh prav i prava na uchastie v referendumе [Criminal law protection of electoral rights and the right to participate in a referendum]. PhD diss., M., 2013. 284.

Kucherov I. I. & Tsirin A. M. (Eds). Antikorruptsiionnaia etika i sluzhebnoe povedenie [Anti-corruption ethics and official conduct]. M., INFRA-M, 2018. 124.

Lebedev S. Ia. Kriminologicheskaiia bezopasnost lichnosti, obshchestva, gosudarstva [Criminological security of the individual, society and the state]. In: *Pravovaia nauka na rubezhe XXI stoletii: sbornik nauchnykh trudov*. Omsk: Omskaia akademiia MVD RF, 2000. 13–22.

Navalnyi S. V. Elektoralno-pravovaia kultura: voprosy teorii i praktiki [Electoral legal culture: theory and practice]. PhD diss., Nizhnii Novgorod, 1999. 231.

Nomokonov V. A. Gosudarstvennaia antikorruptsiionnaia politika v sfere zashchity izbiratel'nykh prav grazhdan [State anti-corruption policy in the sphere of protection of electoral rights of citizens]. In: *Antikorruptsiionnaia bezopasnost izbiratel'nogo protsesssa: sostoianie i perspektivy: sbornik nauchnykh statei po materialam III Sibirskogo antikorruptsiionnogo foruma*. Krasnoyarsk, Izdatelstvo Sibirskogo federal'nogo universiteta, 2018. 27–32.

Pamfilova – Pamfilova rasskazala o podgotovke mer protivodeistviia dipfeikam na vyborakh [Pamfilova spoke about preparing measures to counter deepfakes in elections]. In: Rossiiskaia gazeta. URL:

<https://rg.ru/2026/02/19/pamfilova-rasskazala-o-podgotovke-mer-protivodejstviia-dipfejkam-na-vyborah.htm> (accessed 2026).

Prokop M. & Hrehorowicz A. Between Political Apathy and Political Passivity. The Case of Modern Russian Society. In: *Torun International Studies*, 2019, 1(12), 109–123. DOI 10.12775/TIS.2019.007.

Rusina A. S. Formirovanie elektoralnoi gramotnosti u obuchaiushchikhsia v obrazovatelnykh organizatsiakh [Formation of electoral literacy among students in educational organizations]. PhD diss., Saratov, 2020. 298.

Sakharov S. A. Sistema gosudarstvennoi vlasti i problema korruptsii v Pozdnei Rimskoi imperii (po dannym «Kodeksa Feodosiia») [System of state power and corruption in the Late Roman Empire (based on the Theodosian Code)]. PhD diss., Smolensk, 2013. 234.

Shchedrin N. V. & Damm I. A. (Eds). Antikorruptsionnye mery bezopasnosti [Anti-corruption security measures]. M., Prospekt, 2025. 496. DOI 10.31085/9785392336746–2020–496.

Sheshukova G. V. Politicheskaiia kultura elektorata sovremennogo rossiiskogo regiona [Political culture of the electorate of a modern Russian region]. Dr. Sci. diss., M., 1997. 445.

Sheverdiaev S. N. Aktualnye napravleniia razrabotki problematiki elektoralnoi korruptsii v konstitutsionnom prave [Current directions in developing the issue of electoral corruption in constitutional law]. In: *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2017, 12, 18–23.

Sheverdiaev S. N. Otrazhenie sovremennoi antikorruptsionnoi kultury v rossiiskom konstitutsionnom prave [Reflection of modern anti-corruption culture in Russian constitutional law]. M., Iuridicheskii Dom Iustitsinform, 2020. 320.

Sheverdiaev S. N. Zarozhdenie mezhdunarodnykh antikorruptsionnykh standartov izbiratel'nogo protsesssa [The emergence of international anti-corruption standards of the electoral process]. M., Prospekt, 2023. 576.

Shirobokov S. A. Osobennosti sovremennoi politicheskoi i elektoralnoi kultury Rossii [Features of modern political and electoral culture of Russia]. PhD diss., M., 2000. 169.

Shtukarev N. A. Formirovanie antikorruptsionnoi kultury budushchego bakalavra iurisprudentsii [Formation of anti-corruption culture of a future bachelor of law]. PhD diss., Orenburg, 2022. 290.

Siuzeva N. V. Antikorruptsionnaia subkultura obrazovatelnoi organizatsii [Anti-corruption subculture of an educational organization]. PhD diss., Ekaterinburg, 2016. 182.

Smirnova O. G. Elektoralnaia kultura naseleniia v usloviakh sotsialnoi transformatsii rossiiskogo obshchestva [Electoral culture of the population in conditions of social transformation of Russian society]. PhD diss., Ekaterinburg, 1999. 120.

Sukalo S. A. Kulturno-simvolicheskie osnovaniia politicheskikh praktik v sovremennoi Rossii [Cultural-symbolic foundations of political practices in modern Russia]. PhD diss., SPb., 2015. 190.

Timoshenko N. V. Elektoralnaia kultura sovremennogo rossiiskogo obshchestva (sotsiologicheskii aspekt) [Electoral culture of modern Russian society (sociological aspect)]. PhD diss., M., 2000. 143.

Titova O. A. Formirovanie antikorruptsionnoi kultury kursantov v obrazovatel'nom protsesse vuzov MVD Rossii [Formation of anti-corruption culture of cadets in the educational process of MBД universities]. PhD diss., Riazan, 2026. 197.

Turishcheva N. Iu. Prestupleniia protiv izbiratel'nykh prav i prava na uchastie v referendumе: ugolovno-pravovoi analiz i perspektivy sovershenstvovaniia zakonodatel'nogo opisaniia (po materialam Krasnodarskogo kraia) [Crimes against electoral rights and referendum participation: criminal law analysis and prospects for legislative improvement]. PhD diss., Krasnodar, 2007. 204.

Vist I. I. Ugolovnaia otvetstvennost za narushenie poryadka finansirovaniia izbiratel'noi kampanii kandidata, izbiratel'nogo obedeniia, deiatel'nosti initsiativnoi gruppy po provedeniiu referendumа, inoi gruppy uchastnikov referendumа [Criminal liability for violation of financing procedures of election campaigns and referendum activities]. PhD diss., Omsk, 2015. 174.

Zhou Heng. Prestupleniia protiv izbiratel'nykh prav v ugolovnom zakonodatel'stve Kitaia i Rossii (sravnitel'no-pravovoe issledovanie) [Crimes against electoral rights in criminal law of China and Russia (comparative legal study)]. PhD diss., Vladivostok, 2010. 208.

Zyrianova I. A. Izbiratelnyi shtab kandidata – subekt korruptsii v izbiratelnom protsesse? [Is a candidate's campaign headquarters a subject of corruption in the electoral process?]. In: *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2013a, 4, 32–37.

Zyrianova I. A. K voprosu o poniatii korruptsii v rossiiskom izbiratelnom protsesse [On the concept of corruption in the Russian electoral process]. In: *Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia*, 2013b, 11, 561–563.

Zyrianova I. A. Osnovnye subekty korruptsii v izbiratelnom protsesse [Main subjects of corruption in the electoral process]. In: *Mir iuridicheskoi nauki*, 2013c, 10–11, 33–38.

EDN: QYWNAF
УДК 343

Maladjustment as a Criminalizing Factor in the Formation of Corrupt Behavior of Civil Servants

Elena A. Antonyan^{a*} and Natalya A. Grishko^b

^a*Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*

Moscow, Russian Federation

^b*Russian University of Transport*

Moscow, Russian Federation

Received 28.02.2026, received in revised form 02.03.2026, accepted 10.03.2026

Abstract. The article considers social maladaptation as an independent criminalizing factor in the formation of corrupt behavior. Based on interdisciplinary analysis (theory of anomie, social control, neo-institutionalism, concepts of moral neutralization and organizational culture), a three-level model of maladaptation is substantiated: cognitive (rationalization and reassessment of norms), professional-role (deformation of official identity and instrumentalization of public function) and institutional (divergence of formal and informal regulators, selectivity of responsibility, formation of a corrupt subculture). The article substantiates the position that corruption is formed not in conditions of social marginalization, but within the institutionally integrated role of the civil service in the process of gradual transformation of the legal identity of the subject. The stages of the dynamics of the maladaptation mechanism of corruption are revealed, including latent normative reassessment, situational peculiarity, behavioral fixation, institutional integration and normative inversion. Special attention is paid to the phenomenon of institutional maladaptation, legitimizing corrupt activities and ensuring their reproduction. It is concluded that there is a need to move from a reactive criminal law model of combating corruption to a proactive prevention system focused on restoring the regulatory integrity of the institution of public service and strengthening the internal legal identity of the subject.

Keywords: maladaptation, corruption activities, corruption crime, public service, theories, analysis, prevention of corruption, motivation, anti-corruption legislation, legal nihilism.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Law.

Citation: Antonyan E. A., Grishko N. A. Maladjustment as a Criminalizing Factor in the Formation of Corrupt Behavior of Civil Servants. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(4), 708–716. EDN: QYWNAF

Деадаптация как криминообразующий фактор формирования коррупционного поведения государственных служащих

Е.А. Антонян^а, Н.А. Гришко^б

^аМосковский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Российская Федерация, Москва

^бРоссийский университет транспорта

Российская Федерация, Москва

Аннотация. В статье рассматривается социальная деадаптация как самостоятельный криминообразующий фактор формирования коррупционного поведения. На основе междисциплинарного анализа (теории аномии, социального контроля, неоинституционализма, концепций моральной нейтрализации и организационной культуры) обоснована трехуровневая модель деадаптации: когнитивная (рационализация и переоценка нормы), профессионально-ролевая (деформация служебной идентичности и инструментализация публичной функции) и институциональная (расхождение формальных и неформальных регуляторов, селективность ответственности, формирование коррупционной субкультуры). Обосновывается положение о том, что коррупция формируется не в условиях социальной маргинализации, а внутри институционально интегрированной роли государственной службы в процессе поэтапной трансформации правовой идентичности субъекта. Раскрываются стадии динамики деадаптационного механизма коррупции, включающей латентную нормативную переоценку, ситуационную особенность, поведенческое закрепление, институциональную интеграцию и нормативную инверсию. Особое внимание уделяется феномену институциональной деадаптации, легитимирующей коррупционную деятельность и обеспечивающей их воспроизводство. Делается вывод о необходимости перехода от реактивной уголовно-правовой модели противодействия коррупции к проактивной системе предупреждения, ориентированной на восстановление нормативной целостности института государственной службы и укрепление внутренней правовой идентичности субъекта.

Ключевые слова: деадаптация, коррупционная деятельность, коррупционная преступность, государственная служба, теории, анализ, предупреждение коррупции, мотивация, антикоррупционное законодательство, правовой нигилизм.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки); 5.1. Право.

Цитирование: Антонян Е. А., Гришко Н. А. Деадаптация как криминообразующий фактор формирования коррупционного поведения государственных служащих. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(4), 708–716. EDN: QYWNAF

Введение**в проблему исследования**

Современная коррупционная преступность представляет собой одно из наиболее устойчивых негативных явлений в обществе. Несмотря на последовательное совершенствование антикоррупционного законодательства, институционализацию механизмов финансового контроля, расширение полномочий правоохранительных органов и внедрение цифровых технологий, коррупция продолжает демонстрировать адаптивность и способность к своему воспроизводству, что свидетельствует о том, что коррупция не исчерпывается совокупностью уголовно наказуемых деяний, а представляет собой сложный социально-психологический и институциональный феномен.

В криминологической науке традиционно акцент делается на экономических, организационных и правовых детерминантах коррупции: уровне материального обеспечения государственных служащих, несовершенстве процедур контроля, избыточности административных полномочий, конфликте интересов и иных объективных условиях. Однако подобный подход, безусловно, значимый, не позволяет в полной мере объяснить устойчивость коррупционного поведения в условиях формально функционирующей нормативной системы. Как правило, субъектами коррупционных преступлений нередко становятся лица с высоким уровнем профессиональной подготовки, устойчивым социальным статусом и длительным стажем государственной службы. Следовательно, речь идет не о маргинализации или социальной исключенности, а о более сложном процессе внутренней трансформации личности.

В этой связи особую актуальность приобретает исследование дезадаптации как самостоятельного криминообразующего фактора формирования такого коррупционного поведения. В отличие от традиционного понимания дезадаптации как состояния социальной изоляции или неспособности индивида к интеграции в общественную среду, применительно к коррупционному поведению, она проявляется

как латентная эрозия, развивающаяся внутри той роли, которой наделен индивид. Государственный служащий формально включен в систему публичной власти, однако постепенно утрачивает внутреннюю идентификацию с ее ценностными основаниями и начинает воспринимать служебные полномочия как инструмент личного ресурса. Проблема дезадаптации в данном аспекте выходит за рамки индивидуальной психологии и приобретает системный характер. Она охватывает три взаимосвязанных уровня: индивидуально-ценностный, профессионально-ролевой и институционально-культурный. На индивидуальном уровне происходит деформация правосознания и снижение внутренней нормативной приверженности; на профессиональном – трансформация служебной идентичности и инструментализация должности; на институциональном – формирование среды нормативной двойственности, в которой формальные антикоррупционные стандарты сосуществуют с неформальными практиками их обхода.

Таким образом, коррупционное поведение формируется не как внезапный акт противопоставления себя правовой норме, а как результат поэтапной дезадаптационной динамики, включающей фрустрацию, нормативную переоценку, рационализацию и последующее поведенческое закрепление девиации. Особую опасность представляет институциональная дезадаптация, поскольку именно она обеспечивает воспроизводство коррупционных действий через механизмы вторичной социализации.

При этом рассмотрение дезадаптации следует не как сопутствующее состояние, а как системный механизм криминогенеза коррупционного поведения, что позволяет перейти от описания внешних факторов коррупции к анализу внутренних процессов нормативной трансформации личности в условиях публичной службы.

Таким образом, проблема дезадаптации как фактора формирования коррупционного поведения требует комплексного междисциплинарного анализа, объединяющего положения криминологии, социаль-

ной психологии и теории социального контроля. Только при таком подходе возможно выявление глубинных механизмов воспроизводства коррупции и разработка эффективных мер ее предупреждения.

Деадаптация как криминообразующий фактор формирования коррупционного поведения представляет собой сложный, многоуровневый и динамический процесс нормативной, ценностной и институциональной трансформации, в результате которого происходит постепенное смещение его регулятивной ориентации от правовой к инструментально-прагматической. В современных условиях коррупционная преступность демонстрирует устойчивость, воспроизводимость и институциональную адаптивность даже в ситуации формального усиления антикоррупционного законодательства, цифровизации процедур и расширения контрольных механизмов (Lupseev, 2019: 111). Данное обстоятельство указывает на необходимость более глубокого анализа внутренних детерминант коррупционного поведения, выходящих за пределы экономической мотивации и правового нигилизма.

Концептологические основания исследования

Историографический анализ показывает, что в отечественной криминологии проблема личностных механизмов коррупции длительное время рассматривалась преимущественно через призму корыстной мотивации и злоупотребления должностными полномочиями (Kudryavtsev, 2008: 178). Вместе с тем уже в работах В. Н. Кудрявцева подчеркивалось, что преступность формируется в системе взаимодействия личности и социальной среды, а деформация правосознания выступает важнейшим элементом криминогенеза (Kudryavtsev, 2008: 178). Ю. М. Антонян обращал внимание на психологические механизмы преступного поведения, указывая на роль фрустрации, деформации самооценки и трансформации нормативных установок (Antonyan, 2015: 225). Однако категория социальной деадаптации применительно к коррупцион-

ной преступности до настоящего времени не получила системного концептуального осмысления.

Э. Дюркгейм связывал девиантное поведение с состоянием аномии – ослаблением нормативной регуляции и разрушением коллективных представлений о должном (Durkheim, 1994: 112). Р. Мертон развил данное положение, указав, что девиация возникает в условиях конфликта между культурно одобряемыми целями и институционально допустимыми средствами их достижения (Merton, 1938: 35).

Постановка проблемы

Специфика коррупционной преступности заключается в том, что субъект формально не выходит за пределы институциональной системы, а действует внутри нее, осуществляя селективную интерпретацию нормативных требований, что, в свою очередь, позволяет говорить не о классической аномии, а о латентной нормативной эрозии.

Под нормативной эрозией целесообразно понимать постепенное размывание обязательности правовой нормы при сохранении ее формального действия. В условиях нормативной эрозии правовой запрет перестает восприниматься как внутренний императив и трансформируется во внешнее ограничение, подлежащее оценке с точки зрения риска и выгоды. Данный процесс является ключевым содержанием деадаптации применительно к коррупционному поведению.

Индивидуально-ценностный уровень деадаптации начинается с фрустрации, вызванной сравнительной депривацией, карьерной стагнацией, ощущением несправедливости или несоответствием между затраченными усилиями и получаемым вознаграждением. Исследования личности должностных преступников в разные годы показывают, что для них характерны повышенная чувствительность к статусным различиям, прагматическая ориентация и сниженная нормативная рефлексия (Kudryavtsev, 2008: 182; Antonyan, 2015: 228). В условиях когнитивного диссонанса активируются механизмы моральной

нейтрализации, описанные еще Г. Сайксом и Д. Матзой (Sykes, Matza, 1957: 23). Отрицание вреда («государство не пострадает»), отрицание жертвы («все заинтересованы»), перенос ответственности на «систему», апелляция к высшим целям («обязан обеспечить семью») позволяют субъекту сохранить позитивную самооценку при нарушении правовой нормы.

Постепенно формируется коррупционная установка – устойчивая готовность использовать должностные полномочия в личных целях при наличии «благоприятной» ситуации. При этом дезадаптация не тождественна преступлению. Она выступает криминообразующим фактором, создающим внутреннюю готовность к девиации. Реализация данной готовности зависит от сочетания личностных установок и ситуационных обстоятельств, включая характер организационной культуры, уровень контроля и степень неизбежности ответственности.

Профессионально-ролевой уровень дезадаптации связан с трансформацией служебной идентичности. Государственная служба предполагает интернализацию таких публичных ценностей, как законность, беспристрастность, приоритет общественного интереса. Однако при непрозрачности кадровых процедур, доминировании неформальных механизмов продвижения и бюрократической перегруженности формируется отчуждение от служебной миссии. Исследования профессионального выгорания демонстрируют корреляцию эмоционального истощения с развитием цинизма и моральной индифферентности (Maslach, Jackson, 1981: 55). Снижается эмпатия, ослабляется идентификация с публичной функцией, что облегчает инструментализацию должности.

Обсуждение

Особую роль играет феномен властной деформации. Длительное пребывание в системе управленческих полномочий формирует убежденность в собственной автономности и устойчивости к санкциям (Antonyan, 2015: 225). Иллюзия контроля

над рисками снижает субъективную оценку вероятности наказания. Правовая норма утрачивает безусловный характер и подменяется прагматической оценкой выгод и рисков. На данном этапе происходит переход от ситуативной рационализации к устойчивой коррупционной ориентации.

Институционально-культурный уровень дезадаптации является ключевым для воспроизводства коррупции. В рамках неинституциональной теории Д. Норта, институты понимаются как устойчивые правила игры, формирующие ожидания поведения (North, 1990: 45). Если формальные нормы не подкреплены эффективным и избирательным контролем, возникают неформальные институты, способные вытеснять официальные регуляторы. Коррупция в этом случае выступает теневым институтом распределения ресурсов, выполняющим квазирегулятивную функцию.

Теория полей П. Бурдьё позволяет дополнительно рассмотреть государственную службу как пространство борьбы за различные формы капитала: экономический, символический и социальный (Bourdieu, 1986: 65). Должность представляет собой институционализированный капитал, который при ослаблении нормативных ограничений может быть конвертирован в экономический посредством коррупционных механизмов. Дезадаптация здесь проявляется как смещение ориентации субъекта с сохранения символического капитала публичной службы на его приватизацию.

Перспектива М. Фуко позволяет анализировать коррупцию через призму трансформации механизмов дисциплинарной власти (Foucault, 1999: 67). Ослабление контроля, формализация процедур и селективность санкций создают пространство нормативной неопределенности, в котором субъект начинает воспринимать регулятивные ограничения как условные. Таким образом, институциональная дезадаптация усиливает индивидуальную.

Теория социального контроля Т. Хирши подчеркивает значение привязанности к институтам, вовлеченности в нормативную деятельность и интернализации обяза-

тельств (Hirschi, 1969: 32). Ослабление этих связей в условиях дезадаптации повышает вероятность девиации. Происходит разрыв между формальной принадлежностью к институту и внутренней нормативной лояльностью.

Таким образом, дезадаптация в коррупционном контексте представляет собой многоуровневый процесс нормативной эрозии, охватывающий индивидуально-ценностную, профессионально-ролевую и институционально-культурную сферы. Наиболее опасной является институциональная дезадаптация, поскольку она легитимирует коррупционные проявления и обеспечивает их воспроизводство.

Динамика формирования коррупционного поведения в условиях дезадаптации имеет поэтапный характер и предполагает постепенное углубление нормативной эрозии. В криминологической литературе неоднократно подчеркивалось, что преступное поведение развивается в процессе социализации и профессионального становления, а не возникает одновременно (Kudryavtsev, 2008: 182; Antonyan, 2015: 228). Применительно к коррупционной преступности целесообразно говорить о специфической «коррупционной карьере», отражающей последовательность стадий вовлечения субъекта в девиантную деятельность.

Первая стадия – латентная нормативная переоценка. На данном этапе субъект не совершает противоправных действий, однако формирует когнитивные конструкции, допускающие возможность исключения из правила. Внутренний диалог строится вокруг сравнительной несправедливости, «естественности» неформальных действий и селективности ответственности. При этом активируются механизмы нейтрализации (Sykes, Matza, 1957: 23), правовая норма начинает восприниматься как относительная.

Вторая стадия – ситуационная проба. Коррупционное поведение носит эпизодический характер и часто оправдывается внешними обстоятельствами. Субъект не идентифицирует себя как преступника, рассматривая эпизод как исключение. Од-

нако именно здесь происходит психологическая адаптация: снижается тревожность, связанная с нарушением нормы.

Третья стадия – поведенческое закрепление. Повторяемость коррупционных эпизодов формирует устойчивый стереотип поведения. Возникает привычная рационализация, риск оценивается как управляемый. Данный этап характеризуется переходом от ситуативной девиации к устойчивой коррупционной модели поведения.

Четвертая стадия – институциональная интеграция. Субъект включается в коррупционные сети, формируются устойчивые горизонтальные и вертикальные связи. Коррупция приобретает системный характер, распределяются роли и функции. На этом этапе возврат к правомерному поведению существенно затрудняется, поскольку возникает не только экономическая зависимость, но и риск разоблачения со стороны соучастников.

Пятая стадия – нормативная инверсия. Коррупционная деятельность воспринимается как нормальная и даже рациональная форма профессионального поведения, тогда как строгое соблюдение формальных правил оценивается как неэффективная форма. Данная стадия отражает высшую степень дезадаптации, при которой происходит фактическая подмена ценностной системы.

Изучение приговоров по делам о взяточничестве и злоупотреблении должностными полномочиями показывает, что в значительной части случаев преступления носили не единичный, а системный характер, а обвиняемые имели длительный стаж государственной службы и занимали руководящие должности (Luneev, 2019: 111), что, в свою очередь, подтверждает тезис о том, что коррупция формируется внутри институциональной карьеры, а не в условиях социальной маргинализации.

Особого внимания заслуживает процесс вторичной профессиональной социализации в условиях коррупционной субкультуры. Организационная среда, в которой коррупционная деятельность воспринимается как «традиция» или «неформальное правило», оказывает мощное

воздействие на новых сотрудников. В рамках теории организационной культуры коррупция может рассматриваться как девиантный, но устойчивый элемент корпоративных норм (Johnston, 2005: 211). Сотрудник, не принимающий данных правил, рискует оказаться изолированным, лишенным поддержки и карьерных перспектив.

Институционально-экономический аспект углубляет анализ, позволяя рассматривать коррупцию как форму альтернативного института координации. В условиях административной перегруженности и избыточного регулирования коррупционные действия могут восприниматься как способ минимизации транзакционных издержек (North, 1990: 45; Klitgaard, 1988: 45). Однако подобная рационализация свидетельствует о смещении нормативной ориентации и о доминировании прагматической рациональности над правовой.

Виктимологический портрет дополняет картину, демонстрируя, что устойчивость коррупционного поведения поддерживается наличием спроса со стороны заинтересованных субъектов (Rose-Ackerman, Palifka, 2016: 43; Johnston, 2005: 211). Представители бизнеса или граждане, стремящиеся ускорить процедуры или получить преимущества, становятся активными участниками коррупционного взаимодействия. В условиях институциональной дезадаптации формируется взаимная адаптация сторон, что усиливает воспроизводство девиации.

Сравнительно-криминологический анализ зарубежных исследований коррупции подтверждает значимость институционального фактора. Так, М. Джонстон выделяет различные синдромы коррупции, зависящие от структуры политической системы и уровня институциональной зрелости (Johnston, 2005: 211). Р. Клитгаард формулирует модель коррупции как функцию монополии, дискреции и отсутствия ответственности (Klitgaard, 1988: 45). Однако данные модели преимущественно описывают внешние условия, тогда как концепция дезадаптации позволяет раскрыть внутреннюю динамику трансформации субъекта. При этом, на примере современного Китая,

одним из действенных механизмов в борьбе с коррупцией является соблюдение принципа строгого управления кадрами: включение мер поощрения государственных служащих при выполнении служебных задач и их обновление (History of Combating Corruption in the Civil Service of Russia and Foreign Countries in the Twentieth Century, 2023: 178).

Таким образом, можно предложить модель дезадапционного механизма коррупции, включающую три взаимосвязанных блока: когнитивный, ролевой и институциональный. Когнитивный блок отражает процессы рационализации, нейтрализации и нормативной переоценки. Ролевой блок связан с деформацией служебной идентичности и утратой интернализации ценностей. Институциональный блок характеризуется расхождением между формальными нормами и фактической практикой, селективностью санкций и наличием коррупционной субкультуры. Взаимодействие этих блоков формирует устойчивую коррупционную установку и обеспечивает ее воспроизводство.

Рассмотрение дезадаптации как криминообразующего фактора коррупционного поведения требует перехода от узкоугольно-правовой к многоуровневой социально-институциональной модели предупреждения коррупции. Если коррупционное поведение формируется как результат поэтапной нормативной эрозии, то противодействие должно быть направлено не только на выявление и наказание уже совершенных преступлений, но и на предотвращение самой дезадаптации.

На индивидуальном уровне профилактика предполагает формирование устойчивой правовой идентичности и развитие профессиональной этической рефлексии. Речь идет не о формальном ознакомлении с антикоррупционными стандартами, а о формировании внутренней интернализации ценностей публичной службы. Теория социального контроля подчеркивает, что прочность нормативного поведения определяется степенью внутренней привязанности к институту и значимости нор-

мативных обязательств (Hirschi, 1969: 32). Следовательно, важнейшей задачей становится укрепление идентификации служащего с публичной функцией и восстановление ценностной основы служебной роли.

На профессионально-ролевом уровне ключевое значение приобретает прозрачность кадровых процедур, объективность оценки деятельности и предотвращение профессионального выгорания. Эмоциональное истощение и цинизм снижают нормативную устойчивость личности (Maslach, Jackson, 1981: 55). Следовательно, программы психологической поддержки, регулярная ротация кадров, снижение бюрократической перегруженности и устранение зависимых форм продвижения могут рассматриваться как элементы антикоррупционной профилактики.

Институциональный уровень профилактики связан с устранением нормативной двойственности. В условиях селективной ответственности и формального контроля происходит девальвация правовой нормы. Неизбежность санкции является принципиально важным условием восстановления нормативной целостности. В рамках неинституционального подхода эффективность института определяется согласованностью формальных и неформальных правил (North, 1990: 45). Если формальные антикоррупционные нормы не подкреплены реальными действиями, возникает институциональная дезадаптация.

Сравнительный анализ зарубежных антикоррупционных стратегий показывает, что наиболее устойчивые результаты достигаются при сочетании правовых, организационных и культурных мер (Rose-Ackerman, Palifka, 2016: 43; Klitgaard, 1988: 112; Johnston, 2005: 211). Однако даже успешные институциональные реформы не дают долгосрочного эффекта без трансформации организационной культуры. Коррупция как теневой институт способна адаптироваться к новым условиям, если сохраняется нормативная эрозия на уровне субъекта.

Особого внимания заслуживает цифровизация управленческих процедур. Несмотря на распространенное представление

о том, что цифровые технологии снижают коррупционные риски, все-таки при отсутствии институциональной целостности цифровизация может лишь трансформировать формы девиации, но не устранить ее причины. Технологические решения эффективны лишь при наличии устойчивых нормативных установок и неизбирательного контроля.

Таким образом, дезадаптация как криминообразующий фактор коррупционного поведения имеет системный характер и развивается по многоуровневой модели: от индивидуальной фрустрации и нормативной переоценки к профессиональной деформации.

Заключение

Можно сформулировать следующие выводы:

во-первых, социальная дезадаптация применительно к коррупционной преступности представляет собой процесс нормативной эрозии, развивающийся внутри институционально интегрированной роли;

во-вторых, дезадаптация носит многоуровневый характер и охватывает индивидуально-ценностную, профессионально-ролевую и институционально-культурную сферы;

в-третьих, механизм криминогенеза коррупционного поведения имеет стадийную структуру и включает фазы латентной переоценки, ситуационной пробы, поведенческого закрепления, институциональной интеграции и нормативной инверсии;

в-четвертых, институциональная дезадаптация выступает ключевым фактором воспроизводства коррупции, поскольку легитимирует девиацию и снижает эффективность социального контроля;

в-пятых, профилактика коррупции должна быть ориентирована на восстановление нормативной целостности института и укрепление внутренней правовой идентичности субъекта государственной службы.

Таким образом, дезадаптация является самостоятельным и системным криминообразующим фактором формирования коррупционного поведения. Ее анализ по-

зволяет расширить теоретическую модель коррупционной преступности и перейти от реактивной модели борьбы с коррупцией к проактивной системе предупреждения, направленной на устранение внутренних предпосылок девиации и восстановление нормативной интеграции института государственной службы.

Список литературы / References

- Antonyan Yu. M. *Psikhologiya ugolovnogo povedeniia [Psychology of criminal behavior]*. Moscow, 2015. 289.
- Bourdieu P. *The Forms of Capital*. New York, Greenwood Press, 1986. 776.
- Durkheim E. *Suicide*. M., 1994. 323.
- Foucault M. *Discipline and Punish*. M., 1999. 138.
- Hirschi T. *Causes of Delinquency*. Berkeley, 1969. 329.
- Istoriia protivodeistviia korruptsii na gosudarstvennoj sluzhbe Rossii i zarubezhnykh stran v XX veke [History of Combating Corruption in the Civil Service of Russia and Foreign Countries in the Twentieth Century]*. M., Prospect, 2023. 198.
- Johnston M. *Syndromes of Corruption*. Cambridge, 2005. 195.
- Klitgaard R. *Controlling Corruption*. Berkeley, 1988. 211.
- Kudryavtsev V. N. *Prichiny prestupnosti [Causes of Crime]*. M., Norma, 2008. 122.
- Luneev V. V. *Korruptsiia: Priroda, Prichiny, Profilaktika [Corruption: Nature, Causes, Prevention]*. M., 2019. 178.
- Maslach C., Jackson S. The Measurement of Experienced Burnout. *Journal of Occupational Behavior*, 1981, 99–113.
- Merton R. K. Social Structure and Anomie. *American Sociological Review*, 1938, 13–15.
- North D. *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge, 1990. 334.
- Rose-Ackerman S., Palifka B. *Corruption and Government*. Cambridge University Press, 2016. 121.
- Sykes G., Matza D. Techniques of Neutralization: A Theory of Delinquency. *American Sociological Review*, 1957, 664–670.

EDN: URJBHK
УДК 343

The Limits of Organizations' Autonomy in Local Rulemaking in the Fight Against Corruption

Svetlana P. Basalaeva*

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 19.03.2026, received in revised form 03.04.2026, accepted 06.04.2026

Abstract. The article examines the limits of the autonomy of organizations in local rulemaking in the context of the duty imposed on them by the state to combat corruption in accordance with Article 13.3 of Federal Law No. 273-FZ “On Combating Corruption”. It is shown that the integration of public-law anti-corruption requirements into the sphere of labor relations forms a dual regime of restrictions: a public-functional limit aimed at achieving the public interest in combating corruption, and a protective limit based on constitutional guarantees of workers’ rights and the prohibition of their deterioration by local acts. Based on the concept of “forced self-regulation” by J. Braithwaite and I. Ayres, as well as the constitutional proportionality test, the defects of the current model are revealed. The criterion of “functional conditionality” is substantiated, according to which anti-corruption duties are permissible insofar as they correspond to the labor function and the requirements of labor discipline.

Keywords: anti-corruption, organizational autonomy, local rule-making, labor rights of employees, anti-corruption compliance, forced self-regulation, the principle of proportionality.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Law.

Citation: Basalaeva S.P. The Limits of Organizations' Autonomy in Local Rulemaking in the Fight Against Corruption. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(4), 717–727. EDN: URJBHK

Пределы автономии организаций в локальном нормотворчестве при противодействии коррупции

С.П. Басалаева

*Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск*

Аннотация. В статье исследуются пределы автономии организаций в локальном нормотворчестве в условиях возложенной на них государством обязанности по противодействию коррупции в соответствии со ст. 13.3 Федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». Показано, что интеграция публично-правовых антикоррупционных требований в сферу трудовых отношений формирует двойной режим ограничений: публично-функциональный предел, ориентированный на достижение публичного интереса противодействия коррупции, и защитный предел, основанный на конституционных гарантиях прав работников и запрете их ухудшения локальными актами. На основе концепции «принудительного саморегулирования» Дж. Брейтуэйта и И. Эйрса, а также конституционного теста пропорциональности выявляются дефекты действующей модели. Обосновывается критерий «функциональной обусловленности», в соответствии с которым антикоррупционные обязанности допустимы постольку, поскольку они корреспондируют трудовой функции и требованиям трудовой дисциплины.

Ключевые слова: противодействие коррупции, автономия организации, локальное нормотворчество, трудовые права работников, антикоррупционный комплаенс, принудительное саморегулирование, принцип пропорциональности.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки); 5.1. Право.

Цитирование: Басалаева С. П. Пределы автономии организаций в локальном нормотворчестве при противодействии коррупции. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(4), 717–727. EDN: URJBHK

Введение в проблему исследования

Противодействие коррупции в современном российском праве переживает период интенсивной институционализации. Если в первое десятилетие после принятия Федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» основное внимание уделялось регулированию поведения государственных и муниципальных служащих, то в последние годы антикоррупционные обязанности масштабно распространяются на субъекты частного права. Организации

всех форм собственности и отраслевой принадлежности оказываются вовлечены в реализацию публичной функции противодействия коррупции, традиционно относившейся к исключительной компетенции государства.

Эта тенденция отражает глобальный вектор развития антикоррупционного регулирования. Международные стандарты, от Конвенции ООН против коррупции до рекомендаций ОЭСР и Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), ориентируют государства на такую модель правового регулирования, при кото-

рой частный сектор играет существенную роль в предупреждении коррупционных рисков посредством систем комплаенса и внутреннего контроля.

Однако интеграция публично-правовых антикоррупционных механизмов в сферу частноправовых отношений порождает сложные теоретические и практические проблемы. С позиции публичного интереса антикоррупционная политика стремится расширить круг обязанностей работников и снизить любые «серые зоны» их поведения в целях профилактики коррупции. С позиции трудового права при этом необходимо соблюдать конституционные права работников, не допуская ухудшения их правового положения по сравнению с требованиями законодательства. Разрешение этого конфликта требует теоретического осмысления природы и пределов автономии организации в условиях антикоррупционного регулирования.

Концептологические основания исследования

Концептологический фундамент исследования формируется в междисциплинарном пространстве, где пересекаются общая теория права, трудовое, конституционное и антикоррупционное право, современные теории правового регулирования.

Теоретико-правовые представления об организации как социальном образовании с собственным внутренним порядком восходят к работам Л. С. Таля, О. фон Гирке, М. Ориу, Э. Зинцгеймера, А. Салейля, а в современном российском трудовом праве развиваются в исследованиях К. Н. Гусова, М. В. Лушниковой, А. М. Лушникова, Э. Г. Тучковой, Г. В. Хныкина, П. Т. Подвысоцкого, Е. Ю. Калюжнова и других авторов, изучающих локальное нормотворчество и границы усмотрения работодателя.

Антикоррупционное измерение автономии организации опирается на доктрину противодействия коррупции и конфликта интересов, в рамках которой исследуются антикоррупционный комплаенс, дифференциация требований к организациям в зависимости от коррупционных рисков

и пределы государственного вмешательства в сферу корпоративного управления (Т. А. Тухватуллин, Д. Я. Примаков, И. А. Дамм, В. В. Кострыкина, Н. М. Колосова и др.). При этом используется регуляторная парадигма, сложившаяся в зарубежной литературе (И. Эйрс, Дж. Брейтуэйт, Д. Леви-Фор, Дж. Блэк, Н. Ганнингем) – модели «принудительного саморегулирования» и перераспределение регуляторных функций государства.

Конституционно-правовое видение проблемы опирается на идеи приоритета прав и свобод человека и гражданина, а также на выработанный в доктрине и практике Конституционного Суда РФ принцип пропорциональности (соразмерности) ограничений, раскрытый в работах В. Д. Зорькина, Г. А. Гаджиева, Н. С. Бондаря и других конституционалистов. Методологическую основу анализа составляют разработанный в доктрине тест соразмерности и связанные с ним конституционные критерии допустимости ограничений частной автономии, исследованные в работах Д. И. Дедова, А. В. Должикова, А. А. Бажанова.

Постановка проблемы

Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» в ст. 13.3 возложил на все организации без исключения обязанность по разработке и принятию мер по предупреждению коррупции. Перечень возможных мер носит открытый, рекомендательный характер: определение ответственных лиц, сотрудничество с правоохранительными органами, разработка стандартов и процедур добросовестной работы, принятие этического кодекса, предотвращение и урегулирование конфликта интересов.

Данная модель, с одной стороны, устанавливает обязанность организации принимать меры, с другой – оставляет свободу усмотрения в определении их видов и содержания. Это поле правового усмотрения становится полем правового напряжения, где возникают три вектора: публичный интерес государства в противодействии коррупции, частный интерес работодателя в деятельно-

сти организации и конституционные права работников. И здесь возникают два ключевых вопроса: 1) в какой мере государство может ограничивать автономию организации в локальном нормотворчестве через антикоррупционные требования; 2) в какой мере работодатель может ограничивать права работников при проведении требуемой государством антикоррупционной политики?

В первом из обозначенных вопросов под сомнение ставится привычное понимание локальных актов как выражения хозяйской автономии работодателя: через ст. 13.3 Закона № 273-ФЗ государство фактически использует локальное нормотворчество как инструмент реализации собственной антикоррупционной политики, что требует выявить пределы допустимого вмешательства во внутренний правопорядок организации.

Во втором вопросе речь идет о том, может ли работодатель, реализуя антикоррупционную политику, вводить дополнительные стандарты поведения для работников сверх предусмотренных законом, не нарушая при этом ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, допускающей ограничение прав только федеральным законом, и ст. 8 ТК РФ, запрещающей ухудшать положение работников локальными актами.

Обсуждение

1. Начнем с первого вопроса: в какой мере государство может ограничивать автономию организации через антикоррупционные требования?

Учение о социальной автономии предприятий разрабатывалось правоведом с начала XX века. Глубинная основа автономии организации – это объективный внутренний правопорядок предприятия. Л. С. Таль в своем фундаментальном труде 1918 года – «Трудовой договор: цивилистическое исследование» – показал, что хозяин предприятия, издавая правила внутреннего порядка, «не исполняет уступленной ему государством компетенции, а лишь осуществляет присущую предприятию как организованному социальному образованию способность создавать необходимый ему порядок» (Tal', 2006: 506).

Л. С. Таль развивает эти идеи, опираясь на учение Анри Салейля о социальной природе предприятия, а также теорию союзного права Отто фон Гирке, обосновавшего, что право органически рождается в недрах товариществ и союзов, а государство – лишь один из типов такого союза (Tal', 2006: 402–413).

Однако идея имманентной социальной автономии предприятия была радикально пересмотрена в советской правовой доктрине. В условиях плановой экономики предприятие утратило статус самостоятельного «социального образования»: оно стало частью единого государственного механизма, а его нормотворчество было переосмыслено как санкционированное или делегированное. Вместе с тем теория делегирования не отрицала саму автономию организации, она лишь переосмысливала ее источник. Так, Л. И. Антонова определяла локальное регулирование как «самостоятельную форму реализации законодательных актов» и указывала на его объективное основание – «близость к динамике общественных отношений» и «учет микросреды, в которой эти отношения разворачиваются» (Akishin, 2023: 18).

С переходом к рыночной экономике и конституционным закреплением свободы экономической деятельности (ст. 34 Конституции РФ) произошел частичный возврат к идеям Л. С. Таля: современная российская доктрина признает имманентный характер нормативной власти работодателя (А. М. Лушников, М. В. Лушникова, Г. В. Хныкин, П. Т. Подвысоцкий). Е. Ю. Калужнов указывает на дефектность теории государственного санкционирования в современных условиях и делает вывод о необходимости использования достижений социологической школы (Kalyuzhnov, 2012: 217).

Примечательно, что уже в рамках имманентной теории ее основатели признавали необходимость установления пределов социальной автономии, однако не потому, что автономия делегирована государством, а по иным основаниям: Л. С. Таль – ради защиты интересов рабочих (Tal', 2006: 417); О. фон Гирке – ради защиты «слабых чле-

нов союза», подчиненных внутренней власти, но не участвующих в ее формировании (Serikova, 2023).

Таким образом, обе теории, имманентности и делегирования, сходятся в главном: организация обладает автономией, и эта автономия имеет пределы или нуждается в них. Расходятся они лишь в обосновании: имманентная школа видит основание пределов в защите ценностей, которые автономная власть способна нарушить (публичные интересы, права работников, институциональное равновесие), а делегированная – в производности полномочий от государственной воли.

Вопрос о природе автономии, по нашему мнению, имеет не только теоретическое, но и практическое значение для определения пределов антикоррупционного вмешательства государства. При делегированной модели государство свободно в определении объема и содержания антикоррупционных обязанностей организации, поскольку нормотворческая компетенция производна от его воли. При имманентной модели – любое предписание государства является вторжением в первичный правопорядок и требует обоснования через «тест пропорциональности». В современной конституционной доктрине определяющим является не источник автономии, а цель регулирования, ее необходимость и соразмерность, о чем мы будем говорить ниже. Однако признание имманентной природы автономии смещает бремя обоснования на государство: не организация должна доказывать право на самостоятельность, а государство – необходимость и соразмерность вмешательства в нее.

Теперь перейдем к содержательной характеристике пределов автономии.

Классический предел автономии работодателя – запрет ухудшать положение работников (ст. 8 ТК РФ) – направлен внутрь трудового правоотношения. Государство ограничивает хозяйскую власть в интересах слабой стороны – работника. Правовая природа основана на защитной функции трудового права.

Антикоррупционные требования ст. 13.3 Закона № 273-ФЗ – это принципиально иной предел. Здесь государство ограничивает автономию организации не в интересах работников, а в публичном интересе противодействия коррупции. Организация обязана создавать комплаенс-структуры, внедрять антикоррупционные стандарты – все это не связано с защитой трудовых прав. Более того, эти меры могут даже противоречить интересам работников, возлагая на них дополнительные обязанности.

Этот подход можно охарактеризовать через концепцию «принудительного саморегулирования», разработанную в зарубежной правовой доктрине. Ее авторы, Джон Брейтуэйт и Иан Эйрс, пишут: «Государство обязывает каждую компанию разработать собственный набор правил, адаптированных к уникальным условиям этой фирмы. Регулирующий орган либо утверждает эти правила, либо возвращает на доработку, если они недостаточно строгие» (Ayles, Braithwaite, 1992: 101).

Исследователь Давид Леви-Фор в теории «регуляторного капитализма» описывает этот феномен как перераспределение регуляторных функций между государством и частным сектором (Levy-Faur, 2009: 181).

Организация, таким образом, утрачивает автономию в целеполагании, сохраняя ее в инструментарии. Антикоррупционные требования ст. 13.3 Закона № 273-ФЗ представляют собой публично-правовую обязанность с делегированной дискрецией: государство не передает организации властных полномочий, как при делегировании в строгом смысле, но и не предписывает конкретное поведение, как при классическом обременении. Оно обязывает организацию самостоятельно сконструировать систему мер по достижению публично значимой цели. Организация связана целью – противодействие коррупции, но свободна в средствах, а значит, ей делегируется регуляторная дискреция, то есть право самой определить содержание правил поведения.

Эта двойственность порождает специфическое правовое напряжение: реализуя публичную антикоррупционную функцию, организация неизбежно вторгается в сферу трудовых прав работников, а здесь вступает в действие уже первый, защитный тип предела. Два предела сталкиваются, и именно в этом столкновении обнаруживается проблема: как обеспечить публичный интерес противодействия коррупции, не нарушив конституционных прав работников. Но об этом мы поговорим ниже, когда дойдем до содержательной характеристики классического – защитного – предела автономии.

Пока же продолжим характеристику публично-функционального предела (назовем его так).

Дж. Брейтуэйт и И. Эйрс формулируют набор правил, при нарушении которых государственное обременение утрачивает легитимность. Рассмотрим их через призму российского правового регулирования.

1. Принцип минимального вмешательства.

Центральная идея Брейтуэйта и Эйрса – это «пирамида принуждения»: государство должно начинать с наименее обременительных мер и усиливать их только при неэффективности предыдущего уровня. Принудительное саморегулирование – это средний уровень пирамиды, между добровольным саморегулированием внизу и прямым государственным регулированием наверху. Государство не должно сразу прибегать к жесткому предписанию, если более мягкие формы могут быть эффективны.

Требования ст. 13.3 Закона № 273-ФЗ – это средний уровень пирамиды. Но при этом она применяется одинаково ко всем организациям без исключения, без предварительной попытки менее обременительных мер (например, рекомендательных стандартов для малого бизнеса). Это уже потенциальное нарушение принципа минимального вмешательства.

2. Принцип индивидуализации.

«Принудительное саморегулирование» эффективно именно потому, что каждая организация «устанавливает правила,

адаптированные к ее конкретным потребностям и функциям», а не подчиняется единым стандартам. Формально ст. 13.3 Закона № 273-ФЗ следует этому подходу и закрепляет открытый перечень мер, предоставляя организациям пространство для индивидуализации. Однако разработанные Минтрудом России «Методические рекомендации по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции» от 8 ноября 2013 г. за счет провозглашенной цели формирования единого подхода и детализированного набора антикоррупционных мер способствуют унификации содержания локальных актов организаций.

3. Принцип содержательной экспертизы.

Государство обязано проверить разработанные организацией правила на соответствие публичным целям: правила подлежат утверждению государственным органом, который либо согласовывает их, либо возвращает на доработку, если они недостаточны. Без этого механизма «принудительное саморегулирование» превращается в фикцию: организация может принять формальный документ без реального содержания. В российской модели отсутствует механизм предварительного утверждения антикоррупционных локальных нормативных актов: действующее законодательство не предусматривает их обязательного согласования с государственным органом, а прокурорский надзор, как правило, сводится к проверке наличия таких документов и их формального соответствия закону, но не к системной оценке их содержательной достаточности.

4. Принцип ответственности.

Нарушение собственных правил организации должно быть «наказуемо по закону». Это означает, что организация не может принять жесткие правила «на бумаге» и игнорировать их на практике. В российском законодательстве не установлено ответственности организации за неприменение собственных антикоррупционных локальных нормативных актов. Статья 19.28 КоАП РФ устанавливает административ-

ную ответственность юридического лица за незаконное вознаграждение от имени или в интересах организации, но не охватывает бездействие в виде непринятия или неисполнения комплаенс-процедур.

Концепция «принудительного саморегулирования» Дж. Брейтуэйта и И. Эйрса – это не авторская гипотеза, а фундаментальная конструкция теории правового регулирования, признанной рядом зарубежных (Д. Леви-Фор, Дж. Блэк, Н. Гаунингем) и российских исследователей (А. В. Скоробогатов, Д. С. Гребнев, Е. В. Блок). Применение этой концепции к анализу ст. 13.3 Закона № 273-ФЗ позволяет диагностировать дефекты российской модели: унифицированный подход без дифференциации по коррупционным рискам, отсутствие содержательного контроля за эффективностью локальных нормативных актов, недостаточную ответственность за неисполнение комплаенс-процедур.

На первый взгляд эта критика парадоксальна. Получается, что нужно усилить вмешательство в автономию организации: установить государственный контроль, процедуру согласования локальных актов, ответственность за их неисполнение. Но не означает ли это еще более серьезное ограничение организационной самостоятельности и усиление публично-правового контроля, тогда как критикуемая российская модель уже упрекается нами в негибком ограничении автономии организаций в сфере локального регулирования?

Однако обсуждаемое реформирование не предполагает усиления государственного вмешательства в автономию организаций, а нацелено на его оптимизацию по всей пирамиде регулирования. Во-первых, снижение нагрузки на организации малого бизнеса, установление для них рекомендаций вместо обязанностей. Во-вторых, введение не тотальной, а выборочной содержательной проверки локальных нормативных актов контролирующими органами. В-третьих, введение ответственности за неисполнение обязанностей по противодействию коррупции только за систематические нарушения или в высокорисковых сферах.

В-четвертых, создание механизма перехода к прямому государственному регулированию и ограничениям при систематических нарушениях, например назначение внешнего аудитора за счет организации, ограничения участия в госзакупках на определенный срок.

Кроме того, большое значение имеет система стимулов для добросовестных организаций, внедряющих антикоррупционные меры. Это могут быть преимущества в госзакупках, налоговые льготы, снижение надзорного бремени, финансовая поддержка (например, гранты на комплаенс, бесплатные лицензии на программное обеспечение комплаенса).

Конечно, вышеназванные меры только пунктирно намечены и остаются дискуссионными. В рамках же настоящей статьи подчеркнем лишь ту мысль, что при вторжении в сферу социальной автономии организации через установление публично-функциональных пределов не допустим унифицированный подход, требуется гибкость и дифференциация. Это необходимо и с точки зрения целесообразности ограничений, и с позиций эффективности антикоррупционной политики.

Такая дифференциация пределов могла бы проходить по масштабу бизнеса. Для малого бизнеса может быть установлен рекомендательный режим. Для среднего бизнеса – принудительное саморегулирование без предварительного государственного утверждения, но с ответственностью за принятие локальных нормативных актов. Для крупного бизнеса – принудительное саморегулирование с содержательной экспертизой контролирующим органом.

Однако масштаб организации является лишь ограниченным индикатором коррупционной опасности. Конечно, крупный бизнес, участвуя в реализации инфраструктурных проектов, государственно-частного партнерства, масштабных госконтрактов и т.п., напрямую взаимодействует с органами власти при распределении значимых ресурсов, что создает повышенные коррупционные риски. Вместе с тем деятельность малого предприятия, работающего

в социально значимых и зарегулированных сферах, может представлять более высокую коррупционную опасность, чем деятельность крупного ритейлера, минимально вовлеченного во взаимодействие с государством. Поэтому принципиальная дифференциация должна проводиться не по размеру организации как таковому, а по степени коррупционных рисков.

На необходимость дифференцированного подхода при установлении антикоррупционных требований для организаций указывается и в научной литературе. Так, Т. А. Тухватуллин и А. Е. Русецкий пишут о том, что обязательные и необходимые меры следует «разделить на две группы: для всех организаций и для организаций с государственным участием» (Tukhvatullin, Rusetskii, 2023: 52). Д. Я. Примаков указывает на необходимость закрепить требования ст. 13.3 только для коммерческих организаций и пересмотреть их содержание (Primakov, 2021: 70). И. А. Дамм и В. В. Кострыкина предлагают многофакторную дифференциацию, включающую сферу деятельности, организационно-правовую форму, форму собственности, уровень коррупциогенной опасности (Damm, Kostrykina, 2023: 376).

Завершая содержательную характеристику публично-функционального предела, отметим еще необходимость учета принципа пропорциональности (соразмерности). Этот принцип выводится из ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. В Постановлении от 18.02.2000 № 3-П КС РФ определил, что «государство должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные целями меры». В Постановлении от 31.10.2024 № 49-П КС РФ распространил этот подход на антикоррупционные ограничения: цели должны быть социально оправданны, а ограничения – соразмерны этим целям.

Правовые позиции КС РФ развиваются и в российской правовой доктрине. Д. И. Дедов определяет соразмерность как инструмент достижения «баланса между различными общественными интересами» (Dedov, 2005). А. В. Должиков структурирует тест

соразмерности, предлагая три элемента: проверку пригодности избранного средства для достижения цели; проверку отсутствия менее обременительных альтернатив; оценку баланса между достигаемыми целями и тяжестью ограничения прав (Dolzhiikov, 2003).

Это показывает сходство зарубежного и российского подходов к пределам допустимого государственного вмешательства в автономию организации.

2. Теперь перейдем к обсуждению другого предела автономии организации в сфере локального нормотворчества – это невозможность ограничения трудовых прав работников.

Дело в том, что подавляющее большинство антикоррупционных мер по своей природе связано с ограничениями прав и свобод граждан. В частности, обязанность представлять сведения о доходах и расходах затрагивает право на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны (ст. 23 Конституции РФ); запрет на совместную работу родственников ограничивает свободу труда и право свободно распоряжаться возможностями к труду, выбору рода деятельности и профессии (ст. 37 Конституции РФ). При этом ч. 3 ст. 55 Конституции РФ устанавливает, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены исключительно федеральным законом и только в той мере, в какой это необходимо для защиты конституционно значимых ценностей.

В науке конституционного права высказывается мнение, что установление антикоррупционных обязанностей на локальном уровне невозможно. Так, М. В. Пресняков приходит к выводу, что предоставление работодателю широких полномочий по выявлению конфликта интересов и выбору мер воздействия создает риски злоупотреблений, а установление таких запретов, как, например, на совместную работу родственников в прямой подчиненности, по сути, ограничивает свободу труда. М. В. Пресняков подчеркивает, что подобные ограничения могут вводиться исключительно федеральными закона-

ми, а не локальными актами организации, и это же правило распространяется на обязанность уведомлять работодателя о совместительстве или о склонении к коррупции (Presnyakov, 2019: 61–62).

Еще более категорична позиция О.А. Кондаковой, которая утверждает, что предоставление работодателям права устанавливать дополнительные, по сравнению с федеральными, антикоррупционные меры противоречит Конституции РФ, так как права и свободы граждан могут быть ограничены только федеральным законом (Kondakova, 2024).

Кроме того, есть соответствующая позиция регулятора. Как разъясняет Минтруд России в письме от 21.03.2025 № 28–7/10/В-5044, при реализации антикоррупционных мер важно не допускать установления для работников и организаций требований, не предусмотренных федеральным законодательством. Эта позиция сформулирована в отношении организаций субъектов Федерации, но она может быть спроецирована и на любые другие организации и другие категории работников, на которых федеральный законодатель не распространяет антикоррупционные стандарты.

Здесь и возникает основная коллизия между публично-функциональным пределом (обязанность организации реализовывать антикоррупционную политику) и защитным пределом (запрет локального ограничения конституционных прав), требующая разрешения.

Зададимся вопросом: а как вообще работодатель может регулировать поведение работников, не устанавливая для них тех или иных дополнительных обязанностей? Ведь основная цель локального регулирования – это как раз установление прав и обязанностей работников в трудовых правоотношениях. Защитный предел автономии организации является ограничением свободы локального нормотворчества, но не ее полным блокатором.

ТК РФ в системной связи статей 8, 21, 22, 189 и 193 позволяет сделать вывод, что работодатель вправе закреплять в локальных актах дополнительные обязанности ра-

ботников лишь постольку, поскольку такие обязанности:

1) корреспондируют трудовой функции работника и его договорным обязанностям;

2) обусловлены спецификой деятельности работодателя и направлены на обеспечение надлежащего исполнения трудового договора;

3) не подменяют собой специальные запреты, ограничения и требования, которые федеральный законодатель установил только для отдельных категорий субъектов.

Полагаем, что по этому критерию «функциональной обусловленности» работодатель и может устанавливать антикоррупционные обязанности, необходимые для эффективного выполнения конкретной трудовой функции.

Отметим, что не только антикоррупционные, но и другие требования работодателя, например о соблюдении дресс-кода, норм деловой этики, затрагивает сферу частной жизни работника, но это рассматривается как договорно принятые обязанности, а не как публично-правовое ограничение прав человека.

Следовательно, антикоррупционные стандарты, встроенные в содержание трудовой функции и трудовой дисциплины, могут быть закреплены в локальных актах и трудовых договорах как элемент профессиональной добросовестности.

Судебная практика признает, что работодатель вправе предъявлять работнику дополнительные требования, связанные с деловым поведением и репутацией работодателя, и эти требования не рассматриваются как неконституционное ограничение прав. Так, например, суды устойчиво исходят из допустимости введения требований к внешнему виду (Определение Седьмого КСОЮ от 11 февраля 2021 г. № 8Г-20478/2020, Московского горсуда от 4 марта 2019 г. № 33–9770/2019, Верховного суда Республики Коми от 11 апреля 2016 г. № 33–2246/2016).

Соответственно, антикоррупционные требования, которые не проходят проверку критерием «трудовой функции», не мо-

гут быть установлены на локальном уровне. В частности, представление сведений о доходах и расходах, запрет совместной работы родственников, участия в органах управления других организаций, сообщение о факте склонения к коррупционному поведению и др. Применение этих стандартов возможно косвенно, через декларирование конфликта интересов.

Тем самым возникает некая правовая «зона конвергенции». Это область, где совпадает публичный интерес государства – предотвратить коррупцию и частный интерес работодателя – обеспечить стабильность бизнеса, защитить имущество, сохранить репутацию, добиться от работника честного и добросовестного выполнения его обязанностей.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что автономия организации в антикоррупционной сфере формируется в пересечении двух пределов: публично-функционального и защитного. Первый закрепляет обязанность реализовывать делегированную государством антикоррупционную политику по модели «принудительного саморегулирования», которая в российской реализации страдает от унифицирующего подхода без учета масштаба бизнеса и коррупционных рисков, отсутствия содержательной экспертизы локальных актов и слабой ответственности за неисполнение комплаенс-

процедур. Второй предел направлен внутрь трудового правоотношения и не допускает ухудшения положения работников и ограничения их конституционных прав локальными актами, что задает рамки легитимности антикоррупционного нормотворчества работодателя.

Оптимизация такой модели требует дифференцированного подхода к пределам автономии организации, ориентированного не только на размер бизнеса, но прежде всего на уровень коррупционных рисков, связанных с отраслью, характером контрагентов и степенью участия государства. В этой логике для организаций с низкими рисками достаточно рекомендательного режима, для «среднего» сегмента оправдано принудительное саморегулирование без предварительного утверждения локальных актов, а для высокорисковых сфер – его сочетание с содержательной экспертизой и усиленной административной ответственностью.

Фундаментальная коллизия между публично-функциональным и защитным пределами может быть преодолена путем применения критерия «функциональной обусловленности»: антикоррупционные обязанности допустимы лишь постольку, поскольку вытекают из специфики деятельности работодателя и корреспондируют трудовой функции работника, превращаясь в элемент профессиональной добросовестности, а не в новый слой публично-правовых ограничений.

Список литературы / References

Akishin M. O. Vklad L. I. Antonovoi v nauku teorii i istorii prava [Contribution of L. I. Antonova to the science of theory and history of law]. In: *Leningradskii yuridicheskii zhurnal [Leningrad Legal Journal]*, 2023, 2(72), 8–30.

Ayres I., Braithwaite J. *Responsive Regulation: Transcending the Deregulation Debate*. Oxford University Press, 1992. 205.

Damm I. A., Kostyrykina V. V. Tipologiya organizatsii v aspekte protivodeistviya korrupsii v Rossiiskoi Federatsii [Typology of organizations in the aspect of counteracting corruption in the Russian Federation]. In: *Russian Journal of Economics and Law*, 2023, 17(2), 367–384.

Dedov D. I. *Realizatsiya printsipa sorazmernosti v pravovom regulirovanii predprinimatel'skoi deyatelnosti [Implementation of the principle of proportionality in the legal regulation of entrepreneurial activity]*: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2005. 50.

Dolzhiikov A. V. *Konstitutsionnye kriterii dopustimosti ogranicheniya osnovnykh prav cheloveka i grazhdanina v Rossiiskoi Federatsii [Constitutional criteria for the admissibility of restricting the funda-*

mental rights of man and citizen in the Russian Federation]: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Tyumen, 2003. 28.

Kalyuzhnov E. Yu. Normativizm i yuridicheskii pozitivizm v issledovanii lokal'nogo normotvorches-tva [Normativism and legal positivism in the study of local rule-making]. In: *Vestnik VolGU. Seriya 5: Yurisprudentsiya* [Bulletin of VolSU. Series 5: Jurisprudence], 2012, 1(16), 214–218.

Kondakova O. A. *Konstitutsionnye osnovy protivodeistviya korruptsii v Rossiiskoi Federatsii* [Constitutional foundations of counteracting corruption in the Russian Federation]: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2024. 23.

Levy-Faur D. Regulatory capitalism and the reassertion of the public interest. In: *Policy and Society*, 2009, 27(3), 181–191.

Presnyakov M. V. K voprosu ob obyazannosti organizatsii prinimat' mery po protivodeistviyu korruptsii [On the issue of the organization's obligation to take measures to counteract corruption]. In: *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justice], 2019, 5, 60–62.

Primakov D. Ya. Fenomen antikorrupcionnogo komplensa v gosudarstvennom antikorrupcionnom regulirovanii [The phenomenon of anti-corruption compliance in state anti-corruption regulation]. In: *Sotsiodiger* [Sociodiger], 2021, 10(15): Antikorruptsiya [Anti-corruption], 66–70.

Serikova S. V. *Politiko-pravovye vzglyady O. fon Girke* [Political and legal views of O. von Gierke]: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2023. 23.

Tal' L. S. *Trudovoi dogovor: tsivilisticheskoe issledovanie* [Labor contract: civilistic research]. M., Statut, 2006. 539.

Tukhvatullin T. A., Rusetskii A. E. Protivodeistvie korruptsii v organizatsiyakh: neopredelennost' zakona v voprose neobkhodimogo i dostatochnogo nabora profilakticheskikh mer i luchshie antikorrupcionnye praktiki rossiiskikh kompanii [Counteracting corruption in organizations: uncertainty of law in the question of the necessary and sufficient set of preventive measures and best anti-corruption practices of Russian companies]. In: *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2023, 5, 45–55.

EDN: RAHAKR
УДК 343

Current State of Scientific and Methodological Support for Anti-Corruption Efforts

Alexey A. Bessonov*

*Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee
of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation
Astrakhan branch of the Saratov State Law Academy
Astrakhan, Russian Federation*

Received 05.02.2026, received in revised form 26.02.2026, accepted 12.03.2026

Abstract. Throughout human history, the urgency of combating corruption, which is extremely detrimental to any state, its mechanisms, and its citizens, has not diminished. The effectiveness of state anti-corruption policy and the activities of the state bodies implementing it depends on the level of their scientific and methodological support. However, over the past quarter-century, the Russian Federation has not conducted a comprehensive analysis of the state of scientific and methodological support for combating corruption and its alignment with the actual needs of practice. In this regard, the author has analyzed the state of corruption-related crime over the past 10 years based on data from the Ministry of Internal Affairs of Russia, the Investigative Committee of Russia, and federal courts, and has performed a content analysis of dissertations, scientific, and educational publications on corruption. Overall, the state of such scientific and methodological support appears satisfactory; however, under-researched aspects of corruption and activities to combat it have been identified. It is proposed that research in this area should be conducted on a continuous and systematic basis.

Keywords: anti-corruption policy, corruption crimes, corruption-related crime, corruption, combating corruption, investigation of corruption crimes.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Criminal Law Sciences.

Citation: Bessonov A. A. Current State of Scientific and Methodological Support for Anti-Corruption Efforts. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(4), 728–739. EDN: RAHAKR

Современное состояние научно-методического обеспечения противодействия коррупции

А.А. Бессонов

Московская академия Следственного комитета имени А. Я. Сухарева

Российская Федерация, Москва

Астраханский филиал Саратовской государственной юридической академии

Российская Федерация, Астрахань

Аннотация. На протяжении всей истории человечества не снижается актуальность вопросов противодействия коррупции, которая крайне губительна для любого государства, его механизмов и граждан. Эффективность государственной антикоррупционной политики и деятельности реализующих ее государственных органов зависит от уровня их научно-методического обеспечения. Вместе с тем за последние четверть века в Российской Федерации не осуществлялся комплексный анализ состояния научно-методического обеспечения противодействия коррупции и его соответствия реальным потребностям практики. В этой связи автором проведен анализ состояния коррупционной преступности за последние 10 лет на основе сведений МВД России, СК России и федеральных судов, осуществлен контент-анализ диссертаций, научных и учебных изданий о коррупции. В целом состояние такого научно-методического обеспечения видится удовлетворительным, однако определены неизученные стороны коррупции и деятельности по противодействию ей. Предложено научно-исследовательскую работу в этой сфере осуществлять на постоянной основе.

Ключевые слова: антикоррупционная политика, коррупционные преступления, коррупционная преступность, коррупция, противодействие коррупции, расследование коррупционных преступлений.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки); 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Цитирование: Бессонов А. А. Современное состояние научно-методического обеспечения противодействия коррупции. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(4), 728–739. EDN: RAHAKR

Введение

в проблему исследования

Эффективное противодействие коррупции немислимо без качественного и современного научно-методического обеспечения. Оно должно, во-первых, основываться на актуальных знаниях о природе коррупции и ее современном состоянии, во-вторых, учитывать достижения научно-технического прогресса, в-третьих, быть своевременным и предвосхищающим изменение коррупции

под воздействием различных факторов. Качественное научно-методическое обеспечение выступает одновременно источником знаний о коррупции как негативном социальном явлении, инструментом противодействия ей и ключевым элементом профессиональной подготовки субъектов указанной общественно значимой деятельности.

Необходимость постоянного совершенствования мер противодействия коррупции обусловлена ее разрушающим воздействием

на государство, общество и даже отдельного человека, ее постоянной трансформацией под влиянием изменяющегося мира, состоянием антикоррупционной государственной и общественной деятельности. При этом дело здесь не только в росте за последние годы количества зарегистрированных преступлений коррупционной направленности, о чем речь пойдет далее, но и в крайне высоком уровне их латентности (Акутаев, 1999: 19; Kriventsov, 2014: 7), а также в том, что около 3 % из выявленных деяний остаются нераскрытыми, хотя уголовное дело о коррупционном преступлении само по себе предполагает уже при возбуждении наличие сведений о личности конкретного субъекта.

Указанное обуславливает необходимость постоянного изучения текущего состояния коррупционной преступности и деятельности по противодействию ей, актуального научно-методического обеспечения последней и системы эффективной подготовки профессиональных кадров для государственных органов, реализующих антикоррупционную политику. На недопустимость снижения темпов в борьбе с любыми коррупционными проявлениями указал Президент Российской Федерации В. В. Путин на расширенном заседании коллегии МВД России в марте 2025 года, поскольку коррупция мешает развитию экономики, социальной сферы, рынка труда, негативно влияет на деловую среду и инвестиционный климат. Особое внимание, отметил он, следует обратить на пресечение попыток хищения бюджетных средств при выполнении гособоронзаказа и нацпроектов, других программ развития страны, выявлять конкретных преступников и проблемные зоны, криминогенные риски в законодательстве, в управленческой практике, чтобы устранить сами предпосылки для подобных преступлений (Putin, 2025).

Концептологические основания исследования

С учетом признания коррупции одной из наиболее серьезных патологий современного общества ее искоренение определено в качестве национальных интересов

Российской Федерации на современном этапе (пп. 3 п. 25 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400). В этой связи особое значение приобретает то, что одним из ключевых направлений реализации Национальной стратегии противодействия коррупции, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 13.03.2012 № 297, обозначено периодическое исследование состояния коррупции и эффективности мер, принимаемых по ее предупреждению и по борьбе с ней как в целом по стране, так и в отдельных регионах (пп. «м» п. 8).

Нельзя не поддержать мнение В. П. Казадаева о том, что потребность в научном изучении коррупции и мер противодействия носит одновременно характер социального заказа со стороны общества и является политически обусловленным решением власти (Kazadaev, 2009: 103). При этом следует учитывать, что существует определенный разрыв между тенденциями коррупционных деяний и контролем за ними со стороны государства, проявляющийся в официальной статистике сквозь призму соотношения реально привлеченных к ответственности коррупционеров и фактическим положением дел (Luneev, 2013: 492), повышающий социальный запрос на противодействие этому антиобщественному явлению. Отмеченное еще более актуализирует значимость научно-методического обеспечения деятельности по противодействию коррупции. Необходимо также принимать во внимание, что исследование коррупции представляет собой междисциплинарное пространство, базирующееся на современных достижениях философии, социологии, политологии, психологии, юридических наук и целого спектра иных областей научного знания (Damm, 2025: 1543).

Рассматривая коррупцию как одну из опаснейших угроз национальной безопасности нашего государства, следует согласиться и с тем, что эффективная разработка мер государственной антикорруп-

ционной политики возможна только при объединении усилий наделенных полномочиями по противодействию ей государственных органов и научного сообщества, прежде всего с целью комплексных научных исследований состояния коррупции и эффективности мер противодействия ей, соответствующих статистических данных, судебно-следственной практики в этой сфере (Starzhinskaia, Novikova, Maslov, 2025: 1586, 1591–1592).

Диалектически проявляющееся противостояние добра и зла в деятельности государства по защите себя и своих граждан от преступных посягательств, в том числе коррупционной направленности, под влиянием научно-технического прогресса обуславливает необходимость своевременного внедрения достижений последнего в эту деятельность (Volynskii, 2023: 6), что не может быть сделано эффективно без объективной оценки соотношения научно-методического обеспечения противодействия коррупции с реальным состоянием этого вида преступности.

Постановка проблемы

За 25 лет с начала нового тысячелетия опубликовано 9 библиографических справочников, касающихся изучения проблем состояния коррупции и деятельности по противодействию ей. Наиболее масштабным исследованием является работа С. С. Лут, охватывающая период с 1810 по 2018 г. (Lut, 2019). Вместе с тем анализ публикаций по охвату сфер государственного управления и национальной экономики, подверженных коррупции, направлений антикоррупционной политики государства, состояния деятельности конкретных государственных органов, наделенных полномочиями по противодействию коррупции, не осуществлялся.

В целом отсутствуют исследования, посвященные анализу соответствия научно-методического обеспечения деятельности по противодействию коррупции текущему состоянию преступности коррупционной направленности и потребностям государственных органов, осуществ-

ляющих правоприменительную практику в сфере противодействия ей. В диссертациях, посвященных в основном вопросам противодействия коррупции в определенных сферах государственной жизни (органах исполнительной власти, органах внутренних дел, здравоохранении, системе образования и пр.), анализ степени научной разработанности этой проблематики собственно этими сферами и ограничен.

Таким образом, несмотря на значительное число осуществленных исследований в сфере понимания и противодействия коррупции, действительно многие важнейшие теоретические и прикладные проблемы остаются без должного внимания со стороны ученых (Starzhinskaia, Novikova, Maslov, 2025: 1585). Соответственно, не определены на основе результатов уже имеющихся исследований темы дальнейших приоритетных научных изысканий в рассматриваемой сфере. В то же время, на наш взгляд, необходимо систематически, но не реже одного раза в 3–5 лет, устанавливать соответствие уровня развития научно-методического обеспечения деятельности по противодействию коррупции реальному состоянию этого вида преступности и практики работы государственных органов, уполномоченных на осуществление этой деятельности, а также их насущным потребностям.

Более того, стремительное развитие современных цифровых технологий, прежде всего искусственного интеллекта, диктует актуальную целесообразность их использования в изучении коррупции и противодействии ей. Однако и в этом направлении научно-методическое обеспечение явно не поспевает за потребностями практики и научно-техническим прогрессом.

Методология

Исследование состояния, динамики и структуры коррупции в Российской Федерации нами осуществлялось с применением статистических методов. В качестве эмпирической базы выступили сведения МВД России о состоянии этого вида преступности за период с 2015 по 2024 г., материалы заседаний коллегии Следственного

комитета Российской Федерации по итогам работы за этот же временной интервал.

Изучение материалов уголовных дел о взяточничестве позволило выявить некоторые их особенности, проявившиеся под влиянием цифровых технологий (13 уголовных дел). Анализ результатов интервьюирования сотрудников следственных органов Следственного комитета Российской Федерации, проходивших обучение по программам дополнительного профессионального образования в Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева (460 человек), дал возможность определить потребности практики в конкретных направлениях научно-методического обеспечения деятельности по расследованию преступлений коррупционной направленности.

Контент-анализ диссертационных исследований, научных и учебных изданий о коррупции, в том числе на основе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), Российской государственной библиотеки, Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России и специальных библиографических справочников (Elinskii, Khizhniak, 2025; Lut, 2019), послужил инструментом выявления современного состояния научно-методического обеспечения сферы противодействия коррупции.

Для обобщения сведений, полученных в результате изучения статистики,

материалов уголовных дел, данных интервьюирования и литературных источников, нами использованы диалектический метод познания, системно-структурный, формально-логический и иные методы научного познания.

Обсуждение

Как следует из статистических данных МВД России о состоянии преступности в Российской Федерации, за период 10 лет (2015–2024 гг.) наблюдается устойчивая тенденция к росту количества преступных деяний коррупционной направленности. Динамика этого вида преступлений в 2024 г. по отношению к 2015 г. составила +18,6, по сравнению с предшествующим годом +5,8. За этот же период отмечается и рост удельного веса коррупционных преступлений от общей преступности с 1,4 % в 2015 г. до 2,0 % в 2024 г. При этом последние четыре года более половины от всех коррупционных деяний составляют связанные со взяточничеством. Также в структуре коррупционных преступлений отмечаются мошенничества, присвоение и растрата, злоупотребление должностными полномочиями и их превышение. Распределение числа коррупционных преступлений за последнее десятилетие по годам и в их структуре взяточничества приведено на рис. 1.

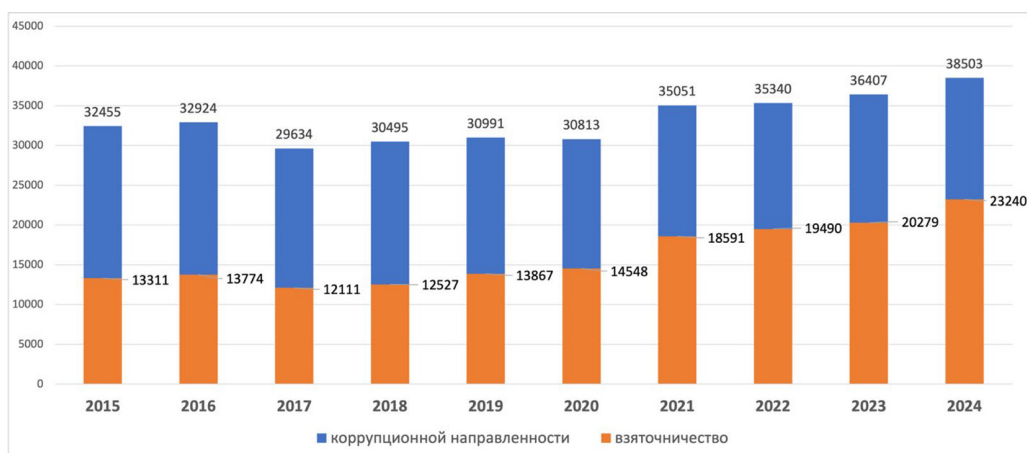

Рис. 1. Количество коррупционных преступлений и взяточничества в их структуре

Fig. 1. Number of corruption crimes and bribery in their structure

Анализ результатов деятельности Следственного комитета Российской Федерации в сфере противодействия коррупции за период с 2015 по 2024 г. позволяет прийти к выводу о том, что наиболее поражена коррупцией сфера правоприменительной, в том числе правоохранительной деятельности (49,3 % преступлений). Далее следуют сферы, связанные с образованием и наукой (15,6 %), исполнением воинской обязанности и военной службы (11,0 %), здравоохранением и социальным обеспечением (10,3 %), финансовой деятельностью (9,3 %, в том числе 4,4 % – с бюджетной сферой), эксплуатацией транспорта, перевозкой грузов и пассажиров (6,4 %). Немного меньше коррупция проявляется в сферах строительства, обеспечения жильем, проектирования зданий и сооружений (3,1 %), организации торговли, питания, обслуживания и оказания услуг населению (3,7 %), совершения операций с недвижимым имуществом (3,7 %), жилищно-коммунального хозяйства (2,7 %), охраны природных ресурсов и экологии (2,0 %), миграции (1,7 %).

Начиная с 2022 г. отмечается рост числа лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение коррупционных преступлений в сфере оборонно-промышленного комплекса: в 2022 г. – 74 человека, в 2023 г. – 96, в 2024 г. – 147. Примерно на одном уровне находится число лиц, привлеченных к уголовной ответственности за криминальные деяния при исполнении гособоронзаказа (2022 г. – 38 человек, 2023 г. – 53, 2024 г. – 41).

Наиболее часто за совершение коррупционных преступлений к уголовной ответственности привлекаются сотрудники правоохранительных и правоприменительных органов (31,2 % от всех привлеченных должностных лиц), а также военнослужащие (12,6 %) и должностные лица в некоммерческих организациях (11,8 %). Каждое пятое привлеченное лицо выполняло управленческие функции в коммерческих организациях либо являлось должностным лицом органа местного самоуправления. Каждый десятый, совершивший коррупци-

онное деяние, являлся работником системы образования или здравоохранения.

За 2015–2024 гг. осуществлено уголовное преследование 526 руководителей следственных подразделений и следователей следственных органов разных ведомств, 128 работников органов прокуратуры, 85 судей. За этот же период к уголовной ответственности привлечено 1320 глав муниципальных образований органов местного самоуправления, 1260 депутатов органов местного самоуправления, 710 адвокатов, 671 член избирательных комиссий, 119 депутатов законодательных (представительных) органов власти субъектов Российской Федерации. Кроме того, имели место единичные случаи уголовного преследования за коррупцию депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (4 лица) и одного сенатора.

Анализ судебно-следственной практики показывает, что за последнее десятилетие размер двух третей взяток составил до 50 тыс. рублей (при этом 27 % – мелкое взяточничество), четверть – от 50 тыс. до 1 млн рублей, 4 % случаев – более 1 млн рублей. По 12 % взяточничества предметом выступили услуги неимущественного характера. Нельзя не отметить за этот период тенденцию последовательного снижения случаев мелкого взяточничества (с 2015 по 2024 г. снижение вдвое с 7,9 до 3,6 тыс. преступлений). По иным же размерам взяток отмечается рост, например, от 10 тыс. до 50 тыс. рублей – в 3 раза, от 50 тыс. до 150 тыс. рублей – в 4 раза, а более 1 млн рублей – в 10 раз.

Что касается преступного дохода от коррупционных преступлений иных видов, то по четверти из них предметом выступают услуги неимущественного характера, по каждому пятому такому деянию размер коррупционного дохода составляет от 150 тыс. до 1 млн рублей, а по каждому шестому – либо превышает 1 млн рублей, либо составляет от 10 тыс. до 50 тыс. рублей.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в механизм современных коррупционных деяний внедряются информационно-

телекоммуникационные технологии и используется криптовалюта. Ярким примером является уголовное дело по обвинению руководителя одного из межрайонных следственных отделов следственного управления по Центральному административному округу Главного следственного управления Следственного комитета РФ по городу Москве Т., получившего взятку в размере 2718 биткоинов (BTC), что эквивалентно более 7,3 млрд руб., за непринятие мер по наложению ареста на ранее изъятую криптовалюту, незаконный возврат обвиняемым части изъятой криптовалюты и неизбрание в отношении этих обвиняемых меры пресечения в виде заключений под стражу (уголовное дело № 1–350/2024, находящееся в архиве Балашихинского городского суда Московской области).

По другому уголовному делу установлено, что М., являясь представителем ООО «АгроТрейд», передал через посредника взятку в виде криптовалюты USDT в размере 1 785,543 единиц, эквивалентных 155 824 рублей, путем ее перевода на соответствующий криптокошелек, должностным лицам ПАО «Россети-Юг» – «Волгоградэнерго» за непроведение проверок измерительного комплекса электрической энергии, установленного в трансформаторной подстанции, принадлежащей указанному обществу, и за сокрытие объема фактически потребляемой электроэнергии за июнь

2024 г. (уголовное дело № 1–76/2025, находящееся в архиве Городищенского районного суда Волгоградской области).

Помимо использования в качестве предмета взятки криптовалюты в последнее время для достижения договоренности относительно суммы взятки, обстоятельств ее передачи и пр. все чаще применяются сервисы мгновенного обмена сообщениями (мессенджеры) и электронная почта. Соответственно, преступные действия лиц, вовлеченных сегодня в коррупционную деятельность, оставляют массив цифровых следов (например, в средствах мобильной связи и компьютерах, навигационном оборудовании автотранспортных средств и т.д.), использование которых в деятельности по расследованию преступлений является залогом установления всех обстоятельств их совершения и лиц, к ним причастных.

Как установлено нами, в целях научно-методического обеспечения деятельности по противодействию коррупции за прошедшие четверть века проведено 391 диссертационное исследование по рассматриваемой тематике в области юридических наук (распределение диссертаций по годам приведено на рис. 2). Из них 24 диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. При этом 82,1 % диссертаций относится к сфере уголовно-правовых наук (321 диссертация), 10,7 % – публично-правовых (государственно-правовых) наук

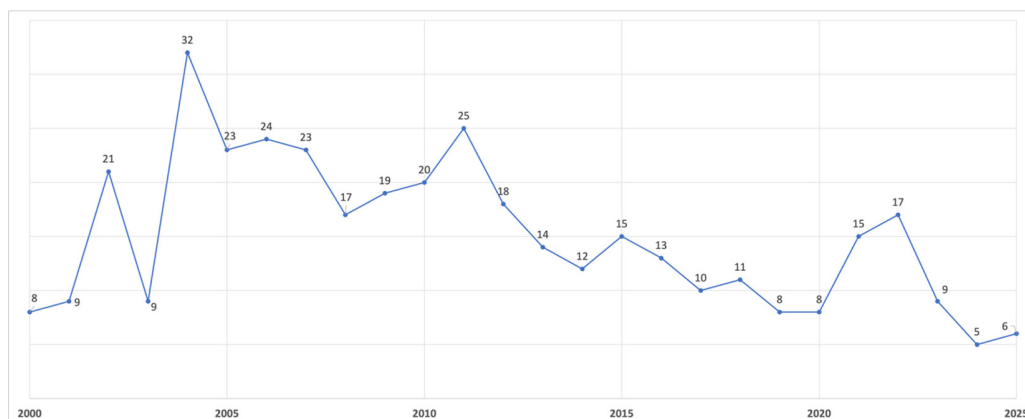

Рис. 2. Распределение диссертаций по вопросам противодействия коррупции по годам их защиты

Fig. 2. Distribution of anti-corruption dissertations by year of defense

(42), 4,6 % – теоретико-исторических наук (18), 1,3 % – международно-правовых наук (5), 1 % – наук, связанных с политическими институтами, процессами и технологиями (1,0 %). Кроме того, 1 диссертация касается отрасли военного права.

Большая часть проведенных диссертационных исследований касается общих вопросов (62,1 %), таких как: антикоррупционная государственная политика; организационные и правовые основы противодействия коррупции; организация деятельности отдельных государственных органов по противодействию коррупции (органов внутренних дел, уголовно-исполнительной системы, прокуратуры); уголовная политика по противодействию коррупции; теоретико-правовые аспекты сущности коррупции и деятельности по противодействию ей; вопросы квалификации коррупционных криминальных деяний; криминологический взгляд на коррупцию; общие вопросы расследования коррупционных преступлений; особенности доказывания по уголовным делам о коррупционных преступлениях; сравнительно-правовое изучение коррупции в исторической отечественной ретроспективе и с точки зрения зарубежных правовых систем; международный опыт противодействия коррупции; международное сотрудничество в противодействии этому злу.

Далее рассмотрим, какие же сферы, подверженные коррупции согласно приведенной статистике, помимо общих вопросов охвачены проведенными диссертационными исследованиями. Наибольшее число диссертаций посвящено коррупции в правоприменительной, в том числе правоохранительной деятельности (20,2 %), а также в коммерческих или иных организациях (5,6 %). В числе диссертаций, касающихся правоохранительной сферы, упомянем относящиеся к органам внутренних дел (17 диссертаций), системе исполнения уголовных наказаний (6), таможенным органам (2), федеральной службе безопасности (1), а также прокурорам, судьям, адвокатам и следователям различной ведомственной принадлежности.

Не обошли вниманием авторы исследований сферы образования и здравоохранения, избирательную систему, финансово-кредитный сектор, исполнение бюджета, жилищно-коммунальное хозяйство, военную службу, миграционную сферу, строительство, сферу земельных отношений, закупку товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, управление государственным и муниципальным имуществом, организацию спортивных мероприятий.

Основная тематика исследований по уголовному праву охватывает проблемы квалификации коррупционных преступлений и конкуренции при этом правовых норм, совершенствования действующего уголовного законодательства для более эффективного противодействия этому негативному явлению. Касаются эти научные изыскания прежде всего таких их видов, как: получение и дача взятки, посредничество во взяточничестве, мелкое взяточничество, коммерческий подкуп, злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, незаконное участие в предпринимательской деятельности, некоторые виды хищений с использованием служебного положения.

Диссертационные исследования криминологической направленности включают в себя общую характеристику коррупционных преступлений и отдельных их видов.

Диссертационные исследования, посвященные методике расследования коррупционных преступлений, условно можно разделить на следующие группы: а) по видам преступлений; б) по сферам, в которых совершены деяния; в) по сферам государственного управления и экономической деятельности; г) касающиеся вопросов организации расследования.

По видам преступных деяний такими исследованиями охвачены получение и дача взятки, коммерческий подкуп, злоупотребление полномочиями, превышение должностных полномочий, хищения с использованием служебного положения (мошенничество, присвоение, растрата), не-

законное участие в предпринимательской деятельности.

Применительно к сферам, в которых совершаются коррупционные преступления, в рамках таких исследований разработаны методики их расследования в правоприменении и правоохранительной деятельности, экономической деятельности (в том числе негосударственном секторе), жилищно-коммунальном хозяйстве, осуществлении земельных отношений, дорожном строительстве, образовании (в том числе высшем образовании); финансово-кредитном секторе, а также при закупках товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, при приватизации государственной и муниципальной собственности.

В части третьего основания классификации диссертаций можно отметить методики расследования коррупционных деяний, совершенных должностными лицами отдельных органов исполнительной власти федерального уровня; законодательной власти субъектов Российской Федерации; органов местного самоуправления; правоохранительных органов в целом и конкретно – органов внутренних дел, уголовно-исполнительной системы; военных комиссариатов, а также управленцами коммерческих или иных организаций, судьями.

Наконец, по проблемам организации расследования рассматриваемого вида преступлений затронуты вопросы его планирования; реализация ситуационного подхода; взаимодействие следователя с органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность; преодоление противодействия расследованию таких деяний.

На наш взгляд, стоит отметить диссертацию, посвященную криминалистическому обеспечению антикоррупционного комплаенса, в которой разработаны теоретические положения и практические криминалистические рекомендации, направленные на повышение эффективности и совершенствование антикоррупционного комплаенса в сфере предпринимательской деятельности (бизнеса) (Sharshova, 2021).

Пока это первая и единственная работа такого рода по вопросам организационно-правового обеспечения антикоррупционного комплаенса.

Международно-правовой аспект в диссертациях нашел свое изучение сквозь призму законодательства и практики правоприменения стран Содружества Независимых Государств (Армения, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Молдова, Республика Таджикистан), Европейского Союза (в частности, Франция, Финляндия, Эстония), США, а также Монголии, Египта, Приднестровья.

Основная тематика диссертаций по публично-правовым (государственно-правовым) наукам касается конституционных основ и организационно-правовых механизмов противодействия коррупции, вопросов антикоррупционной экспертизы, антикоррупционных стандартов служебного поведения, полномочий государственных органов в сфере противодействия коррупции.

Также привлекли наше внимание три диссертационных исследования в области педагогических наук, касающиеся методики формирования компетенций по противодействию коррупции у курсантов системы высшего образования Министерства обороны Российской Федерации, антикоррупционного поведения курсантов и сотрудников системы ФСИН России.

За прошедший период XXI века свет увидели 1349 монографий, учебников, учебных и научно-практических пособий, словарей, библиографических и иных справочников, посвященных различным аспектам противодействия коррупции, распределение которых по годам приведено на рис. 3. В них рассмотрен весьма широкий спектр вопросов, касающихся обозначенной проблематики.

Наибольшее количество научных изданий рассматриваемого вида (54,0 %) касается общих вопросов: современная уголовная политика противодействия коррупции, правовые основы противодействия ей, антикоррупционное просвещение, антикоррупционная экспертиза, полномо-

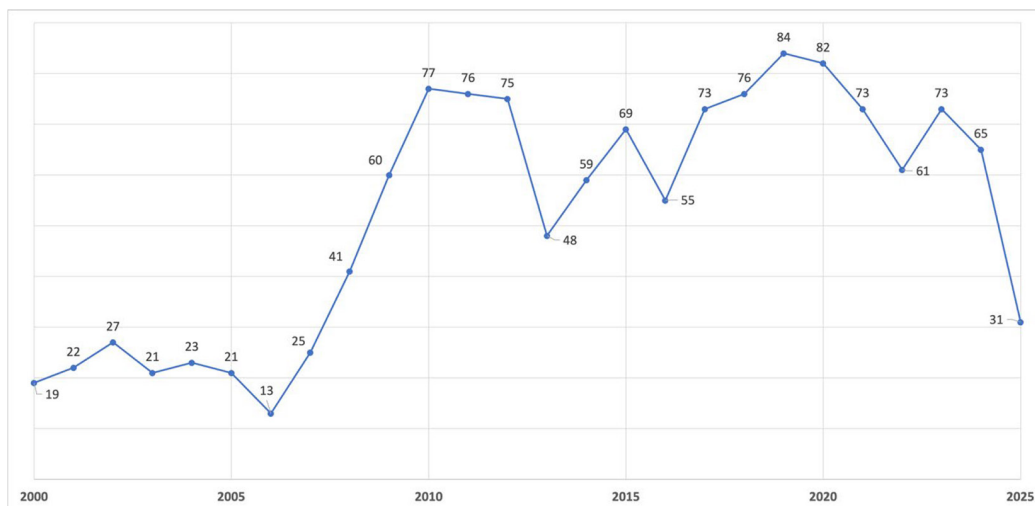

Рис. 3. Распределение научных и практических изданий по вопросам противодействия коррупции по годам их выпуска

Fig. 3. Distribution of scientific and practical publications on anti-corruption issues by year of publication

чия различных государственных органов по противодействию коррупции, коррупция как социальное явление, вопросы квалификации коррупционных преступлений.

Следующими по объему идут учебные издания по таким же вопросам общего характера – учебники и учебные пособия (14,2 %), далее – труды, посвященные проблемам коррупции в системе государственного и муниципального управления (3,8 %), сравнительному правоведению (3,5 %), коррупции в органах внутренних дел и противодействия ей (2,7 %), сборники статей по итогам различных научно-представительских мероприятий (2,4 %), а также издания, касающиеся организационных и правовых аспектов предупреждения коррупции в сфере государственной службы (1,6 %), при исполнении уголовных наказаний (1,4 %), в коммерческих организациях и сфере образования (по 1,2 %), при закупках товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд (1,1 %).

Единичные издания касаются вопросов противодействия коррупции в налоговых органах, деятельности адвокатов, судебной системе, госкорпорациях. Таким же

крайне малым количеством изданий охвачены сферы агропромышленного и лесопромышленного комплексов, транспорта, миграционных отношений, спорта, военно-промышленного комплекса, распоряжения государственным имуществом, земельных отношений, металлургии, топливно-энергетического комплекса, обязательного медицинского страхования, национальных проектов, внешнеэкономической деятельности, банковского сектора.

Помимо этого, имеются комментарии к Федеральным законам от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» и от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», а также постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях».

В то же время отсутствуют современные комплексные научные исследования монографического уровня либо в форме диссертации по вопросам противодействия коррупции при исполнении гособоронзаказа, в сфере научно-исследовательских

и опытно-конструкторских работ, аэрокосмической отрасли, в сфере экологии и ряда отраслей природопользования (например, водных биологических ресурсов), а также при лицензировании, сертификации и выдаче разрешений на занятие различного рода деятельностью.

Более пристального внимания требуют проблемы противодействия коррупции при реализации национальных проектов (в целом и отдельных из них), в оборонно-промышленном комплексе, в сфере миграционных отношений, а также вопросы расследования преступлений коррупционной направленности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

К изложенному добавим, что сотрудники Следственного комитета Российской Федерации при прохождении дополнительного профессионального образования в Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева сообщают о существующих пробелах в праве и проблемах правоприменения, связанных с квалификацией коррупционных деяний (к примеру, отсутствие уголовной ответственности за посредничество в мелком взяточничестве, отсутствие единообразного подхода к правовой оценке действий работников фондов капитального ремонта многоквартирных домов при наличии в них признаков коррупционных правонарушений), с изъятием документации при проверке сообщений о коррупционных преступлениях до возбуждения уголовного дела (в частности, отсутствие возможности провести выемку документов), с критериями отнесения коррупционных преступлений к категории киберпреступлений (к примеру, когда взятка получена путем перевода безналичных денег на банковскую карту), недостаточной разработанностью вопросов методики расследования коррупционных преступлений, совершаемых при реализации национальных проектов, и др. Эти вопросы также

требуют своевременного научного осмысления.

Заключение

Начиная с 2011 г. имеет место спад интереса к исследованию проблематики противодействия коррупции на уровне диссертационных исследований и, наоборот, в части же научных и учебных изданий (монографий, учебников, учебных и научно-практических пособий и др.) с 2010 г. по настоящее время внимание к ней стабильно высоко.

С точки зрения соответствия уровня научно-методического обеспечения реального объема поражения коррупцией тех или иных сфер жизнедеятельности государства отмечаются как традиционно охваченные научным вниманием (к примеру, коррупция в органах власти и местного самоуправления, в органах внутренних дел, в сфере ЖКХ), так и вовсе не исследуемые сферы – гособоронзаказа, научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, аэро- и ракетостроения, лицензионно-разрешительной деятельности, природопользования и экологии. К тому же, как мы убедились, ряд тем ранее предпринятых исследований в настоящее время требует актуализации.

Анализ состояния научно-методического обеспечения противодействия коррупции сквозь призму реальных потребностей практики должен служить базой для определения тем приоритетных научных исследований. Научно-исследовательская работа в обозначенном направлении и мониторинг ее состояния должны осуществляться систематически, желательно не реже, чем каждые три-пять лет.

Высокий уровень научно-методического обеспечения имеет значение для практической деятельности и подготовки профессиональных кадров для государственных органов, ее осуществляющих.

Список литературы / References

Akutaev R.M. Kriminologicheskii analiz latentnoi prestupnosti: avtoref. dis. ... d-ra iurid. nauk [Criminological Analysis of Latent Crime: extended abstract of Doctor of Science thesis in Law]. SPb., 1999, 42.

Damm I. A. Korruptsiionnaia prestupnost' kak istichnik opasnosti v teorii antikorrupsionnoi kriminologicheskoi [Corruption Crime as a Source of Danger in the Theory of Anti-Corruption Criminological Security]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences]*, 2025, 18(8), 1540–1551. EDN: BDNCVC.

Elinskii V.I., Khizhniak D.S. *Nauchnoe nasledie kriminalistiki (1938–2023 gg.): monografiia [The Scientific Heritage of Criminalistic (1938–2023): monograph]*. M., IP Kolupaeva E. V. (Izd-vo), 2025. 544.

Kazadaev V.P. Nauchnaia organizatsia obshchestva i gosudarstva – zalog effektivnoi bor'by s korruptsiei [The Scientific Organization of Society and the State as the Key to Effective Corruption Prevention]. In: *Preodolenie korruptsii – glavnoe uslovie utverzheniia pravovogo gosudarstva. Mezhdvostvennyi nauchnyi sbornik. Glavnyi redaktor A.I. Komarova [Overcoming corruption is the main condition for establishing the rule of law. Interdepartmental scientific collection / Chief editor A.I. Komarova]*. M., 2009, 1(39), 101–108.

Kriventsov P.A. Latentnaia prestupnost' v Rossii: kriminologicheskoe issledovanie: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk [Latent Crime in Russia: A Criminological Study: extended abstract of Ph.D. thesis in Law]. M., 2015. 26.

Luneev V.V. Kurs mirovoi i rossiiskoi kriminologii v 2 t. T. II. Osobennaia chast': uchebnik dlia vizov [A Course in World and Russian Criminology in 2 volumes. Vol. II. Special Part: textbook for universities]. M., Izd-vo Iurait, 2013. 872.

Lut S.S. Korruptsiia: Bibliograficheskii spravochnik (1810–2018) [Corruption: A Bibliographical Guide (1810–2018)]. M., OOO “Yuridicheskaya firma KONTRAKT”, 2019. 528.

Putin V.V.: Vystuplenie na rasshirennom zasedanii kollegii MVD Rossii 5 marta 2025 goda [Speech at the Expanded Meeting of the Board of the Ministry of Internal Affairs of Russia on March 5, 2025]. In: *Informatsionnyi portal “President Rossii” [Information Portal “President of Russia”]*, 2025. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/76408?ysclid=ml2r98a0my573809857>.

Sharshova M.L. Kriminalisticheskoe obespechenie anticorrupsionnogo komplensa: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk [Forensic Support of Anti-Corruption Compliance: extended abstract of Ph.D. thesis in Law]. M., 2021. 26.

Starzhinskaia A.N., Novikova G.R., Maslov A.A. O edinstve profilaktiki korruptsii i bor'by s nei v deiatel'nosti organov Sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federatsii [On the Unity of Preventive and Combating Measures Against Corruption in the Activities of the Investigative Committee of the Russian Federation]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences]*, 2025, 18(8), 1582–1593. EDN: EMTUXH.

Volynskii A.F. *Ot ugolovnoi registratsii k komp'iuternoi kriminalistike. Izbrannoe: nauch. izdanie. 2-e izd., pererab. i dop [From Criminal Records to Computer Forensics. Selected Works: scientific edition. 2nd ed., revised. and additional]*. M., IUNITI-DANA, 2023. 503.

EDN: LUGBTV
УДК 340.114; 343.35

Fighting Corruption: Legal Ideas, Forms, and Reality

Viktor N. Borkov*

*Omsk Order of Honor Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Omsk, Russian Federation*

Received 25.02.2026, received in revised form 02.03.2026, accepted 12.03.2026

Abstract. Developing the criminal law element of the anti-corruption security strategy requires formulating new ideas about the phenomenon of corruption, describing its legal forms, the actual threat it poses, and the measures being taken to combat it. In criminal law, corruption should be understood as a socially dangerous act committed by a participant in corrupt relationships between officials and other persons for the purpose of obtaining illegal financial gain. The concept of corruption as necessary complicity necessitates the criminal suppression of associations between officials and businessmen for the purpose of committing corruption crimes, the criminalization of the actions of beneficiaries of corruption, and the prevention of its organized forms. It is proposed to establish criminal liability for the use of benefits and advantages provided to officials participating in business activities, for participation in a corrupt transaction, and for the creation of, and participation in, a corrupt organization. Criminalizing illicit enrichment is inappropriate given the principle of inadmissibility of double conviction for the same crime. Corrupt officials should be held publicly liable, restorative in nature—that is, by converting illegally acquired assets into state revenue—as well as punitive public liability for the specific crimes through which the property was acquired.

Keywords: corrupt relations, necessary complicity, consumers of corrupt services, corrupt transaction, corrupt organization, corrupt income, publicly restorative liability.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Criminal Law Sciences.

Citation: Borkov V.N. Fighting Corruption: Legal Ideas, Forms, and Reality. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(4), 740–749. EDN: LUGBTV

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: borkov_viktor@bk.ru

ORCID: 0000-0002-7583-5665

Борьба с коррупцией: правовые идеи, формы и реальность

В.Н. Борков

*Омская ордена Почета академия МВД России
Российская Федерация, Омск*

Аннотация. Развитие уголовно-правового элемента стратегии антикоррупционной безопасности предполагает формулирование новых идей о феномене коррупции, описывающих ее правовых формах, реально исходящей угрозе и осуществляемом противодействии. В уголовно-правовом аспекте под коррупцией следует понимать общественно опасное деяние участника коррупционных отношений, складывающихся между должностными и иными лицами в целях извлечения незаконной имущественной выгоды. Представление о коррупции как необходимом соучастии обуславливает потребность уголовно-правового пресечения объединения должностных лиц и бизнесменов в целях совершения коррупционных преступлений, криминализацию действий выгодоприобретателей от коррупции, предупреждения ее организованных форм. Предлагается установить уголовную ответственность за использование при осуществлении предпринимательской деятельности предоставляемых участвующим в ней должностным лицом льгот и преимуществ, за участие в коррупционной сделке, за создание коррупционного сообщества организации и участие в ней. Криминализация незаконного обогащения в условиях реализации принципа недопустимости повторного осуждения за одно и то же преступление нецелесообразна. Коррупционеров следует привлекать к публично-правовой ответственности, имеющей восстановительный характер, – это обращение незаконно нажитого в доход государства, а также к карательной публично правовой ответственности за конкретные преступления, в результате которых данное имущество было приобретено.

Ключевые слова: коррупционные отношения, необходимое соучастие, потребители коррупционных услуг, коррупционная сделка, коррупционное сообщество, коррупционный доход, публично-правовая восстановительная ответственность.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки); 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки); 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Цитирование: Борков В. Н. Борьба с коррупцией: правовые идеи, формы и реальность. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(4), 740–749. EDN: LUGBTV

Введение в проблему исследования

Юристы постоянно находятся в поиске новых средств борьбы с коррупцией. Значение нормального функционирования государства особенно возрастает в условиях геополитической напряженности, концентрации усилий на основных направлениях

деятельности. В такие периоды цели, направления и приоритеты правоохранительной деятельности должны быть концептуально подчинены укреплению государства, повышению его эффективности. Исторический контекст обуславливает потребность именно в стратегическом осмыслении проблем антикоррупционной безопасности, которое

не может ограничиваться корректировкой правовых форм и реальности, задача состоит в формулировании правовых идей. Продуктивность последних способна обеспечить верное понимание феномена коррупции, ее места в системе общественных отношений, а также механизма причинения вреда.

Концептологические основания исследования

Современные исследователи отмечают асоциальную, корыстную направленность посягательств коррупционеров на различные сферы жизни общества. А. Б. Артемьев пришел к выводу, согласно которому «сущность коррупции заключается в противоречащем социальным нормам перераспределении благ в государственно-организованном обществе. Функционально она направлена на противоречащее социальным нормам перераспределение в государственно-организованном обществе материальных и нематериальных благ с использованием служебных возможностей» (Artem'ev, 2015: 14). Эффективное противодействие коррупции автор связывает с ликвидацией теневых и минимизацией государственного секторов экономики; формированием высокоморальной элиты; совершенствованием правовой системы и механизма реализации права (Artem'ev, 2015: 18). В. В. Астаниным дано авторское определение понятия антикоррупционной политики как совокупности законодательных, экономических, политических, информационных, организационных мер, основное содержание которой в криминологическом аспекте выражается в борьбе с уголовно-наказуемыми коррупционными и иными проявлениями (Astaniin, 2009: 11).

По мнению И. А. Александровой, «основными наиболее актуальными направлениями формирования и реализации данной уголовной политики являются: 1) противодействие организованным формам экономической преступности; 2) подавление элитарной коррупции в органах государственной власти» (Aleksandrova, 2016: 19). «Создана авторская концепция контролируемого предложения взятки должностно-

му лицу сотрудниками правоохранительных органов, иначе говоря, за допущение элементов провокации при выявлении взяточников» (Aleksandrova, 2016: 28). Сложно возразить против повышенной общественной опасности организованной и «элитарной» коррупции, но предоставление сотрудникам правоохранительных органов права на склонение к совершению коррупционных преступлений лиц, не показавших своим поведением о сформированности у них умысла на получение взятки, не будет способствовать обеспечению антикоррупционной безопасности.

И. А. Дамм отмечает утрату познавательного потенциала устоявшихся теоретических подходов к пониманию коррупционной преступности и формулирует концепцию антикоррупционной безопасности. «Смена методологических подходов предполагает также перенос центра исследовательского интереса со стадии совершения преступления на стадию зарождения мотивации, когда начинает проявляться опасность и повышается вероятность образования угрозы реального причинения вреда» (Damm, 2025, 1548). Ранее мы уже высказывали идею эшелонированного предупреждения коррупции, где заключительным рубежом могла бы послужить уголовная ответственность за незаконное обогащение как результат от совершенных, но не выявленных коррупционных преступлений (Borkov, 2009: 16–20). В такой системе борьба с «зарождением мотивации», идею которой разрабатывает И. А. Дамм, могла бы выступить в качестве первого этапа предупреждения коррупции. Подход предполагает определение индикаторов возникновения коррупционной мотивации и мер ее нейтрализации. Исследовательские перспективы здесь могут быть связаны с практикой увольнения должностных лиц в связи с утратой доверия, опытом деятельности комиссий по соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов (Damm, Tarbagaev, Akunchenko & Basalaeva, 2025: 127).

С. Н. Шишкарёв выявил «...общую закономерность противодействия коррупции, обусловленную правовой связью между

коррупционными отношениями и интересами личности, общества и государства» (Shishkarev, 2010: 13). «Формы коррупции, – отмечает автор, – являются выражением связи субъектов коррупционных отношений в процессе совершения противоправного действия коррупционного характера, нарушающего нормативное регулирование той или иной сферы деятельности и осуществляющееся посредством использования публичных возможностей для реализации...» (Shishkarev, 2010: 14). С. Н. Шишкарёв верно обращает внимание на опасность именно коррупционных отношений и связи их субъектов, а не действий отдельных лиц, а также на использование коррупционерами именно публичных возможностей, что дает основание утверждать о пораженности коррупцией не любых сфер деятельности, а только связанных с государственным управлением.

М. П. Клейменов модель противодействия коррупции предлагает интерпретировать в подходах постмодернизма, учитывая, «что закон получения прибыли при капитализме поглощает все социальные отношения и взламывает все остальные законы», ученый предлагает «оптимизировать диспозиции преступлений коррупционной направленности, сведя к минимуму бланкетные нормы. Что же касается санкций, то здесь следует стремиться к назначению наказания в виде реального лишения свободы, освободив их по возможности от балласта альтернативных наказаний» (Kleimenov, 2023: 82). Понимание коррупции М. П. Клейменовым создает предпосылки для выявления ее причин в общественных отношениях, на которых она паразитирует.

Е. В. Стебенева, исследуя проблему криминологической трансформации коррупции, приходит к верному выводу о ее «мимикрировании под различные социальные отношения» и встраивании в их структуру (Stebeneva, 2025: 12). При этом, относя к одной из групп коррупционных преступлений злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ), незаконное привлечение к уголовной ответственности

(ст. 299 УК РФ) и вынесение заведомо неправосудного приговора (ст. 305 УК РФ), автор характеризует данные посягательства должностных лиц как «незаконную реализацию своих обязанностей из корыстной и иной личной заинтересованности, что обуславливает возможность совершения единолично коррупционного преступления» (Stebeneva, 2025: 13). Но, во-первых, к преступлениям коррупционной направленности указанные посягательства могут быть отнесены, только если они совершены «с корыстным мотивом» (Ukazanie Genprokuratury Rossii № 503/11, MVD Rossii № 1 от 28.07.2025). Во-вторых, корыстная заинтересованность при совершении должностного злоупотребления и специальных его видов может быть реализована при совершении их за взятку или в интересах лиц, в материальном «благополучии» которых виновный прямо заинтересован. Таким образом, последние являются непосредственными выгодоприобретателями от коррупции. «Коррупция, – верно отмечает Н. А. Лопашенко, – во всяком случае в ее классическом понимании, – двухсторонняя преступная сделка, бороться нужно в обе стороны, чтобы сдвинуться с мертвой точки» (Lopashenko, 2025: 119).

Обсуждение

Представление о коррупции как необходимом соучастии и об опасности для нормального функционирования государства именно коррупционных отношений может выступить в качестве продуктивной научной идеи, создающей предпосылки для совершенствования уголовного закона. Коррупционные отношения не возникают на пустом месте, они паразитируют на социальном взаимодействии в различных сферах в связи с осуществлением государственных функций, «встраиваются в социальную матрицу» (Stebeneva, 2024: 209). Коррупционная деградация публичных отношений заключается в подмене законного взаимодействия между их участниками на извращенное и антиобщественное. Осознавая невозможность полного искоренения данной «перверсии», необходимо

формировать в общественном сознании убеждение не только противоправности, но и позорности принадлежности к «коррупционному меньшинству». Следует согласиться с В. А. Номоконовым, когда он обращает внимание на неэффективность даже самого совершенного законодательства и правоприменительной практики без сформированности в общественном сознании нетерпимости к коррупционному поведению (Номоконов, 2023: 135). О целесообразности появления наказаний «позорных, ущемляющих достоинство лица при (раньше) каком-либо статусе», пишет Н. А. Лопашенко (Lopashenko, 2025: 53). Таким образом, заменяющий здоровое взаимодействие между гражданином и властью «коррупционный акт» – это тоже отношения, поэтому все коррупционные преступления представляют собой необходимое соучастие.

Наиболее распространенным и опасным видом коррупционных отношений является взяточничество (ст.ст. 290, 291, 291¹, 291² УК РФ), невозможно получить взятку, если ее никто не дает. Очевидным соучастником взяточничества является посредник. Как единое посягательство в уголовном законе охарактеризовано «мелкое взяточничество», ответственность для совершивших его взятополучателя и взяткодателя установлена в одной норме (ст. 291² УК РФ). Представление о коррупционных преступлениях как о необходимом соучастии позволяет уточнить их субъектный состав. Так, по определению соучастием является преступление, предусмотренное ст. 289 УК РФ «Незаконное участие в предпринимательской деятельности». Закон прямо указывает на специального субъекта данного посягательства – должностное лицо, которое не просто вопреки запрету занимается предпринимательской деятельностью, а оказывает «своей» организации «льготы и преимущества или покровительствует в иной форме». Последнее обстоятельство известно руководителям «опекаемой» организации, которой обеспечиваются выгодные подряды, завышенные цены на оказываемые услуги и т.д. Выгодоприобретатели от злоупотребления чи-

новником своим должностным положением осознают, что являются участниками коррупционных отношений, поэтому вопрос о криминализации таких действий достаточно актуален. Вариантом его решения может быть дополнение текста ст. 289 УК РФ запретом на «использование таких [предоставляемых должностным лицом] льгот и преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности». Таким образом, будет установлена ответственность не только должностного лица, но и предпринимателя, извлекающего незаконную выгоду из коррупционного поведения чиновника.

Наибольший ущерб нормальному функционированию государства причиняет расхищение бюджетных средств. Пункт 25 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» предписывает действия должностного лица, заключившего договор, на основании которого оно перечислило вверенные ему средства в размере, заведомо превышающем рыночную стоимость указанных в договоре товаров, работ или услуг, квалифицировать как растрату вверенного имущества. Похитить таким образом многомиллионные суммы одному должностному лицу невозможно. Оплата невыполненных, а также выполненных не в полном объеме работ имеет характер коррупционной сделки, другой стороной которой являются руководители организаций поставщиков и подрядчиков. Субъектом растраты вверенного имущества с использованием служебного положения является должностное лицо, осуществлявшее административно-хозяйственные полномочия в отношении похищенных денежных средств. Признать руководителя организации-подрядчика, на счет которой были перечислены похищенные денежные средства, соучастником преступления, если он его не организовывал и не выступил подстрекателем, сложно, так как предприниматель фактически бездействовал. Между тем он осознавал, что является участником

коррупционной, заведомо ущербной для государства сделки. Умышленное участие в последней должно быть подвергнуто криминализации.

Подобным образом характер коррупционной сделки имеет злоупотребление должностного лица полномочиями, когда, например, виновный за неадекватную цену или вообще безвозмездно передает или сдает в аренду государственное движимое и недвижимое имущество. И в таком случае второй участник коррупционных отношений остается «неподсудным.» Руководствуясь идеей о коррупционном преступлении как необходимом соучастии, подобное регулирование нужно исправить. Например, Уголовный кодекс Киргизской Республики содержит статью 339 «Заключение заведомо невыгодного контракта», которая предусматривает наказание за «заключение должностным лицом заведомо невыгодного для государства контракта (договора), а равно осуществление таким должностным лицом государственной закупки, причинившие крупный ущерб». Ответственность второй стороны, вступающей в договорные отношения с государством, предусмотрена в ст. 247 УК КР, карающей за «умышленное или неосторожное нарушение порядка проведения публичных торгов, аукциона или тендера, а равно заключение заведомо невыгодного контракта, причинившие собственнику имущества, организатору торгов или аукциона, покупателю или иному хозяйствующему субъекту ущерб в крупном размере».

Согласно описываемой В.Н. Бурлаковым модели, «...коррупционное соучастие представляет собой сложное преступление, которое состоит в оказании содействия в совершении преступления другим лицом (лицами) со стороны должностного лица с использованием им своих полномочий... Автор называет два вида коррупционного соучастия, – *коррупционное пособничество*, т.е. использование должностным лицом за взятку своих полномочий в целях оказания содействия в совершении преступления другим лицом (лицами); и *коррупционный сговор*, т.е. использование должностным

лицом за взятку своих полномочий в целях оказать постоянное содействие в совершении преступлений организованной группой или преступным сообществом» (Burlakov, 2025: 35). В общем следует согласиться с констатацией В.Н. Бурлаковым наличия феномена «коррупционного соучастия», но описание ученым его видов требует комментария. Действительно, незаконные действия, за которые должностное лицо получает взятку, как правило, совершаются в интересах взяткодателя. Но сложно привести пример, когда виновный получает взятку за соучастие в совершении преступления. Следовательно, незаконно за взятку освобождающий взяткодателя от уголовной ответственности, не становится соучастником преступления, совершенного последним. Не может быть признано одновременно взяткополучателем и пособником хищения должностное лицо, которое использовало свой особый статус для незаконного изъятия и (или) обращения в пользу членов преступной группы бюджетных средств. Даже в случае, если оппонент высказываемой нами позиции смоделирует ситуацию, когда бы совершаемые за взятку незаконные действия фактически способствовали другому посягательству, то наверняка служебное поведение чиновника будет содержать признаки самостоятельного должностного преступления, которое ему и будет вменяться.

Совершенно верно в 2017 г. киргизский законодатель определил коррупцию как «...умышленные деяния, состоящие в создании противоправной устойчивой связи одного или нескольких должностных лиц, обладающих властными полномочиями, с отдельными лицами или группировками в целях незаконного получения материальных, любых иных благ и преимуществ, а также предоставления ими этих благ и преимуществ физическим и юридическим лицам, создающие угрозу интересам общества или государства» (ч. 1 ст. 336 УК РК). Более строгое наказание предусмотрено за «то же деяние, совершенное в интересах организованной группы, преступного сообщества или повлекшее тяжкий

вред» (ч. 2 ст. 336 УК РФ). То есть получается, что «коррупционная связь» создается в интересах преступного сообщества. Действительно, коррупционными связями могут обладать лидеры террористического, диверсионного и экстремистского сообществ. Но ни киргизский, ни тем более наш уголовный закон не предусматривает ответственности за создание коррупционного сообщества, а также руководство и участие в нем. Устойчивое объединение должностных лиц с предпринимателями специально для «разворовывания» России, построение системы коррупционных отношений являются наиболее опасными видами коррупционного соучастия. Поэтому следует согласиться с М.П. Клейменовым, И.М. Клейменовым и М.Г. Козловской, которые указывают на постепенный переход законодателя в борьбе с организованной преступностью от концепции соучастия к концепции преступного сговора и среди новых форм преступных сообществ называют коррупционную (Kleimenov M., Kleimenov I. & Kozlovskaja, 2019: 167).

Ранее коррупционное преступление нами уже было охарактеризовано как «общественно опасное деяние участника коррупционных отношений, складывающихся между должностными и иными лицами в целях извлечения незаконной имущественной и иной выгоды в результате использования должностным лицом своих полномочий или положения вопреки интересам личности, общества и государства». Обосновывалась потребность в изменении уголовного закона для обеспечения пресечения объединения должностных лиц и бизнесменов в целях совершения коррупционных преступлений, криминализации действий выгодоприобретателей от коррупции, предупреждения ее организованных форм. Мы предлагали установить уголовную ответственность за коррупционную сделку, за создание коррупционной организации и участие в ней, а также за коррупционное обогащение (Borkov, 2016: 308, 309). В последнем случае поводом для криминализации явилась латентность посягательств участников коррупционных отношений,

индикатором которых могли бы послужить сверхдоходы коррупционеров, т.е. их очевидно незаконное обогащение.

Обычно обращается внимание на два обстоятельства, препятствующие дополнению уголовного закона конвенционной нормой, предполагающей наказание за явное превышение фактических доходов должностного лица, над законными, которые оно не может обосновать. Во-первых, закрепление в качестве признака преступления неспособности субъекта обосновать законность своего обогащения признается противоречащим презумпции невиновности. Во-вторых, препятствие криминализации незаконного обогащения усматривается в отсутствии в его составе деяния и, соответственно, невозможности установления времени и места его совершения. Отмеченные выше сомнения допустимости криминализации коррупционного обогащения можно было бы снять, как нами ранее уже предлагалось, путем установления уголовной ответственности за не предоставление или предоставление ложных сведений о доходах или расходах в обстановке превышения фактических доходов над официальными, например, в пятикратном размере. В такой формулировке нормы присутствует деяние, она не обязывает субъекта обосновывать законность доходов. Доказывание отсутствия их легитимных оснований возлагается на следователя. Другой подход к решению поставленной проблемы продемонстрировал киргизский законодатель. Часть 1 ст. 340 УК КР «Незаконное обогащение» устанавливает ответственность за «приобретение должностным лицом имущества, стоимость которого превышает его официальные доходы за последние два года. В части второй повышена ответственность за то же деяние, совершенное лицом, занимающим ответственное положение, а также если стоимость имущества превышает официальный доход должностного лица за пять лет».

Современная правовая реальность дает основания усомниться в необходимости криминализации незаконного обогащения. Дополнение уголовного закона

нормой об ответственности должностных лиц за явную несоразмерность их фактических доходов или расходов получаемому денежному содержанию породило бы проблему возможной двойной ответственности. Правоприменителю пришлось бы в каждом случае уголовного преследования должностного лица за незаконное обогащение выяснять, не являются ли выявленные сверхдоходы или расходы предметом ранее уже вмененных коррупционеру преступлений. А также после квалификации содеянного виновным как незаконное обогащение или последующего осуждения за данное новое преступление, в случае выявления конкретных посягательств, в ходе которых был получен коррупционный доход, вменение последних означало бы удвоение ответственности.

Сегодня борьба с коррупционным обогащением осуществляется в рамках закона от 03.12.2012 № 230-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам». Обращение нескольких миллиардов рублей, которыми владел чиновник, в доход государства является достаточно «чувствительной» мерой, на якобы несправедливость и излишнюю жесткость которой жалуются коррупционеры. Отмечая ее обоснованность, Конституционный Суд РФ пишет о «...презумпции, в силу которой несоответствие расходов законным доходам свидетельствует о совершении деяния коррупционной направленности, а не какого-либо иного правонарушения» (Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 09.01.2019 № 1-Р). Конституционно-правовое обоснование допустимости изъятия сверхдоходов должностных лиц подтверждает наш тезис о том, что незаконное обогащение рассматривается как результат коррупционных преступлений и ответственность, предусмотренная в Федеральном законе № 230, фактически является ответственностью за их совершение. Поэтому криминализация незаконного обогащения в отдельных случаях способна и ослабить ответвен-

ность коррупционеров. В настоящее время обладатель имеющих коррупционное происхождение миллиардов должен быть привлечен к публично-правовой ответственности, имеющей восстановительный характер – это обращение незаконно нажитого в доход государства, а также к карательной публично-правовой ответственности за конкретные преступления, в результате которых данное имущество было приобретено. Привлечение к уголовной ответственности за незаконное обогащение, т.е. за значительное превышение фактических доходов над официальными, и за конкретные преступления коррупционной направленности противоречило бы конституционному принципу о недопустимости повторного осуждения за одно и то же преступление (ч. 1 ст. 50 Конституции РФ).

Заключение

Совершенствование борьбы с коррупцией немыслимо без новых правовых идей, основанных на верном понимании механизма асоциального явления, порождаемых им последствий для общества и самого коррупционера. Формирование уголовно-правового элемента стратегии антикоррупционной безопасности предполагает критический взгляд на существующие правовые формы сквозь призму коррупционной угрозы и реально осуществляемого противодействия. Коррупция поражает общественные отношения, развивающиеся в связи с осуществлением государственных функций, подменяя законное взаимодействие на ущербное и «перверсивное», развивающееся по навязываемому коррупционером антиобщественному сценарию. В уголовно-правовом аспекте под коррупцией следует понимать общественно опасное деяние участника коррупционных отношений, складывающихся между должностными и иными лицами в целях извлечения незаконной имущественной выгоды в результате использования должностным лицом своих полномочий или положения вопреки интересам личности, общества и государства. Идея о коррупции как не-

обходимом соучастии и опасности именно коррупционных отношений обуславливает необходимость уголовно-правового пресечения объединения должностных лиц и бизнесменов в целях совершения коррупционных преступлений, криминализацию действий выгодоприобретателей от коррупции, предупреждения ее организованных форм. Предлагается установить уголовную ответственность за использование при осуществлении предпринимательской деятельности предоставляемых участвующим в ней должностным лицом льгот и преимуществ, за участие в коррупционной сделке, за создание коррупционного сообщества организации и участие в ней.

В условиях реализации конституционного принципа недопустимости повторного осуждения за одно и то же преступление криминализация незаконного обогащения способна ослабить ответственность коррупционеров. Следует признать целесообразным привлечение обладателя имеющего коррупционное происхождение имущества к публично-правовой ответственности, имеющей восстановительный характер, – это обращение незаконно «нажитого» в доход государства, а также к карательной публично-правовой ответственности за конкретные преступления, в результате которых данное имущество было приобретено.

Список литературы / References

Aleksandrova I. A. *Sovremennaiia ugovolnaia politika po obespecheniiu ekonomicheskoi bezopasnosti i protivodeistviu korruptsii [Modern criminal policy on economic security and anti-corruption]*: avtoref. dis. ... d-ra iurid. nauk. Nizhnii Novgorod, 2016. 60.

Artem'ev A. B. *Korruptsiia v sisteme funktsionirovaniia gosudarstva [Corruption in the system of state functioning]*: avtoref. dis. ... d-ra iurid. nauk. M., 2015. 62.

Astaniin V. V. *Antikorruptsionnaia politika Rossii: kriminologicheskie aspekty [Anti-corruption policy of Russia: criminological aspects]*: avtoref. dis. ... d-ra iurid. nauk. M., 2009. 51.

Borkov V. N. *Predposylki formirovaniia trekh rubezhei ugovolno-pravovogo preduprezhdeniia korruptsii [Prerequisites for the formation of three frontiers of criminal law prevention of corruption]*. In: *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii [Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2009, 4, 16–20.

Borkov V. N. *Prestupleniia protiv osushchestvleniia gosudarstvennykh funktsii, sovershaemye dolzhnostnymi litsami [Crimes against the performance of state functions committed by officials]*. M., Iurlitinform, 2016. 344.

Burlakov V. N. *Ugovolno-pravovaia model' otvetstvennosti za korruptsiu [Criminal law model of liability for corruption]*. In: *Ugovolnoe pravo: strategii razvitiia v XXI veke [Criminal Law: Development Strategy in the XXI Century]*, 2025, 3, 30–37.

Damm I. A. *Korruptsionnaia prestupnost' kak istochnik opasnosti v teorii antikorrupsionnoi kriminologicheskoi bezopasnosti [Corruption crime as a source of danger in the theory of anticorruption criminological security]*. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Journal of the Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences]*, 2025, 18(8), 1540–1551. EDN: BDNCVC

Damm I. A., Tarbagaev A. N., Akunchenko E. A., Basalaeva S. P. *O roli informatsionno-analiticheskikh issledovani v nauchnom obespechenii antikorrupsionnoi deiatel'nosti (retsenziia na knigu Protivodeistvie korruptsii: informatsionno-analiticheskii biulleten' (2023)) [On the role of information and analytical research in the scientific support of anti-corruption activities (review of the book Countering Corruption: Information and Analytical Bulletin (2023))]*. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Journal of the Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences]*, 2025, 18(1), 194–199. EDN: SRASBU

Federal'naiia sluzhba gosudarstvennoi statistiki [Federal State Statistics Service]. 2023. Available at: <https://rosstat.gov.ru> (accessed 1 October 2023).

Kleimenov M.P. Korruptsiia v otsenkakh naseleniia [Corruption in public assessments]. In: *Vestnik Omskogo universiteta. Serii Pravo* [Bulletin of Omsk University. Series "Law"], 2023, 20(2), 79–85.

Kleimenov M.P., Kleimenov I.M., Kozlovskaiia M.G. Normativnyi podkhod k organizovannoi prestupnosti [Normative approach to organized crime]. In: *Vestnik Omskogo universiteta. Serii Pravo* [Bulletin of Omsk University. Series Law], 2019, 16(1), 167–177.

Konstitutsionnyi Sud Rossiiskoi Federatsii. Postanovlenie ot 09.01.2019 № 1-P [Constitutional Court of the Russian Federation. Ruling dated 09.01.2019 No. 1-P]. Available at: ConsultantPlus legal reference system.

Lopashenko N.A. Ob ugovnoi politike v otnoshenii korruptsionnykh proiavlenii [On criminal policy regarding corruption manifestations]. In: *Damm I.A., Akunchenko E.A. (eds.) Transformatsiia paradigmy antikorrupsionnoi deiatel'nosti* [Transformation of the Paradigm of Anti-Corruption Activity]: sb. nauch. st. po materialam VIII Sibirskogo antikorrupsionnogo foruma, Krasnoiarsk, 13–14 dekabria 2024 g. Krasnoiarsk, OOO Izdatel'stvo Polikor, 2025. 224.

Lopashenko N.A. Sovremennaia ugovnaia politika v otnoshenii korruptsionnykh prestuplenii: uroki i rezul'taty [Modern criminal policy regarding corruption crimes: lessons and results]. In: *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* [All-Russian Criminological Journal], 2025, 19(1), 39–56. DOI: 10.17150/2500–4255.2025.19(1).39–56. EDN: SPZWUC

Nomokonov V.A. Kakoi byt' antikorrupsionnoi politike? [What should the anti-corruption policy be?]. In: *Rol' iuridicheskogo soobshchestva v protivodeistvii korruptsii* [The Role of the Legal Community in Countering Corruption]: Sbornik nauchnykh statei po itogam VI Sibirskogo antikorrupsionnogo foruma. Krasnoiarsk, 2023, 129–136.

Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 09.01.2019 № 1-P. Dostup iz sprav.-pravovoi sistemy Konsul'tantPlus [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 09.01.2019 No. 1-P. Available from the ConsultantPlus legal reference system].

Shishkarev S.N. *Pravovoi poriadok v sfere protivodeistviia korruptsii: teoretiko-pravovoe issledovanie* [Legal order in the sphere of anti-corruption: theoretical and legal research]: avtoref. dis. ... d-ra iurid. nauk. M., 2010. 56.

Stebeneva E.V. *Kriminologicheskaiia transformatsiia korruptsii: ideologiia i mekhanizm protivodeistviia* [Criminological transformation of corruption: ideology and mechanism of counteraction]: avtoref. dis. ... d-ra iurid. nauk. SPb., 2025. 35.

Stebeneva E.V. Vidy korruptsii: sovremennye kriminologicheskie transformatsii [Types of corruption: modern criminological transformations]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2024, 4(104), 209–226. Available at: <https://doi.org/10.35750/2071–8284–2024–4–209–226>

Ugolovnyi kodeks Kirgizskoi Respubliki [Criminal Code of the Kyrgyz Republic]. Available at: <https://cbd.minjust.gov.kg/112309/edition/24614/ru> (accessed 27 December 2025).

Ukazanie Genprokuratury Rossii № 503/11, MVD Rossii № 1 ot 28.07.2025 O vvedenii v deistvie perechnei statei Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii, ispol'zuemykh pri formirovanii statisticheskoi otchetnosti [Directive of the Prosecutor General's Office of Russia No. 503/11, Ministry of Internal Affairs of Russia No. 1 dated 28.07.2025 On the enactment of lists of articles of the Criminal Code of the Russian Federation used in the formation of statistical reporting]. Available at: ConsultantPlus legal reference system.

EDN: LOLMAG
УДК 343.98

The Concept of Ensuring a Balance Between Anti-Corruption and Anti-Corruption Protection

Yury P. Garmaev*

*Banzarov Buryat State University
Ulan-Ude, Russian Federation*

Received 19.02.2026, received in revised form 02.03.2026, accepted 13.03.2026

Abstract. The article examines the problem of imbalance in modern anti-corruption activities, in which effective anti-corruption measures generally dominate the protection of citizens' rights. The purpose of the study is to provide a theoretical justification, develop a concept and specific measures to ensure a balance between anti-corruption and anti-corruption protection based on the principle of proportionality. The results of the study revealed negative trends, excesses of «excessive law enforcement», such as underestimation of standards of evidence in cases of bribery and prioritization of minor offenses. A balanced model is proposed that integrates anti-corruption ideas and anti-corruption protection mechanisms, including prevention, legal education, including criminal law audit, as well as emergency and offensive protection. The author concludes that the transition to the paradigm of balance will increase the legitimacy and effectiveness of all anti-corruption activities. The implementation of the proposed algorithms will help to harmonize the interests of the individual, society and the state.

Keywords: anti-corruption, balance, anti-corruption protection, corruption crimes, standard of proof, anti-corruption activities, protection of citizens' rights, negative trends, emergency and offensive protection, prevention of corruption.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Criminal Law Sciences.

Citation: Garmaev Yu. P. The Concept of Ensuring a Balance Between Anti-Corruption and Anti-Corruption Protection. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(4), 750–762. EDN: LOLMAG

Концепция обеспечения баланса между противодействием коррупции и антикоррупционной защитой

Ю.П. Гармаев

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Российская Федерация, Улан-Удэ

Аннотация. В статье рассматривается проблема дисбаланса в современной антикоррупционной деятельности, при котором в целом эффективные меры борьбы с коррупцией доминируют над защитой прав граждан. Целью исследования является теоретическое обоснование, разработка концепции и конкретных мер обеспечения баланса между противодействием коррупции и антикоррупционной защитой на основе принципа пропорциональности. Результаты исследования выявили негативные тенденции, перегибы «избыточного правоприменения», такие как занижение стандартов доказывания по делам о взяточничестве и приоритизация малозначительных правонарушений. Предложена сбалансированная модель, интегрирующая идеи противодействия коррупции и механизмы антикоррупционной защиты, включающей профилактику, правовое просвещение, в том числе уголовно-правовой (шире – правовой) аудит, а также экстренную и наступательную защиту. Автор делает вывод, что переход к парадигме баланса позволит повысить легитимность, эффективность всей антикоррупционной деятельности. Внедрение предложенных алгоритмов будет способствовать гармонизации интересов личности, общества и государства.

Ключевые слова: противодействие коррупции, баланс, антикоррупционная защита, коррупционные преступления, стандарт доказывания, антикоррупционная деятельность, защита прав граждан, негативные тенденции, экстренная и наступательная защита, профилактика коррупции.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки); 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Цитирование: Гармаев Ю.П. Концепция обеспечения баланса между противодействием коррупции и антикоррупционной защитой. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(4), 750–762. EDN: LOLMAG

Введение

Задачи повышения эффективности антикоррупционной деятельности в Российской Федерации на современном этапе находятся под самым пристальным контролем со стороны государства и вызывают глубокий интерес гражданского общества, всех граждан. Анализ актуальных данных о противодействии коррупции свидетельствует о системном и по-своему беспрецедентном усилении мер

по борьбе с ней, а также смещении акцентов с количественных показателей на качественные результаты, что следует оценить как безусловно позитивную тенденцию и важный шаг в укреплении правопорядка. В то же время, как отметил Генеральный прокурор РФ: «В борьбе с коррупцией недопустимы популизм и «искусственное наращивание показателей, ... а упор в надзоре должен делаться на профилактику нарушений» (Gutsan,

2025). Данный подход отражает зрелость антикоррупционной политики государства и переход к стратегии долгосрочной эффективности.

Однако высокие показатели борьбы с коррупцией формируют лишь одну чашу весов антикоррупционной деятельности. Основная гипотеза настоящего исследования заключается в наличии определенного дисбаланса, «обвинительной акцентуации», что, безусловно, требует глубокого научного осмысления и принятия системных мер.

Методология

Методологическую основу исследования составили в том числе разработки научной криминологической школы Сибирского федерального университета, в качестве одной из ключевых концепций которой выступает теория антикоррупционной криминологической безопасности (Damm, 2024). Основоположник теории – Н. В. Щедрин, определил понятие антикоррупционной безопасности (Shchedrin & Damm, 2020). Развивая концепцию, И. А. Дамм констатирует, что современная российская правовая система достигла предела своей эффективности, столкнувшись с внутрисистемными противоречиями и стагнацией механизмов противодействия коррупции. Сам термин «противодействие» имеет векторную направленность воздействия только на сам источник опасности – коррупционную преступность. Соответственно, за рамками пресловутого противодействия коррупции остается значимое направление – защита системообразующих объектов от коррупционных угроз и источников опасности – личности, общества и государства. Автор также отмечает, что антикоррупционные меры безопасности, в отличие от мер ответственности, носят предупредительный характер и направлены на защиту коренных интересов личности, общества и государства. При этом наибольшую опасность коррупция представляет в органах государственной власти, а также в правоохранительных органах, поскольку противодействие коррупции предполагает активное воздействие на источник опасности (кор-

рупцию). Власть, таким образом, с одной стороны, в лице государственных органов и их должностных лиц является основным субъектом противодействия коррупции, а с другой стороны, выступает источником коррупционной опасности. Соответственно, власть осуществляет противодействие коррупции в отношении самой себя. В связи с этим познание антикоррупционной криминологической безопасности требует выделения и дополнительной характеристики объектов с двойственной природой для обеспечения их усиленной антикоррупционной защиты.

Обеспечение антикоррупционной криминологической безопасности объединяет в себе два основных направления: антикоррупционную охрану, защиту значимых объектов (первое направление) и противодействие коррупционной преступности (второе направление) (Damm, 2024). Анализируя проблематику настоящего исследования с учетом этой концепции, становится методологически очевидным необходимость обеспечения разумного баланса между антикоррупционной охраной, защитой значимых объектов (первое направление) и противодействием коррупционной преступности (второе).

Еще одним элементом методологии исследования является принцип пропорциональности. Как отмечает ряд авторов, он представляет собой фундаментальный элемент современной правовой системы, направленный на обеспечение справедливого баланса между целью государственного вмешательства и ограничением прав и свобод частных лиц. «Правоприменитель, учитывая различные социальные, экономические, политические и иные метаюридические факторы, в разрешении проблемы соразмерности средств и цели должен найти «золотую середину» или баланс между ограничением прав и приобретаемыми в результате ограничения выгодами... На текущий момент принцип пропорциональности, ставший «неотъемлемым атрибутом юридической культуры» в европейских государствах, проник далеко за пределы общеевропейского правового пространства

и получил признание в странах с разными правовыми системами Южной Америки, Африки, Австралии, Новой Зеландии, а также Северной Америки (Iadrikhinskii, 2021: 82–105; Barak, 2012).

Р. Б. Булатов и А. С. Михасев полагают, что этот принцип формулирует требование, чтобы ограничения были пропорциональны цели и не выходили за рамки необходимого для ее достижения (Bulatov & Mikhasev, 2024: 21–24).

Утверждается, что для оценки соблюдения принципа пропорциональности в конкретных ситуациях необходимо использовать специальный инструментарий – тест на пропорциональность, который помогает оценить законность и обоснованность нормативных и правоприменительных актов путем определения цели, эффективности и необходимости их принятия и применения. Этот принцип, в иной терминологии, фактически применяется и высшими судебными инстанциями¹.

Эмпирическая основа исследования

В качестве эмпирической основы применен оригинальный подход, включающий комбинацию публичных выступлений и целевого опроса практикующих юристов. В 2024 и 2025 гг. (Siberian Anti-Corruption Forum, 2024; Siberian Anti-Corruption Forum, 2025) автор дважды выступил на ежегодном Сибирском антикоррупционном форуме с данной проблематикой (Report, 2025). Пользуясь беспрецедентным для научных форумов количеством практикующих юристов, после выступлений проводились интервью с присутствующими правоприменителями (далее – респонденты). Формулировки вопросов охватывали проблематику наличия/отсутствия упомянутого баланса. Дополнительно после форума 2025 г. опрошен ряд не присутствовавших

респондентов путем демонстрации им указанной видеозаписи и стенограммы доклада. В общей сложности таким образом было опрошено 52 респондента – действующие правоприменители, представители двух сторон уголовного судопроизводства: 35 следователей, оперативных сотрудников, прокурорских работников; 17 адвокатов, имеющих опыт защиты по уголовным делам о коррупционных и сопутствующих им преступлениях.

Тревожные тенденции или отдельные негативные факты?

Рассмотрим два наиболее значимых в заданном контексте аспекта дисбаланса в сторону усиления второго направления – противодействия коррупционной преступности. Речь о не основанных на законе мерах борьбы с коррупцией: занижение «стандартов доказывания» по делам о коррупционных преступлениях и приоритизация малозначительных правонарушений в целях улучшения статистических показателей.

Занижение «стандартов доказывания». В последние годы судебная практика демонстрирует множество примеров, которые постепенно могут вылиться в тревожную закономерность. Суть ее – отход от тех критериев достаточности доказательств, которые десятилетиями складывались в правоприменении, хотя и не получили прямого нормативного закрепления. Речь идет о типичных уголовных делах по обвинению в получении/даче взяток (здесь и далее в заданном контексте имеются в виду и уголовные дела о смежных коррупционных преступлениях: коммерческий подкуп, коррупционное мошенничество и т.п.), где суды признают доказанной вину подсудимых на основании показаний единственного лица – другого обвиняемого или свидетеля. Вот типичная следственная (судебная) ситуация: некий гражданин заявляет, что должностное лицо требовало у него взятку. Следствие предлагает такому заявителю дать изобличающие показания и воспользоваться (иногда задним числом) механизмом освобождения от уголовной ответствен-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 03.07.2018 № 28-П // Доступ из СПС «Консультант Плюс»; Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021) // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

ности, предусмотренным примечанием к ст. 291 УК РФ. Иногда применяется сходный процессуальный механизм и связанная с ним тактическая операция – на основе заключения досудебного соглашения о сотрудничестве (Khamidullin, 2018). Анализ множества конкретных уголовных дел такого типа показывает: в рамках использования подобных механизмов обвинительные приговоры выносятся при отсутствии, например, вещественного доказательства – самого предмета взятки (денежных купюр, иных материальных ценностей), без проведения значимых для доказывания оперативно-разыскных мероприятий. Доказательственная база строится зачастую в основном или даже исключительно на показаниях заявителя – «сотрудничающего» лица.

Так, в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2025)² уже не впервые приводятся следующие обстоятельства типичного уголовного дела о получении взятки. 26 июля 2023 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение одного из краевых судов и кассационное определение Восьмого кассационного суда от 14 декабря 2022 г., направив дело на новое апелляционное рассмотрение в ином составе суда по делу руководителя ЗАГСа Г., осужденной за получение взятки и служебный подлог. Верховный Суд справедливо указал, что нижестоящие суды не дали надлежащей оценки ключевым доводам защиты и не привели убедительных мотивов для их опровержения. В частности:

– заинтересованность свидетелей-взяткодателей: основные свидетели обвинения (О.М., С., О.Н.) сами были осуждены за мошенничество, связанное с получением пособий на несуществующих детей, и имели мотив оговорить Г., которая ранее сообщила о них в правоохранительные органы;

– по другим приговорам эти же лица (О.М., С., О.Н.) были признаны виновными в мошенничестве путем обмана сотрудни-

ков ЗАГСа, а не дачи взяток, что противоречит обвинению Г.;

– отсутствие прямых доказательств: в деле отсутствовали результаты оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) и иные объективные доказательства получения взятки;

– недопустимость показаний: показания умершего свидетеля обвинения были получены в период, когда она страдала деменцией и последствиями инсульта, что ставит под сомнение их достоверность.

Верховный Суд РФ подчеркнул, что обвинительный приговор по делу о взятничестве, как и по любому иному делу, должен основываться на **достаточной совокупности** (выделено мной – Ю.Г.) относимых, допустимых и достоверных доказательств, чего в данном случае достигнуто не было. И это не единственное подобное решение высшей судебной инстанции³.

Таким образом, был подтвержден определенный, условно говоря, минимальный стандарт доказывания по делам о взятничестве. Согласно ему, говоря упрощенно, в ситуации противостояния показаний («слово против слова») критерий достаточности доказательств не может считаться соблюденным.

Приведем еще один пример, иллюстрирующий типичные судебные ситуации недостаточности доказательств. Приговором одного из судов Ш. оправдан по ч. 3 ст. 290 УК РФ. Оправдан дважды (Chelyabinsk online, 2019). На судебных стадиях доказательственная база обвинения опиралась на показания свидетеля (ФИО8), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве. Суд установил отсутствие события преступления (п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), поскольку показания обвиняемого о своей невиновности не опровергнуты. Важно подчеркнуть мнение судьи в приговоре: свидетель был заинтересован в исходе, мог оговорить для облегчения своей участи, прямых доказательств (изъятия де-

² П. 48 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2025), утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 8 октября 2025 г. // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

³ См. также аналогичное в заданном контексте уголовное дело о получении взятки: Определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 15.09.2021 г. № 11-УД21-15-К6 // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

нег, места передачи и т.п.) нет, а его (свидетеля) обвинение связано с делом Ш⁴. Это и предыдущие примеры судебной практики вновь и вновь иллюстрируют системный риск стороны обвинения по уголовным делам о взяточничестве, равно как и по иным коррупционным преступлениям: «сотрудничающие» со стороны обвинения явно заинтересованные лица часто становятся основным или даже единственным источником доказательств. Можно уже говорить о типичном характере чрезмерной зависимости стороны обвинения от такого рода показаний «досудебщиков» и иных заинтересованных лиц. В ряде интернет-публикаций также указывается, что практика уголовного преследования при отсутствии изъятого предмета взятки, основанная исключительно на показаниях лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, и искусственно сконструированных производных доказательствах, вступает в противоречие с императивными требованиями уголовно-процессуального законодательства (Pravrub, 2025).

Можно ли говорить, что обвинительные приговоры подобного рода, то есть основанные в основном только на показаниях одного свидетеля обвинения, стали преобладающей практикой, устойчивой закономерностью? Думается, пока нет. Упомянутые выше опросы респондентов показывают, что в подавляющем своем большинстве (27 человек, 77,14 %; остальные 8 человек затруднились ответить на этот вопрос или ответили уклончиво, противоречиво) представители стороны обвинения признают, что такая практика имеется, но она не преобладающая, не массовая. Однако среди опрошенных адвокатов большинство, порядка 82,3 % (14 человек), на аналогичный вопрос ответили, что такая практика не просто имеется, но постоянно нарастает, переходя в массовую, в пугающую закономерность. Три респондента дополнительно обратили внимание на то,

что в заданном контексте нужно как-то учитывать судебные ситуации не только непризнания, но и формального признания вины обвиняемым, реально не согласным с обвинением, где все обвинение построено на показаниях тех самых заявителей о взяточничестве. Но сторона защиты вынуждена выбирать правовую позицию признания вины, «чтобы не было еще хуже».

Вывод очевиден: с позиции принципа законности (ст. 7 УПК РФ, ч. 3 ст. 49 Конституции РФ) борьбу с криминальной коррупцией недопустимо вести такими методами. В логике судов первой инстанции по приведенным двум примерам из практики Верховного Суда РФ осудить за взяточничество можно буквально любого (в том числе невиновного), на кого опять же любой, даже явно и кровно заинтересованный в оговоре, укажет как на взяткодателя/взятополучателя. «Так можно посадить любого: без совокупности с иными доказательствами, без самого предмета взятки, без результатов ОРД, по фактам, имевшим места в далеком прошлом» (из реплик опрошенных респондентов).

Следует отметить, что актуальная проблематика достаточности доказательств по делам о взяточничестве (как и по иным видам преступлений) неоднократно поднималась в научной литературе. Общий вектор научных позиций сводится к следующему: совокупность доказательств является недостаточной, если:

- она базируется преимущественно на обвинительных показаниях единственного лица (например, взяткодателя);
- остальные доказательства стороны обвинения носят производный характер от указанных показаний;
- обвиняемый (например, «взятополучатель») свою вину не признает; в материалах дела отсутствуют изъятое и процессуально оформленные вещественные и иные доказательства (предмет взятки, аудио- или видеозаписи встреч и иные объективные носители информации) (Govorkov, 2008: 19; Попов, 2018: 26–28).

Так, П. С. Яни формулирует некий минимальный перечень (набор) доказательств

⁴ Приговор Чебаркульского городского суда Челябинской области от 11 ноября 2019 г. по делу в отношении Ш. (Шацкого С.Ю.) по ч. 3 ст. 290 УК РФ. Архив Чебаркульского городского суда Челябинской области.

по делам о взяточничестве в следственных и судебных ситуациях, когда нет результатов ОРД и не имело место задержание лица с поличным. Приведем этот перечень в кратком изложении:

1) прямые показания свидетелей: взяткодателей, посредников, лиц, которых склоняли к соучастию, у которых вымогали взятку (потерпевших), с которыми обсуждали условия получения взятки;

2) доказательства отсутствия у указанных свидетелей причин для оговора обвиняемого;

3) материалы прослушивания телефонных и иных переговоров, «превращенные» в допустимые доказательства;

4) доказательства наличия у обвиняемого денежных средств (в т.ч. на счетах подконтрольных лиц), ставших предметом взятки, или трат, превышающих законные доходы;

5) доказательства именно незаконных действий (бездействия) должностного лица за взятку. Это позволяет простым логическим путем установить связь между вознаграждением и служебным поведением.

Таким образом, автор констатирует: несмотря на принцип свободы оценки доказательств (ст. 17 УПК), практика *de facto* выработала высокие формализованные стандарты доказывания по делам о взяточничестве, где результаты ОРД (включая задержание с поличным) стали фактически «царицей доказательств» (Iani, 2018: 37–42).

Итак, игнорирование как законодательных требований, так и массовой правоприменительной практики о достаточности доказательств по уголовным делам о коррупционных преступлениях недопустимо и представляет серьезную угрозу правам граждан, интересам общества и государства в целом. Иными словами, весы баланса между антикоррупционной защитой и противодействием коррупции противоправно склоняются в сторону второго направления.

Приоритизация малозначительных правонарушений в целях улучшения статистических показателей. В конце 2022 г. были подчеркнуты широко распространенная негативная закономерность в деятель-

ности правоохранительных органов, некий неформальный приоритет борьбы с мелкими преступлениями, не представляющими правовой и криминалистической сложности (Garmaev, 2023: 63–71). С тех пор положение некоторым образом улучшается. По данным Генеральной прокуратуры РФ, на начало 2025 г. доля случаев мелкого взяточничества значительно сократилась. «В прошлом дела по этой категории использовались для раздувания показателей в сфере борьбы с коррупцией. Но последовательные усилия прокуроров, в том числе координационного характера, привели в сторону ощутимого повышения качества документируемых фактов взяточничества (в значительном и выше размерах)» (Prosecutor General's Office 2025). Так, если в 2017 г. доля выявленных случаев мелкого взяточничества составляла около половины (48,2 %) от общего числа всех преступлений, связанных со взяточничеством, то по итогам 2024 г. доля мелкого взяточничества сократилась до трети (27 %), а в первом квартале 2025 г. – до 20,3 %. Однако в абсолютных цифрах в первом квартале 2025 г. в ведомстве отметили рост выявляемости мелких взяток почти на треть (Prosecutor General's Office 2025). Таким образом, проблема, пожалуй, существует, но внимание на нее обращено. Она как-то решается.

Однако признаки дисбаланса, перегибов в части «*борьбы с мелочевкой ради показателей*» усматриваются не только в уголовно-правовой сфере, но и в сфере противодействия иным коррупционным правонарушениям. Так, тревогу вызывают перегибы в противодействии некриминальной коррупции, на которые обращает внимание А. Д. Ильяков. Автор как ведущий научный сотрудник НИИ Университета прокуратуры РФ провел глубокое исследование, по результатам которого делает выводы, что зачастую выбор мер реагирования не соответствует характеру и степени общественной опасности выявленного правонарушения. Это приводит к необоснованному ужесточению ответственности даже в малозначительных случаях. Особую тревогу вызывает практика безосновательного

требования об увольнении в связи с утратой доверия, применяемая без достаточных оснований. Кроме того, наблюдается стремление к искусственному увеличению статистических показателей работы надзорных органов, что препятствует выявлению и пресечению реальных нарушений закона и подрывает эффективность антикоррупционной политики в целом (Piakov, 2021: 33–36).

В другой публикации справедливо отмечается: на примере принятия мер прокурорского реагирования по фактам выявленных нарушений, допущенных депутатами представительных органов местного самоуправления, следует учитывать, что для них за нарушение порядка представления сведений о доходах предусмотрен только один вид ответственности – досрочное прекращение полномочий. Однако прокуроры должны оценивать возможные негативные последствия исполнения своих требований: акты реагирования *должны быть направлены не на разрушение существующих правоотношений, а на их корректировку и приведение в соответствие с действующим законодательством* (курсив мой – Ю.Г.) (Sinel'shchikova & Piakov, 2026.). В юридической науке такой подход часто описывается метафорой Фрица Фляйнера: «Полиция не должна стрелять по воробьям из пушек» (Fleiner, 1911: 323; цит. по: Dolzhikov, 2022: 124–133).

Итак, проблема перегибов в мерах по противодействию коррупции существует, и в нашей стране имеет множество описанных и иных негативных проявлений, грозящих перерасти в устойчивые закономерности. И само по себе это естественно, причем характерно для множества разнообразных правовых систем (см. ниже). Вопрос в том, что государство, общество и в частности юридическая наука, может противопоставить этим тенденциям. А можно так: что можно положить на другую чашу наших гипотетических «весов баланса», то есть в качестве мер антикоррупционной охраны и защиты значимых объектов – личности, общества, государства?

Проблема избыточного правоприменения и перегибов за рубежом

Проблема некоего избыточного правоприменения (*over-enforcement*), безусловно, характерна не только для России. Она носит глобальный характер. В погоне за эффективностью противодействия коррупции современные правовые системы нередко жертвуют принципами пропорциональности и защиты прав личности. В нашей образной терминологии это «перегибы» в противодействии коррупции. Так, в исследованиях, посвященных эффективности политик конфликта интересов в странах ЕС, отмечается существование так называемого парадокса добропорядочности (*integrity paradox*). Суть этого типа перегиба заключается в том, что с усложнением общества растет потребность в более строгих и детальными правилах. Однако это ведет к ситуации, когда «законов, которые можно нарушить, становится слишком много, правоохранительные органы становятся более рьяными (*zealous*), а ресурсы в их распоряжении – более обильными». В результате статистически увеличивается количество формальных нарушений, что далеко не всегда отражает реальный уровень коррупции. Но создается сильное давление на должностных лиц, подрывая доверие к институтам власти (Demmke, Paulini, Autioniemi & Lenner, 2020).

Л. Фейкем полагает, что расширение сферы действия антикоррупционного права от борьбы с конкретными взятками до «предотвращения коррупции в широком смысле» является опасной фикцией. Суть этого перегиба автор характеризует как «иллюзию контроля» и «симптом сбоя» (*derailment*). Чрезмерное применение антикоррупционных норм приводит к отчуждающему и деморализующему воздействию на субъекты. При этом под угрозой оказывается само человеческое достоинство, которое изначально должно было защищаться этими законами (Feikema, 2024).

В США отмечаются многочисленные факты «непропорциональности следственных мер» обысков в компаниях, офисах различных организаций, которые призна-

ются в дальнейшем несоразмерными и нарушающими права обыскиваемых. В литературе указывается на необходимость ограничения изъятия только документов, относящихся к цели обыска, а также право организаций, бизнеса оспаривать обысковые меры и т.п. (Bronckers & Vallery, 2021: 75–92). Множество зарубежных авторов (например, Naughton, 2014: 846–865; Poyser & Milne, 2015: 59–73) исследуют проблему «криминализации неправомερных осуждений» и судебных ошибок, вызванных дефектами следственной деятельности. Суть этого перегиба – в игнорировании доказательств защиты и нарушения в тактике проведения допросов.

В целом в международной антикоррупционной практике активно обсуждается необходимость реформ, призванных сделать глобальную борьбу с коррупцией более предсказуемой, пропорциональной и легитимной, обеспечивая баланс между верховенством закона и интересами, например, мирового бизнеса (Bulovsky, 2019: 549–578). Названные и многие иные зарубежные исследования подтверждают тезис о том, что перегибы в деятельности по противодействию коррупции – это, конечно же, не региональная, а системная, международная угроза правам человека и гражданина как в российском, так и в иных правовых порядках.

Использование теста на пропорциональность в качестве инструмента оценки соразмерности ограничений прав

Выше, в разделе о методологии исследования обозначен и раскрыт принцип пропорциональности. Для его реализации наиболее распространенным среди ученых является четырехступенчатый тест, включающий следующие этапы (стадии): легитимность цели, уместность (рациональная связь между регулированием и целью), необходимость (отсутствие менее ограничительных альтернатив) и балансировка интересов (пропорциональность в узком смысле). Р. Б. Булатов и А. С. Михасев предлагают трехступенчатую модель, которая, по их мнению, позволяет вместить все вариации теста на пропорциональность:

– стадия определения законности и легитимности нормы права, когда оцениваются как формальные критерии принятия акта, так и его соответствие необходимым, поставленным перед ним целям;

– стадия уместности и необходимости, когда исследуется, подходят ли акт или избранное регулирование для достижения данных целей и нет ли возможности достичь цели принятием менее обременительного акта;

– стадия соразмерности и эффективности, когда исследуется как соразмерность ограничения прав и свобод, баланс интересов и ценностей, так и эффективность нормы в качественном измерении.

Справедливо отмечается, что данный тест может быть применен как к нормативным актам, так и к актам применения права (Bulatov & Mikhasev, 2024: 21–24). Не вдаваясь в подробности и некоторые естественные ограничения, можно заключить, что в целом тест на пропорциональность представляет собой важный инструмент для оценки согласованности и соответствия законности конкретных действий субъектов антикоррупционной деятельности. Он воплощает в себе сочетание юридической точности и социальной ответственности, способствует устойчивому развитию правового государства и обеспечению справедливости в обществе. Применение теста позволяет избежать произвола и необоснованных ограничений, обеспечивает гарантии справедливости для всех членов общества.

Очевидно, что обозначенные выше типичные перегибы – занижение стандартов доказывания и приоритизация малозначительных правонарушений – не проходят ни один из этапов теста на пропорциональность. Разве что есть сомнения о соблюдении первого.

Как лечить перегибы: к вопросу о содержании мер антикоррупционной безопасности

Для достижения пропорциональности, разумного баланса на вторую чашу весов необходимо положить систему мер антикоррупционной безопасности – то есть

меры по защите граждан, общества и государства. Как видим, речь идет не только о защите от самой коррупции как деструктивного явления, но и о защите от определенных перегибов, возникающих в процессе противодействия ей. Меры антикоррупционной безопасности должны включать в себя механизмы, оберегающие людей и целые коллективы от чрезмерных, а порой и незаконных, несправедливых мер противодействия.

Ранее было проведено исследование и представлена междисциплинарная концепция эффективной уголовно-правовой защиты бизнеса и должностных лиц (Garmaev, 2025: 598–610). Она как раз и базируется на принципе баланса, пропорциональности мер противодействия преступности и охраны, защиты базовых объектов: личности, общества и государства. Ключевое значение придается минимизации необоснованных уголовно-правовых рисков – вероятности незаконного преследования бизнеса и должностных лиц. Как представляется, удалось доказать, что данная концепция носит универсальный характер, то есть может распространяться и на антикоррупционную деятельность, поскольку межотраслевые характеристики криминальных, коррупционных угроз для бизнеса и управленцев, иных лиц и коллективов обнаруживает концептуальное сходство. Это позволяет применять единый инструментарий, в том числе антикоррупционной защиты.

Практическая реализация модели на уровне правоприменения включает алгоритм из трех взаимосвязанных компонентов.

1. Профилактика коррупционных и сопутствующих им рисков, антикоррупционное и шире – антикриминальное просвещение, антикоррупционный комплаенс и уголовно-правовой (или шире – правовой) аудит деятельности. Данный элемент является ключевым, основным в концепции и направлен на минимизацию как обоснованных, так и необоснованных криминальных рисков еще до возникновения конфликтной ситуации с государством.

Он предполагает проведение тренингов, деловых игр и специализированного аудита для выявления типичных правовых ошибок и заблуждений в управленческих и бизнес-процессах.

2. Экстренная защита на основе закона. Этот компонент активируется в ситуациях внезапного правового воздействия: при проведении обысков, выемок, обследований помещений или вызовов на допросы и опросы. Задачей является оперативное обеспечение соблюдения прав граждан и организаций, предупреждение фактов превышения полномочий со стороны сотрудников правоохранительных органов и, что особенно важно, без незаконного противодействия расследованию.

3. Наступательная (проактивная) защита. Такая защита базируется на принципе проактивности, предполагающем предвидение и упреждение мер уголовного и иного преследования за совершение (реального или мнимого) коррупционного преступления, иного правонарушения. Целью наступательной защиты является достижение правомерного, если это возможно, результата – прекращения уголовного преследования на максимально ранних стадиях, используя законные средства.

Внедрение данных мер в качестве компонентов эффективной защиты, антикоррупционной безопасности требует «бесшовного» взаимодействия между адвокатами, бизнес-юристами, прокурорами⁵ и представителями иных государственных органов и правозащитных структур для создания единого и непрерывного механизма обеспечения антикоррупционной безопасности (Garmaev, 2025: 600–601).

Уже ряд лет коллектив нашей научной школы реализует предлагаемую концепцию баланса, антикоррупционной защиты на прикладном уровне и проводит занятия для сотрудников и управленцев различных организаций по тематике типа: «Преду-

⁵ С учетом в том числе Приказа Генпрокурора России от 31.08.2023 № 581 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности» // Доступ из СПС «Консультант Плюс».

прежде коррупционных преступлений в такой-то сфере _____ и защита от незаконного обвинения в преступлении». В соответствующем видеоконтенте на официальном RuTube-канале (Effective protection of businesses and officials, 2026; Defense and prosecution in criminal cases of corruption and official crimes, 2026) и в рамках множества просветительских занятий используется прежде всего профилактический, просветительский инструментарий, антикоррупционный комплаенс и прикладные инструменты минимизации коррупционных и иных криминальных рисков. Как мы уже излагали в предшествующих публикациях, рассматриваются в том числе следующие вопросы:

- каковы коррупционные и иные правовые риски руководителей, сотрудников;
- как выявляются и расследуются преступления, иные правонарушения;
- в чем заключаются типичные правовые заблуждения и какова их «цена»;
- и, наконец, как защититься от клеветы и незаконного, необоснованного обвинения в преступлении, ином правонарушении.

На типичных практических примерах отрабатываются и внедряются алгоритмы действий руководителя и сотрудников в типичных рискованных ситуациях: провокации взятки, клеветы, ложных обвинений и т.п.

Для участников интерактивных занятий проводятся индивидуальные консультации и передаются:

- PDF-памятки с алгоритмами действий в типичных криминальных и следственных ситуациях,
- доступ к просветительскому видеоконтенту,
- специальная подборка литературы и судебной практики.

Важно отметить, что в рамках этой профилактической и просветительской деятельности никогда не допускается задача сомнительных советов типа: «Как совершить преступление и уйти от ответственности» или «Как противодействовать расследованию всеми возможными, в том числе незаконными способами». Не допускается также огульная критика, создание

негативного имиджа представителей правоохранительной и судебной системы. Это рассматривается как важнейшие методологические, этические правила реализации всей концепции.

Важно также разрабатывать и активно внедрять различные виды прикладного уголовно-правового и шире – правового, антикоррупционного аудита, антикоррупционного комплаенса как инструментов превентивного обнаружения рисков в организациях и у граждан. На текущий момент на уровне научных разработок нам не известны конкретные алгоритмы и правила проведения подобных аудитов. Для этого необходимо использовать нейросети и иные цифровые технологии. И это предмет для отдельных актуальных научно-прикладных исследований.

Заключение

В результате проведенного исследования сформулирована концепция баланса, основанная на идеях антикоррупционной безопасности, принципа пропорциональности. Переход от парадигмы противодействия коррупции к модели сбалансированной антикоррупционной деятельности позволит не только продолжать повышать ее эффективность, но и обеспечить правовую защищенность личности, общества и государства. Внедрение предложенной концепции и алгоритмов может способствовать значительному снижению количества фактов незаконного и необоснованного преследования должностных лиц, представителей бизнеса, иных граждан.

Направлениями дальнейших исследований могут стать в том числе разработка «ручных» и ИИ-алгоритмов автоматизированной оценки пропорциональности антикоррупционных мер как законодательного, так и правоприменительного характера. Необходимо также формировать методологически обновленные методики антикоррупционного просвещения, включая методики антикоррупционного комплаенса, междисциплинарного уголовно-правового и шире – правового аудита разнообразных организаций.

Эффективная антикоррупционная политика и антикоррупционная деятельность должны строиться на концепции баланса: защищая общество от коррупционных угроз, одновременно нужно обеспечивать гарантии от избыточных, неправомерных, несправедливых мер реагирования. Между-

народный опыт показывает, что проблема перегибов носит универсальный характер. Ключевым условием минимизации соответствующих рисков является их своевременное выявление и преодоление на основе научно обоснованных, методологически выверенных, системных решений.

Список литературы / References

- Barak A. *Proportionality: Constitutional Rights and Their Limitation*. Cambridge, University Press, 2012. 612.
- Bronckers M., Vallery A. Judicial Review and the Protection of Privacy Rights in Dawn Raids. In: *Competition Law Journal*, 2021, 20(2), 75–92.
- Bulatov R. B., Mikhasev A. S. Printsip proporsional'nosti i ego testovye kriterii [The principle of proportionality and its test criteria]. In: *Administrativnoe pravo i protsess [Administrative Law and Procedure]*, 2024, (11), 21–24.
- Bulovsky A. Promoting Predictability in Business: Solutions for Overlapping Liability in International Anti-Corruption Enforcement. In: *Michigan Journal of International Law*, 2019, 40(3), 549–578.
- Chelyabinsk online 2019: Sud povtorno opravdal yuzhnoural'skogo chinovnika po delu o vzyatke tryohletnej davnosti [The court re-acquitted the South Ural official in the case of a three-year-old bribe.]. Available at: <https://74.ru/text/criminal/2019/11/11/66343666/> (accessed February 14, 2026).
- Damm I. A. Osnovnye jelementy sistemy teorii antikorrupcionnoj kriminologicheskoy bezopasnosti [The main elements of the system of anti-corruption criminological security theory]. In: *Vserossiiskij kriminologicheskij zhurnal [All-Russian Criminological Journal]*, 2024, 18(6), 591–601.
- Defense and prosecution in criminal cases of corruption and official crimes. 2026. Available at: <https://rutube.ru/plst/633746> (accessed February 5, 2026).
- Demmke C., Paulini M., Autioniemi J., & Lenner F. The Effectiveness of Conflict of Interest Policies in the EU-Member States. Brussels, European Union, 2020. 180.
- Dolzhiikov A. V. Konstitutsionnoe trebovanie neobkhodimosti: postanovka problemy [Constitutional requirement of necessity: statement of the problem]. In: *Pravoprimerenie [Law Enforcement Review]*, 2022, 6(1), 124–133.
- Effective protection of businesses and officials. 2026. Available at: <https://rutube.ru/plst/611131> (accessed February 5, 2026).
- Feikema L. Anti-Corruption Law as a Fiction: The Illusion of Serving Morality by Controlling It through Rules and Regulations with an International Reach. In: *Global Perspectives*, 2024, 5(1). 10.
- Fleiner F. *Institutionen of German Administrative Law [Institutionen des deutschen Verwaltungsrechts]*. Tübingen, Mohr, 1911. 358.
- Garmaev Y. P. Preimushchestvennaia bor'ba s "melkimi" korrupsionnymi prestupleniiami kak problema praktiki i kriminalisticheskoi nauki [The predominant fight against "petty" corruption crimes as a problem of practice and forensic science]. In: *Lex russica (Russkii zakon) [Lex russica (Russian Law)]*, 2023, 76(3), 63–71.
- Garmaev Y. P. Effektivnaia ugovovno-pravovaia zashchita biznesa i dolzhnostnykh lits: kontseptsia i ee prakticheskaia realizatsia [Effective criminal law protection of business and officials: concept and its practical implementation]. In: *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal [All-Russian Criminological Journal]*, 2025, 19(6), 598–610.
- Govorkov N. Dokazyvanie polucheniia vziatki [Proving the receipt of a bribe]. In: *Zakonnost' [Legality]*, 2008, (8), 19.
- Gutsan 2025 – Gutsan: *iskusstvennoe narashchivanie pokazatelei v bor'be s korrupsiei nedopustimo [Gutsan: Artificial inflation of indicators in the fight against corruption is unacceptable]*. Available at: <https://tass.ru/obschestvo/25850127> (accessed February 14, 2026).

Iadrikhinskii S.A. Printsip proporsional'nosti kak instrument dostizheniia balansa interesov v nalogovykh otnosheniakh: problemy teorii i pravoprimeritel'noi praktiki v Rossii i za rubezhom [The principle of proportionality as a tool for achieving a balance of interests in tax relations: problems of theory and law enforcement practice in Russia and abroad]. In: *Pravo. Zhurnal Vyssei shkoly ekonomiki [Law. Journal of the Higher School of Economics]*, 2021, (3), 82–105.

Iani P.S. Dostatochnost' dokazatel'stv po delam o vziatochnichestve [Sufficiency of evidence in bribery cases]. In: *Zakonnost' [Legality]*, 2018, (9), 37–42.

Il'iakov A.D. Sovershenstvovanie prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov o protivodeistvii korruptsii [Improving prosecutorial supervision over the implementation of anti-corruption laws]. In: *Zakonnost' [Legality]*, 2021, (3), 33–36.

Khamidullin R.S. *Kriminalisticheskoe obespechenie deyatel'nosti sledovatelya po primeneniyu norm osobogo poryadka ugovnogo sudoproizvodstva pri zaklyuchenii dosudebnogo soglashiya o sotrudnichestve [Criminalistic support of the investigator's activity on the application of the norms of the special procedure of criminal proceedings at the conclusion of a pre-trial cooperation agreement]: dis. ... cand. legal sciences, Ekaterinburg, 2018. 200.*

Naughton M. (2014). Criminologizing wrongful convictions. In: *British Journal of Criminology*, 2014, 54(5), 846–865.

Popov I.A. Dokazyvanie predmeta vziatki kak neobkhodimoe uslovie privilecheniia k ugovnoi otvetstvennosti [Proving the subject of a bribe as a necessary condition for criminal liability]. In: *Mirovoi sud'ia [Magistrate Judge]*, 2018, (3), 26–28.

Poyser S., Milne R. No grounds for complacency and plenty for continued vigilance: Miscarriages of justice as drivers for research on reforming the investigative interviewing process. In: *Theoretical Criminology*, 2015, 19(1), 59–73.

Pravrub 2025: Net deneg – net vzyatki? Mozhno li dokazat' st. 290 UK RF, esli poluchenie vzyatki ne zafiksirovano [No money, no bribe? Is it possible to prove art. 290 of the Criminal Code of the Russian Federation if receiving a bribe is not recorded.]. Available at: <https://pravrub.ru/articles/101784.html> (accessed February 5, 2026).

Prosecutor General's Office 2025: Genprokuratura raskryla dannye o korruptcii v Rossii [Prosecutor General's Office revealed data on corruption in Russia.]. Available at: <https://prosecutordata.rbc.ru/> (accessed February 10, 2026).

Shchedrin N.V., Damm I.A. *Antikorruptsionnye mery bezopasnosti [Anti-corruption security measures]*. M., Prospekt, 2020. 496.

Siberian Anti-Corruption Forum. 2024. Available at: <https://rutube.ru/video/private/756ace0bf62070529e980405c347a63d/?r=wd> (accessed February 15, 2026).

Siberian Anti-Corruption Forum. 2025. Available at: <https://saf.sfu.ru/> (accessed February 5, 2026).

Sinel'shchikova E. IU., Il'iakov A.D. *Mery prokurorskogo reagirovaniia na narusheniia zakonov o protivodeistvii korruptsii [Measures of prosecutorial response to violations of anti-corruption laws]*. 2026. Available at: <http://kuzovatovo.ulregion.ru/korurt/2192/18140.html> (accessed February 17, 2026).

The report at the Siberian Anti-Corruption Forum 2025 was recorded on video. Available at: <https://rutube.ru/video/96270e7dc35c262edd3cf9a477a2b56a/> (accessed February 15, 2026).

EDN: MVJPRY
УДК 341.217:34.07:343.352

Digitalization as a Tool for Combating Corruption in the Post-Soviet States of Central Asia: International Legal Aspects

Ida L. Goloborodko*

*Interstate Educational Organization of Higher Education
First President of Russia Boris Yeltsin
Kyrgyz-Russian Slavic University
Bishkek, Kyrgyz Republic*

Received 10.03.2026, received in revised form 17.03.2026, accepted 25.03.2026

Abstract. The article discusses digitalization as a line of anti-corruption policy in the post-Soviet states of Central Asia. CPI 2024 is used as background and is compared with legal and institutional features of five countries in the area. The core part of the paper reviews the international legal framework for introducing digital transparency tools, above all the 2003 UN Convention against Corruption and the practices built around its implementation. The analysis also covers assessment materials and guidance produced within OECD anti-corruption programmes, along with CIS initiatives and the UNODC-supported Central Asia Platform and its 2024–2026 roadmap. Using national examples, the paper describes how e-government services, public procurement platforms and state registries are being digitalized in sectors exposed to corruption risks, and examines issues of regulation, resources and infrastructure readiness.

Keywords: anti-corruption, digitalization, Central Asia, e-government, international law, anti-corruption standards.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; International Legal Sciences; Constitutional Foundations; Information Systems and Management.

Citation: Goloborodko I. L. Digitalization as a Tool for Combating Corruption in the Post-Soviet States of Central Asia: International Legal Aspects. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(4), 763–772. EDN: MVJPRY

Цифровизация как инструмент противодействия коррупции в постсоветских государствах Центральной Азии: международно-правовые аспекты

И.Л. Голобородько

Межгосударственная образовательная организация высшего образования

«Кыргызско-Российский Славянский университет

имени первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина»

Кыргызская Республика, Бишкек

Аннотация. В статье рассматривается цифровизация как направление противодействия коррупции в постсоветских государствах Центральной Азии. В качестве контекста используются данные CPI за 2024 г., которые сопоставляются с правовыми и институциональными особенностями пяти стран региона. Далее анализируются международно-правовые ориентиры внедрения цифровых инструментов, прежде всего Конвенция ООН против коррупции 2003 г. и практики, связанные с ее исполнением. Отдельное внимание уделяется оценочным материалам и рекомендациям, которые формируются в рамках программ ОЭСР, а также межгосударственным инициативам СНГ и поддержанной УНП ООН Платформе Центральной Азии с дорожной картой на 2024–2026 гг. На основе национальных примеров описывается развитие электронных государственных сервисов и цифровых процедур в сферах с повышенными коррупционными рисками, а также обсуждаются вопросы правового регулирования, ресурсов и готовности инфраструктуры.

Ключевые слова: противодействие коррупции, цифровизация, Центральная Азия, электронное правительство, международное право, антикоррупционные стандарты.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.4. Уголовно-правовые науки; 5.1.5. Международно-правовые науки.

Цитирование: Голобородько И. Л. Цифровизация как инструмент противодействия коррупции в постсоветских государствах Центральной Азии: международно-правовые аспекты. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(4), 763–772. EDN: MVJPRY

Введение

в проблему исследования

В Индексе восприятия коррупции (Corruption Perceptions Index, CPI) за 2024 г., опубликованном Международной неправительственной организацией Transparency International (признана нежелательной на территории Российской Федерации), который самой организацией позиционируется как «наиболее широко используемый глобальный рейтинг» (Transparency International, 2025), среди стран по оценке

уровня коррупции, среди постсоветских государств Центральной Азии лидирует Казахстан (88-е место в рейтинге из 180 стран, 40 баллов), затем следует Узбекистан (126-я позиция, 32 балла), Кыргызстан (147-е место, 25 баллов), Таджикистан (164-е место, 19 баллов) и Туркменистан (167-е место, 17 баллов) (Transparency International, 2025). У данного Индекса есть недостатки, неоднозначные оценки и критика, однако полагаем, что места государств в рейтинге более-менее объективно отражают реалии

ситуации в сфере восприятия коррупции в регионе.

Несмотря на различия в оценках состояния антикоррупционной политики, государства Центральной Азии демонстрируют устойчивую политическую волю и реализуют комплексные меры в данной сфере, включая разработку нормативных стандартов, повышение профессиональной подготовки кадров и профилактику коррупционных проявлений. Существенное значение имеет развитие регионального сотрудничества, основанного на обмене опытом и информацией, что обусловлено общими историко-культурными предпосылками стран региона.

В этих условиях цифровизация получает международную поддержку как ключевой инструмент повышения прозрачности и подотчетности государственных институтов. Ратификация Конвенции ООН 2003 г. против коррупции стала важным этапом формирования национальных антикоррупционных механизмов и правовых основ противодействия коррупции (Konventsiaa ООН, 2003). Туркменистан и Кыргызская Республика ратифицировали Конвенцию в 2005 г., Казахстан и Таджикистан – в 2008 г., в том же году к ней присоединился Узбекистан. Конвенция предусматривает внедрение превентивных мер, включая электронные системы мониторинга и механизмы открытых данных.

В результате ратификация Конвенции заложила основу для модернизации государственного управления, развития цифровых инструментов прозрачности и укрепления международного сотрудничества, сделав цифровизацию одним из ключевых элементов антикоррупционной политики государств Центральной Азии.

Концептологические основания исследования

Международные организации подчеркивают необходимость комплексного подхода, включающего правовое регулирование, техническую модернизацию и участие гражданского общества в борьбе с коррупцией. В частности, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР),

деятельность которой направлена на разработку более эффективной политики для улучшения жизни, организует программы по борьбе с коррупцией в странах Восточной Европы и Центральной Азии.

Так, под эгидой ОЭСР были разработаны Антикоррупционная сеть (АКС) для стран Восточной Европы и Центральной Азии, а также Стамбульский план действий по борьбе с коррупцией (СПД).

Антикоррупционная сеть ОЭСР для стран Восточной Европы и Центральной Азии, созданная в 1998 г., выполняет ключевую роль в поддержке государств региона в имплементации международных антикоррупционных стандартов. Ее деятельность направлена на сочетание развития национального и регионального потенциала с систематическим мониторингом прогресса. Сеть функционирует как региональная программа Рабочей группы ОЭСР по борьбе со взяточничеством. Управление осуществляет Руководящая группа, в состав которой входят национальные координаторы участвующих юрисдикций и представители партнерских организаций; она определяет направления деятельности, принимает рабочие программы и оценивает ход их реализации (ОЭСР, 2023).

ОЭСР в рамках своих программ проводит реализацию международных антикоррупционных стандартов, а также проводит внешнюю оценку эффективности деятельности АКС.

Так, на заседании 2019 г. был согласован проект Рабочей программы на 2020–2024 гг., определивший последующие приоритеты. Однако в период 2020–2022 гг. на деятельность АКС существенно повлияла пандемия COVID-19, что потребовало перехода на дистанционный формат работы и переосмысления механизмов взаимодействия.

В связи с этим Рабочая программа на 2023–2026 гг. опирается на стратегические решения 2019 г. и учитывает опыт, накопленный в период пандемии. Она отражает необходимость адаптации антикоррупционной деятельности к изменяющимся условиям в регионе и продолжает линию

на укрепление устойчивых механизмов мониторинга, экспертной поддержки и институционального развития стран-участниц.

Для достижения целей на 2023–2026 гг. АКС акцентирует внимание на создании обновленной методологии мониторинга, основанной на показателях эффективности. Такой подход предполагает более регулярное и точное отслеживание прогресса, использование цифровых метрик, расширение аналитического охвата и формирование объективной картины состояния антикоррупционных реформ.

Важную роль играет работа Сети правоохранительных органов АКС, которая способствует повышению профессионального потенциала в расследовании и преследовании коррупции высокого уровня. В программу включены тематические исследования, совместные обсуждения и применение инновационного аналитического инструмента – матрицы случаев коррупции высокого уровня, позволяющей систематизировать информацию, выявлять закономерности и повышать качество расследований.

Отдельное внимание уделяется добропорядочности бизнеса, где АКС содействует укреплению корпоративной прозрачности через обмен опытом, исследование рисков в отдельных секторах, образовательные мероприятия и экспертную поддержку. Такой подход позволяет странам развивать современные механизмы корпоративного комплаенса, повышать устойчивость компаний к коррупционным нарушениям и использовать цифровые решения для мониторинга рисков.

Программа также предусматривает техническую помощь государствам, направленную на совершенствование законодательства, укрепление потенциала антикоррупционных органов, развитие компетенций и внедрение аналитических инструментов, адаптированных к конкретным потребностям стран. В качестве завершающего элемента предусмотрено комплексное изучение результатов реформ в регионе, подготовка итогового доклада и привлечение внешних экспертов для неза-

висимой оценки, что позволит определить новые приоритеты и скорректировать дальнейшие направления работы.

Стамбульский план действий по борьбе с коррупцией является знаковой программой экспертной оценки АКС, в которой участвуют четыре страны региона – Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан. С момента начала программы в 2003 г. СПД продвигает антикоррупционные реформы посредством взаимных комплексных обзоров. Так, к примеру, в пилотном отчете в июле 2025 г. представлены тенденции, достижения, проблемы и передовой опыт в области антикоррупционной политики и добропорядочности бизнеса в Восточной Европе и Центральной Азии. (OECD, 2025). Пилотный отчет предусматривает использование информационных технологий для повышения эффективности контроля за государственными закупками, прозрачности бюджетных процессов и оценки добропорядочности госслужащих.

Постановка проблемы

В последние годы в рамках инициатив ОЭСР страны Центральной Азии активнее внедряют цифровые инструменты, направленные на повышение прозрачности государственного управления и снижение коррупционных рисков. Электронные реестры собственности и компаний расширяют общественный контроль, а автоматизация регистрации, лицензирования и проверок уменьшает влияние «человеческого фактора». Цифровые решения усиливают мониторинг и анализ данных для выявления коррупционных практик и оценки антикоррупционных мер, создавая предпосылки для участия гражданского общества. Вместе с тем результативность цифровизации сдерживается фрагментарностью внедрения, дефицитом ресурсов, слабой интеграцией систем, ограниченным использованием аналитики и недостаточной цифровой инфраструктурой, прежде всего в судебной и прокурорской сферах (OECD, 2020).

Существенное значение в антикоррупционном взаимодействии государств региона имеют инициативы СНГ, включая

Концепцию сотрудничества государств – участников СНГ в противодействии коррупции (Kontseptsiiia..., 2017), ориентированную на согласованное применение цифровых инструментов и обмен практиками цифрового контроля. Концепция закрепляет принципы суверенитета, равноправия, защиты прав человека и взаимной ответственности, рассматривая цифровизацию как механизм обмена данными и координации антикоррупционных мер через электронные базы данных, публичные реестры и онлайн-платформы. Развитие данных инструментов дополняется использованием интернет-технологий в обучении и просвещении, что способствует унификации подготовки кадров и расширению общественного участия. В ноябре 2023 г. по итогам межгосударственной встречи в Ташкенте было принято решение о создании Региональной платформы Центральной Азии для ускоренной имплементации Конвенции ООН против коррупции, деятельность которой при поддержке Управления ООН по наркотикам и преступности реализуется в рамках цели 16 Целей устойчивого развития и предусматривает, согласно дорожной карте на 2024–2026 гг., приоритетное развитие цифровизации как инструмента повышения эффективности превентивных антикоррупционных мер (UNODC, 2024b; United Nations, n.d.). Одним из ключевых направлений является обеспечение открытости и прозрачности деятельности государственного сектора, а также организаций, финансируемых из государственного бюджета и иных публичных источников. Для достижения этой цели предполагается повысить доступность информации для общественности и правоохранительных органов о крупных расходах бюджетных средств и иных публичных ресурсов, особенно в сферах с повышенным коррупционным риском, а также подготовить обзор лучших международных и региональных практик, направленных на повышение информированности общества и развитие общественного контроля за использованием бюджетных средств.

Кроме того, планируется широкое внедрение современных цифровых технологий в наиболее уязвимых к коррупции секторах с применением риск-ориентированного подхода. В этом контексте предусмотрены разработка обзора лучших региональных практик применения электронного правительства для предупреждения коррупции, внедрение онлайн-платформ, обеспечивающих прозрачность, подотчетность в коррупционно-рискованных сферах и проведение исследования международного опыта анализа больших данных и открытых данных в целях повышения эффективности антикоррупционной деятельности.

Отдельное внимание уделяется созданию эффективных механизмов противодействия использованию криптовалют (цифровых денежных знаков) для совершения коррупционных преступлений и легализации доходов, полученных преступным путем. В связи с этим необходимо изучить лучшие практики взаимодействия правоохранительных органов с криптовалютными биржами для целей замораживания, ареста и конфискации активов, исследовать передовой опыт отслеживания операций с криптовалютами и цифровыми активами, включая технологии их «окрашивания», и разработать рекомендации для сотрудников правоохранительных органов по вопросам выявления и пресечения использования криптовалют в коррупционных схемах и отмывании преступных доходов.

Современная практика противодействия коррупции свидетельствует о том, что борьба с данным видом правонарушений давно вышла за рамки национальных юрисдикций и приобрела выраженное трансграничное измерение. Формирование механизмов международного сотрудничества подтверждает, что коррупция рассматривается мировым сообществом как глобальная угроза, требующая координированных усилий государств.

Во исполнение международных обязательств государства Центральной Азии разрабатывают и внедряют национальные стратегии и законодательные механизмы, направленные на предупреждение и пресе-

чение коррупции, при этом международно-правовые стандарты служат основой для внедрения цифровых инструментов в антикоррупционную политику. Эффективность их реализации зависит от уровня политической воли, технологической готовности и институционального потенциала конкретных государств, что обуславливает неоднородность подходов к цифровизации государственного управления и противодействию коррупции в регионе.

Методология

Анализ основан на положениях Конвенции ООН против коррупции 2003 г. и документах, связанных с ее исполнением, а также на материалах и отчетах ОЭСР, включая Антикоррупционную сеть и Стамбульский план действий, инициативы СНГ и дорожную карту Региональной платформы Центральной Азии на 2024–2026 гг. Практики отдельных государств сопоставляются с использованием сравнительно-правового подхода, а данные CPI 2024 применяются как контекстный показатель восприятия коррупции в регионе.

Обсуждение

В Республике Казахстан реализуется программа «Открытое правительство», включающая электронные сервисы мониторинга государственных закупок, платформы открытых данных и механизмы взаимодействия государства с гражданами. Функционирование системы e-gov способствует минимизации коррупционных рисков посредством автоматизации административных процедур, снижения прямых контактов между гражданами и должностными лицами и повышения прозрачности распределения государственных ресурсов (Nazarenko, 2022). Международная практика подтверждает, что интеграция открытых данных и мониторинговых платформ позволяет выявлять коррупционные модели поведения и повышать доверие общества к государственным институтам (Ariamov, Rueva, 2022).

Кыргызская Республика активизирует развитие цифровых технологий под эгидой

Министерства цифрового развития и инноваций. Государственная стратегия по противодействию коррупции на 2025–2030 гг. предусматривает внедрение цифрового мониторинга государственных закупок, системы оценки добропорядочности государственных служащих и электронной отчетности (Gosudarstvennaia strategiia..., 2024). Отчеты Антикоррупционного форума КР за 2024–2025 гг. фиксируют повышение прозрачности процедур, однако остаются нерешенными проблемы межведомственной интеграции данных и недостаточной вовлеченности гражданского общества (Kadyrova, 2020).

Узбекистан развивает информационно-аналитические платформы для мониторинга коррупционных рисков (Ismailov, 2022). Эти системы обеспечивают отслеживание государственных закупок, анализ финансовых потоков и идентификацию коррупционных угроз на ранних этапах. Цифровизация государственного управления ориентирована на формирование единого электронного пространства госуслуг, что повышает эффективность антикоррупционных механизмов (Khakimov, 2022).

В Таджикистане и Туркменистане цифровизация находится на стадии формирования, однако наблюдается внедрение элементов e-gov и открытых данных, прежде всего в сферах контроля бюджетных процессов и государственных закупок. Основными препятствиями выступают недостаточная нормативная регламентация цифровых платформ, ограниченная инфраструктура и низкий уровень цифровой грамотности населения (Bersei, Gulakova, 2023).

Общим региональным трендом является трансформация цифровизации из формальной декларации в прикладной механизм мониторинга коррупционных рисков. Электронные платформы рассматриваются не только как инструмент предоставления государственных услуг, но и как функциональный элемент антикоррупционного контроля.

Цифровые технологии расширяют инструментарий государственных органов по выявлению, анализу и предупреждению

коррупционных правонарушений. Наиболее значимыми в этом контексте являются информационно-аналитические платформы, электронные государственные закупки, системы электронного документооборота, мониторинга и открытых данных. В частности, электронные закупочные системы способствуют снижению коррупционных рисков за счет минимизации личных контактов между чиновниками и поставщиками. В Кыргызстане внедрение цифровых закупочных механизмов обеспечивает автоматизацию процедур размещения тендеров, публикации результатов и рассмотрения жалоб. Мы согласны с мнением Е. В. Безвиконной и А. А. Савкина, полагающих, что цифровые платформы закупок формируют механизмы транспарентности, укрепляя доверие бизнеса и граждан к государству. Зарубежные исследования подтверждают высокую эффективность автоматизации закупок в сфере противодействия коррупции (Bezvikonnaia, Savkin, 2024).

Наряду с позитивными эффектами цифровизация антикоррупционной политики сталкивается с рядом системных ограничений, включая недостаточность нормативного регулирования цифровых платформ и защиты персональных данных, инфраструктурные проблемы, дефицит квалифицированных кадров и низкий уровень цифровой вовлеченности населения. Вместе с тем цифровизация приобретает стратегическое значение для повышения прозрачности публичного управления, оптимизации государственных процессов и формирования устойчивых механизмов профилактики коррупции, что обусловлено как внутренними потребностями государств Центральной Азии, так и их международными обязательствами. В этих условиях представляется возможным выделить ключевые направления дальнейшего развития цифровой антикоррупционной политики в регионе.

1. Интеграция межведомственных цифровых платформ.

Одним из наиболее значимых направлений является создание единых цифровых экосистем, обеспечивающих

взаимодействие государственных органов, автоматизированный обмен данными и централизованную обработку информации. Интеграция информационных ресурсов позволяет формировать комплексные базы данных и осуществлять сквозной мониторинг коррупционных рисков, исключая возможность манипулирования документами, сокрытия информации и ведомственного субъективизма. Межведомственная интеграция способствует унификации стандартов отчетности и формированию единой аналитической инфраструктуры.

2. Применение технологий искусственного интеллекта и машинного обучения.

Алгоритмический анализ больших массивов данных открывает возможности прогнозирования коррупционных схем и выявления аномалий в поведении должностных лиц, распределении государственных ресурсов и осуществлении публичных закупок. Внедрение предиктивной аналитики позволяет переходить от реагирования на совершенные правонарушения к их предупреждению. Такие инструменты особенно актуальны для построения автоматизированных моделей оценки коррупционных рисков и формирования рейтингов добропорядочности государственных служащих.

3. Развитие цифровых механизмов открытости и общественного контроля.

Платформы открытых данных, электронные реестры государственных закупок и онлайн-сервисы для подачи обращений и жалоб образуют основу для вовлечения гражданского общества и бизнеса в процесс антикоррупционного мониторинга. Обеспечение публичного доступа к информации о расходовании бюджетных средств, реализации государственных проектов, владении активами должностных лиц и их конфликте интересов способствует увеличению транспарентности власти и укреплению общественного контроля. В условиях Центральной Азии такая модель приобретает особую значимость в некоторых государствах ввиду традиционно низкого уровня участия институтов гражд-

данского общества в государственном управлении.

4. Нормативно-правовое развитие цифровой антикоррупционной инфраструктуры.

Эффективная цифровизация требует совершенствования правового регулирования в части защиты персональных данных, функционирования цифровых платформ, стандартизации электронного документооборота и обеспечения прозрачности государственных цифровых систем, что является необходимым условием предотвращения злоупотреблений и укрепления общественного доверия.

5. Формирование цифровых компетенций и институциональная подготовка.

Устойчивость антикоррупционных реформ зависит от кадровой модернизации, повышения квалификации государственных служащих и развития цифровой грамотности населения, включая подготовку специалистов в области анализа данных, кибербезопасности и цифрового администрирования, а также формирование цифровой культуры как основы эффективного общественного контроля.

6. Международное сотрудничество и обмен лучшими практиками.

Усиление международных контактов позволяет адаптировать передовые глобальные модели цифровой антикоррупционной политики и повышать стандарты государственного управления в регионе. Перспективным направлением является участие государств Центральной Азии в международных проектах по цифровизации публичного сектора, трансграничному обмену данными и созданию совместных образова-

тельных инициатив для специалистов антикоррупционной сферы.

Заключение

В заключение полагаем возможным отметить, что цифровизация становится ключевым элементом антикоррупционной политики государств Центральной Азии, обеспечивая автоматизацию и открытость государственных процессов, а также создание комплексных систем аналитической оценки коррупционных рисков. Комплексное внедрение цифровых технологий формирует основу для системного и устойчивого противодействия коррупции в условиях растущего запроса на прозрачность и эффективность государственного управления. Перспективы цифровизации антикоррупционной деятельности в государствах Центральной Азии свидетельствуют о переходе от локальных цифровых решений к формированию комплексных, взаимосвязанных систем управления коррупционными рисками. Интеграция межведомственных платформ, использование искусственного интеллекта, развитие механизмов открытости и общественного контроля, нормативно-правовое регулирование и институциональная подготовка формируют основу для устойчивого повышения прозрачности государственного управления. Последовательное внедрение данных направлений способно обеспечить переход от реактивных мер борьбы с коррупцией к проактивной политике предупреждения правонарушений, что соответствует современным международным стандартам и потребностям государств региона.

Список литературы / References

Bersei D. D., Gulakova V. Iu. Tsifrovyye tekhnologii i ikh ispol'zovanie v sfere protivodeistvii korruptsii v organakh publichnoy vlasti [Digital technologies and their use in combating corruption in public authorities]. In: *Bazis [Basis]*, 2023, 2(14), 68–71. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovyye-tehnologii-i-ikh-ispolzovanie-v-sfere-protivodeystvii-korruptsii-v-organakh-publichnoy-vlasti> (accessed 10 November 2025).

Bezvikonnaia E. V., Savkin A. A. Tsifrovyye tekhnologii v protivodeistvii korruptsii v organakh publichnoy vlasti [Digital technologies in combating corruption in public authorities]. In: *Tenevaia ekonomika [Shadow Economy]*, 2024, 8(2), 195–206. DOI: 10.18334/tek.8.2.121323. Available at: <https://economic.ru/lib/121323> (accessed 28 January 2026).

Gosudarstvennaia strategiia po protivodeistviu korruptsii v Kyrgyzskoi Respublike na 2025–2030 gody, utverzhdena Ukazom Prezidenta Kyrgyzskoi Respubliki 137 ot 5 June 2024 [State strategy for combating corruption in the Kyrgyz Republic for 2025–2030, approved by Decree of the President of the Kyrgyz Republic 137 of 5 June 2024]. 2024. Available at: <https://cbd.minjust.gov.kg/66–52/edition/11301/ru> (accessed 28 January 2026).

Ismailov B. Vnedrenie informatsionno-analiticheskikh platform kak vazhnyi instrument preventsii korruptsionnykh pravonarushenii v Respublike Uzbekistan [Implementation of information and analytical platforms as an important tool for preventing corruption offenses in the Republic of Uzbekistan]. Agentstvo po protivodeistviu korruptsii Respubliki Uzbekistan [Anti-Corruption Agency of the Republic of Uzbekistan], 2022. Available at: <https://uacd.uz/index.php/journal/article/view/67> (accessed 28 January 2026).

Kadyrova C. A. Rol' tsifrovizatsii v realizatsii politiki Prezidenta Kyrgyzskoi Respubliki po protivodeistviu korruptsii [The role of digitalization in implementing the policy of the President of the Kyrgyz Republic on combating corruption]. In: *Nauchnyi komponent [Scientific Component]*, 2020, 2(6). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-tsifrovizatsii-v-realizatsii-politiki-prezidenta-kyrgyzskoy-respubliko-protivodeystviyu-korruptsii> (accessed 10 November 2025).

Khakimov F. Natsional'nye strategii tsifrovizatsii gosudarstv Tsentral'noi Azii: vyzovy i vozmozhnosti [National digitalization strategies of Central Asian states: challenges and opportunities]. CABAR.asia, 2022. Available at: https://cabar.asia/wp-content/uploads/2022/10/Policy-Brief_Digitalization_ru_1910.pdf (accessed 28 January 2026).

Kontsepsiia sotrudnichestva gosudarstv-uchastnikov SNG v protivodeistvii korruptsii (11 October 2017) [Concept of cooperation of CIS member states in combating corruption (11 October 2017)]. 2017. Available at: <https://eccis.org/page/19285/koncepcia-sotrudnicestva-gosudarstv-uchastnikov-sng-v-protivodeystvii-korruptcii-11-oktabra-2017-goda-gsoci-rossijskaa-federacia> (accessed 28 January 2026).

Konventsiiia Organizatsii Obedinennykh Natsii protiv korruptsii (10 December 2003) [United Nations Convention against Corruption (10 December 2003)]. 2003. Available at: <https://cbd.minjust.gov.kg/17562/edition/297615/ru> (accessed 28 January 2026).

Mezhdunarodnyi den' bor'by s korruptsiei [International Anti-Corruption Day]. OrientTM, 9 December 2020. Available at: <https://www.yerzemin.com/display/mezhdunarodnyy-den-borby-s-korruptsiei/91883> (accessed 28 January 2026).

Nazarenko G. V. Tsifrovizatsiia kak taktika bor'by s korruptsiei: vozmozhnosti i riski [Digitalization as a tactic to combat corruption: opportunities and risks]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Education and Pedagogical Sciences]*, 2022, 4(845), 112–118. DOI: 10.52070/2500–3488_2022_4_845_112.

OECD Anti-Corruption Network for Eastern Europe and Central Asia. Antikorruptsionnye reformy v Tadjikistane. Otchet o monitoringe. Vtoroi raund monitoringa. Stambul'skii plan deistvii po bor'be s korruptsiei [Anti-corruption reforms in Tajikistan. Monitoring report. Second round of monitoring. Istanbul Anti-Corruption Action Plan]. 8 December 2010. Available at: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/ru/publications/reports/2010/12/anti-corruption-reforms-in-tajikistan_48e004e5/07b78fe2-ru.pdf (accessed 28 January 2026).

OECD. About the OECD: Better Policies for Better Lives. Available at: <https://www.oecd.org/en/about.html> (accessed 28 January 2026).

OECD. Antikorruptsionnaia set' OESR dlia stran Vostochnoi Evropy i Tsentral'noi Azii. Rabochaia programma na 2023–2026 gg. [OECD Anti-Corruption Network for Eastern Europe and Central Asia. Work Programme 2023–2026]. 2023. Available at: <https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/networks/acn/work-programme-2023–26-russian.pdf> (accessed 28 January 2026).

OECD. Antikorruptsionnye tendentsii v Vostochnoi Evrope i Tsentral'noi Azii. Antikorruptsionnaia politika i dobroporiadochnost' biznesa [Anti-corruption trends in Eastern Europe and Central Asia. Anti-corruption policy and business integrity]. 22 July 2025. DOI: 10.1787/3fd5d6b0-ru. Available at: https://www.oecd.org/ru/publications/a_3fd5d6b0-ru.html (accessed 28 January 2026).

OECD. Bazovyi otchet piatogo raunda monitoringa antikorrupsionnykh reform v Kazakhstane. Stambul'skii plan deistvii po bor'be s korrupsiei [Baseline report of the fifth round of monitoring of anti-corruption reforms in Kazakhstan. Istanbul Anti-Corruption Action Plan]. 27 November 2024. Available at: <https://www.oecd.org/ru/publications/f4579337-ru.html> (accessed 28 January 2026).

OECD. Bazovyi otchet piatogo raunda monitoringa antikorrupsionnykh reform v Kyrgyzstane. Stambul'skii plan deistvii po bor'be s korrupsiei [Baseline report of the fifth round of monitoring of anti-corruption reforms in Kyrgyzstan. Istanbul Anti-Corruption Action Plan]. 28 November 2024. Available at: <https://www.oecd.org/ru/publications/af66411a-ru.html> (accessed 28 January 2026).

OECD. Bazovyi otchet piatogo raunda monitoringa antikorrupsionnykh reform v Tadjikistane. Stambul'skii plan deistvii po bor'be s korrupsiei [Baseline report of the fifth round of monitoring of anti-corruption reforms in Tajikistan. Istanbul Anti-Corruption Action Plan]. 4 December 2024. Available at: <https://www.oecd.org/ru/publications/34e6b388-ru.html> (accessed 28 January 2026).

OECD. Bazovyi otchet piatogo raunda monitoringa antikorrupsionnykh reform v Uzbekistane. Stambul'skii plan deistvii po bor'be s korrupsiei [Baseline report of the fifth round of monitoring of anti-corruption reforms in Uzbekistan. Istanbul Anti-Corruption Action Plan]. 4 December 2024. Available at: <https://www.oecd.org/ru/publications/0c24d6de-ru.html> (accessed 28 January 2026).

OECD. Reformy v sfere bor'by s korrupsiei v stranakh Vostochnoi Evropy i Tsentral'noi Azii [Anti-corruption reforms in Eastern Europe and Central Asia]. 2020. Available at: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/ru/publications/reports/2020/09/anti-corruption-reforms-in-eastern-europe-and-central-asia_b433c079/b0fd4582-ru.pdf (accessed 28 January 2026).

Transparency International. Corruption Perceptions Index 2024. 11 February 2025. Available at: <https://www.transparency.org/en/cpi/2024> (accessed 19 March 2025).

Transparency International. Samye vazhnye voprosy ob Indekse vospriiatiia korrupsii: kak rasschityvaiutsia balli CPI [Key questions about the Corruption Perceptions Index: how CPI scores are calculated]. 11 February 2025. Available at: <https://www.transparency.org/ru/news/how-cpi-scores-are-calculated> (accessed 28 January 2026).

United Nations. Tsel' 16: mir, pravosudie i effektivnye instituty [Goal 16: peace, justice and strong institutions]. Available at: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/peace-justice/> (accessed 28 January 2026).

UNODC. Anti-corruption authorities of Central Asian countries have supported the introduction of public service integrity assessments. 16 October 2024. Available at: <https://www.unodc.org/roca/en/news/2024/October/anti-corruption-authorities-of-central-asian-countries-have-supported-the-introduction-of-public-service-integrity-assessments.html> (accessed 28 January 2026).

UNODC. Regional Platform for Fast-Tracking the Implementation of the UNCAC in Central Asia. Roadmap 2024–2026. 2024. Available at: https://track.unodc.org/uploads/documents/AC-hubs-and-platforms/europe-and-central-asia/2024–2026_Road_Map_for_Central_Asia.pdf (accessed 28 January 2026).

Zakon Kyrgyzskoi Respubliki «O ratifikatsii Konventsii Organizatsii Obedinennykh Natsii protiv korrupsii, podpisannoi 10 December 2003 goda v g. Merida (Mexico)» ot 6 August 2005 goda 128 [Law of the Kyrgyz Republic «On ratification of the United Nations Convention against Corruption, signed on 10 December 2003 in Merida, Mexico» of 6 August 2005 128]. 2005. Available at: <https://cbd.minjust.gov.kg/4–1653/edition/1026518/ru> (accessed 28 January 2026).

Zakon Respubliki Kazakhstan «O ratifikatsii Konventsii Organizatsii Obedinennykh Natsii protiv korrupsii» ot 4 May 2008 goda 31-IV [Law of the Republic of Kazakhstan «On ratification of the United Nations Convention against Corruption» of 4 May 2008 31-IV]. 2008. Available at: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z080000031_ (accessed 28 January 2026).

Zakon Respubliki Uzbekistan «O prisoedinenii Respubliki Uzbekistan k Konventsii Organizatsii Obedinennykh Natsii protiv korrupsii (New York, 31 October 2003 goda)» ot 7 July 2008 g. ZRU-158 [Law of the Republic of Uzbekistan «On accession of the Republic of Uzbekistan to the United Nations Convention against Corruption (New York, 31 October 2003)» of 7 July 2008 ZRU-158]. 2008. Available at: <https://lex.uz/docs/1369507> (accessed 28 January 2026).

EDN: RTFXEX
УДК 343.85

Ensuring Anti-Corruption Security as a New Paradigm of Anti-Corruption Activities

Irina A. Damm*

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 02.04.2026, received in revised form 06.04.2026, accepted 06.04.2026

Abstract. The article discusses the prospects for changing conceptual approaches to the implementation of anti-corruption activities. The key problem with the current approaches is that the fight against corruption is focused primarily on influencing the source of danger – the manifestations of corruption itself – while an equally significant area remains outside the scope of this activity: strengthening the protective properties of objects that are subject to corruption attacks. The proposed concept of ensuring anti-corruption security organically combines two interdependent strategies: anti-corruption and anti-corruption protection. Changing the paradigm of anti-corruption activities in the context of the theory of anti-corruption security involves shifting the resource activity of the anti-corruption security system from responding to corruption crimes that have already been committed to protecting and protecting individuals, society and the state from corruption threats and dangers. This does not detract from the need to ensure the inevitability of punishing guilty corrupt officials, but it actualizes the preservation of the integrity of anti-corruption protection facilities, ensuring their sustainable development while minimizing corruption threats and dangers. The article examines the fundamentals of the anti-corruption criminological security system, the role of law enforcement agencies and corruption prevention units, the reserves of organizations in the field of anti-corruption self-defense, as well as the potential of the institute of anti-corruption expertise. The necessity of transition from predominantly repressive mechanisms to a balanced model of protection and protection of anti-corruption security facilities is substantiated.

Keywords: anti-corruption security, anti-corruption, anti-corruption protection, anti-corruption protection, corruption threats, corruption prevention, anti-corruption expertise, corruption risks, law enforcement agencies, anti-corruption self-defense.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Criminal Law Sciences.

Citation: Damm I. A. Ensuring Anti-Corruption Security as a New Paradigm of Anti-Corruption Activities. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(4), 773–783.
EDN: RTFXEX

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: idamm@sfu-kras.ru

Обеспечение антикоррупционной безопасности как новая парадигма антикоррупционной деятельности

И.А. Дамм

*Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск*

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы изменения концептуальных подходов к осуществлению антикоррупционной деятельности. Ключевая проблема сложившихся подходов состоит в том, что противодействие коррупции ориентировано преимущественно на воздействие в отношении источника опасности – проявлений самой коррупции, – тогда как за рамками этой деятельности остается не менее значимое направление: укрепление защитных свойств объектов, на которые осуществляются коррупционные посягательства. Предлагаемая концепция обеспечения антикоррупционной безопасности органично объединяет две взаимозависимые стратегии: противодействие коррупции и антикоррупционную защиту. Изменение парадигмы антикоррупционной деятельности в контексте теории антикоррупционной безопасности предполагает перенос ресурсной активности системы обеспечения антикоррупционной безопасности с реакции на уже совершенные коррупционные преступления на защиту и охрану личности, общества и государства от коррупционных угроз и опасностей. Сказанное не умаляет необходимости обеспечения неотвратимости наказания виновных коррупционеров, но актуализирует сохранение целостности объектов антикоррупционной охраны, гарантирующей их устойчивое развитие в условиях минимизации коррупционных угроз и опасностей. В статье рассматриваются основы системы антикоррупционной криминологической безопасности, роль правоохранительных органов и подразделений по профилактике коррупционных правонарушений, резервы организаций в сфере антикоррупционной самозащиты, а также потенциал института антикоррупционной экспертизы. Обосновывается необходимость перехода от преимущественно репрессивных механизмов к сбалансированной модели охраны и защиты объектов антикоррупционной безопасности.

Ключевые слова: антикоррупционная безопасность, противодействие коррупции, антикоррупционная защита, антикоррупционная охрана, коррупционные угрозы, профилактика коррупции, антикоррупционная экспертиза, коррупционные риски, правоохранительные органы, антикоррупционная самозащита.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки); 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Цитирование: Дамм И. А. Обеспечение антикоррупционной безопасности как новая парадигма антикоррупционной деятельности. Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки, 2026, 19(4), 773–783. EDN: RTFXEX

Введение**в проблему исследования**

В преамбуле Конвенции ООН против коррупции, открытой к подписанию для государств в 2003 г., отмечается, что коррупция уже не представляет собой локальную проблему, а превратилась в транснациональное явление, которое затрагивает общество и экономику всех стран. В свою очередь, для эффективного предупреждения коррупции и борьбы с ней необходим всеобъемлющий и многодисциплинарный подход. Каждому государству-участнику указанной Конвенции рекомендовано разрабатывать и осуществлять эффективную и скоординированную политику противодействия коррупции (п. 1 ст. 5), а также стремиться устанавливать и поощрять эффективные виды практики, направленные на предупреждение коррупции (п. 2 ст. 5).

В Российской Федерации в масштабах исторического развития в краткие сроки сформированы правовые и организационные основы противодействия коррупции. Принятие в 2008 г. Федерального закона «О противодействии коррупции» придало импульс последующему активному развитию законодательства о противодействии коррупции, а также институционализации структур, обеспечивающих профилактику коррупции и борьбу с ней. Построение государственной модели противодействия коррупции во многом опережало соответствующие научно-теоретические разработки. В свою очередь, практическое внедрение разнородных механизмов противодействия коррупции, сопровождающееся непрерывными изменениями ввиду отсутствия научно обоснованной государственной концепции противодействия коррупции, привело к появлению внутрисистемных противоречий, препятствующих эффективному применению таких механизмов.

В ранее действовавшей Стратегии национальной безопасности, утвержденной Указом Президента РФ от 31.12.2015 № 683, коррупция была отнесена к числу угроз национальной безопасности Российской Федерации. Принятие государством значительных усилий по формированию

и совершенствованию социальных, правовых и организационных механизмов противодействия коррупции последовательно приводит к положительным результатам. Вместе с тем приходится констатировать, что коррупция продолжает причинять невосполнимый вред общественным отношениям, создает в обществе атмосферу социальной напряженности. Неслучайно в новой Стратегии национальной безопасности, утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400, подчеркивается потребность общества в усилении борьбы с коррупцией. Высокие темпы развития законодательства о противодействии коррупции, а также институционализации антикоррупционных структур привели к формированию закономерных внутрисистемных противоречий, препятствующих дальнейшему устойчивому развитию антикоррупционной деятельности. Намечающиеся тенденции стагнации системы противодействия коррупции актуализируют поиск качественно новых фундаментальных научных разработок, позволяющих выйти на более высокий уровень межотраслевого научного осмысления и развития антикоррупционных механизмов (Damm, 2021b).

Концептологические основания исследования

Обеспечение безопасности личности, общества и государства от коррупционных посягательств образует особое междисциплинарное исследовательское пространство, объединяющее в себе достижения теории государства и права, уголовного права, криминологии, административного права, теории национальной безопасности, теории криминологической безопасности и других направлений научного знания.

Значимый вклад в разработку концепции криминологической безопасности внесли М.М. Бабаев, В.А. Плешаков и С.Я. Лебедев. Идея криминологической безопасности, как подчеркивают М.М. Бабаев и В.А. Плешаков, состоит в том, что «понятия «криминологическая безопасность» и «обеспечение криминологической

безопасности» переносят смысловой акцент с объекта «нападения» (преступность) на объект защиты (личность, общество, государство), то есть на те ценности, которым, собственно, и должна быть гарантирована криминологическая безопасность» (Babaev & Pleshakov, 2022: 317). По мнению М.М. Бабаева, «криминологическая безопасность как концепция – это не очередное новое слово, а новая парадигма уголовной политики» (Babaev, 2008: 55), а «давление» на преступность перестает быть главной целью: генеральной целью становится «достижение состояния безопасности личности, общества и государства от криминальных угроз» (Babaev, 2008: 56). С.Я. Лебедев, в свою очередь, полагает, что «актуальность и прогрессивность теории криминологической безопасности вызваны необходимостью формирования новой идеологии противодействия преступности, переориентации правоохранительной системы ... на реальное выполнение основной задачи – обеспечение безопасности людей от преступных посягательств» (Lebedev, 2000: 14).

Теоретическим фундаментом формирующейся теории антикоррупционной безопасности служит концепция антикоррупционных мер безопасности, разработанная Н.В. Щедриным в рамках красноярской криминологической школы. Именно Н.В. Щедрин обращал особое внимание на необходимость придать категории «источник опасности» статус общеправовой и криминологической, указывая, что ««опасность» является глубинной предпосылкой, социально-криминологическим основанием превентивно-ограничительных мер и ограничительных санкций» (Shchedrin, 2013: 28). Данные научные достижения легли в основу формирования ключевых категорий антикоррупционной безопасности и монографического исследования антикоррупционных мер безопасности (Shchedrin & Damm (eds.), 2020: 27). Антикоррупционная криминологическая безопасность как новое научное направление выступает своего рода вызовом устоявшимся подходам к воздействию на коррупционную преступность, «предлагая качественно новую системати-

зацию устоявшихся разноотраслевых подходов к воздействию на коррупционную преступность и защиту от ее проявлений в единое масштабное структурированное знание» (Damm, 2024b: 593).

Проблематика типологии мер антикоррупционного воздействия, стимулов и ограничений в системе обеспечения антикоррупционной безопасности нашла отражение в материалах Сибирских антикоррупционных форумов (Akunchenko, Damm & Shchedrin, 2018; Damm, Akunchenko et al., 2020; Damm, Tarbagaev et al., 2024).

Вместе с тем системные исследования, в которых проблемы противодействия коррупции рассматривались бы сквозь призму теории антикоррупционной безопасности и охватывали весь спектр ее направлений, до настоящего времени не проводились.

Постановка проблемы

Наблюдение за сложившимися механизмами противодействия коррупции в Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что на сегодняшний день они практически достигли пределов своего расширения и для перехода на следующий этап развития требуется поиск новых фундаментальных подходов. Основой для смены парадигмы противодействия коррупции и выхода на качественно новый уровень научного осмысления антикоррупционной деятельности может стать разработка межотраслевой теории антикоррупционной безопасности, для формирования которой уже созрели достаточные предпосылки (Damm, 2021b).

Ключевая проблема существующей модели состоит в том, что понятие «противодействие коррупции» ориентировано преимущественно на воздействие в отношении источника опасности – проявлений самой коррупции, – тогда как за рамками этой деятельности остается не менее значимое направление: укрепление защитных свойств объектов, на которые осуществляются коррупционные посягательства.

Как источник опасности коррупция представляет собой социально-правовое явление, природа которого остается ма-

лоизученной. Вместе с тем в коррупции, как и в любом ином источнике опасности, следует различать *опасность* – безадресную устойчивую возможность причинения вреда неопределенному кругу объектов, и *угрозу* как реальную возможность адресного причинения вреда уже вполне определяемому кругу объектов (Damm, 2025a). Именно такое разграничение, воспроизведенное применительно к коррупционной сфере, позволяет перейти от реактивной логики противодействия к проактивной логике защиты. Приоритетное противодействие коррупции без своевременного укрепления защитных свойств объектов коррупционных посягательств не только снижает результативность антикоррупционной деятельности, но и приводит к необоснованному усилению ее репрессивной составляющей. Перспективой в формировании новой парадигмы обладает рассмотрение антикоррупционной деятельности сквозь призму теории безопасности: в социальной среде коррупция существует в диалектичном единстве с объектами, на которые она посягает, и именно это единство должно стать предметом комплексного научного осмысления.

Методология

Методологическую основу исследования составляет совокупность общенаучных и специально-юридических методов познания. Системный анализ применялся при рассмотрении структуры и функций системы обеспечения антикоррупционной безопасности, а также взаимосвязей ее элементов. Диалектический метод обеспечил изучение коррупции как явления, существующего в единстве с объектами своих посягательств и изменяющегося под воздействием внешней среды. Формально-юридический метод использовался при анализе норм Конвенции ООН против коррупции, Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, Федерального закона «О противодействии коррупции» и иных нормативных правовых актов. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить существующие подходы к пони-

манию антикоррупционной деятельности в доктрине и обосновать необходимость их трансформации. Теоретическую основу исследования составляют работы автора в области понятийно-категориального аппарата противодействия коррупции (Damm, 2018), предпосылок формирования теории антикоррупционной безопасности (Damm, 2021b), объекта антикоррупционной криминологической безопасности (Damm, 2022), а также основных элементов системы теории антикоррупционной криминологической безопасности (Damm, 2024b). Эмпирическую основу составляют данные о состоянии коррупционной преступности в Российской Федерации, правоприменительная практика, а также материалы Сибирских антикоррупционных форумов и публикации ведущих специалистов в области криминологии и теории безопасности.

Обсуждение

Основная цель обеспечения антикоррупционной безопасности состоит в достижении защищенности личности, общества и государства от коррупционных угроз и опасностей. Недопущение причинения вреда предполагает системное воздействие не только на источник опасности – коррупцию, но и на объекты потенциального коррупционного поражения.

Учитывая то, что наибольшую общественную опасность представляют коррупционные преступления, теоретическое оформление антикоррупционной криминологической безопасности видится приоритетным. Основная идея антикоррупционной криминологической безопасности заключается в изменении теоретико-методологических подходов к воздействию на коррупционную преступность и построении матрицы нового научного знания, объясняющего закономерности взаимодействия объектов охраны с источниками криминальной коррупционной опасности, что позволит выработать научно обоснованные подходы во взаимосвязанных процессах защиты объектов охраны и противодействия угрозам криминальной коррупци-

онной опасности (Damm, 2024a). Познание сущности, содержания и структуры антикоррупционной криминологической безопасности выступает краеугольным камнем в формировании нового научного направления в рамках отечественной криминологии (Damm, 2021a; Damm, 2022). В свою очередь, последовательная работа в данных направлениях позволяет определить системные контуры формирующегося теоретического знания.

Система теории антикоррупционной криминологической безопасности включает четыре взаимосвязанных элемента: феномен антикоррупционной криминологической безопасности; объекты антикоррупционной криминологической безопасности; коррупционные угрозы и источники опасности; обеспечение антикоррупционной криминологической безопасности (Damm, 2024b).

Антикоррупционная криминологическая безопасность выступает новым родовым идеальным теоретическим объектом, отражающим в общем виде состояние защищенности объектов антикоррупционной безопасности от криминальных коррупционных угроз и опасностей. В свою очередь, обеспечение антикоррупционной безопасности представляет собой систему комплексного воздействия на объекты антикоррупционной безопасности с целью их охраны и защиты, а также на коррупционные угрозы и источники опасности с целью противодействия им.

Обеспечение антикоррупционной безопасности как новая концептуальная основа антикоррупционной деятельности органично объединяет в себе две взаимосвязанные и взаимозависимые стратегии: противодействие коррупции и антикоррупционную защиту.

Стратегия противодействия коррупции представляет собой уже сложившуюся деятельность по профилактике коррупции, борьбе с ней, а также минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений.

Стратегия антикоррупционной защиты предполагает выявление уязвимостей

объектов коррупционных посягательств с последующей разработкой мер по укреплению их внутренней и внешней антикоррупционной устойчивости. При этом особому вниманию подлежит комплексное междисциплинарное рассмотрение резервов антикоррупционной самозащиты граждан, публичных органов и частных организаций. Осознание вредоносности коррупции и восприятие ее как общей угрозы выступает неотъемлемым условием снижения коррупционных проявлений и усиления антикоррупционной защищенности личности, общества и государства.

В условиях всеобщей ограниченности ресурсов требуется поиск научно обоснованных моделей сбалансированного использования названных стратегий в обеспечении антикоррупционной безопасности (Damm, 2025b; Garmaev, 2025).

Одним из ключевых принципов стратегии противодействия коррупции выступает обеспечение неотвратимости наказания за совершение коррупционных преступлений. Вместе с тем показатели состояния коррупционной преступности свидетельствуют, что даже перспектива лишения свободы далеко не всегда является достаточным сдерживающим фактором. Об устойчивости коррупционных связей и их организованном характере пишут многие исследователи: в частности, Р. В. Жубрин констатирует, что «деятельность неформальных, зачастую родственных кланов, имеющих своих представителей среди государственных служащих, способствует получению значительных противоправных доходов», а «каждая положительная инициатива государства в сфере экономики, соприкасаясь с криминальной действительностью, искажается и превращается в орудие получения незаконной прибыли» (Zhubrin (ed.), 2019: 23). В этой связи актуализируется поиск иных способов уголовно-правового воздействия. Важными направлениями в укреплении превентивной функции уголовной ответственности выступают обобщение и криминализация распространенных форм коррупционных преступлений, а также надлежащее определение

субъекта коррупционного преступления как в публичном, так и частном секторах общественной жизни. Кроме того, особое значение имеет усиление компенсаторной составляющей уголовной ответственности, когда полная конфискация имущества, добытого коррупционным путем, обнуляет попытку незаконного обогащения с использованием власти вопреки интересам личности, общества и государства.

Отдельного внимания требует оценка целесообразности преобладания «репрессивного» направления в общей тактике и стратегии обеспечения антикоррупционной безопасности. Выявление коррупционных преступников, привлечение их к ответственности выполняют одну из основных функций в противодействии коррупции. Однако данная деятельность активизируется только тогда, когда охраняемым общественным отношениям уже причинен вред в результате коррупционного преступления. Многовековая история борьбы с преступностью свидетельствует, что репрессия не защищает объекты охраны от причинения им вреда. В связи с этим в условиях научно-технического прогресса современная правоохранительная антикоррупционная деятельность должна последовательно менять ориентиры с наказания за уже совершенное коррупционное преступление (стратегия репрессии) на выявление и пресечение готовящегося коррупционного преступления (стратегия защиты), что позволит предотвратить причинение вреда личности, обществу и государству коррупционными посягательствами. Определенными ресурсами для смены ориентиров обладают активно развивающиеся информационные технологии, искусственный интеллект.

Трансформация парадигмы противодействия коррупции предполагает переход от использования преимущественно репрессивных механизмов к модели обеспечения антикоррупционной безопасности за счет укрепления защитных свойств соответствующих объектов.

С позиции теории антикоррупционной безопасности значимые объекты подлежат

охране непрерывно в силу их особой ценности; статус объекта антикоррупционной защиты они приобретают в связи с причинением или возникновением реальной угрозы причинения им вреда (Damm, 2025a). В зависимости от ценности объекта и его коррупционной уязвимости для одних объектов может быть признано достаточным предоставление мер антикоррупционной охраны, тогда как особо ценные объекты должны быть обеспечены мерами защиты и охраны одновременно. Как указывает Н. В. Щедрин, «социальной опасностью можно объяснить наличие в законодательстве любых государств ограничений для физических лиц или организаций, обладающих» соответствующими опасными свойствами (Shchedrin & Damm (eds.), 2020: 27) – данный тезис в полной мере применим к формированию системы антикоррупционных стандартов поведения должностных лиц. Надлежащее определение содержания данных стандартов, а также обеспечение их соблюдения позволит минимизировать потенциальный вред от коррупционных деяний и предупредить их совершение «на дальних подступах». В этой связи приоритетной задачей подразделений по профилактике коррупционных правонарушений должно стать не столько выявление фактов коррупционного поведения, сколько недопущение самой возможности их проявления – через гармонизацию антикоррупционных стимулов и ограничений и расширение арсенала средств антикоррупционного просвещения и консультирования публичных служащих и работников организаций как первоочередных объектов антикоррупционной охраны и защиты.

Федеральный закон «О противодействии коррупции» в ч. 1 ст. 13.3 предписывает организациям вне зависимости от формы, масштабов и сферы деятельности принимать меры по предупреждению коррупции. Значительный антикоррупционный эффект принятия данной нормы девальвируется отсутствием легально закрепленных критериев ранжирования организаций по уровню их коррупциогенного потенциала: очевидно, что оборонное

предприятие и организация из сферы потребительских услуг находятся на противоположных сторонах антикоррупционного барометра, а значит, к ним должны предъявляться различные требования по вопросам предупреждения коррупции. Как было показано в исследовании типологии организаций в аспекте противодействия коррупции, значимым препятствием в выстраивании системы антикоррупционной деятельности в организациях является отсутствие фундаментальных межотраслевых научных исследований, ранжирующих организации в зависимости от степени влияния их деятельности на национальную безопасность (Damm & Kostrykina, 2023).

Несмотря на сложившуюся ситуацию, организации обладают существенными резервами в сфере обеспечения антикоррупционной самозащиты. Опыт российских компаний различного масштаба свидетельствует о том, что состояние антикоррупционной защищенности может быть достигнуто при внимательном и взвешенном подходе к оценке коррупционных рисков, а также применению на системной основе адекватных мер воздействия, направленных как на источники коррупционной опасности, так и на объекты антикоррупционной безопасности внутри организации и за ее пределами. В этом контексте особую актуальность приобретает обобщение передовых практик антикоррупционной деятельности, которое в перспективе позволит создать основу для дифференциации механизмов обеспечения антикоррупционной безопасности организаций определенного типа. Антикоррупционная самозащита носит инициативный и во многом творческий характер, а потому ключевую роль приобретают отраслевые бизнес-сообщества и специализированные объединения организаций, выступающие аккумуляторами и ретрансляторами лучших антикоррупционных практик, которые в процессе апробации способны получить единую стандартизированную основу.

Двойственную природу в контексте теории антикоррупционной безопасности имеют положения действующего законо-

дательства, выступающего одним из самостоятельных объектов антикоррупционной защиты и охраны. Появление коррупциогенных факторов в нормах действующих и проектируемых правовых актов образует угрозу причинения коррупционного вреда охраняемым общественным отношениям, превращая норму права их объекта охраны в источник коррупционной опасности. Несмотря на это, институт антикоррупционной экспертизы, призванный обеспечить своевременное выявление и минимизацию коррупционных рисков в сфере нормотворчества, находится в затяжном кризисе по причине недостаточности кадровых, финансовых, научных, организационно-технических и информационно-пропагандистских ресурсов. Его предупредительный потенциал в значительной степени остается неисчерпанным и требует активизации научно-практического диалога (Akunchenko, 2025; Baranov & Kabanov, 2022; Verkhotyrova, 2025).

В аспекте обеспечения антикоррупционной безопасности экспертиза нормативных правовых актов находится на стыке двух ключевых направлений: защиты и охраны объектов антикоррупционной безопасности, а также противодействия источникам коррупционной опасности. С одной стороны, субъекты нормотворческой деятельности должны продуцировать качественную правовую материю, лишенную коррупциогенных изъянов. С другой – уполномоченные государственные органы, органы прокуратуры обеспечивают внешний контроль за результатами нормотворчества. Важнейшая роль в полноценной реализации функционала антикоррупционной экспертизы принадлежит представителям общественности, выступающим субъектами независимого наблюдения. Единство этих направлений предопределяет консолидацию усилий личности, общества и государства на основе баланса публичных и частных интересов и гарантий разделения властей в системе сдержек и противовесов. Одним из значимых источников опасности в рассматриваемой сфере является коррупционный лоббизм, пред-

ставляющий собой противоправную форму воздействия на процессы нормотворчества в целях искажения правовой материи для извлечения материальной выгоды или удовлетворения иных личных или групповых интересов (Vyrgva, 2020). В связи с этим к числу важнейших задач обеспечения антикоррупционной безопасности нормотворческой деятельности относится разработка механизмов, направленных на защиту процесса нормотворчества от проявлений коррупционного лоббизма.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Система противодействия коррупции в Российской Федерации достигла предела своего расширения в рамках действующей парадигмы, что требует разработки качественно новых фундаментальных подходов. Таким подходом выступает межотраслевая теория антикоррупционной безопасности, органично объединяющая стратегии противодействия коррупции и антикоррупционной защиты. Смысловым ядром предлагаемой концепции является признание того, что эффективная антикоррупционная деятель-

ность должна быть направлена одновременно как на источники коррупционной опасности, так и на укрепление защитных свойств объектов коррупционных посягательств – личности, общества и государства.

Практическая реализация данного подхода требует: переориентации деятельности правоохранительных органов со стратегии репрессии на стратегию защиты с использованием возможностей информационных технологий и искусственного интеллекта; расширения функционала подразделений по профилактике коррупционных и иных правонарушений как субъектов антикоррупционной охраны и защиты; дифференциации требований к организациям в зависимости от уровня их коррупциогенного потенциала; восстановления и развития предупредительного потенциала института антикоррупционной экспертизы. Осознание вредоносности коррупции как общей угрозы, развитие антикоррупционного просвещения, образования и антикоррупционной риторики выступают неотъемлемым условием устойчивого снижения коррупционных проявлений и усиления антикоррупционной защищенности всех уровней социальной системы.

Список литературы / References

- Akunchenko E. A. Taksonomicheskie koordinaty antikorrupcionnoj ekspertizy [Taxonomic coordinates of anti-corruption expertise]. In: *Russian Journal of Economics and Law*, 2025, 19(1), 110–125.
- Akunchenko E. A., Damm I. A., Shchedrin N. V. Antikorrupcionnaya bezopasnost' izbiratel'nogo protsesssa: sostoyanie i perspektivy [Anti-corruption security of the electoral process: state and prospects]. In: *Natsional'naya bezopasnost' / nota bene [National Security / Nota Bene]*, 2018, 1, 49–71.
- Babaev M. M. Ugolovnaya politika i kriminologicheskaya bezopasnost' [Criminal policy and criminological security]. In: *Nauchnyi portal MVD Rossii [Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2008, 3, 53–58.
- Babaev M. M., Pleshakov V. A. Teoreticheskie i prikladnye problemy obespecheniya kriminologicheskoi bezopasnosti [Theoretical and applied problems of ensuring criminological security]. In: *Izbrannye trudy po kriminologii [Selected works on criminology]*, comp. and introd. by Yu. E. Pudovochkin. M., Yur-litinform, 2022, 308–324.
- Baranov V. M., Kabanov P. A. Antikorrupcionnaia ekspertiza normativnykh pravovykh aktov i proektov normativnykh pravovykh aktov kak instrument povysheniia kachestva pravotvorchestva v sub'ektakh Rossiiskoi Federacii: praktika pravovogo regulirovaniia [Anti-corruption expertise of normative legal acts and draft normative legal acts as a tool for improving the quality of law-making in the subjects of the Russian Federation: practice of legal regulation]. In: *Iuridicheskaiia tekhnika [Legal technique]*, 2022, 16, 63–74.
- Damm I. A. Antikorrupcionnaia kriminologicheskaiia bezopasnost' kak novoe napravlenie nauchnykh issledovaniia [Anti-corruption criminological security as a new direction of scientific re-

search]. In: *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal [All-Russian criminological journal]*, 2021a, 15(6), 734–743.

Damm I. A. Kategorii “opasnost” i “ugroza” v kontekste kriminologicheskoi bezopasnosti [The categories “danger” and “threat” in the context of criminological security]. In: *Sibirskii antropologicheskii zhurnal [Siberian Anthropological Journal]*, 2025a, 9(2), 92–97.

Damm I. A. O balanse mer stimulirovaniia i ogranichenii pri obespechenii antikorrupcionnoi kriminologicheskoi bezopasnosti [On the balance of stimulation and restriction measures in ensuring anti-corruption criminological security]. In: *Eniseiskie politiko-pravovye chteniia: sbornik nauchnykh statei po materialam XVII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferencii, Krasnoiarsk, 14–17 maia 2025 goda [Yenisei political-legal readings: collection of scientific articles based on the materials of the XVII All-Russian scientific-practical conference, Krasnoyarsk, May 14–17, 2025]*, 2025b, 55–63.

Damm I. A. Ob idei antikorrupcionnoi kriminologicheskoi bezopasnosti [On the idea of anti-corruption criminological security]. In: *Eniseiskie politiko-pravovye chteniia: sbornik nauchnykh statei po materialam XVI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferencii, Krasnoiarsk, 20–21 sentiabria 2024 goda [Yenisei political-legal readings: collection of scientific articles based on the materials of the XVI All-Russian scientific-practical conference, Krasnoyarsk, September 20–21, 2024]*, 2024a, 78–82.

Damm I. A. Ob’ekt antikorrupcionnoi kriminologicheskoi bezopasnosti: osnovnye napravleniya issledovaniya [The object of anti-corruption criminological security: main research directions]. In: *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal [All-Russian Criminological Journal]*, 2022, 16(5), 555–565.

Damm I. A. Osnovnye elementy sistemy teorii antikorrupcionnoi kriminologicheskoi bezopasnosti [Main elements of the theory of anti-corruption criminological security]. In: *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal [All-Russian Criminological Journal]*, 2024b, 18(6), 591–601. DOI: 10.17150/2500–4255.2024.18(6). 591–601.

Damm I. A. Predposylki formirovaniya teorii antikorrupcionnoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii [Prerequisites for the formation of the theory of anti-corruption security of the Russian Federation]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal’nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Journal of Siberian Federal University. Series: Humanities]*, 2021b, 14(11), 1690–1709.

Damm I. A. Protivodeistvie korruptsii: voprosy ponyatiino-kategorial’nogo apparata [Counteraction to corruption: issues of conceptual and categorical framework]. In: *Voprosy bezopasnosti [Security Issues]*, 2018, 3, 22–33.

Damm I. A., Akunchenko E. A., Sukhareva K. S., Volkova M. A. Antikorrupcionnaya bezopasnost’: vyyavlenie ugroz i strategiya obespecheniya (obzor V Sibirskogo antikorrupcionnogo foruma) [Anti-corruption security: threat identification and provision strategy (overview of the V Siberian Anti-Corruption Forum)]. In: *Voprosy bezopasnosti [Security Issues]*, 2020, 1, 59–78. DOI: 10.25136/2409–7543.2020.1.31887

Damm I. A., Kostyrykina V. V. Tipologiya organizatsii v aspekte protivodeistviya korruptsii v Rossiiskoi Federatsii [Typology of organizations in the aspect of anti-corruption activity in the Russian Federation]. In: *Russian Journal of Economics and Law*, 2023, 17(2), 367–384.

Damm I. A., Tarbagaev A. N., Koptseva N. P., Akunchenko E. A., D’yachenko A. E. Stimuly i ogranicheniya v sisteme obespecheniya antikorrupcionnoi bezopasnosti (obzor VII Sibirskogo antikorrupcionnogo foruma) [Incentives and restrictions in the anti-corruption security system (overview of the VII Siberian Anti-Corruption Forum)]. In: *Russian Journal of Economics and Law*, 2024, 18(2), 535–553.

Garmaev Iu. P. Antikorrupcionnyi kompliens i antikorrupcionnaia bezopasnost’ grazhdan, organizatsii [Anti-corruption compliance and anti-corruption security of citizens and organizations]. In: *Transformatsiia paradigmy antikorrupcionnoi deiatel’nosti: sbornik nauchnykh statei po materialam VIII Sibirskogo antikorrupcionnogo fora, Krasnoiarsk, 13–14 dekabria 2024 goda [Transformation of the anti-corruption activity paradigm: collection of scientific articles based on the materials of the VIII Siberian Anti-Corruption Forum, Krasnoyarsk, December 13–14, 2024]*, 2025, 50–54.

Lebedev S. Ya. Kriminologicheskaya bezopasnost’ lichnosti, obshchestva, gosudarstva [Criminological security of the individual, society, state]. In: *Pravovaya nauka na rubezhe XXI stoletiya: sb. nauch. tr. [Legal science at the turn of the 21st century: collection of scientific works]*, Omsk, 2000, 13–22.

Shchedrin N. V. Kontseptual'no-teoreticheskie osnovy pravovogo regulirovaniya i primeneniya mer bezopasnosti [Conceptual and theoretical foundations of legal regulation and application of security measures]. In: *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra* [Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow], 2013, 4(31), 26–35.

Shchedrin N. V., Damm I. A. (eds.) *Antikorrupsionnye mery bezopasnosti: monografiya* [Anti-corruption security measures: monograph]. Moscow, Prospekt, 2020. 224.

Verkhotyrova M. A. Tendencii i perspektivy razvitiia antikorrupcionnoi ekspertizy [Trends and prospects of development of anti-corruption expertise]. In: *Transformaciia paradigmy antikorrupcionnoi deiatel'nosti: sbornik nauchnykh statei po materialam VIII Sibirskogo antikorrupcionnogo fora, Krasnoyarsk, 13–14 dekabria 2024 goda* [Transformation of the anti-corruption activity paradigm: collection of scientific articles based on the materials of the VIII Siberian Anti-Corruption Forum, Krasnoyarsk, December 13–14, 2024], 2025, 40–44.

Zhubrin R. V. (ed.) *Lichnost' korrupsionnogo prestupnika: monografiya* [The personality of a corruption offender: monograph]. M., Prospekt, 2019. 176.

EDN: KVFNVG
УДК 342, 343, 347

The Prosecutor's Claims About the Seizure of Property into State Ownership in the System of Protection of Subjective Civil Rights and Anti-Corruption

Vladimira V. Dolinskaya*

*Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation*

Received 11.02.2026, received in revised form 26.02.2026, accepted 17.03.2026

Abstract. The relevance of the study is due to the inclusion in the national interests of the eradication of corruption, the growth of corruption crimes, the recovery of property from corrupt officials both as part of criminal punishment and through civil lawsuits. The main research methods used are analytical, systematic and comparative. The lawsuits of prosecutors on the seizure of property into state ownership under sub-clause 8, clause 2, Article 235 of the Civil Code from the standpoint of constitutional, civil and anti-corruption legislation were considered. The advantages of private law methods in comparison with the means of criminal law and the process in the anti-corruption system are revealed. The property that is the subject of such lawsuits has been specified. Conclusions are drawn about the nature of exceptions to the general legal regime of claims for termination of property rights. The directions of interaction between public and private law in the unified goal-setting of anti-corruption are defined.

Keywords: protection, property, interest, statute of limitations, corruption, prosecutor, public law, property, private law/

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Private Law (Civil) Sciences.

Citation: Dolinskaya V.V. The Prosecutor's Claims About the Seizure Of Property into State Ownership in the System of Protection of Subjective Civil Rights and Anti-Corruption. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(4), 784–796. EDN: KVFNVG

Иски прокурора об изъятии имущества в государственную собственность в системе защиты субъективных гражданских прав и противодействия коррупции

В.В. Долинская

*Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина
Российская Федерация, Москва*

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена включением в национальные интересы искоренения коррупции, ростом коррупционных преступлений, взысканием с коррупционеров имущества как в рамках уголовного наказания, так и путем гражданско-правовых исков. В качестве основных методов исследования использованы аналитический, системный и сравнительный. Рассмотрены иски прокуроров об изъятии имущества в государственную собственность по подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК с позиций конституционного, гражданского и антикоррупционного законодательства. Выявлены достоинства частноправовых способов по сравнению со средствами уголовного права и процесса в системе противодействия коррупции. Конкретизировано имущество, выступающее предметом таких исков. Сделаны выводы о природе исключений из общего правового режима исков о прекращении права собственности. Определены направления взаимодействия публичного и частного права в едином целеполагании противодействия коррупции.

Ключевые слова: защита, имущество, интерес, исковая давность, коррупция, прокурор, публичное право, собственность, частное право.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки); 5.1.3. Частноправовые (цивилистические) науки.

Цитирование: Долинская В. В. Иски прокурора об изъятии имущества в государственную собственность в системе защиты субъективных гражданских прав и противодействия коррупции. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(4), 784–796. EDN: KVFNVG

Введение

В Рейтинге стран мира по Индексу восприятия коррупции Россия занимает 154 из 180 мест с индексом 22 (Ranking of countries of the world on the Corruption Perception Index, 2006–2026). Согласно Преамбуле Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 г. Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (далее – Конвенция ООН против коррупции), «предупреждение и искоренение коррупции – это обязанность

всех государств». В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400, искоренение коррупции названо национальным интересом (подп. 3 п. 25), одной из целей обеспечения государственной и общественной безопасности (п. 46), одной из задач для достижения целей обеспечения экономической безопасности (подп. 30 п. 67).

Определение коррупции содержится в ст. 1 Федерального закона от 25.12.2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – ФЗ «О противодействии корруп-

ции»). Конституционный Суд РФ в Постановлении от 31.10.2024 г. № 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда» (далее – Постановление КС № 49-П) квалифицирует ее как одно из особенно опасных социальных явлений.

По данным Генеральной Прокуратуры РФ, наблюдается рост коррупционных преступлений: в 2024 г. зарегистрировано 38 503, что на 2096 больше, чем в 2023 г. (<https://www.rbc.ru/society/16/06/2025/6837ed979a79471aa4>). По словам председателя Следственного комитета РФ А. Бастрыкина, ущерб от коррупции, только установленный Следственным комитетом РФ, в 2024 г. составил 14,2 миллиарда руб. (<https://ria.ru/20241208/bastrykin-1987956496.html?ysclid=>) и вырос по сравнению с 2023 г. более чем на 20 %.

Исходя из характера Российской Федерации как правового демократического государства (ч. 1 ст. 1 Конституции РФ), пристекающих отсюда его конституционных обязанностей обеспечения законности, правового равенства, взаимного доверия государства и общества (ч. 2 ст. 15, ч. 1 ст. 19, ст. 75.1 Конституции РФ), в качестве одного из основных принципов противодействия коррупции провозглашено комплексное использование политических, организационных, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер (ст. 3 ФЗ «О противодействии коррупции»). Автор рассматривает это в первую очередь как межотраслевое взаимодействие, применение различных по своей правовой природе средств в комплексе.

За 5 последних лет с коррупционеров взыскали денежные средства и имущество почти на 800 миллиардов руб. (<https://www.rbc.ru/society/16/06/2025/6837ed979a79471aa4>). Это производится как путем конфискации по приговору суда, т.е. уголовного наказания (редко – в административном порядке, ст. 243 ГК, ст. 3.7 КоАП, ст. 15.1.

УК, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2018 г. № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве»), так и путем гражданско-правовых исков, заявляемых в рамках уголовного процесса и самостоятельно.

При наличии фундаментальных работ и неослабевающего интереса ученых к вопросам субъективных прав, их осуществления и защиты (Gribanov, 2004; Dolinskaya, 2015; Stepnova, 2023 и др.), собственности (Aleynikova, 2020, Venediktov, 1948, Vinnitskiy, 2013 и др.), коррупции и противодействия ей (Akhmedkhanova, 2026, Sheverdyayev, 2020, Shishkarev, 2010 и др.), статусу прокурора (Manannikov, 2022, Rokityansky, 2025, Filonenko, 2021 и др.) редко наблюдается комплексный, межотраслевой подход к исследуемой проблематике.

Цель настоящего исследования – с позиций антикоррупционного, гражданского, конституционного и уголовного законодательства выявить достоинства и специфику частноправовых способов защиты субъективных гражданских прав, публичных и частных законных интересов для оптимизации противодействия коррупции.

Методы

В качестве основных методов исследования использованы аналитический, системный и сравнительный. Нормативной основой служат разноотраслевые правовые акты России. Эмпирической – судебные акты, данные международной и национальной статистики. Доктринальной основой выбраны работы российских юристов по конституционному, гражданскому, административному, процессуальному и уголовному праву, основам правоохранительной деятельности (Gribanov, 2004; Tikhomirov, 1995; Shishkarev, 2010 и др.).

Результаты

Рассмотрены иски прокуроров об изъятии имущества в государственную собственность по подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК с позиций конституционного, гражданского и антикоррупционного законодательства.

Выявлены достоинства частноправовых способов по сравнению со средствами уголовного права и процесса в системе противодействия коррупции. Конкретизировано имущество, выступающее предметом таких исков. Сделаны выводы о природе исключений из общего правового режима исков о прекращении права собственности. Определены направления взаимодействия публичного и частного права в едином целеполагании противодействия коррупции.

Обсуждение

Предмет исследования связан с несколькими проблемами.

Первая, на взгляд автора, – это объект защиты.

В силу правового характера российского государства (ст. 1 Конституции РФ) субъективные права и свободы подлежат защите. При этом защите подлежат лишь признанные правом и удовлетворяющие требованиям законодательства объекты.

Целеполагание в легальном определении коррупции (получение имущественной выгоды) и имущественный характер санкции (изъятие в государственную собственность) производят первичное ложное впечатление, что речь идет о защите имущественных интересов (государства). Однако публично-правовое образование не всегда являлось ранее собственником истребуемого имущества и предъявляет не vindикационный иск (ст. 301 ГК) (Bratus, 2005; Morgunov, 2006; Sinitsyn, 2015; Cherepakhin, 2001).

Ситуацию осложняет Перечень № 23 преступлений коррупционной направленности к Указанию Генпрокуратуры России № 503/11, МВД России № 1 от 28.07.2025 г. «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности», включающий преступления с разным объектом.

Однако в Рекомендациях по совершенствованию законодательства государств-участников Содружества Независимых Государств в сфере противодействия коррупции (приняты в Санкт-Петербурге

23.11.2012 г. постановлением № 38–17 на 38-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) (далее – Рекомендации СНГ) указано, что *«коррупция угрожает верховенству закона, стабильности демократических институтов, правам человека и моральным устоям общества, подрывает принципы надлежащего государственного управления, равенства и социальной справедливости, препятствует конкуренции и экономическому развитию»*. В п. 2 Постановления КС № 49-П разъяснено, что *«существом коррупции является нарушение принципов справедливости и равенства (правового эквивалента)»*, в п. 2.1. – что она посягает на основы конституционного строя.

Отсюда следует, что объектом защиты выступает законный интерес (Gorshunov, 2005; Griбанov, 1967; Dolinskaya, 2021; Iering, 1991; Krashennnikov, 2003; Pershina, 2002). О. С. Иоффе подчеркивал, что юридическую защиту может получить лишь такой интерес управомоченного лица, который совпадает с интересами государства или не противоречит им (Ioffe, 2000).

Чей это интерес? В общепринятой 3-членной классификации интересов по носителям (субъектам) нас интересуют *«государственные, общественные или иные публичные интересы»* (ч. II п. 1 ст. 152.1, ч. IV п. 1 ст. 1362 ГК) (Nikitina, 2013).

Об этом свидетельствует и ч. II п. 1 ст. 152.1, ч. IV п. 1 ст. 1362 ГК, использующие словосочетание *«государственных, общественных или иных публичных интересах»*.

Упомянутое в отраслевых кодексах (например, ст. 53 АПК, подп. 1 п. 1 ст. 152.1 ГК) и других правовых и судебных актах (например: Постановление Конституционного Суда РФ от 09.01.1998 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности Лесного кодекса Российской Федерации», от 16.05.2000 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 4 статьи 104 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой компании «Timber Holdings International Limited») понятие

«публичный интерес» получило толкование, соответствующее смыслу Конституции РФ и ст. 1 ГК, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»: «общественно значимый» (п. 44); «Применительно к статьям 166 и 168 ГК РФ под публичными интересами, в частности, следует понимать интересы неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды» (п. 75).

П. 4.1. Постановления КС № 49-П гласит о реализации публичного интереса, о целях защиты общественных и государственных интересов.

Обратим внимание также на то, что в п. 2.1. Постановления КС № 49-П термин «публичный» использован для квалификации государственной коррупции по субъектному составу – с использованием «лицом, занимающим (занимавшим) публично значимую должность, своего должностного статуса» (выделено мной – В.Д.).

Ю. А. Тихомиров сформулировал основные идеи о публичном интересе:

публичный интерес принадлежит неопределенному кругу лиц, находящихся в единстве;

он признан и обеспечен правом, выражается в правовых нормах;

его реализация невозможна без учета частных интересов;

его удовлетворение выступает условием и гарантией существования и развития государства и общества (Tikhomirov, 1995; Tikhomirov, 2001; Tikhomirov, 2008; Khabrieva, Tikhomirov, 2005).

На основе анализа законодательства и судебной практики автор пришла к выводам, что:

– публичный интерес – это не простая совокупность частных интересов, а сложная система,

– в реальности речь идет не столько об удовлетворении этого интереса абстрактного сообщества, сколько о роли

такого интереса в качестве цели формирования направленности интересов частных и общего предела их осуществления (Dolinskaya, 2021).

Для противодействия коррупции и дальнейших рассуждений также имеет значение, что в ряде случаев публичные интересы используются в качестве предела осуществления субъективного права (например, п. 2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой, Р.М. Скляновой и В.М. Ширяева»), а это проявляется как минимум в вопросах прекращения права собственности и исковой давности.

Вторая проблема – квалификация правонарушения и выбор способа защиты.

Законодатель, правоприменительная практика и доктрина различают преступления коррупционной направленности, соответствующие административные и дисциплинарные правонарушения, запрещенные гражданско-правовые сделки (ст. ст. 13 и 14 ФЗ «О противодействии коррупции»). В п. 2.1. Постановления КС № 49-П государственная коррупция квалифицирована как конституционно-правовой деликт.

Конвенция ООН против коррупции и Рекомендации СНГ говорят об административном, гражданском и уголовном производстве. Принцип свободы в выборе способа защиты субъективного права вытекает из нормы ч. 2 ст. 45 Конституции РФ («Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом»), использовался Конституционным Судом РФ (например, «конфискация имущества в соответствии со статьей 104.1 УК Российской Федерации во взаимосвязи со статьей 243 ГК Российской Федерации как публично-правовая санкция уголовно-превентивного свойства может применяться не только в качестве сопровождающей наказание вспомогательной меры

при постановлении обвинительного приговора, но и при освобождении от наказания по реабилитирующим основаниям» – Постановление Конституционного Суда РФ от 07.03.2017 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401.6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А. Е. Певзнера», п. 5.3 Постановления КС № 49-П), арбитражными судами (например, постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 24.02.2022 г. № Ф07–17461/2021 по делу № А56–26731/2018).

В Постановлении КС № 49-П неоднократно отмечается эффективность и простота гражданских процедур.

При сравнении средств уголовного права и процесса, с одной стороны, и гражданского права, гражданского (арбитражного) процесса – с другой, мы видим такие достоинства частнопроводимых способов, как:

- выведение соответствующих требований из-под действия исковой давности (ст. 208 ГК) при ограничении сроков давности привлечения к уголовной ответственности – от 2 до 15 лет (ст. 78 УК);

- презумпция незаконности происхождения имущества и денежных средств (подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК) и распределение бремени доказывания (ч. 1 ст. 56 ГПК, ч. 1 ст. 65 АПК) в противовес презумпции невиновности в уголовном процессе (ст. 14 УПК);

- относительная оперативность (1,5 года в уголовном производстве – ст. 6.1, 144, 162, 233 УПК – против 3 месяцев в гражданском производстве – ст. 154 ГПК).

Конституционный Суд РФ неоднократно подтверждал, что Россия была вправе ввести в правовое регулирование изъятие незаконных доходов или имущества, приобретенного на них, не в качестве уголовно-правовой санкции, а в качестве специальной меры, предусмотренной в рамках антикоррупционного законодательства для случаев незаконного обогащения (П. 4.1. Постановления Конституционного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности

подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан» (далее – Постановление КС № 26-П); п. 5.3 Постановления КС № 49-П).

Ст. 12 ГК содержит открытый перечень способов защиты субъективных гражданских прав, которые могут применяться в зависимости от объекта и характера нарушения защищаемого права. В основном они носят восстановительный характер. Подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК предусматривает принудительное безвозмездное прекращение правоотношения собственности как имущественную санкцию (Кабанова, 2020). При этом *«цели компенсации не являются определяющими: оно служит особому рода неблагоприятным последствием противоправного поведения, применяемым в случае несоблюдения лицом антикоррупционных требований и запретов»* (п. 4.1 Постановления КС № 49-П).

Третья проблема – заявитель и истец.

Противодействие коррупции входит в компетенцию в первую очередь органов государственной власти и местного самоуправления (ст. 1 ФЗ «О противодействии коррупции»). Согласно ФЗ «О противодействии коррупции» и правовой позиции Конституционного Суда РФ (Постановление КС № 26-П, Определение Конституционного Суда РФ от 06.06.2017 г. № 1163-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Романенко Дарьи Сергеевны на нарушение ее конституционных прав подпунктом 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также частью 1 статьи 4, частью 3 статьи 16, статьей 17 и частью 2 статьи 18 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»»), органы прокуратуры осуществляют собственную проверку обстоятельств коррупционных правонарушений и принимают

самостоятельное решение о направлении в суд соответствующих заявлений.

Исходя из того, что коррупционные правонарушения посягают на интересы общества и государства (ст. 1 ФЗ «О противодействии коррупции»), их защиту уполномочен осуществлять прокурор (ст. 45 ГПК). Среди оснований участия прокурора в гражданском судопроизводстве назовем:

ст. ст. 46, 129 Конституции РФ,

ст. 52 АПК РФ,

ч. 1 ст. 3, ч. 2 ст. 4, ч. 1 ст. 45 ГПК РФ,

ст. 39 КАС РФ,

ст. ст. 1, 27, 35 Федерального закона от 17.01.1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»,

ст. 8.2 ФЗ «О противодействии коррупции»,

ст. 17 ФЗ «О контроле»,

Приказ Генеральной прокуратуры от 10.10.2022 г. № 581 «Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции», а также

Приказ Генпрокуратуры от 24.10.2023 г. № 736 «Об организации надзора за исполнением законодательства в налоговой сфере»,

Постановления Конституционного Суда РФ от 04.07.2022 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам», пункта 5 статьи 4 Федерального закона «О личном подсобном хозяйстве» и пункта 1 статьи 200 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.И. Коровицкой», № 26-П,

Определение Конституционного Суда РФ от 06.06.2017 г. № 1163-О,

Обзор судебной практики по делам по заявлениям прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.06.2017 г.,

Информационное письмо Генеральной прокуратуры от 27.01.2003 г. № 8–15–2003 «О некоторых вопросах участия прокурора в гражданском процессе, связанных с принятием и введением в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации».

Истцом выступает Российская Федерация с ее персонификацией конкретными государственными органами (например, межрегиональное территориальное управление Федерального агентства по управлению государственным имуществом) или без таковой.

Четвертая проблема – предмет иска.

Во-первых, это принудительное безвозмездное прекращение права собственности (подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК).

В реализации принципа неприкосновенности собственности (ст. 35 Конституции РФ, ст. 1 ГК) автор выделяет 3 аспекта: – закон устанавливает исчерпывающий перечень оснований принудительного прекращения права собственности (ст. ст. 235, 237–243, п. 4 ст. 252, п. 2 ст. 272, ст. ст. 278, 279, 282, 284, 285, 287.7., п.п. 4 и 5 ст. 1252 ГК);

– безвозмездное изъятие имущества у собственника возможно только по решению суда в виде санкции за совершение правонарушения (например, конфискация – ст. 243 ГК, Постановление Конституционного Суда РФ от 04.06.2015 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 31.1 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» в связи с жалобой граждан В.А. Князик и П.Н. Пузырина»);

– в остальных случаях устанавливается соразмерная компенсация, возмещение убытков (ст. ст. 16, 235 ГК расширили норму ч. 3 ст. 35 Конституции РФ о предварительном и равноценном возмещении).

Применительно к вопросам права собственности Конституционный Суд РФ также указывал на необходимость соблюдения равновесия между требованиями интересов общества и необходимыми ус-

ловиями защиты основных прав личности (Постановление Конституционного Суда РФ от 21.04.2003 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.М. Мариничевой, А.В. Немировской, З.А. Скляновой, Р.М. Скляновой и В.М. Ширяева», Определение Конституционного Суда РФ от 09.12.2014 г. № 2755-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Харламовой Ирины Вячеславовны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 31 и пунктом 4 статьи 36 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»).

Одним из главных условий законности субъективных гражданских прав является законность основания их возникновения. Закрепленные в ст. 35 Конституции РФ и в ГК гарантии права собственности предоставляются лишь в отношении права, возникшего на законных основаниях (постановления Конституционного Суда РФ от 11.03.1998 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности статьи 266 Таможенного кодекса Российской Федерации, части второй статьи 85 и статьи 222 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан М.М. Гаглоевой и А.Б. Пестрякова», от 11.11.2021 г. № 48-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 6 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, пункта 1 статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 32 Федерального закона «О газоснабжении в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Ю.В. Тихонова», Постановление КС № 49-П; определения Конституционного Суда РФ от 25.03.2004 г. № 85-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лежнева Виктора Захаровича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации», от 13.10.2009 г. № 1276-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению

жалобы гражданина Мальцева Олега Станиславовича на нарушение его конституционных прав пунктами 1 и 2 статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также применением статей 84 и 90 Земельного кодекса РСФСР и Постановления Совета Народных Комиссаров РСФСР «О мерах борьбы с самовольным строительством в городах, рабочих, курортных и дачных поселках», от 29.09.2011 г. № 1071-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Геталовой Наталии Васильевны на нарушение ее конституционных прав статьей 222 Гражданского кодекса Российской Федерации», от 20.11.2014 г. № 2590-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Болотова Игоря Геннадьевича, Бородин Александра Афанасьевича и других на нарушение их конституционных прав пунктом 2 статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации», от 28.01.2016 г. № 141-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Рахунок Светланы Владимировны на нарушение ее конституционных прав пунктами 1 и 3 статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации» и др.).

Получение незаконных доходов и их легализация как коррупционные действия противоправны, антисоциальны, незаконны, опосредующие такие действия сделки противоречат основам правопорядка и нравственности (ст.ст.168, 169 ГК, ФЗ «О противодействии коррупции», ФЗ «О контроле», п.п. 3.1, 3.2. Постановления КС № 49-П).

Кроме того, так называемые антикоррупционные иски предъявляются при нарушении ответчиком принципа публичности информации об имуществе, доходах и расходах публичного должностного лица (термин Конвенции ООН против коррупции), который является исключением из общего принципа тайны частной жизни и легальным ограничением прав такого лица в связи с выбором им определенного вида деятельности, а также средством обеспечения баланса субъективных прав и законных интересов общества и индивида (ч. 1 ст. 20, ч. 1 ст. 20.1 Федерального закона от 27.07.2004 г.

№ 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», ч.ч. 1 и 1.1. ст. 15 Федерального закона от 02.03.2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации», п. 3 Постановления КС № 26-П).

Во-вторых, спецификой обладают характеристики истребуемого имущества.

Законодатель и правоприменители однозначно говорят об имуществе, нажитом коррупционным путем.

В подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК уточнено: имущество, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством РФ о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы. Сведения, подтверждающие приобретение на законные доходы, предоставляются в отношении объектов недвижимости, в том числе земельных участков, транспортных средств, ценных бумаг, долей участия и паев в уставных (складочных) капиталах организаций, цифровых финансовых активов, цифровой валюты (ст. ст. 3, 4, 17 и др. ФЗ «О контроле»), т.е. не только дорогостоящего, но и подлежащего государственной регистрации или иному специализированному учету имущества (см. также: п. 5.5. Постановления КС № 26-П).

К сожалению, декларирование не касается других предметов роскоши – драгоценностей (резолюция Совета Безопасности ООН от 07.03.2013 г. № 2094 (2013)), произведений искусства, коллекционных объектов, – наличных денежных средств, что отмечается исследователями как недостаток (Isakova, 2015; Konov, Yakovlev, 2013). В судебной практике встречаются случаи обращения взыскания на иное дорогостоящее имущество – Апелляционное определение Московского городского суда от 18.12.2018 г. по делу № 33–55703/2018, определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10.03.2022 г. № 88–4557/2022, что положительно оценивается специалистами (Venetsky, 2025). Сам термин «предметы роскоши» используется в правовых актах (ст. ст. 256 ГК, ст. 446 ГПК, ст. 36 СК, ч. 3 ст. 213.26 Федерального закона от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несо-

стоятельности (банкротстве)» (далее – ФЗ о банкротстве), ч. 2 ст. 19 Федерального закона от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – ФЗ о контрактной системе), Указ Президента от 02.12.2013 г. № 871 «О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН 2094 от 7 марта 2013 г.» и др.), но понятие не раскрывается. ФЗ о банкротстве устанавливает стоимостной критерий (превышение 100 тыс. руб.); к этой позиции близок ФЗ «О контроле», предлагающий сопоставлять доходы и расходы; ФЗ о контрактной системе обращает внимание на целевой характер имущества. Автору импонирует широкий подход в уголовном законодательстве к определению взятки (ст. 290 УК, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»), тем более что он совпадает с широким пониманием имущества в гражданском праве (*Current issues of legal support for corporations*, 2025. § 2.2. гл. 2 Р.П (автор параграфа – И. В. Шишко); Dolinskaya, 2023; Dolinskaya, Morgunova, Shevchenko, 2017; Shershenevich, 1911). В то же время признаю, что такое сужение круга подконтрольных объектов свидетельствует о соблюдении принципа соразмерности при ограничении прав публичных должностных лиц.

Законодатель и Конституционный Суд РФ подчеркивают, что имущество подлежит изъятию в целом, независимо от того, что в какой-то части затраты на его приобретение могли быть произведены из законных доходов (п. 5.3 Постановления КС № 26-П). Это не только реализация принципа справедливости, но и противодействие вовлечению в гражданский оборот противоправно приобретенного имущества вне зависимости от соотношения расходов на него.

Аналогичны основания обращения в доход Российской Федерации и так называемого производного имущества – имущества, в которое первоначально приобре-

тенное в результате совершения нарушений антикоррупционного законодательства имущество (доходы от этого имущества) было частично или полностью превращено или преобразовано (п. 4 Конвенции ООН против коррупции, п. 4.1 Постановления КС № 26-П, п. 1.2 Постановления КС № 49-П).

Если изъятие в доход Российской Федерации имущества, полученного вследствие нарушения антикоррупционных требований и запретов, невозможно, то в доход государства обращается денежная сумма, эквивалентная стоимости такого имущества (ст. 17 ФЗ «О контроле», п. 5.5 Постановления КС № 26-П, п. 3.1 Постановления КС № 49-П).

При всем внимании законодателя и Конституционного Суда РФ к составу имущества остается не решенным один вопрос.

В число объектов недвижимости входят предприятия и другие имущественные комплексы, включающие в себя наряду с активами пассивы – имущественные обязанности. Участие в ряде корпораций, подтверждаемое ценными бумагами (акциями), правом собственности на доли, паи в уставных (складочных) капиталах организаций, в ряде случаев предполагает субсидиарную ответственность участников по долгам юридического лица. В судебной практике автором не обнаружено информации о судьбе долгов в рамках изымаемого имущества. Может быть, это связано с его исключительной прибыльностью или неразглашением данных финансовой отчетности. Но в любом случае констатируем пробел в законодательстве, который необходимо восполнить. Логика подсказывает, что здесь надо отказаться от универсального правопреемства и широкой трактовки понятия «имущество», сузив его до «активов».

Пятая проблема, ставшая в 2024 г. предметом специального рассмотрения в Конституционном Суде РФ, – исковая давность.

«В действующем законодательном регулировании какой-либо срок, ограничивающий возможность подачи прокурором

искового заявления с требованиями об обращении в доход Российской Федерации имущества как приобретенного вследствие нарушения лицом, замещающим (занимающим) или замещавшим (занимавшим) публично значимую должность, требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, в том числе имущества, которое первоначально приобретено вследствие указанных нарушений имущество (доходы от этого имущества) было частично или полностью превращено или преобразовано, считается неустановленным» (П. 7 Постановления КС № 49-П) (выделено мной – В.Д.). Это не абсолютная новелла (Mikhailova, 2025), Конституционный Суд РФ и ранее демонстрировал свою позицию:

– по исключениям из общего правила о сроке исковой давности в целях защиты прав и свобод граждан, а также поддержания баланса публичных и частных интересов исходя из принципов справедливости, равенства и соразмерности (пропорциональности) (Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2011 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 93.4 Бюджетного кодекса Российской Федерации, части 6 статьи 5 Федерального закона «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации» и статьи 116 Федерального закона «О федеральном бюджете на 2007 год» в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации»),

– по отказу в применении срока давности недобросовестным лицам, злоупотребляющим правом – противодействующим мерам контроля (проверкам), которые направлены на выявление противоправного поведения, используют положение о сроках давности вопреки его предназначению, в ущерб правам других лиц (Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2005 г. № 9-П «По делу о проверке конституци-

онности положений статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г. А. Поляковой и запросом Федерального арбитражного суда Московского округа»).

Отказ от сроков исковой давности в так называемых антикоррупционных исках (Sinitsyn, 2025) обусловлен запретом извлекать преимущество из своего незаконного и недобросовестного поведения (п. 4 ст. 1 ГК), противодействием легализации в гражданском обороте по прошествии времени полученного коррупционным путем имущества (п. 5.1 Постановления КС № 49-П), реализацией принципа неотвратимости ответственности, в том числе за совершение противоправных деяний коррупционной направленности (ст. 3 ФЗ «О противодействии коррупции», п. 3 Постановления КС № 49-П).

Безусловно, есть и другие проблемы (например, предмет доказывания), но они выходят за пределы темы настоящего исследования.

Выводы

Иски прокуроров об изъятии имущества в государственную собственность по подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК:

– генетически связаны с провозглашением в Конституции РФ нашей страны правовым демократическим государством (ч. 1 ст. 1) и его конституционными обязанностями обеспечения законности, правового равенства, взаимного доверия государства и общества (ч. 2 ст. 15, ч. 1 ст. 19, ст. 75.1),

– входят в понятие противодействия коррупции (п. 2 ст. 1 ФЗ «О противодействии коррупции»),

– основаны на таких принципах противодействия коррупции, как законность, публичность и открытость, комплексное использование правовых мер (ст. 3 ФЗ «О противодействии коррупции»),

– соответствуют обязательному требованию подтверждения законности полученных денег (ст. 8.2 ФЗ «О противодействии коррупции», ФЗ «О контроле»),

– предъявляются в рамках полномочий прокурора.

Это частноправовое средство эффективнее по ряду параметров, чем средства уголовного права и процесса.

Однако законодательство и судебная практика предусматривают много изъятий из общих правил и до сих пор не решили ряд вопросов. Так, рационально изменить состав истребуемого имущества, что зависит от антикоррупционного законодательства, и приравнять его к активам ответчика и членов его семьи, полученным в нарушение требований этого законодательства.

Значительное количество гарантий прав ответчика и в то же время дополнительные права истца по антикоррупционным искам, в рамках которых публичные интересы используются в качестве предела осуществления субъективного права, а также использование различных по отраслевой природе способов защиты законных интересов участников гражданского оборота еще раз свидетельствуют о плодотворном взаимодействии публичного и частного права.

Список литературы / References

Akhmedkhanova S. T. *Konceptual`ny'e napravleniya ugolovno-pravovy'x i kriminologicheskix form protivodejstviya korrupcii v sisteme rossijskogo obrazovaniya* [Conceptual directions of criminal law and criminological forms of combating corruption in the Russian education system]. dissertation. ... Doctor of Law.sciences. Grozny, 2026.

Aktual`nye voprosy pravovogo soprovozhdeniya deyatel`nosti korporacij [Current issues of legal support for corporations]. ed. by I. S. Bogdanov, N. F. Kachur, I. V. Shishko. Krasnoyarsk, Sibirskij federal`ny`j universitet, 2025.

Aleynikova A. B. *Otnosheniya sobstvennosti kak predmet kompleksnogo pravovogo regulirovaniya: obshheteoreticheskij aspekt* [Property relations as a subject of complex legal regulation: a general theoretical aspect]. dissertation of the Candidate of Law.sciences. Penza, 2020.

Bratus M. B. O sootnoshenii (konkurencii) veshchno-pravovykh i obyazatel'stvenno-pravovykh sposobov zashchity prava sobstvennosti [On the correlation (competition) of substantive and binding legal methods of protecting property rights]. In: *Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law]*, 2005, 6(102), 128–134.

Cherepakhin B. B. Vindication lawsuits in Soviet law. The legal nature and justification of the acquisition of ownership rights from an unauthorized alienator. In: Cherepakhin B. B. *Trudy po grazhdanskomu pravu [Works on civil law]*. The series "Classics of Russian Civil Studies". M., Statute, 2001.

Dolinskaya V. V. Interesy v grazhdanskom oborote, ix oformlenie i obespechenie ix balansa [Interests in civil turnover, their registration and ensuring their balance]. In: *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika [Laws of Russia: experience, analysis, practice]*, 2021, 2, 9–22.

Dolinskaya V. V. O kategorii «imushchestvo» v civilistike: ot G. F. Shershenevicha do nashix dnei [On the category of "property" in civil law: from G. F. Shershenevich to the present day]. In: *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika [Laws of Russia: experience, analysis, practice]*, 2023, 4, 15–20.

Dolinskaya V. V. Sub`ektivnye prava, ikh osushchestvlenie i zashchita [Subjective rights, their implementation and protection]. In: *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika [Laws of Russia: experience, analysis, practice]*, 2015, 1, 3–14.

Dolinskaya V. V., Morgunova E. A., Shevchenko O. M. *Grazhdanskoe pravo: Ob`ekty prav: uchebnoe posobie dlya bakalavrov [Civil law: Objects of rights: a textbook for bachelors]* / Ed. by V. V. Dolinskaya, V. L. Slesarev (Series "Civil Law" / scientific ed. by V. L. Slesarev). M., Prospekt, 2017.

Filonenko T. V. *Antikorrupcionnaya politika Rossii. Rol` organov prokuratury v ee formirovani i realizacii [Anti-corruption policy of Russia. The role of the Prosecutor's office in its formation and implementation]*: dissertation of the Candidate of Law. Vladivostok, 2021.

Gorshunov D. N. *Interes v chastnom prave: voprosy` teorii [Interest in private law: issues of theory]*. Kazan, 2005.

Gribanov V. P. Interes v grazhdanskom prave [Interest in civil law]. In: *Sovetskoe gosudarstvo i pravo [Soviet State and Law]*, 1967, 1, 49–56.

Gribanov V. P. *Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskix prav [Implementation and protection of civil rights]*. 2nd Ed. M., Statute, 2004 (Classics of Russian Civil Law).

<https://ria.ru/20241208/bastrykin-1987956496.html?ysclid=>

<https://www.rbc.ru/society/16/06/2025/6837ed979a79471aa4>

<https://www.rbc.ru/society/16/06/2025/6837ed979a79471aa4>

Iering R. *Bor`ba za pravo [The Struggle for Law]*. M., 1991.

Ioffe O. S. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu pravu: Iz istorii civilisticheskoi mysli. Grazhdanskoe pravootnoshenie. Kritika teorii xozyajstvennogo prava. [Selected works on civil law: From the History of civil Thought. Civil law relations. Criticism of the theory of "economic law"]*. M., 2000.

Isakova N. A. Poryadok obrasheniya v dohod gosudarstva imushchestva, v otnoshenii kotorogo v sootvetstvii s zakonodatel'stvom Rossijskoj Federacii o protivodejstvii korrupcii ne predstavlenye dokazatel'stva ego priobreteniya na zakonnye doxody [The procedure for applying to the state income of property in respect of which, in accordance with the legislation of the Russian Federation on combating corruption, evidence of its acquisition for legitimate income has not been provided]. In: *Leningradskij juridicheskij zhurnal [Leningrad Law Journal]*. 2015, 3(41), 86–92.

Kabanova L. N. *Imushchestvennye sankcii v rossijskom prave [Property sanctions in Russian Law]*. M., 2020.

Khabrieva T. Yu., Tikhomirov Yu. A. Pravo i interesy [Law and interests]. In: *Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law]*, 2005, 12(108), 16–17.

Konov A. V., Yakovlev A. A. Antikorrupcionnoe deklarirovanie v Rossii: sushchestvuyushchie problemy i vozmozhnye podkhody k reformirovaniyu [Anti-corruption declaration in Russia: existing problems and possible approaches to reform]. In: *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya [Issues of state and municipal management]*, 2013, 1, 5–30.

Krashennikov E. A. Interes i sub`ektivnoe grazhdanskoe pravo [Interest and subjective civil law]. In: *Pravovedenie [Law studies]*, 2003, 3, 133–141.

- Manannikov D. Y. *Pravozashhitnaya deyatel'nost' prokurora [Human rights activities of the prosecutor]*. Penza, 2022.
- Mikhailova E. V. K voprosu ob iskovoj davnosti v delax s uchastiem publicznyx obrazovaniy [On the issue of the limitation period in cases involving public entities]. In: *Rossijskij juridicheskij zhurnal [Russian Law Journal]*, 2025, 2(161), 132–142.
- Morgunov S. V. *Vindikaciya v grazhdanskom prave. Teoriya. Problemy. Praktika [Vindication in civil law. Theory. Problems. Praktika]*. M., 2006.
- Nikitina N. A. Publichnye ekonomicheskie interesy: ponyatie, sistema, mexanizm ix realizacii [Public economic interests: concept, system, mechanism of their realization]. In: *Voprosy ekonomiki i prava [Issues of economics and law]*, 2013, 55, 24–29.
- Pershina I. V. *Interes v prave [Interest in law]* abstract. Dissertation ... Candidate of Law. Nizhny Novgorod, 2002.
- Ranking of countries of the world on the Corruption Perception Index, 2006–2026. Available at: <https://gtmarket.ru/rating/corruption-perceptions-index>
- Rokityansky S. G. *Publichno-pravovoj status prokuratury` v sisteme organov rossijskogo gosudarstva [The public legal status of the prosecutor's office in the system of organs of the Russian state]* dissertation of the Candidate of Law. M., 2025.
- Shershenevich G. F. *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava [Textbook of Russian Civil Law]*. M., edition by Br. Bashmakov, 1911.
- Sheverdyayev S. N. *Zakreplenie antikorrupcionnoj problematiki v sovremennom rossijskom konstitucionnom prave [The consolidation of anti-corruption issues in modern Russian constitutional law]: dissertation ... Doctor of Law. M., 2020.*
- Shishkarev S. N. *Pravovoj poryadok v sfere protivodejstviya korrupcii: teoretiko-pravovoe issledovanie [The legal order in the field of anti-corruption: theoretical and legal research]: diss. ... Doctor of Law, M., 2010.*
- Sinitsyn S. A. *Iskovaya zashhita veshchnyx prav v rossijskom i zarubezhnom grazhdanskom prave: aktual'nye problemy [The claim protection of property rights in Russian and foreign civil law: current issues]*. M., 2015.
- Sinitsyn S. A. Sroki iskovoj davnosti po antikorrupcionnym iskam ob iz`yatii imushhestva iz chastnoj sobstvennosti: voprosy pravovoj kvalifikacii [Statute of limitations on anti-corruption claims for the seizure of property from private property: issues of legal qualification]. In: *Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law]*, 2025, 29(1), 131–140.
- Stepnova Yu. P. *Mexanizm osvobozhdeniya ot juridicheskoy otvetstvennosti [The mechanism of exemption from legal liability]: dissertation of the Candidate of Law.sciences. Kazan, 2023.*
- Tikhomirov Yu. A. *Publichnoe pravo [Public Law]*. M., 1995.
- Tikhomirov Yu. A. Publichno-pravovoe regulirovanie: Dinamika sfer i metodov [Public law regulation: Dynamics of spheres and methods]. In: *Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law]*, 2001, 5(53), 3–12.
- Tikhomirov Yu. A. *Sovremennoe publichnoe pravo [Modern Public Law]*. M., 2008.
- Venediktov A. V. *Gosudarstvennaya socialisticheskaya sobstvennost' . [State Socialist Property]*. M.-L., USSR Academy of Sciences, 1948.
- Venetsky M. M. Uchet doxodov i raschodov proveryaemogo licza pri realizacii prokurorom polnomochij po pred`yavleniyu iskov v sfere zakonodatel'stva o kontrole za raschodami [Accounting for the income and expenses of the person being audited when exercising the prosecutor's powers to file claims in the field of legislation on cost control]. In: *Zakonnost' [Legality]*, 2025, 3(1085), 3–5.
- Vinnitskiy A. V. *Publichnaya sobstvennost [Public property]*. M., Statut,2013.

EDN: SZXUYH
УДК 343.34:343.9:342.7

Extremism and Extremist Activity: Conceptual Correlation of the Concepts and Their Legal Content in the Legislation of the Russian Federation

Ivan A. Kolpakov*

*Interstate Educational Organization of Higher Education
First President of Russia Boris Yeltsin Kyrgyz-Russian Slavic University
Bishkek, Kyrgyz Republic*

Received 15.03.2026, received in revised form 03.04.2026, accepted 06.04.2026

Abstract. The scientific article examines the theoretical and legal foundations as well as the normative consolidation of the category’s “extremism” and “extremist activity” in the legislation of the Russian Federation. The study analyzes the essential characteristics of these legal concepts and identifies the key features that determine their substantive content within the system of Russian law. Particular attention is paid to the issue of the conceptual correlation between the notions of “extremism” and “extremist activity”, which remain the subject of scholarly debate and diverse interpretation in legal practice. The article explores the distinction between extremism as an ideological phenomenon and extremist activity as a set of specific unlawful actions through which such ideology is manifested in practice. In this context, the paper analyzes the structure and legal content of the provisions of the Federal Law “On Countering Extremist Activity”, as well as the specifics of their interpretation in legal doctrine and law-enforcement practice. In addition, certain gaps and inconsistencies in the current legal regulation of these categories are identified. Based on the results of the study, proposals are formulated aimed at improving the legislation of the Russian Federation in the field of preventing and countering extremist activity, as well as clarifying the conceptual framework used in the legal regulation of this sphere.

Keywords: extremism, extremist activity, ideological foundations of extremism, extremist crimes, countering extremism, prevention of extremism, radical ideology.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Criminal Law Sciences.

Citation: Kolpakov I.A. Extremism and Extremist Activity: Conceptual Correlation of the Concepts and Their Legal Content in the Legislation of the Russian Federation. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(4), 797–809. EDN: SZXUYH

© Siberian Federal University. All rights reserved
* Corresponding author E-mail address: Ps903@mail.ru
ORCID: 0009-0009-1980-4213

Экстремизм и экстремистская деятельность: концептуальное соотношение понятий и их правовое содержание в законодательстве Российской Федерации

И.А. Колпаков

*Межгосударственная образовательная организация
высшего образования «Кыргызско-Российский Славянский университет
имени первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина»
Кыргызская Республика, Бишкек*

Аннотация. В научной статье рассматриваются теоретико-правовые основы, а также нормативное закрепление категорий «экстремизм» и «экстремистская деятельность» в законодательстве Российской Федерации. В исследовании анализируются существенные характеристики указанных правовых понятий и выявляются ключевые признаки, определяющие их содержательное наполнение в системе российского права. Особое внимание уделяется проблеме концептуального соотношения понятий «экстремизм» и «экстремистская деятельность», которые остаются предметом научной дискуссии и различного толкования в юридической практике. В статье исследуется разграничение экстремизма как идеологического явления и экстремистской деятельности как совокупности конкретных противоправных действий, выражающих данную идеологию на практике. В этом контексте анализируются структура и правовое содержание положений Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», а также особенности их интерпретации в юридической доктрине и правоприменительной практике. Кроме того, выявляются отдельные пробелы и противоречия действующего правового регулирования рассматриваемых категорий. По результатам проведенного анализа сформулированы предложения, направленные на совершенствование законодательства Российской Федерации в сфере предупреждения и противодействия экстремистской деятельности, а также на уточнение понятийного аппарата, используемого в правовом регулировании данной области.

Ключевые слова: экстремизм, экстремистская деятельность, идеологическая основа экстремизма, преступления экстремистской направленности, противодействие экстремизму, профилактика экстремизма, радикальная идеология.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки); 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Цитирование: Колпаков И. А. Экстремизм и экстремистская деятельность: концептуальное соотношение понятий и их правовое содержание в законодательстве Российской Федерации. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(4), 797–809. EDN: SZXUYH

Введение

Согласно положениям Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (Strategiya natsionalnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii), а также Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации (Strategiya protivodeystviya ekstremizmu v Rossiyskoy Federatsii), экстремизм представляет собой одну из наиболее острых и многоаспектных проблем современного российского общества.

Данная позиция, закреплённая на уровне стратегических документов, обусловлена спецификой самого феномена экстремизма, который характеризуется выраженной многоаспектностью проявлений и тесной взаимосвязью различных факторов социальной, политической, идеологической и религиозной природы.

Указанные нормативные правовые акты подчеркивают необходимость комплексного подхода к борьбе с экстремизмом, включающего не только меры уголовного преследования и правового реагирования на уже совершенные противоправные деяния, но и широкие профилактические мероприятия, направленные на выявление и устранение причин, а также условий, способствующих его возникновению и распространению.

Научное осмысление экстремизма как многогранной угрозы предполагает глубокий анализ как идеологических предпосылок данного явления, связанных с распространением радикальных и нетерпимых взглядов, так и социокультурных факторов, среди которых особое значение имеют межэтнические и межрелигиозные конфликты, социальное расслоение и маргинализация отдельных социальных групп. При этом особую сложность противодействию экстремизму придает транснациональный характер современной экстремистской деятельности, ее способность к быстрой адаптации к изменениям социально-политической среды, а также высокий уровень латентности и сложности выявления.

В этой связи указанные стратегические документы ставят задачу разработки и реализации системных мер профилактики, которые должны включать образовательные, про-

светительские и социально-воспитательные компоненты, а также активное участие институтов гражданского и экспертного сообществ в формировании нетерпимости к экстремистской идеологии. Комплексный подход, обозначенный в Стратегиях, предполагает также совершенствование законодательства и правоприменительной практики, направленных на повышение эффективности уголовно-правового и административного реагирования на экстремизм, с учетом соблюдения баланса между защитой общественных интересов и обеспечением прав и свобод граждан, гарантируемых Конституцией Российской Федерации (Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii ot 12 dekabrya 1993 goda).

Исходя из этого, экстремизм следует рассматривать как сложное и многомерное явление, обладающее интегративной природой и находящееся в сфере регулирования сразу нескольких отраслей права. Его правовая специфика проявляется в том, что экстремистская деятельность затрагивает одновременно международно-правовые механизмы сотрудничества государств в сфере обеспечения безопасности, конституционно-правовые основы охраны государственного строя и прав человека, уголовно-правовые меры пресечения общественно опасных деяний, административно-правовые инструменты профилактики и контроля, а также информационно-правовые средства регулирования цифрового пространства.

Такое межотраслевое положение экстремизма указывает на необходимость его комплексного правового анализа и многоуровневого противодействия, предполагающего согласованное применение норм различных отраслей права в целях эффективной нейтрализации угроз, исходящих от него.

Постановка проблемы

Одной из ключевых проблем современной уголовно-правовой науки и законодательства Российской Федерации является неопределенность концептуального соотношения понятий «экстремизм» и «экстремистская деятельность». В действующем Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» (Federalnyy zakon

«О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июня 2002 года № 114-FZ) законодатель фактически отождествляет данные категории, раскрывая их содержание через перечисление конкретных противоправных деяний.

Подобная нормативная конструкция приводит к тому, что «экстремизм» трактуется преимущественно через внешние формы его проявления, тогда как его идеологическая и мировоззренческая природа остается недостаточно раскрытой. В результате в доктрине уголовного права и правоприменительной практике возникают трудности в разграничении «экстремизма» как социально-политического и идеологического явления и «экстремистской деятельности» как совокупности конкретных противоправных действий.

Дополнительную сложность создает отсутствие единообразного определения указанных понятий в международном праве, что также влияет на формирование национальных правовых подходов. Указанные обстоятельства обуславливают необходимость научного анализа содержания данных категорий, их теоретического разграничения и совершенствования законодательного регулирования в сфере противодействия экстремизму.

Методология

Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных, частнонаучных и специально-юридических методов, применение которых обусловлено межотраслевым характером проблематики экстремизма и экстремистской деятельности.

Базовым выступил диалектический метод, позволивший рассмотреть экстремизм как сложное, развивающееся социально-правовое и идеологическое явление, а экстремистскую деятельность – как форму его практической реализации.

Системный метод использовался для определения места исследуемых правовых категорий в структуре российского законодательства и в системе угроз национальной безопасности. Формально-юридический метод обеспечил анализ нормативного содержания положений Федерального закона

«О противодействии экстремистской деятельности», Конституции Российской Федерации и иных правовых актов.

Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить российскую модель правового регулирования с международными и региональными подходами, закрепленными в документах ООН, СНГ и ШОС.

Историко-правовой метод применялся для выявления эволюции научных и нормативных представлений об экстремизме. Доктринальный анализ использовался при исследовании научных позиций отечественных авторов. Логико-юридический метод позволил выявить внутренние противоречия в действующей дефиниции экстремизма.

В совокупности указанные методы обеспечили комплексное исследование понятий «экстремизм» и «экстремистская деятельность», их соотношения и правового содержания в законодательстве Российской Федерации.

Обсуждение и результаты

Легальная дефиниция экстремистской деятельности (экстремизма) в законодательстве Российской Федерации имеет комплексный характер. Данный аспект вытекает из того, что отечественный законодатель не дает краткой дефиниции этой противоправной деятельности (явления), а раскрывает его через перечисление конкретных деяний.

В соответствии с п. 1 ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» к экстремистской деятельности (**экстремизму**) относятся:

- насильственное изменение основ конституционного строя и (или) нарушение территориальной целостности Российской Федерации (в том числе отчуждение части территории Российской Федерации), за исключением делимитации, демаркации, редемаркации Государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами;

- публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;

- возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;

– пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

– нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

– воспрепятствование осуществлению гражданами их избирательных прав и права на участие в референдуме или нарушение тайны голосования, соединенные с насилием либо угрозой его применения;

– воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения;

– совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте «е» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации;

– использование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой, или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, за исключением случаев использования нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, при которых формируется негативное отношение к идеологии нацизма и экстремизма и отсутствуют признаки пропаганды или оправдания нацистской и экстремистской идеологии;

– публичные призывы к осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения;

– публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации

или государственную должность субъекта Российской Федерации, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей деяний, указанных в настоящей статье и являющихся преступлением;

– организация и подготовка указанных деяний, а также подстрекательство к их осуществлению;

– финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг.

В первую очередь, анализируя данную легальную дефиницию экстремистской деятельности (экстремизма), необходимо акцентировать внимание на том, что одной из ключевых проблем современной уголовно-правовой науки и законодательства Российской Федерации является вопрос о соотношении понятий «экстремизм» и «экстремистская деятельность».

В содержании Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» прослеживается очевидная тенденция к нормативному отождествлению понятий «экстремизм» и «экстремистская деятельность», что проявляется в их использовании как взаимозаменяемых категорий.

Данное обстоятельство обусловлено отсутствием в законодательстве самостоятельного определения «экстремизма» как социально-правового явления и фактическим сведением его сущности к перечню конкретных форм противоправного поведения, объединяемых термином «экстремистская деятельность (экстремизм)». Тем самым экстремизм трактуется отечественным законодателем преимущественно через внешние проявления, а не через его сущностные характеристики.

По словам А. А. Черных: «Главным объектом критики является отсутствие в нормативно-правовом акте описания тех признаков, которые, собственно, и придают перечисляемым действиям характер экстремистских» (Chernykh, 2013: 292).

Закрепленная в указанном Федеральном законе правовая конструкция, безусловно, отражает волю законодателя к упрощению понятийного аппарата и обеспечению единства правоприменительной практики, однако с научно-правовой точки зрения она все же представляется дискуссионной, поскольку игнорирует необходимость разграничения феномена экстремизма как идеологически и социально детерминированного явления и экстремистской деятельности как его правового выражения.

Посредством анализа международных нормативных правовых актов мы можем установить, что в международном праве также отсутствует единообразное закрепление как понятия «экстремизм», так и понятия «экстремистская деятельность». В отличие от терроризма, по которому существует достаточно широкий круг международных договоров и резолюций Организации Объединенных Наций, экстремизм как правовая категория до сих пор не получил универсального признания и единообразного нормативного оформления. Тем не менее в ряде международных актов содержатся положения, которые прямо или косвенно касаются явления экстремизма, а также внешних форм его проявлений:

– Резолюция СБ ООН № 2178 (Rezolyutsiya Soveta Bezopasnosti OON № 2178 ot 24 sentyabrya 2014 goda), в которой используется формулировка «насильственный экстремизм» как фактор, способствующий террористической деятельности;

– Резолюция ГА ООН № A/RES/70/254 (Rezolyutsiya Generalnoy Assamblei OON № A/RES/70/254 ot 12 fevralya 2016 goda), в которой впервые системно закреплено использование термина «насильственный экстремизм» в международно-правовом дискурсе. В ней подчеркивается связь насильственного экстремизма с терроризмом. Однако эти понятия в содержании данного международного акта не отождествляются;

– Резолюция СБ ООН № 2354 (Rezolyutsiya Soveta Bezopasnosti OON № 2354 ot 24 maya 2017 goda), где термин «насильственный экстремизм» применя-

ется в связи с информационной безопасностью;

– Резолюция ГА ООН № A/RES/72/284 (Rezolyutsiya Generalnoy Assamblei OON № A/RES/72/284 ot 26 iyunya 2018 goda), где экстремизм трактуется в контексте мер противодействия радикализации и вербовке террористическими организациями и др.

В Конвенциях Совета Европы прямого определения экстремизма нет, однако в документах Парламентской ассамблеи Совета Европы (например, Резолюция ПАСЕ № 1754 (Rezolyutsiya PASE № 1754 ot 5 oktyabrya 2010 goda)) экстремизм рассматривается как явление, связанное с радикализмом, ксенофобией и насилием.

На региональном уровне противодействие экстремизму и экстремистской деятельности получило развитие в рамках договорно-правовой базы таких межгосударственных объединений, как Содружество Независимых Государств и Шанхайская организация сотрудничества.

В рамках международно-правового регулирования, осуществляемого на пространстве Содружества Независимых Государств, выработан ряд соглашений, направленных на противодействие экстремистским проявлениям, в которых экстремизм характеризуется посредством совокупности признаков, указывающих на посягательства на основы конституционного строя, нарушение общественной безопасности, ущемление прав и свобод человека и гражданина, а также разжигание национальной, расовой или религиозной вражды. К основным соглашениям мы можем отнести:

– Концепцию сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма (Konceptsiya sotrudnichestva gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyykh Gosudarstv v borbe s terrorizmom i inymi nasil'stvennyimi proyavleniyami ekstremizma ot 26 avgusta 2005 goda);

– Договор государств – участников СНГ о противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов и финанси-

рованию терроризма (Dogovor gosudarstv-uchastnikov SNG o protivodeystvii legalizatsii (otmyvaniyu) prestupnykh dokhodov i finansirovaniyu terrorizma ot 5 oktyabrya 2007 goda);

– Соглашение о порядке создания и деятельности совместных следственно-оперативных групп на территориях государств–участников Содружества Независимых Государств (Soglashenie o poryadke sozdaniya i deyatelnosti sovместnykh sledstvenno-operativnykh grupp na territoriyakh gosudarstv – uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv ot 16 oktyabrya 2015 goda);

– Концепцию сотрудничества государств–участников Содружества Независимых Государств в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения (Kontseptsiya sotrudnichestva gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv v sfere protivodeystviya legalizatsii (otmyvaniyu) dokhodov, poluchennykh prestupnym putem, finansirovaniyu terrorizma i finansirovaniyu rasprostraneniya oruzhiya massovogo unichtozheniya ot 11 oktyabrya 2017 goda);

– Соглашение об обмене информацией в рамках Содружества Независимых Государств в сфере борьбы с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма, а также их финансированием (Soglashenie ob obmene informatsiyey v ramkakh Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv v sfere borby s terrorizmom i inymi nasil'stvennymi proyavleniyami ekstremizma, a takzhe ikh finansirovaniyem ot 3 noyabrya 2017 goda);

– Программу сотрудничества государств–участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом и экстремизмом на 2023–2025 годы (Programma sotrudnichestva gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv v borbe s terrorizmom i ekstremizmom na 2023–2025 gody ot 14 oktyabrya 2022 goda) и др.

При этом специфика данных международных актов заключается в том, что акцент в них смещен не столько на понятийное закрепление содержания рассматриваемого явления, сколько на создание и институционализацию правовых и организационных механизмов межгосударственного взаимодействия компетентных органов, обеспечивающих координацию усилий в сфере предупреждения, выявления и пресечения экстремистской деятельности. В указанных соглашениях значительное внимание уделяется вопросам обмена оперативной информацией, унификации подходов к уголовному преследованию, проведению совместных мероприятий профилактического характера, а также формированию единых стандартов в области правового регулирования деятельности правоохранительных органов. Вместе с тем, несмотря на важное значение данных актов для формирования региональной системы противодействия экстремизму, их концептуальный недостаток состоит в отсутствии нормативно закрепленных дефиниций понятий «экстремизм» и «экстремистская деятельность». Это обстоятельство порождает определенные теоретические и практические трудности, поскольку оставляет пространство для неоднозначного толкования и применения норм права в национальных юрисдикциях государств–участников СНГ, препятствуя формированию унифицированного понятийного аппарата, необходимого для эффективного международного сотрудничества в указанной сфере.

Наибольшую научную ценность для нашего исследования представляют международные акты, заключенные в рамках Шанхайской организации сотрудничества, которые на региональном уровне заложили правовые основы противодействия современным угрозам безопасности.

Прежде всего следует отметить Шанхайскую конвенцию «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» (Shankhayskaya konventsiya «O borbe s terrorizmom, separatizmom i ekstremizmom» ot 15 iyunya 2001 goda), в которой государства-участники предприняли пер-

вую попытку нормативного закрепления дефиниции экстремизма в увязке с явлениями терроризма и сепаратизма.

В указанном международном акте экстремизм характеризуется как деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организацию в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством сторон, что подчеркивает его угрозу как для национальной, так и международной безопасности. В то же время в документе фиксируются и отдельные признаки экстремистских действий, но не проводится четкого разграничения между идеологическим феноменом экстремизма и его конкретными проявлениями.

Эта доктринально-правовая «неполнота» была устранена в более позднем акте – Конвенции Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму (*Konventsiya Shankhayskoy organizatsii sotrudnichestva po protivodeystviyu ekstremizmu ot 9 iyunya 2017 goda*), которая детализировала понятийный аппарат и закрепила два самостоятельных термина – «экстремизм» и «экстремистская деятельность (экстремистские акты)». Под экстремизмом указанная Конвенция понимает идеологию и практику, направленные на подрыв государственного строя, нарушение территориальной целостности, ограничение прав и свобод человека, возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной ненависти. В то же время «экстремистская деятельность» трактуется как совокупность конкретных противоправных деяний, выражающихся в подготовке, организации и осуществлении актов насилия, угроз, подрывных действий против институтов государства и общества и др.

Таким образом, мы можем установить, что в правовой конструкции, закрепленной в Конвенции Шанхайской организа-

ции сотрудничества по противодействию экстремизму, проводится принципиальное разграничение анализируемых понятий. Экстремизм закрепляется как идеологическое и мировоззренческое основание, тогда как экстремистская деятельность – как его практическая криминализованная реализация, поглощаемая понятием «экстремизма» и являющаяся ее составной частью.

Исходя из этого, мы можем прийти к выводу, что в **международном праве** на уровне ООН термин «экстремизм» закреплен в форме «насильственного экстремизма» без четкой дефиниции, а на **региональном уровне** (СНГ, ШОС) существуют договоры, где даются конкретные правовые определения «экстремизма» и «экстремистской деятельности».

Если анализировать уголовно-правовую доктрину, то в значительном массиве научных исследований, посвященных проблематике противодействия экстремизму, акцентируется внимание на теоретико-правовой несостоятельности отождествления понятий «экстремизм» и «экстремистская деятельность» в рамках единой дефиниции в содержании Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности».

Большим количеством ученых предлагается нормативное закрепление экстремизма в законодательстве Российской Федерации как самостоятельной категории, отражающей внутреннюю сущность и идеологическую основу противоправных проявлений, в то время как экстремистская деятельность должна рассматриваться как внешняя, практическая форма реализации соответствующих установок.

Хотя в современной юридической науке преобладает единство мнений относительно необходимости разграничения понятий «экстремизм» и «экстремистская деятельность» в законодательстве Российской Федерации, в научном дискурсе четко прослеживается дуализм подходов к их содержательному наполнению.

В этом плане условно можно выделить две категории авторов. Первая группа авторов, анализируя дефиницию «экс-

тримизма», фактически отождествляет его исключительно с деятельностью, имеющей экстремистскую направленность. Такой подход характеризуется юридико-прагматическим акцентом, поскольку он позволяет ограничить применение термина рамками конкретных противоправных действий, подлежащих квалификации и правовой оценке в контексте действующего законодательства. В данном случае «экстремизм» и «экстремистская деятельность» приобретают синонимичное значение, что ведет к чрезмерному упрощению феномена, оставляя без внимания его идеологическую и социально-психологическую основу.

«В научных трудах В.Г. Кокорева экстремизм трактуется как деятельность, направленная против основ конституционного строя, общественной безопасности, а также против личности, связанная с применением насилия и возбуждением социальной, расовой, национальной или религиозной розни» (Кокорев, 2013: 243).

Да, несомненно, автор в предлагаемой им дефиниции «экстремизма» делает акцент на наиболее опасных формах его проявления, что позволяет выделить его общественно-опасное содержание и соотнести с задачами уголовно-правовой охраны, а также подчеркивает наличие насильственного элемента в структуре экстремизма, что отвечает принципу конкретизации объекта уголовно-правовой защиты и позволяет отграничить экстремистскую деятельность от иных правонарушений. Вместе с тем В.Г. Кокорев чрезмерно сужает содержание экстремизма, поскольку автором не учитываются его ненасильственные формы, например, пропаганда идеологии экстремизма, финансирование экстремистских организаций и др. Такой подход, по нашему мнению, может привести к фрагментарному восприятию экстремизма и ограничить возможности законодательства в противодействии его латентным и идеологическим проявлениям.

Вторая категория ученых предлагает более комплексное понимание экстремизма, при котором он трактуется не только как совокупность противоправных действий,

но и как идейная платформа, мировоззренческая установка, формирующая почву для соответствующей деятельности.

В таком контексте экстремистская деятельность выступает лишь внешним выражением более глубокого явления – экстремистской идеологии, отражающей систему взглядов, направленных на разрушение конституционных и общественных устоев.

Данный подход авторов позволяет учесть латентный характер экстремизма, проявляющийся задолго до реализации конкретных действий, и тем самым формирует предпосылки для разработки превентивных мер правового регулирования.

Например, Е.Ю. Довгополов определяет, что «...экстремизм можно охарактеризовать как крайние проявления взглядов и принятие мер, идущих вразрез с правилами человеческого общежития, сопряженные с нарушением норм права, влекущие общественно опасные последствия и проявляющиеся в насильственном захвате власти или насильственном удержании власти, в насильственном изменении конституционного строя государства, насильственном посягательстве на общественную безопасность, а также участие в такой деятельности» (Dovgopologov, 2016: 16).

В позиции Е.Ю. Довгополова прослеживается стремление к комплексному охвату явления экстремизма через сочетание его идейной и активной составляющей. Положительным аспектом данной дефиниции является то, что автор не ограничивается лишь указанием на противоправные действия, а подчеркивает, что экстремизм начинается с крайних проявлений взглядов, которые переходят в конкретные противоправные действия. Это позволяет рассматривать экстремизм как социально-правовой феномен, имеющий предпосылки в идеологической сфере и завершающийся в сфере определенных действий. Кроме того, достоинством данного подхода является акцент на общественно опасных последствиях, что сближает определение с уголовно-правовой категорией и обеспечивает возможность его практического применения при квалификации деяний, на-

правленных на насильственное изменение конституционного строя или захват власти. Вместе с тем, по нашему мнению, данное определение имеет и ряд недостатков. Во-первых, включение в дефиницию категории «правила человеческого общежития» делает ее оценочной и недостаточно формализованной для целей правоприменения, поскольку указанный термин не имеет четкого юридического содержания. Во-вторых, чрезмерная концентрация внимания автора на насильственных формах проявления экстремизма сужает охват явления, оставляя за пределами определения (как и в дефиниции, предложенной В.Г. Кокоревым) иные формы экстремистской активности, не всегда сопряженные с прямым применением насилия. В-третьих, не прослеживается четкое разграничение между понятием «экстремизм» и «экстремистская деятельность», что в правоприменительной практике способно порождать проблемы при квалификации деяний и формировании превентивных мер.

Заключение

Таким образом, мы установили, что современная доктрина указывает, что экстремизм как явление имеет преимущественно мировоззренческую и идеологическую природу, выражается в радикальной установке личности или группы лиц, ориентированной на разрушение либо дестабилизацию существующих общественных и государственных устоев.

В то же время экстремистская деятельность представляет собой практическую реализацию таких установок, объективированную в форме конкретных действий или бездействия, направленных на достижение указанных целей.

Исходя из этого, мы можем прийти к выводу, что ошибочное отождествление этих категорий, закрепленное в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности», где экстремизм и экстремистская деятельность рассматриваются как синонимы, приводит к подмене сущностных характеристик анализируемого феномена и его правовых форм

проявления. В результате экстремизм лишается самостоятельного значения как идеологическая и ценностная категория, а анализ ограничивается лишь перечнем противоправных деяний, что не позволяет выявить глубинные причины и механизмы его реализации.

С нашей точки зрения, данное смешение препятствует формированию эффективной системы категориального аппарата, необходимой для точного разграничения социальной опасности различных форм экстремистских проявлений. Так, экстремизм может существовать на уровне идей, убеждений и пропаганды, не переходя в стадию активной деятельности, но при этом представляя значительный риск для общественной безопасности. Экстремистская же деятельность есть конкретное деяние, которое уже может получить уголовно-правовую или административную оценку. Таким образом, экстремизм является более широким понятием, охватывающим как идеологическую основу, так и различные формы ее трансформации в практические действия, тогда как экстремистская деятельность выступает лишь одной из стадий реализации экстремистских установок.

В этой связи представляется необходимым на уровне законодательства четко разграничить данные понятия. Тем самым предлагается закрепить экстремизм как социально-правовую категорию, выражающую систему идей и установок, основанных на нетерпимости, вражде и радикальном отрицании конституционных ценностей, а экстремистскую деятельность (выступающую его составной частью) – как совокупность конкретных противоправных действий, совершенных в целях реализации экстремистских идей. Подобный подход позволил бы устранить имеющиеся терминологические противоречия, повысить качество юридической техники и обеспечить более точное применение уголовно-правовых и иных норм отечественного законодательства, а также способствовал бы более эффективному противодействию экстремистским проявлениям в молодежной

среде, где идеологическая составляющая зачастую предшествует переходу к противоправным действиям.

Таким образом, предлагается закрепить в п. 1. ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» следующую дефиницию экстремизма:

«Экстремизм – это система идеологических, политических, национальных, религиозных или иных радикальных установок, выражающихся в нетерпимости, вражде или ненависти к иной социальной, этнической, религиозной, политической или иной общности, формирующая мотивацию и направленность противоправной деятельности, равно как и сама деятельность, осуществляемая в целях подрыва основ конституционного строя, нарушения прав и свобод человека и гражданина, а также обеспечения преимуществ одной группы над другой».

Сформулированная дефиниция предоставляет возможность рассматривать экстремизм в качестве комплексной, многоуровневой категории (явления), интегрирующей в своем содержании как идеологическую основу экстремистской направленности, так и обусловленную

ею совокупность практических действий, выражающихся в экстремистской деятельности. В данном контексте идеологическая составляющая выступает системообразующим элементом, определяющим идейно-ценностную платформу, мотивы и цели противоправного поведения, что позволяет установить прямую причинно-следственную связь между системой радикальных убеждений и конкретными социально опасными деяниями. Экстремистская деятельность в этом понимании приобретает значение внешней формы проявления соответствующей идеологической базы, реализуемой через организацию, подготовку и совершение действий, направленных на подрыв основ конституционного строя, нарушение прав и свобод человека и гражданина, дестабилизацию общественной безопасности, обеспечение превосходства одной группы над другой и др. Такой подход обеспечивает целостное восприятие экстремизма как единого социально-правового явления, что имеет важное значение для его уголовно-правовой квалификации, разграничения с иными формами радикализма и выработки эффективных мер его профилактики и пресечения.

Список литературы / References

Chernykh A. A. Ponyatie molodezhnyy ekstremizm v otechestvennom i zarubezhnom ugolovnom zakonodatelstve [The Concept of Youth Extremism in Domestic and Foreign Criminal Legislation]. In: *Territoriya nauki [Territory of Science]*, 2013, 2, 291–300. EDN: VCUAYH.

Dogovor gosudarstv-uchastnikov SNG o protivodeystvii legalizatsii (otmyvaniyu) prestupnykh dokhodov i finansirovaniyu terrorizma ot 5 oktyabrya 2007 goda [Treaty of the Member States of the Commonwealth of Independent States on Counteracting the Legalization (Laundering) of Criminal Proceeds and the Financing of Terrorism dated October 5, 2007]. Available at: <http://sp-rc.ru/wp-content/uploads/2019/09/%D0%94%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%80-%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2.pdf> (accessed 3 March 2026).

Dovgoplov E. Y. K voprosu o ponyatii ekstremizma [On the Issue of the Concept of Extremism]. In: *Istoriya i kultura Priamurya [History and Culture of the Amur Region]*, 2016, 1(19), 12–17. EDN: WXGKVR

Federalnyy zakon «O protivodeystvii ekstremistskoy deyatelnosti» ot 25 iyunya 2002 goda № 114-FZ [Federal Law «On Countering Extremist Activity» dated June 25, 2002 No. 114-FZ]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (accessed 21 February 2026).

Kokorev V. G. Sootnoshenie ponyatii: «terrorizm» i «ekstremizm» [Correlation of the Concepts «Terrorism» and «Extremism»]. In: *Sotsialno-ekonomicheskie yavleniya i protsessy [Socio-Economic Phenomena and Processes]*, 2013, 1(47), 239–244. EDN: PZVENB

Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii ot 12 dekabrya 1993 goda [Constitution of the Russian Federation dated December 12, 1993]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed 20 February 2026).

Kontseptsiya sotrudnichestva gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv v borbe s terrorizmom i inymi nasil'stvennymi proyavleniyami ekstremizma ot 26 avgusta 2005 goda [Concept of Cooperation of the Member States of the Commonwealth of Independent States in Combating Terrorism and Other Violent Manifestations of Extremism dated August 26, 2005]. Available at: https://adilet.zan.kz/rus/docs/H050000446_ (accessed 3 March 2026).

Kontseptsiya sotrudnichestva gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv v sfere protivodeystviya legalizatsii (otmyvaniyu) dokhodov, poluchennykh prestupnym putem, finansirovaniyu terrorizma i finansirovaniyu rasprostraneniya oruzhiya massovogo unichtozheniya ot 11 oktyabrya 2017 goda [Concept of Cooperation of the Member States of the Commonwealth of Independent States in Countering the Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime, the Financing of Terrorism and the Financing of the Proliferation of Weapons of Mass Destruction dated October 11, 2017]. Available at: https://base.garant.ru/71842920/#block_10 (accessed 6 March 2026).

Konventsia Shankhayskoy organizatsii sotrudnichestva po protivodeystviyu ekstremizmu ot 9 iyunya 2017 goda [Shanghai Cooperation Organization Convention on Countering Extremism dated June 9, 2017]. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201910280036> (accessed 11 March 2026).

Programma sotrudnichestva gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv v borbe s terrorizmom i ekstremizmom na 2023–2025 gody ot 14 oktyabrya 2022 goda [Program of Cooperation of the Member States of the Commonwealth of Independent States in Combating Terrorism and Extremism for 2023–2025 dated October 14, 2022]. Available at: https://ct-secretariat.tj/images/docs/menu/information/international_docs/INT-006.pdf (accessed 10 March 2026).

Rezolyutsiya Generalnoy Assamblei OON № A/RES/70/254 ot 12 fevralya 2016 goda [United Nations General Assembly Resolution No. A/RES/70/254 dated February 12, 2016]. Available at: <https://undocs.org/A/RES/70/254> (accessed 24 February 2026).

Rezolyutsiya Generalnoy Assamblei OON № A/RES/72/284 ot 26 iyunya 2018 goda [United Nations General Assembly Resolution No. A/RES/72/284 dated June 26, 2018]. Available at: <https://undocs.org/A/RES/72/284> (accessed 25 February 2026).

Rezolyutsiya PASE № 1754 ot 5 oktyabrya 2010 goda [PACE Resolution No. 1754 dated October 5, 2010]. Available at: [https://www.coe.int/T/r/parliamentary_assembly/\[russian_documents\]/\[2010\]/%5BOct2010%5D/Res1754_rus.asp](https://www.coe.int/T/r/parliamentary_assembly/[russian_documents]/[2010]/%5BOct2010%5D/Res1754_rus.asp) (accessed 27 February 2026).

Rezolyutsiya Soveta Bezopasnosti OON № 2178 ot 24 sentyabrya 2014 goda [United Nations Security Council Resolution No. 2178 dated September 24, 2014]. Available at: [https://undocs.org/S/RES/2178\(2014\)](https://undocs.org/S/RES/2178(2014)) (accessed 24 February 2026).

Rezolyutsiya Soveta Bezopasnosti OON № 2354 ot 24 maya 2017 goda [United Nations Security Council Resolution No. 2354 dated May 24, 2017]. Available at: [https://undocs.org/S/RES/2354\(2017\)](https://undocs.org/S/RES/2354(2017)) (accessed 25 February 2026).

Shankhayskaya konventsia «O borbe s terrorizmom, separatizmom i ekstremizmom» ot 15 iyunya 2001 goda [Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism dated June 15, 2001]. Available at: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=10927> (accessed 10 March 2026).

Soglasenie o poryadke sozdaniya i deyatelnosti sovmestnykh sledstvenno-operativnykh grupp na territoriyakh gosudarstv – uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv ot 16 oktyabrya 2015 goda [Agreement on the Procedure for the Establishment and Operation of Joint Investigative and Operational Groups in the Territories of the Member States of the Commonwealth of Independent States dated October 16, 2015]. Available at: <https://base.garant.ru/71533208/> (accessed 5 March 2026).

Soglasenie ob obmene informatsiy v ramkakh Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv v sfere borby s terrorizmom i inymi nasil'stvennymi proyavleniyami ekstremizma, a takzhe ikh finansirovaniem ot 3 noyabrya 2017 goda [Agreement on Information Exchange within the Commonwealth of In-

dependent States in the Field of Combating Terrorism and Other Violent Manifestations of Extremism, as well as Their Financing dated November 3, 2017]. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201809050014> (accessed 9 March 2026).

Strategiya natsionalnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii (Utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 2 iyulya 2021 goda № 400) [National Security Strategy of the Russian Federation (Approved by the Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 2, 2021)]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (accessed 16 February 2026).

Strategiya protivodeystviya ekstremizmu v Rossiyskoy Federatsii (Utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 28 dekabrya 2024 goda № 1124) [Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation (Approved by the Decree of the President of the Russian Federation No. 1124 dated December 28, 2024)]. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru> (accessed 18 February 2026).

EDN: MBAPOP
УДК 343.9.018.3:343.37

Anti-Corruption Security as a Universal Interdisciplinary Design Contributors

Sergei A. Markuntsov*

*National Research University Higher School of Economics
Moscow, Russian Federation*

Received 16.02.2026, received in revised form 02.03.2026, accepted 18.03.2026

Abstract. Based on the analysis of the formation and development of approaches to the disclosure of the concept and essential characteristics of anti-corruption security in domestic criminology, the article concludes that it is necessary to consider it within the framework of intersectoral legal regulation (branch legal sciences) as a legal structure, while at the same time, based on an understanding of its legal nature, the author comes to understand that it goes beyond the framework of legal reality, acting as an interdisciplinary construct. Separate considerations are proposed regarding the structure of anti-corruption security and its place within the framework of a comprehensive legal security organization.

Keywords: anti-corruption security, anti-corruption, legal structure, comprehensive legal security of the company, compliance risks.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Countering Corruption; Criminal Law.

Citation: Markuntsov S. A. Anti-Corruption Security as a Universal Interdisciplinary Design Contributors. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(4), 810–817. EDN: MBAPOP

Антикоррупционная безопасность как универсальная междисциплинарная конструкция

С.А. Маркунцов

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
Российская Федерация, Москва*

Аннотация. В статье, исходя из анализа становления и развития подходов к раскрытию понятия и существенных характеристик антикоррупционной безопасности в отечественной криминологии, делается вывод о необходимости рассмотрения ее в рамках межотраслевого правового регулирования (отраслевых юридических наук) в качестве юридической конструкции. Одновременно, исходя из понимания ее правовой природы, автор приходит к выводу, что она выходит за рамки правовой действительности, выступая междисциплинарным конструктом. Предлагаются отдельные соображения относительно структуры антикоррупционной безопасности и ее места в рамках комплексной правовой безопасности организации.

Ключевые слова: антикоррупционная безопасность, противодействие коррупции, юридическая конструкция, комплексная правовая безопасность компании, комплаенс-риски.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Цитирование: Маркунцов С. А. Антикоррупционная безопасность как универсальная междисциплинарная конструкция. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(4), 810–817. EDN: MBAROP

К вопросу становления понятия антикоррупционной безопасности в отечественной криминологии

Проблема антикоррупционной безопасности, как представляется, впервые стала подниматься в контексте рассмотрения вопросов антикоррупционной политики отечественными криминологами. В частности, в словаре-справочнике «Коррупция и антикоррупционная политика» антикоррупционная безопасность определяется как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от коррупционной деятельности» (*Korruptsiia i antikorrupsionnaia politika*, 2008: 6). Как представляется, одной из первых специализированных публикаций по данной проблеме стала статья доцента факультета права Ниже-

городского филиала НИУ ВШЭ А. А. Ивановой «Антикоррупционная безопасность как стратегическая цель политики противодействия коррупции и объект мониторингового контроля». Отмечая определенные недостатки приведенного выше из словаря-справочника определения и не предлагая собственной дефиниции антикоррупционной безопасности, автор вместе с тем выделяет ряд ее важных характеристик. В частности, А. А. Иванова отмечала, что «признавая неразрывную связь антикоррупционной безопасности с (антикоррупционной) деятельностью по ее обеспечению, следует признать и наличие ее связи с другой, (коррупционной) деятельностью. В связи с этим становится очевидным, что «антикоррупционная безопасность» не просто зависит от двусторонней (антикоррупционной

и коррупционной) деятельности, но и, благодаря чему, имеет неуравновешенное, динамическое состояние, т.е. характеризуется в разное время разным уровнем характера и степени защищенности от угрозы коррупционной опасности» (Ivanova, 2013: 76). Заслуживающим всяческой поддержки является то обстоятельство, что антикоррупционную безопасность автор предлагает рассматривать как «целостное явление», не только в качестве цели политики противодействия коррупции, но, что, на наш взгляд, является более ценным, и как объект антикоррупционного мониторинга, призванного «обеспечивать информационно-аналитическую функцию совместной – управленческой и криминологической – деятельности» независимого инструментария «в оценке криминологической ситуации, где важнейшей компонентой является коррупция, а также действующей системы, обеспечивающей антикоррупционную безопасность» (Ivanova, 2013: 76, 78, 79). Именно такой подход, на наш взгляд, подчеркивает междисциплинарный характер конструкта антикоррупционной безопасности. В рамках статьи автор не просто пытается проанализировать категорию антикоррупционной безопасности, но обоснованно обозначает границы ее функциональной практической применимости.

Лишь отчасти справедливым, на наш взгляд, является утверждение А.А. Ивановой о том, что «уголовным законом не предусмотрена такого рода (антикоррупционная – С. М.) общественная опасность, следовательно, и защита от нее. Уголовный закон направлен лишь на отдельные, общественно опасные проявления коррупции на лиц, совершивших коррупционное преступление, которые к тому же составляют чрезвычайно малую толику реально совершаемых коррупционных преступлений» (Ivanova, 2013: 77). С одной стороны, действительно, антикоррупционная безопасность в рамках отечественного уголовного закона не упоминается: в УК РФ легально не институционализируется объект соответствующих посягательств, не содержится даже определение коррупционных преступлений (или преступлений коррупционной

направленности). Такая ситуация существует несмотря на то, что составы преступлений коррупционной направленности составляют порядка 17–18 % от общего количества (1050) имеющихся в настоящее время в УК РФ составов преступлений, формально называть антикоррупционную безопасность в качестве видového объекта их посягательства невозможно, так как они распределены по четырем различным разделам Особенной части УК РФ (при этом почти 50 % составов таких преступлений относятся к преступлениям в сфере экономики, примерно 35 % – к преступлениям против государственной власти, 13 % – к преступлениям против общественной безопасности, примерно 2 % – к преступлениям против личности)¹. Тогда как в ряде зарубежных стран преступления, посягающие на антикоррупционную безопасность, обособлены в рамках самостоятельных глав. В частности, такие главы содержатся в Особенной части УК КНР (гл. 8 «Коррупция и взяточничество») или в Особенной части УК Казахстана (гл. 15 «Коррупционные и иные правонарушения против интересов государственной службы и государственного управления»). Как представляется, выделение коррупционной безопасности в качестве единого (видového) объекта уголовно-правовой охраны позволяет в большей степени подчеркнуть важность проблемы противодействия коррупции и обеспечения антикоррупционной безопасности.

Справедливости ради отметим, что в рамках криминологии разработка проблемы антикоррупционной безопасности продолжилась и активно продолжается до настоящего времени. Так, в частности, Г.Н. Горшенков, обосновывая введение понятия антикоррупционной безопасности личности (Gorshenkov, 2017), предпринял попытку «посмотреть» на проблему общей антикоррупционной безопасности с другой стороны, так сказать, с оборотной стороны медали (не с позиции государства как акто-

¹ Расчеты произведены по состоянию на 2025 г. Подробнее о деталях (схеме) подсчета см.: Garmayev, Ivanov, Markuntsov, 2020: 122–123.

ра определенных антикоррупционных мер, а с позиции личности как потенциально потерпевшей стороны от коррупционного поведения). Под антикоррупционной безопасностью личности ученый предложил понимать «такое состояние личности и окружающей ее среды, в котором затруднена, а в лучшем случае исключена возможность совершения коррупционного правонарушения» (Gorshenkov, 2021: 58).

Об институционализации теории антикоррупционной (криминологической) безопасности

Заметным этапом в исследовании вопросов антикоррупционной безопасности стало обоснованное предложение И. А. Дамм о необходимости выделения самостоятельного направления криминологии, посвященного исследованию соответствующей проблематики. Как справедливо отмечает ученый, «познание сущности, содержания и структуры антикоррупционной криминологической безопасности выступает краеугольным камнем в формировании нового научного направления в рамках отечественной криминологии» (Damm, 2021: 740). В контексте характеристики элементов системы теории антикоррупционной криминологической безопасности ученый отмечает, что «идейную основу данной теории образуют научное познание механизмов взаимодействия объектов антикоррупционной криминологической безопасности с коррупционными угрозами и источниками опасности (антикоррупционная криминологическая безопасность), а также поиск сбалансированного сочетания охраны и защиты объектов антикоррупционной криминологической безопасности и противодействия коррупционным угрозам и источникам опасности (обеспечение антикоррупционной криминологической безопасности), при котором личность, общество и государство могут устойчиво развиваться в условиях сосуществования с коррупционными проявлениями. Антикоррупционная криминологическая безопасность представляет собой новый идеальный объект научного позна-

ния, органично объединяющий в себе достижения теории безопасности, теории национальной безопасности, теории предупреждения преступности, криминологии, виктимологии, теоретические основы противодействия коррупции и других научных направлений» (Damm, 2024: 591). Таким образом, антикоррупционная безопасность институционализировалась в рамках отечественной криминологии.

Об антикоррупционной безопасности как юридической конструкции

Вместе с тем остается вопрос, в качестве чего мы должны рассматривать антикоррупционную безопасность в контексте межотраслевого правового регулирования и правовой действительности в целом. В обозначенном аспекте наиболее верным представляется это делать в качестве юридической конструкции.

«Юридические конструкции являются формой отражения правовой действительности, результатом исторического развития и осмысления общественных отношений, подлежащих урегулированию нормами права (абстракции этих отношений). Они формируются обычно благодаря не научному знанию права, а юридическому опыту, а как научные модели они возникают именно в процессе познания права» (Izosimov, 2007: 44–45). Цитируемое, на первый взгляд, образное выражение об юридических конструкциях обретает реалистические черты в контексте анализа истории становления конструкции антикоррупционной безопасности. На модельном характере юридических конструкций акцентирует внимание и Т. А. Доценко, отмечая, что юридические конструкции представляют собой «комплексы правовых средств, которые образуют типизированные модели, соответствующие своеобразной разновидности общественных отношений» (Dotsenko, 2000: 321). Антикоррупционная безопасность в контексте рассмотрения ее в качестве объекта потенциальных преступных посягательств (объекта уголовно-правовой охраны), исходя из доминирующих в настоящее время в отраслевой науке базовых,

по мнению ряда ученых, взаимосвязанных² подходов к определению объекта преступления, может быть раскрыта через общественное благо (общественный интерес) или разновидность общественных отношений.

К наиболее значимым признакам юридической конструкции В. М. Баранов относит следующие: 1) это модель, 2) она создается в результате абстракции, 3) выступает как особая процедура юридического мышления, 4) предполагает специфическое логическое построение нормативного материала, 5) отражает внутреннюю структуру правового явления, а не просто отдельные его свойства, 6) имеет конвенциональную природу. «Конвенциональность юридических конструкций, обусловлена, с одной стороны, их идеальной природой («вымышленностью»), а с другой – общепризнанностью конструкции в рамках научного сообщества. Именно поэтому каждая юридическая конструкция имеет собственную историю, развивается по мере развития правовой науки и практики» (Iuridicheskaia tekhnika, 2021: 290–292). В этом отношении антикоррупционная безопасность – действительно динамичное явление, находящееся под влиянием развития государства и общества, в том числе уровня развития юридической науки.

Не ставя перед собой задачу детальной характеристики конструкции антикоррупционной безопасности с позиции всех существующих классификационных критериев, остановимся на некоторых из них, которые в дальнейшем будут способствовать раскрытию ее правовой природы и структуры. По сфере действия антикоррупционная безопасность – это не универсальная, но межотраслевая юридическая конструкция, т.е. имеющая межотраслевое значение и изучаемая несколькими отраслевыми юридическими науками (в дан-

² В частности, В. Н. Винокуров отмечает в данном контексте, что «противопоставлять интерес и общественные отношения нет смысла. Люди вступают в социальные связи, содержанием которых является деятельность их участников, направленная на реализацию интереса и удовлетворение на этой основе потребностей» (Vinokurov, 2022: 41).

ном случае – как минимум криминологией и уголовным правом). В зависимости от формы существования конструкция антикоррупционной безопасности, особенно в контексте рассмотренной ранее истории криминологического исследования обозначенного конструкта, является на данный момент теоретической (а не нормативной) юридической конструкцией. По критерию взаимодействия элементов юридическая конструкция антикоррупционной безопасности скорее динамическая, чем статическая, так как она исследуется в динамике образующих ее элементов, что нами будет проиллюстрировано несколько позже на конкретных примерах.

Таким образом, в рамках юриспруденции наиболее перспективным представляется рассмотрение антикоррупционной безопасности с позиции юридической конструкции как некой типизированной модели общественных отношений или как минимум их элемента. На наш взгляд, зарождение исследований по антикоррупционной безопасности в недрах криминологических исследований именно в контексте рассмотрения проблем антикоррупционной политики и антикоррупционного мониторинга, по сути характеризует его как совместную управленческую и криминологическую деятельности, отнюдь не случайно, ибо антикоррупционная безопасность – это не только криминологическая (юридическая) категория, сколько комплексный конструкт, отражающий значительно больший пласт общественных отношений, в том числе их управленческий и иные аспекты.

Об антикоррупционной безопасности как междисциплинарном конструкте

В этом смысле антикоррупционная безопасность – это не только межотраслевая юридическая конструкция, сколько междисциплинарный конструкт. В связи с этим безусловной поддержки заслуживает идея В. А. Номоконова и Т. М. Судаковой о синергетическом потенциале в исследовании и обеспечении антикоррупционной безопасности. Ученые прямо отмечают, что «идеи синергетики могут помочь создать

более комплексный и интегрированный подход к обеспечению антикоррупционной безопасности» (Nomokonov, Sudakova, 2025: 1493).

Интуитивно понимая данную специфику в контексте первой в нашей стране комплексной монографической работы по антикоррупционному комплаенсу, нами был предложен подход к оценке масштабов общественной опасности в обозначенной сфере через создание комплексных карт криминологических и уголовно-правовых, а также иных связанных рисков в сфере антикоррупционного комплаенса (комплаенс-рисков) (Garmaev, Ivanov, Markuntsov, 2020: 100–109). Позднее, исходя из понимания комплексного характера системы комплаенс-рисков, понимания недооценки правовых рисков коррупции в частном секторе или коммерческой коррупции, даже в рамках консервативного уголовного права, нами была предпринята попытка обоснования необходимости выделения системы преступлений в сфере антикоррупционного комплаенса, отличающейся как по количественным, так и по качественным характеристикам от систем преступлений коррупционной направленности и коррупционных преступлений (Markuntsov, Vassmer, 2021: 238–247). Как представляется, эти подходы и идеи могут и должны получить новое развитие в контексте развития комплексной, не только криминологической, и даже не межотраслевой, а междисциплинарной теории антикоррупционной безопасности. Понимая этот факт, Н.В. Щедрин предлагал детальное определение собственно понятия «антикоррупционная безопасность», не используя прилагательное криминологическая в обозначенном словосочетании. По мнению ученого, *«антикоррупционная безопасность – это состояние защищенности, закрепленных в Конституции РФ системобразующих ценностей социума (объектов охраны) от опасностей, исходящих от противоправных деяний физических лиц и организаций, выполняющих публичные функции или оказывающих публичные услуги вопреки интересам государства и общества, для*

извлечения противоправной выгоды как для себя, так и для других лиц (источники опасности), а также от деяний всех других лиц и организаций, подкупающих лиц, имеющих публичный статус (источники опасности)» (Antikorruptionnye меры безопасности, 2025: 64). Ученый отмечал, что «просматривается два вектора поддержания антикоррупционной безопасности. С одной стороны, необходимо укреплять сами конституционные устои... Второй вектор – это нанесение на конституционные конструкции «защитного антикоррупционного покрытия», т.е. создание специализированных антикоррупционных правил безопасности» (Antikorruptionnye меры безопасности, 2025: 64–65).

В пользу такого подхода к рассмотрению обозначенного понятия и наименования соответствующей теории, а также в контексте анализа структуры антикоррупционной безопасности представляется важным остановиться еще на одном аспекте. Антикоррупционная безопасность является ядром (или одной из важнейших частей) условной правовой безопасности личности, а применительно к организациям – более удачным является термин комплаенс-безопасности. Структура такой безопасности изменчива. Она обусловлена многими факторами, существующими на данный конкретный период времени: собственно характеристиками самого субъекта охраны или защиты (например, возрастом лица, его экономической активностью; сферой деятельности юридического лица и пр.); сферой(ми) деятельности; характеристиками контрагентов (субъектов взаимодействия); иными внутренними (возрастание рисков банкротства) и внешними угрозами (например, попадание компании под санкционное давление). Именно в этих целях организации должны постоянно осуществлять оценку существующих угроз, составляя карту комплаенс-рисков. Очевидно, что различные комплаенс-риски тесно взаимосвязаны между собой, носят, по сути, пограничный характер, будучи рисками конкретной сферы (например, рисками банкротства), не только рисков мошеннических действий, но и коррупционных проявлений.

Памятуя о том, что даже в системе преступлений коррупционной направленности выделяются преступления, относящиеся к таковым только при определенных условиях либо способствующие им, и они, как указывалось выше, составляют порядка 17–18 % от общего количества имеющихся в УК РФ составов преступлений, вместе с тем, как было показано нами с профессором М. Васмером в контексте попытки выделения системы преступлений в сфере антикоррупционного комплаенса, как представляется, не в полной мере (не до конца) покрывают все риски в сфере антикоррупционного комплаенса. Возникает вопрос: должны ли мы рассматривать (учитывать), оценивать и мониторить такие смежные риски при обеспечении антикоррупционной безопасности? На наш взгляд, ответ положительный. А раз это так, не должна ли речь идти о комплексной комплаенс-безопасности организаций и условной правовой безопасности граждан, в основе которых одним из столпов будет стоять антикоррупционная безопасность. Представляется, что для организаций и органов власти антикоррупционная безопасность, безусловно, всегда должна оставаться одним из краеугольных камней (а в ряде случаев и основным ядром) в обеспечении общей комплаенс-безопасности.

Заключение

Таким образом, антикоррупционная безопасность – это содержательно сложный междисциплинарный конструкт, изучение которого с позиции юридического блока

дисциплин удачно укладывается в понятие юридической конструкции, но не может и не должно ограничиваться этим аспектом. Исходя из признания «синергетического потенциала» изначально проистекающего из сущности и социально-правовой природы антикоррупционной безопасности в этом контексте представляется заслуживающей поддержки идея о выделении нового междисциплинарного (не только сугубо криминологического) направления научных исследований. Вместе с тем в перспективе это направление исследований должно перерасти в более широкое направление по исследованию условной комплексной правовой безопасности или комплаенс-безопасности для организаций и органов власти, ядром (или одной из важнейших частей) которой будет выступать антикоррупционная безопасность. Проблема обеспечения антикоррупционной безопасности в том или ином виде актуальна для всех органов власти и практически для всех коммерческих организаций (например, в отличие от санкционной безопасности), будучи универсальной для всех проблемой. Антикоррупционную безопасность следует рассматривать в качестве одной из базовых основ комплексной правовой безопасности организации, ее комплаенс-безопасности. В силу этого значимое место при исследовании структуры комплексной правовой безопасности организации в целом и антикоррупционной безопасности в частности должен занять анализ системы правовых рисков, в том числе комплаенс-рисков.

Список литературы / References

- Antikorruptsionnye mery bezopasnosti: monografiia [*Anti-corruption security measures: monograph*]. Pod red. N. V. Shchedrina, I. A. Damm [Ed. by N. V. Shchedrin, I. A. Damm]. M., Prospekt, 2025. 496.
- Damm I. A. Antikorruptsionnaia kriminologicheskaiia bezopasnost' kak novoe napravlenie nauchnykh issledovaniy [*Anti-corruption criminological security as a new direction of scientific research*]. In: Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal [*Russian Journal of Criminology*], 2021, 6, 734–743.
- Damm I. A. Osnovnye elementy sistemy teorii antikorruptsionnoi kriminologicheskoi bezopasnosti [*Basic elements of the system of anti-corruption criminological security theory*]. In: Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal [*Russian Journal of Criminology*], 2024, 6, 591–601.
- Dotsenko T. A. Sushchnost' iuridicheskikh konstruktii [*The essence of legal structures*]. In: Problemy iuridicheskoi tekhniki: sbornik statei [*Problems of legal technique: collection of articles*]. N. Novgorod, 2000, 316–323.

Garmaev I.U.P., Ivanov E. A., Markuntsov S. A. Antikorruptsionnyi kompliens v Rossiiskoi Federatsii: mezhdistiplinarnye aspekty. Monografiia [*Anti-corruption compliance in the Russian Federation: interdisciplinary aspects. Monograph*]. M., Iurisprudentsiia, 2020. 240.

Gorshenkov G.N. Antikorruptsionnaia bezopasnost' lichnosti [*Anti-corruption security of the individual*]. In: Korruptsiia v sovremennoi Rossii: problemy protivodeistviia: sbornik materialov nauchno-prakticheskogo kruglogo stola [*Corruption in modern Russia: problems of counteraction: a collection of materials from a scientific and practical round table*]. N. Novgorod: NIU RANKhiGS, 2021, 57–62.

Gorshenkov G.N. Antikorruptsionnaia bezopasnost' lichnosti [*Anti-corruption security of the individual*]. Saarbrücken: Lambert Akademik Publishing, 2017. 84.

Iuridicheskaiia tekhnika: uchebnik [*Legal technique: textbook*]. Pod red. V.M. Baranova [Ed. by V.M. Baranov]. M., Prospekt, 2021. 648.

Ivanova A. A. Antikorruptsionnaia bezopasnost' kak strategicheskaiia tsel' politiki protivodeistviia korruptsii i ob"ekt monitoringovogo kontroliia [*Anti-corruption security as a strategic goal of anti-corruption policy and an object of monitoring control*]. In: Iuridicheskaiia nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii [*Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*], 2013, 24, 74–79.

Izosimov S. M. Iuridicheskie konstruksii kak element normotvorchestva i pravoprimereniia (na primere nalogovogo prava) [*Legal constructions as an element of rule-making and law enforcement (using tax law as an example)*]. In: Rossiiskaia iustitsiia [*Russian Justice*], 2007, 11, 44–46.

Korruptsiia i antikorruptsionnaia politika. Slovar'-spravochnik [*Corruption and anti-corruption policy. Dictionary and reference book*]. Pod obshch. red. P. A. Kabanova [Gen. ed. P. A. Kabanov]. M., Media-Press, 2008. 144.

Markuntsov S. A., Vassmer M. P. Ob ugovolno-pravovykh riskakh i sisteme pre-stuplenii v sfere antikorruptsionnogo kompliensa [*On criminal-legal risks and the system of crimes in the sphere of anti-corruption compliance*]. In: Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal [*Russian Journal of Criminology*], 2021, 2, 238–247.

Nomokonov V. A., Sudakova T. M. Antikorruptsionnaia bezopasnost' i ee sinergeticheskii potentsial [*Anti-corruption security and its synergistic potential*]. In: Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Gumanitarnye nauki [*Journal of Siberian Federal University. Humanities Sciences*], 2025, 8, 1486–1496.

Vinokurov V.N. Ob"ekt prestupleniia: doktrinal'no-prikladnoe issledovanie: monografiia [*Object of the crime: doctrinal and applied research: monograph*]. M., Prospekt, 2022. 368.

EDN: MMELRJ
УДК 314.748

Minimizing Provocative Methods in the Conduct of Operational-Search Measures in Corruption-Related Crimes

Aleksandr D. Nazarov*

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 20.02.2026, received in revised form 02.03.2026, accepted 20.03.2026

Abstract. Proceeding from the criminally punishable provocation of corruption offenses, the author makes a transition to characterizing the use of provocative methods in the activities of operational units of law enforcement agencies.

The article substantively examines operational-search measures that carry provocative risks in the context of conducting operational-search actions aimed at the detection, solution, and investigation of corruption-related crimes, primarily those involving bribery.

The technologies of such provocative-risk operational measures as test purchases and undercover operational experiments in the solution and investigation of corruption crimes are demonstrated.

Examples of operational and investigative errors in the practice of combating corruption are provided. Recommendations for the minimizing of provocative technologies in operational-search and criminal procedural activities are presented.

Keywords: provocation, corruption-related crimes, bribery, operational-search measure, operational-search action, undercover operation, test purchase, operational experiment, operational-search error, investigative error.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Criminal Law.

Citation: Nazarov A. D. Minimizing Provocative Methods in the Conduct of Operational-Search Measures in Corruption-Related Crimes. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(4), 818–825. EDN: MMELRJ

Локализация провокационных методов при проведении оперативно-розыскных мероприятий по преступлениям коррупционной направленности

А.Д. Назаров

*Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск*

Аннотация. Отталкиваясь от уголовно наказуемой провокации коррупционных преступлений, сделан переход к характеристике использования провокационных методов в деятельности сотрудников оперативных подразделений правоохранительных органов.

Рассмотрены в содержательном аспекте оперативно-розыскные мероприятия, таящие в себе провокационные риски в контексте проведения оперативно-розыскных действий при выявлении, раскрытии и расследовании коррупционных преступлений, в первую очередь связанных со взятками.

Показаны технологии таких провокационно-рисковых оперативных мероприятий, как проверочная закупка и оперативный эксперимент, при раскрытии и расследовании коррупционных преступлений.

Приведены примеры оперативно-розыскных и следственных ошибок в практике борьбы с коррупцией. Представлены рекомендации по локализации провокационных технологий в оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности.

Ключевые слова: провокация, преступления коррупционной направленности, взятка, оперативно-розыскное мероприятие, оперативно-розыскное действие, оперативная игра, проверочная закупка, оперативный эксперимент, оперативно-розыскная ошибка, следственная ошибка.

Научная специальность: 5.1.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Цитирование: Назаров А. Д. Локализация провокационных методов при проведении оперативно-розыскных мероприятий по преступлениям коррупционной направленности. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(4), 818–825. EDN: MMELRJ

Введение

Провокационные методы в оперативно-розыскной практике как один из способов раскрытия и расследования коррупционных преступлений достаточно широко распространены. Этот способ вступает в противоречие с принципом законности при производстве по уголовному делу (ст. 7 УПК РФ), так как ни УПК РФ, ни Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» не предоставляют должностным лицам государства право использовать

провокационные мероприятия в борьбе с преступностью.

В свое время еще С. В. Познышев считал, что «полиция должна предупреждать и пресекать преступления, а не создавать их сама; провокация противоречит цели полицейской деятельности, и как средство грязное и противное закону не должна быть допускаема и разрешаема. Таким образом, если целью деятельности подстрекателя является изблечение подстрекаемого в совершении преступления или попытке его совершения,

то подобная «благородная» цель не исключает привлечения его к уголовной ответственности за провокацию преступления» (Golik et al., 2008).

По мнению А. С. Горелика, «государство заинтересовано в том, чтобы раскрывались все совершенные преступления, но не стремится к тому, чтобы путем провокаций увеличивалось количество преступлений или искусственно создавалась видимость их совершения и обнаружения там, где никто не намеревался стать преступником» (Gorelik, Lobanova, 2005).

В этой связи весьма актуальной проблемой теории и практики оперативно-розыскной деятельности является определение допустимых пределов (в первую очередь с правовой точки зрения) процедуры реализации оперативной информации с тем, чтобы действия оперативных сотрудников не превратились в провокацию преступлений (Bozhenok, 2006).

Безусловно, провокационные методы по своей природе являются безнравственными и неприменимыми в правовом государстве. Внешне все выглядит так, что преступление при провокации заранее смоделировано самими должностными лицами правоохранительных органов государства, выступающими в роли провокаторов-подстрекателей к его совершению, причем ничуть не отличающихся по способам и методам от действий истинных, преследуемых в уголовном порядке, подстрекателей.

Поэтому важно своевременно использовать уголовно-процессуальный механизм блокировки провокационных методов в правоприменительной практике борьбы с преступлениями коррупционной направленности.

Цель и методы исследования

Целью исследования является определение провокационных рисков при выявлении, раскрытии и расследовании коррупционных преступлений, когда для этого используются процедуры оперативно-розыскных действий.

На основе структурно-функционального подхода к оперативно-розыскной

и уголовно-процессуальной деятельности и ее нормативного регулирования показаны механизмы законной и незаконной деятельности сотрудников правоохранительных органов при проведении оперативного эксперимента, проверочной закупки и других оперативно-розыскных мероприятий по уголовным делам коррупционной направленности, представлены проблемные ситуации и пути их разрешения, в том числе и на примерах из следственной и судебной практики.

Результаты исследования

В статье 304 УК РФ предусмотрена уголовная ответственность за провокацию взятки, коммерческого подкупа либо подкупа в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. Это попытка передачи различного рода должностным лицам без их согласия денег, ценных бумаг, иного имущества или оказание им услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав в целях искусственного создания доказательств совершения преступления или шантажа. Можно провоцировать лиц к совершению и других преступлений, но специальный состав преступления в УК РФ предусмотрен только лишь за указанное выше коррупционное общественно-опасное деяние. Провокация иных преступлений исключает преступность деяния, по отношению к которым она направлена (Zenkin, 2015).

Уголовно-правовой характеристике и расследованию провокации преступлений коррупционной направленности посвящено достаточно много научных работ (Radachinskij, 2011; Volynskij, 2010). В современных научных исследованиях ученые все чаще стали обращаться к вопросам применения цифровых технологий для выявления и раскрытия преступлений коррупционной направленности (Kurshev, 2024).

Мы же в своем исследовании рассматриваем вопросы, связанные с недопустимостью использования провокационных методов в выявлении, раскрытии и расследовании преступлений вообще и престу-

плений коррупционной направленности в частности.

Оперативный эксперимент – сложное, но достаточно информативное оперативно-розыскное мероприятие, предполагающее моделирование (создание условий) со стороны оперативных сотрудников определенных условий, позволяющих достоверно выявить преступные намерения лица и объективно зафиксировать его общественно-опасные действия. Конечно, провокационные риски в ходе проведения оперативного эксперимента возникают, поэтому важно их локализовать до минимума (Bessonov, Vazhenov, 2025).

Верховный Суд РФ в своем Постановлении Пленума № 6 еще от 10 февраля 2000 года (с последующими изменениями) «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» предписал, что «не является провокацией взятки или коммерческого подкупа проведение предусмотренного законодательством оперативно-розыскного мероприятия в связи с проверкой заявления о вымогательстве взятки или имущественного вознаграждения при коммерческом подкупе»¹.

Руководящее постановление высшей судебной инстанции страны ориентирует правоохранительные органы на то, чтобы они занимали пассивную позицию, ожидали заявления от лица, у которого действующее с преступными намерениями должностное лицо вымогает взятку. В случае поступления такого заявления оперативные сотрудники имеют право провести оперативный эксперимент и взять под пассивный контроль все дальнейшие этапы преступной деятельности коррупционера: пометить невидимым химическим веществом предмет взятки, обеспечить скрытую аудио-, видеофиксацию всех разговоров и процедуру передачи-получения взятки, а также взятие злоумышленника с поличным. Только в такой модели оперативного эксперимента с участием лица, в отношении которого имело место реальное вымогательство взятки, и при отсутствии активного вмешатель-

ства оперативных сотрудников спецслужб государства провокация исключается.

Оперативный эксперимент может быть проведен не только в отношении взяточполучателя, но и взяткодателя. При этом также необходимо исключать все его провокационные риски.

В адвокатской практике автора данной статьи имел место следующий показательный казус. Сотрудник ГАИ в своем рапорте на имя начальника Октябрьского отдела полиции г. Красноярска докладывает о неперсонифицированных лицах, которые якобы предпринимают попытки сделать незаконные вознаграждения сотрудникам ГАИ за не составление протокола об административном правонарушении.

На основании такого рапорта по приказу руководителя отдела полиции оперативные сотрудники разрабатывают оперативный эксперимент в отношении неопределенного неперсонифицированного круга лиц: сотрудники ГАИ при негласном контроле оперативных сотрудников останавливают автомобили, водители которых нарушили правила дорожного движения для составления протокола.

Одна из водителей якобы при составлении протокола в салоне автомобиля ГАИ предлагала (под скрытую запись) «взять с нее штраф на месте» и якобы на заднем сидении оставила пятитысячную купюру. Оперативные сотрудники обнаружили эту купюру, задержали гражданку, которая при даче пояснений сообщила, что это не ее деньги.

В рассматриваемой ситуации оперативный эксперимент был проведен не на основании достоверно полученных сведений о признаках конкретно подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, а также о конкретных лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших: эксперимент был проведен «на авось», «на удачу», без формулировки четко обозначенных в Законе РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» оснований, а это уже типичная картина провокации. С такой позицией согласился суд, вынося по данному делу оправдательный приговор. Суд

¹ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 5. С. 3–12.

указал в нем, что в соответствии со ст. 89 УПК РФ полученные по данному уголовному делу результаты оперативно-розыскной деятельности нельзя использовать в процессе доказывания, так как они не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам².

Одним из распространенных оперативно-розыскных мероприятий при выявлении преступлений коррупционной направленности и лиц, их совершающих, является *проверочная закупка*, безусловно, таящая в себе провокационные риски при ее проведении (Mamatov, Mamatov, Petrov, 2017; Trokhova, 2019).

В оперативно-розыскной деятельности классической проверочной закупкой – «оперативной игрой» по преступлениям коррупционной направленности – является операция «Меченые деньги». В провокационной версии происходит это примерно следующим образом: к должностному лицу, которое по определенной оперативной информации якобы берет взятки, оперативные сотрудники направляют «своего человека» с «мечеными деньгами», задача которого – артистично склонить лицо к получению взятки (побудить врача незаконно выписать «больничный лист», преподавателя вуза – поставить незаслуженную оценку за экзамен и т. п.). А далее – дело оперативной техники по фотовидеофиксации хода операции, в том числе фиксации химических реакций на «меченых деньгах», задержанию лица и т. д.

Нередко «тест на взятки» («тест на честность», «тест на лояльность») сотрудники служб собственной безопасности (к примеру, в системе МВД) устраивают своим коллегам. Двигается, к примеру, перед временным или стационарным постом Госавтоинспекции гражданский автомобиль «с агентами в штатском» и вдруг, якобы случайно, водитель этой машины грубо нарушает перед постовыми правила дорожного движения. После остановки по требованию сотрудника ГАИ «агентам в штатском» самим предложить сотрудникам «уплатить

штраф на месте» или дождаться, когда данный вариант предложит сотрудник». В этих двух ситуациях элементы провокации явно присутствуют в первой, где идет склонение сотрудника к получению взятки. И следует заметить, что результатом такого «теста» могут быть не только дисциплинарные (служебные) последствия – дисциплинарное наказание вплоть до увольнения с должности, но и привлечение к уголовной ответственности.

Изучая опыт работы германских и австрийских полицейских, мы выяснили, что в их практике существует градация «уровней провокаций». Если к одетому в штатское полицейскому, который «гуляет», как и остальные граждане в «наркоквартале», подойдет наркоторговец и добровольно сам первый предложит купить у него наркотик, то покупка таким агентом наркотика не будет провокацией. Наркоторговец в этом случае будет привлечен к ответственности, так как агент выступал в данной сделке в роли обычного гражданина, которому предложили купить наркотик, и он не отказался. Но стоит только «агенту в штатском» проявить хоть малейшую собственную активность по инициированию купли-продажи наркотика, как это сразу же переходит в другой, недопустимый уровень провокации, не поощряемый законодателем. Закон в Германии и Австрии запрещает провокации, т.е. активные действия государственных сотрудников по склонению лица к совершению преступления. Действия таких провокаторов преследуются в уголовном порядке.

Полагаем, что и при раскрытии коррупционных проявлений провокация однозначно будет иметь место, когда оперативный сотрудник или действующий под его контролем привлеченный агент проявляют различного рода активности (в первую очередь речевые) в склонении лица к получению предмета взятки (Vyazigina, 2013).

В практике деятельности органов уголовной юстиции широко используются современные тактические, оперативно-розыскные, технические (в том числе и с применением цифровых технологий

² Уголовное дело № 06–2460 // Архив Октябрьского районного суда г. Красноярск. 2018 г.

и искусственного интеллекта) способы и методы борьбы с преступностью, в раскрытии и расследовании преступлений. Однако надо определиться с критериями законности и допустимости использования этих методов. На наш взгляд, основное требование к специальным службам при применении этих методов – с их стороны не должно быть никаких действий, которые прямо или косвенно подтолкнули бы лицо к совершению преступления при участии сотрудников этих спецслужб для последующего наказания виновных в уголовном порядке.

И тогда все сразу становится ясным:

– Контроль и запись переговоров почему законны и нравственны? Применяя их, должностные лица занимают пассивную позицию, и процесс подготовки и совершения преступления идет без вмешательства извне, но под контролем государства, которое или пресекает преступную деятельность, или получает неопровержимые доказательства ее наличия.

– Видеосъемка скрытой камерой, операции с «мечеными деньгами» (при взятках, при требованиях выкупа заложников и т.д.) когда законны и нравственны? Опять же, когда, применяя их, должностные лица государства занимают позицию наблюдателей со стороны, не вмешивающихся в процесс подготовки и совершения преступления, «не подсылая» преступникам «игрушечных» потерпевших, а работая с реальными потерпевшими от взяточников, похитителей человека и т.п.). Однако определенные этапы преступной деятельности, благодаря профессионализму сотрудников спецслужб государства, идут под их пассивным контролем, но в нужный момент они или пресекают преступление, или получают неопровержимый доказательственный материал как продукт законно проведенного оперативно-розыскного мероприятия.

– Контролируемая поставка или проверочная закупка тогда законны, когда поставку или закупку у заподозренного лица делает обычный, рядовой поставщик, покупатель, а не подставной, «игрушечный»,

но результат поставки или закупки рассматривается уже с участием оперативных сотрудников, представителей общественности и других заинтересованных лиц.

Именно при таких условиях оперативно-розыскной и уголовный процесс на досудебных стадиях можно воспринять как честный и законный со стороны государства, в определенном смысле нравственный и интеллигентный. Тогда оперативный сотрудник, следователь, прокурор и судья не будут представляться или ощущать себя «куклами», перед которыми проходят якобы «преступление и преступник», «жертва», которые якобы по всем канонам Закона об ОРД и УПК РФ проводят раскрытие, расследование и судебное разбирательство этих «дел», назначая подчас очень суровые наказания. Уголовные дела, имеющие провокационную природу, таят в себе большую опасность следственных, прокурорских, судебных ошибок из-за своей искусственности, а не полной «настоящности».

Вместе с тем идеи лояльного отношения к лицам, совершившим общественно опасное деяние (в том числе коррупционной направленности) при активном участии спецслужб, смягчения уголовной ответственности или даже замены ее на другие меры воздействия являются продуктивными.

В современной следственно-судебной практике в ситуациях, когда умысел лица на совершение преступления был сформирован объективно и вне зависимости от действий правоохранителей, но выявление преступных намерений и действий контролировалось сотрудниками спецслужб, совершенное преступление не считается оконченным. Поэтому такие деяния при проведении по ним оперативно-розыскных мероприятий квалифицируются с применением ч. 3 ст. 30 УК РФ как покушение на совершение преступления.

В своих научных исследованиях по оперативным мероприятиям, блокирующим преступность, в которых используются оперативные «ловушки» («предмет (вещь)-ловушка», «машина-ловушка»,

«квартира-ловушка», «сайт (электронный адрес, портал)-ловушка», «фирма-ловушка», «человек-ловушка» и т.д., провокационные риски возрастают кратно.

Взяв за основу учение о теории безопасности Н.В. Щедрина, для локализации провокационных рисков нами разработан уголовно-процессуальный механизм принудительного производства по применению мер безопасности – специальному государственному воздействию на лиц, попавших в указанные выше «ловушки», в результате оперативной работы сотрудников спецслужб (Shchedrin, 2000). Данное производство исключает уголовную ответственность, уголовные наказания и состояние судимости (Nazarov, 2006; Nazarov, 2020; Nazarov, Mal'tov, Stojko, 2005).

Выводы и перспективы научной дискуссии

Таким образом, подводя итоги исследования актуальных проблем локализации провокационных методов в ходе оперативно-розыскной деятельности по преступлениям коррупционной направленности, можно сформулировать следующие выводы.

Во-первых, для выявления, раскрытия и расследования преступлений коррупционной направленности проведение оперативно-розыскных мероприятий, особенно оперативного эксперимента и проверочной закупки, безусловно, сопряженных с провокационными рисками, является одним из важных инструментов профессиональной деятельности сотрудников спецслужб государства.

Во-вторых, локализация провокации коррупционных преступлений в ходе оперативно-розыскной деятельности возможна и достигается за счет исключения провокационной активности сотрудников спецслужб и искусственного создания предпосылок для проявления преступных намерений проверяемых субъектов.

В-третьих, актуальным вызовом в правовом регулировании оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности сотрудников спецслужб в борьбе с преступлениями коррупционной направленности является разработка новых подходов, при которых может быть соблюден баланс интересов государства и прав человека в ходе проведения мероприятий, блокирующих коррупционные проявления.

Список литературы / References

Bessonov V. A., Bazhenov A. V. Operativnyj eksperiment: sushchnost', vidy, predely zakonodatel'noj reglamentacii v rakurse vliyaniya na zakonodatel'stvo [Operational Experiment: Essence, Types, and Limits of Legislative Regulation in Terms of its Impact on Legislation]. In: *Yuridicheskaya tekhnika [Legal Technique]*, 2025, 19, 561–563.

Bozhenok S. K. voprosu o provokacii prestuplenij (s uchetom reshenij Evropejskogo Suda po pravam cheloveka) [On the Issue of Provocation of Crimes (Taking into Account the Decisions of the European Court of Human Rights)]. In: *Rossijskaya yusticiya [Russian Justice]*, 2006, 5, 48.

Golik V. Yu. et al. *Polnyj kurs ugolovnogo prava. Prestuplenie i nakazanie [A Complete Course in Criminal Law. Crime and Punishment]*. SPb., Yuridichesii Tsentr Press, 2008. 1131.

Gorelik A. S., Lobanova L. V. *Prestupleniya protiv pravosudiya [Crimes against Justice]*. SPb., Yuridichesii Tsentr Press, 2005. 491.

Kurshev A. H. Prestupleniya korrupcionnej napravlenosti: osobennosti vyyavleniya i raskrytiya [Corruption-related Crimes: Features of Detection and Disclosure]. In: *Pravo i upravlenie [Law and Management]*, 2024, 4, 328–331.

Mamatov V. G., Mamatov A. V., Petrov S. P. Proverochnaya zakupka i kontrol'naya zakupka – problemy teorii i praktiki [Test Purchase and Control Purchase – Problems of Theory and Practice]. In: *Rossijskij sledovatel' [Russian Investigator]*, 2017, 14, 41–44.

Nazarov A. D. Dokazatel'stva, poluchennye provokacionnym putem, yavlyayutsya nedopustimymi: nekotorye prakticheskie aspekty problem [Evidence Obtained by Provocation is Inadmissible: Some Prac-

tical Aspects of the Problems]. In: *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Krasnoyarsk State University. Humanities], 2006, 6, 336–340.

Nazarov A. D. *Provokacii v operativno-rozysknoj deyatel'nosti* [Provocations in Operational-search Activities]. M., Yurlitinform, 2020. 152.

Nazarov A. D., Mal'tov S. N., Stojko N. G. Provokaciya v ugovnom sudoproizvodstve: pravovye posledstviya i primenenie mer bezopasnosti [Provocation in Criminal Proceedings: Legal Consequences and the Use of Security Measures]. In: *Vestnik Federal'noj palaty advokатов RF* [Bulletin of the Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation], 2005, 3, 149–164.

Radachinskij S. N. *Provokaciya prestupleniya kak kompleksnyj institut ugovnogo prava: problemy teorii i praktiki* [Provocation of a Crime as a Complex Institution of Criminal Law: Problems of Theory and Practice]. Nizhny Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2011, 396.

Shchedrin N. V. *Vvedenie v pravovuyu teoriyu mer bezopasnosti* [Introduction to the Legal Theory of Security Measures]. Krasnoyarsk, 2000, Izdatel'stvo Krasnoyarskogo gosudarstvennogo universiteta, 179.

Trokhova A. N. Yuridicheskoe sodержanie, osobennosti provedeniya i ispol'zovanie rezul'tatov operativno-rozysknogo meropriyatiya «proverochnaya zakupka» [Legal Content, Specifics of Implementation and Use of the Results of the Operational-investigative Measure “Test Purchase”]. In: *Voprosy rossijskoj yusticii* [Issues of Russian Justice], 2019, 4, 1–15.

Volynskij A. F., Lapin E. S. *Rassledovanie provokacij vzyatki i kommercheskogo podkupa* [Investigation into the Provocation of Bribery and Commercial Bribery]. M., Yurlitinform, 2010. 160.

Vyazigina N. V. Metodologicheskie osnovy vyyavleniya provokacii v lingvisticheskoj ekspertize po delam o korrupcii [Methodological foundations for identifying provocation in linguistic examination of corruption cases]. In: *Lingva-ekspert* [Lingua Expert], 2013. Available at: www.lingva-expert.ru/articles/vyyavlenie-provokatsii-lingvisticheskaya-ekspertiza-korrupciya/

Zenkin A. N. Provokaciya prestupleniya kak obstoyatel'stvo, isklyuchayushchee prestupnost' deyaniya [Provocation of a Crime as a Circumstance Excluding the Criminality of an Act]. In: *Zakonnost'* [Legality], 2015, 26–31.

EDN: JBZLPU
УДК 316.776:328.185–049.5

The Specifics of the Corruption Causes

Vitalii A. Nomokonov*

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 25.02.2026, received in revised form 02.03.2026, accepted 25.03.2026

Abstract. Purpose: to provide an analytical review of the causes and mechanisms of corruption in Russian society. Methodology: the author systematically reveals the multifactorial nature of the phenomenon, going beyond the narrow legal understanding of the problem and demonstrating an interdisciplinary approach (political science, economics, sociology, criminology, psychology). The author does not reduce corruption to individual offenses, but considers it as a systemic phenomenon with its own mechanisms of reproduction. It is especially important to identify a “corruption system” with internal stability and interrelated elements. Results: effective anti-corruption involves the creation of a competitive, transparent and fair environment in society, strict legality and independent control.

Keywords: corruption, causes of corruption, the causal complex of corruption.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Criminal Law.

Citation: Nomokonov V.A. The Specifics of the Causes of Corruption. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(4), 826–839. EDN: JBZLPU

Особенности причин коррупции

В.А. Номоконов

*Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск*

Аннотация. Цель: произвести аналитический обзор причин и механизмов коррупции в российском обществе. Методология: автор системно раскрывает многофакторную природу явления, выходя за рамки узко юридического понимания проблемы и демонстрируя междисциплинарный подход (политологический, экономический,

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: vnomokonov@sfu-kras.ru

социологический, криминологический, психологический). Автор не сводит коррупцию к отдельным правонарушениям, а рассматривает ее как системное явление, имеющее собственные механизмы воспроизводства. Особенно важно выделение «коррупционной системы» с внутренней устойчивостью и взаимосвязанными элементами. Результаты: реальное противодействие коррупции предполагает создание в обществе конкурентной, прозрачной и справедливой среды, строгую законность и независимый контроль.

Ключевые слова: коррупция, причины коррупции, причинный комплекс коррупции.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки); 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Цитирование: Номоконов В. А. Особенности причин коррупции. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(4), 826–839. EDN: JBZLPU

Введение

Коррупция и преступления коррупционной направленности относятся к числу наиболее сложных и социально опасных явлений. Их устойчивость, способность адаптироваться к изменениям правового регулирования и институциональной среды, а также высокая латентность обуславливают необходимость глубокого анализа причин и условий их возникновения. В этом контексте особое значение приобретает проблема причинности, поскольку именно она позволяет выявить закономерности формирования коррупционного поведения, определить ключевые факторы риска и выработать эффективные меры предупреждения.

В Национальной стратегии противодействия коррупции говорится о необходимости искоренять ее причины, но в тексте документа, к сожалению, нет даже их простого перечисления. В научной литературе этот вопрос не стал центральным, и, насколько можно судить по имеющимся публикациям, он далеко не решен. Недостаточная эффективность усилий государства в противодействии коррупционной преступности во многом объясняется отсутствием глубокого исследования особенностей причин коррупции. Число работ, посвященных специально этой проблеме, в последние годы явно недостаточно, да и в тех проблема причин коррупции так и остается по большей части далекой от решения. В этой связи уместно вспомнить

известное ленинское положение о невозможности решить частные вопросы, не решив предварительно общих.

В специальных работах, посвященных проблеме противодействия коррупции и коррупционной преступности, анализ коррупционных факторов нередко сводится лишь к самым общим положениям или подменяется комментарием результатов опросов практических работников или населения в целом. Этого явно недостаточно, так как мы получаем информацию не о реальных причинах, а о том, как их понимают опрашиваемые. Один из наиболее обстоятельных анализов особенностей причин и условий коррупции в России выполнили Э. Л. Сидоренко с коллегами (Sidorenko, 2016).

Известный в мире специалист по противодействию коррупции, профессор Йельского университета Сьюзен Роуз-Аккерман (Susan Rose-Ackerman, 2003) пришла к выводу о том, что коррупцию детерминируют три основные группы причин: экономические (низкие заработные платы государственных служащих, высокие налоги, пошлины и издержки соблюдения нормативных (регулирующих) документов, чрезмерные бюрократические проволочки); социокультурные (слабая информированность граждан, деморализация общества, слабое гражданское общество) и институционально-политические (клептократия, «монополия» и власть бюрократа).

Теоретическое обоснование

Коррупция как социальное явление – это не только и не столько правовой и криминологический феномен. Коррупция – это прежде всего политическая проблема. Но она имеет также социологическое, экономическое, идеологическое и психологическое измерения, а значит, может и должна исследоваться с помощью специфических методов соответствующих отраслей знания. Это тем более обязывает к известному выходу за пределы собственно криминологии. Возникает, кроме прочего, и вопрос о том, где находится первоисточник коррупционного поведения – в «головах» или в «обществе». С учетом современных научных представлений следует прийти к выводу, что и на уровне коррупции в целом и на уровне индивидуального коррупционного поведения роль субъективных факторов – общественного сознания и индивидуальной социально-нравственной направленности личности, по сути, равнозначна влиянию факторов объективных, находящихся в обществе в целом либо в микросреде конкретного лица.

Следующая не менее важная проблема – определение критериев (показателей), которые позволяют из массы коррупционных факторов (т.е. причин и условий) выделить наиболее значимые, наиболее весомые причины. Современная криминологическая теория рассматривает причинность как многоуровневую систему, включающую макросоциальный, мезосоциальный и микросоциальный уровни. Такой подход позволяет учитывать как общие закономерности развития общества, так и индивидуальные особенности личности коррупционера.

Представляется, что критерием причин коррупции как социального явления следует считать закономерную (устойчивую повторяющуюся) связь между теми или иными факторами и коррупцией. Наиболее существенные детерминанты коррупции, как представляется, находятся в деформациях политической системы (недемократичность, закрытость, несменяемость, отсутствие политической конкуренции,

сращивание с криминалом, собственная погруженность в коррупционные связи, отсутствие политической воли, наличие двойных стандартов (по типу: своим – вседозволенность, чужим – закон) и т.п.

Критерии причин индивидуального коррупционного поведения – высокая вероятность такого поведения при наличии коррупционных факторов, относящихся:

1) к личности (корыстная направленность личности, личная неупорядоченность, нечестность, карьеризм, властолюбие, чиновничество – холуйское поведение по отношению к вышестоящим и т.п.);

2) к микросреде (отсутствие системы комплаенс, ситуация конфликта интересов, зона повышенного коррупционного риска, коррупционные традиции в коллективе);

3) к конкретной ситуации (провокация коррупции, вымогательство, коррупционные просьбы и предложения).

Следует также учитывать, что в своей основе причины коррупции как социального явления во многом совпадают с общими причинами преступности и даже в целом социальной патологии. Вместе с тем надо понимать, что причины коррупции как социального явления, поскольку речь идет о различных разновидностях злоупотребления вверенной, в особенности публичной властью в личных целях, в большей степени тяготеет к деформациям именно государственного механизма. Как подчеркивала А. И. Долгова, «коррупционные преступления преимущественно связаны с государственной или иной службой, а также с развитием организованной, экономической преступности, отсутствием действенных преград на пути перерастания экономического интереса соответствующих преступников в политический и использования криминальных доходов на подкуп» (Dolgova, 2005).

Постановка проблемы

Как справедливо отмечается в литературе, российская история демонстрирует очевидную связь коррупции с системой государственного управления. Начиная с так называемой системы кормлений как спосо-

ба содержания государственных служащих, само российское государство создало почву для коррупционных проявлений. Надо понимать, что коррупция представляет собой не столько патологию индивидуального поведения участников коррупционной сделки, сколько дисфункцию в целом социальной системы. Как системное явление, коррупция демонстрирует поиск способов преодолеть неэффективность системы социального управления и правовой системы. В результате происходит деформация самого субъекта системы управления: государственные служащие превращаются в особый корпоративный социальный слой, направляющий полученные им управленческие полномочия не на организацию функционирования системы, а на собственное автономное существование.

В криминологическом и социально-философском аспектах коррупция рассматривается как фактор, способный трансформировать базовые институты власти, экономики и права, подрывая их функциональное назначение. Именно поэтому в научной литературе все чаще используется категория «коррупционного поражения», подчеркивающая глубину и масштаб негативных последствий данного явления. Для лучшего понимания особенностей причинного комплекса коррупции следует иметь в виду, что современный российский госкапитализм – это всего лишь скрытая подмена отсутствующего реально капитализма неким «рентно-сословным» государством. «Объем коррупции служилого сословия, – отмечает директор Института философии и права УрО РАН В. С. Мартянов, – просто легитимируется как источник дохода, положенный ему по статусу, а потому выводимый из-под действия предназначенных остальному обществу норм закона, социальных норм и неолиберальных принципов экономической конкуренции и прозрачности. Эта разновидность коррупции заложена, например, в основу участия привилегированного служилого/чиновничьего сословия в управлении естественными монополиями; распределения расходов бюджетов разных уровней через

подконтрольные компании; разного рода стимулирующих и премиальных выплат, имеющих лишь условное и косвенное отношение к зарплатам; сословных привилегий в виде особого порядка медицинского, пенсионного и иных видов обслуживания и т.д.» (Martyanov, 2019).

Сращивание интересов коррумпированных чиновников и чиновников контролирующих инстанций завершает формирование коррупционной системы. Параллельно системе легального государственного управления формируется система неформального коррупционного управления. Внутренняя устойчивость коррупционной системы подкрепляется за счет довольно жестких внутренних связей ее элементов. Участники коррупционного взаимодействия объединены, во-первых, экономической зависимостью, корыстными интересами; во-вторых, политической зависимостью, общими интересами в обладании ресурсами реальной власти; в-третьих, криминальной зависимостью, поскольку взяточничество и подкуп квалифицируются как криминальные деяния для всех субъектов коррупционного взаимодействия; в-четвертых, особыми ценностями, взглядами на власть, на принадлежность государственных ресурсов, на социальный успех и т.п. (Alekseev, Mostovaya, 2013; Khlevnuk, 2023).

Несмотря на то что коррупционные проявления характерны для всех этапов отечественной истории, содержание коррупционных отношений в нашей стране постоянно изменяется в зависимости от взаимодействия различных факторов правового, политического, экономического и культурного характера. В криминологии коррупция рассматривается не только как совокупность отдельных противоправных деяний, но и как системное социально-правовое явление, укорененное в структуре общественных отношений. Представляется, что коррупция как социальное явление генерируется сложным многослойным причинным комплексом, в котором можно условно выделить, исходя из традиционной дифференциации социума, политические,

экономические, социальные и духовные (идеологические) детерминанты.

Обсуждение

Политические детерминанты коррупции. Криминологи по сей день еще недостаточно глубоко исследовали связь деформаций в политической сфере общества (особенно современного) с коррупцией. Деформации эти достаточно существенны, и достойно сожаления, что их по разным причинам чаще всего не называют или не конкретизируют (Antonyan, Polyakov, 2022).

Вспоминается, как на одной из научных конференций проф. Ю.М. Антонян задал мне вопрос, по сути, риторический: коррупция – это криминологическая или политическая проблема? Конечно же, в криминологическом и политико-правовом аспектах коррупцию необходимо рассматривать не только как результат индивидуального противоправного поведения должностных лиц, но и как следствие определенных характеристик политической организации государства. Именно политические детерминанты во многом определяют масштаб, формы и устойчивость коррупционных проявлений, а также эффективность мер по их предупреждению и пресечению. Политические детерминанты коррупции представляют собой совокупность факторов, обусловленных устройством и функционированием политической власти, механизмами принятия решений, характером политической конкуренции и уровнем демократического развития. Их анализ позволяет выявить глубинные причины коррупции, выходящие за рамки экономических или морально-психологических объяснений.

Первой (и основной) причиной распространения коррупции многие эксперты сегодня называют слабость государства, обращая внимание на то, что административная, контрольная, финансовая и судебная мощь Российской Федерации не соответствует объему его обязательств перед гражданами и организациями. Это лишь следствие более глубокого явления – изменения роли государства в условиях

первоначального накопления капитала. Радикалы-реформаторы, сосредоточив после 1991 г. в своих руках все рычаги власти, преследовали, как выяснилось, не столько социальную цель – обеспечение благосостояния и благополучия своих граждан, сколько решали конкретную политическую задачу – формирование в короткие сроки нового собственника любым, в том числе и криминальным, путем в качестве средства установления в стране капиталистических отношений (Avdiiskii, 2024).

К числу более конкретных политических детерминант относят нередко: характер политического режима; уровень разделения и баланса властей; степень прозрачности и подотчетности органов власти; качество политической конкуренции; роль партийных и элитных структур; политическую культуру и традиции взаимодействия власти и общества. Эти факторы формируют институциональную среду, в которой коррупция либо сдерживается, либо получает условия для системного воспроизводства.

«Коммерциализация» (приватизация) государства. Специалисты отмечают возникшее фундаментальное противоречие интересов правящей элиты интересам большинства граждан, развития всего общества как системы. Несовместимость или по меньшей мере конфликт интересов правящей элиты с интересами большинства граждан детерминирует, соответственно, и отсутствие у нее политической воли к борьбе с деструктивными теневыми институтами, включая коррупцию (Pugachov, 2012). Известный политолог Ю.А. Нисневич предостерегает от опасности авторитарно-клептократического перерождения общества, при котором коррупция приобретает всеохватывающий характер и происходит коррупционный «захват государства». «В захваченном государстве политическая и экономическая коррупция приобретает системный характер и становится ключевым механизмом функционирования такого государства, вытесняя добросовестную и транспарентную конкуренцию и способствуя образованию

монополий, подчиненных правящим группировкам» (Nisnevich, 2018).

Процесс коммерциализации государства достаточно убедительно показан в одной из книг на примере Кыргызстана, где «государство по своей сути является коммерциализированным. Коррупционные методы, такие как нечестная приватизация, присвоение государственных средств, рентоискательство, манипулирование регулирующими, законодательными и распорядительными функциями, а также взяточничество и вымогательство на уровне исполнения, являются вариациями одной и той же задачи: как извлечь личную прибыль из политического и административного капитала. Будучи устоявшимися нормами поведения, такие приемы – обычно понимаемые как нарушение всеобщих прав – трактуются как логическое следствие организации государства на основе неофициального финансового обмена» (Engval, 2013).

Концентрация власти и деформация принципа разделения властей. Нарушение принципа разделения властей является одной из фундаментальных политических причин коррупции. Концентрация законодательных, исполнительных и контрольных функций в рамках одной политической структуры приводит к ослаблению системы сдержек и противовесов. В таких условиях снижается независимость судебной власти; контрольные органы утрачивают автономию; политические решения принимаются в закрытом режиме. Это формирует предпосылки для политической коррупции, при которой незаконное извлечение выгоды осуществляется не отдельными должностными лицами, а на уровне принятия стратегических решений.

Состояние политической конкуренции оказывает прямое влияние на уровень коррупции. В условиях монополизации политического пространства и слабости оппозиции коррупционные практики получают дополнительную устойчивость. Отсутствие реальной конкуренции снижает мотивацию власти к соблюдению принципов прозрачности и подотчетности.

Отсутствие необходимой ротации, прежде всего в высших эшелонах власти. Несменяемость в течение длительного времени недопустима в силу явной коррупциогенности такой практики, ибо, как предупреждал еще В.И. Ленин, «всякая власть развращает». Отсутствие реальной сменяемости власти способствует формированию замкнутых политических элит, внутри которых коррупционные связи становятся элементом внутрисистемной лояльности.

Отсутствие прозрачности, скрытость властных отношений и принимаемых решений – не просто благоприятное условие или благоприятный фон коррупции, а ее самостоятельная причина. Непрозрачность источников финансирования, зависимость партий от крупных доноров и использование административного ресурса формируют условия для коррупционных договоренностей между бизнесом и властью.

Наличие теневой власти и «теневой права». Оно выражается не только в прямом проникновении во власть криминала, но и в других формах. Важные процессы в нынешней России, к сожалению, нередко реализуются не в цивилизованном, открытом варианте, а под «ковром», в теневых структурах и теневыми способами. Все больше накапливается данных, свидетельствующих о формировании и деятельности параллельной теневой политической власти в стране на разных ее этажах. Сегодня громадный рост теневой (криминальной) составляющей является следствием того, что в неформальном процессе участвуют и формальные институты – аппараты правительства, министерств, губернаторов или мэров и т.д. В последнем случае эти структуры действуют не на представительном или правительственном, а на неформальном, личностном уровне и (что является главным) преследуют своекорыстные узкокорпоративные цели.

Как полагают политологи, вместо нормального государственного строительства наши политические элиты создали неофициальную систему параллельных властных структур – «теневое государство», основной характеристикой которой явля-

ется сращивание между государственными структурами и структурами частного сектора путем коррупции, а также криминала. Результатом такого сращивания является сдерживание развития нормальных политических институтов, торможение процесса производства, вывоз финансовых средств за рубеж и отказ большинства населения от законной экономической деятельности и участия в политическом процессе. Главной целью этой элиты является не общественное развитие, а собственное выживание, процветание и получение немедленных финансовых выгод (Vorotnikov, 2005).

Д.А. Зарандия определяет теневую политическую власть как устойчивую совокупность неформальных (незаконных) процедур и институтов, которые в коррупционных отношениях и видах деятельности выражаются в установлении параллельных центров власти, существенно влияющих на принятие ключевых политических и государственных решений, носят закрытый характер и распространяются среди членов теневой элиты и их сторонников, криминалитета. Теневая политическая власть характеризуется технологиями, которые своеобразно вырастают в официальный госаппарат и тем самым вытесняет официальные нормы, нанося существенный вред государственному, политическому, экономическому, правовому порядку (Zarandiya, 2002). Субъектами теневой политической власти являются коррумпированные служащие и политики, неформальные сообщества («семья», «друзья», «двор») или (и) представители криминалитета.

Наличие теневой политической власти в политической структуре российского общества, помимо слабости государственных официальных структур, вероятно, следует расценить как существенный самостоятельный фактор детерминации не только коррупции, но и организованной преступности. Сегодня в политической сфере современного российского общества можно наблюдать зарождение и становление основных элементов теневого «государства»: есть реальная теневая власть и ее правовые механизмы, есть «теневое право», его нор-

мы и обычаи, их принудительная сила, есть аппарат исполнения теневых законов. Есть квалифицированные кадры с опытом работы и связями в правоохранительных органах и других структурах власти, которые воспитываются и готовятся. Совокупность всех этих и многих других существенных и взаимосвязанных теневых юридических элементов, их единая направленность на обеспечение и защиту теневых интересов позволяет говорить о вполне сложившейся теневой структуре внутри государства официального.

В результате перехода существенной доли государственной собственности в частные руки государство, декларируя приверженность общим интересам, трансформировалось в значительной степени в государство защиты узкого слоя этих новых богатых собственников, стало бизнес-проектом кланов, борющихся за власть и собственность на всех уровнях: федеральном, региональном и муниципальном. В борьбе за власть и, соответственно, ресурсы наиболее успешными нередко оказываются действия, поддерживаемые или инициируемые организованными преступными формированиями. Контролируемая не здоровыми, а близкими к криминалу силами приватизация в итоге захватила и само государство. Как следствие, закономерно возникла следующая цепочка связей: монополия власти – коррупция – слабость государства – безнаказанность – организованная преступность (Nomokonov, Sidorkin, 2019; Pugachov, 2012).

После того как криминал проникает внутрь государства, далее происходит перераспределение основных источников пополнения криминального бюджета. Обычные статьи доходов, такие как торговля наркотиками, проституция, торговля оружием и т.п., утрачивают в значительной мере свою традиционную значимость. На первый план сегодня выходит расширение государственного бюджета. Именно госбюджет становится основной целью и основной добычей криминалитета. Внедрение криминальных элементов и «правил» в бюджетные отношения привело

к появлению в стране теневого бюджета, находящегося в «совместном ведении» государства и работающих на него криминальных элементов. Параллельное существование двух бюджетов – официального и теневого – делает необходимой постоянную легализацию денег (отмывание денег).

Специфика нашей политической среды заключается в том, что неформальное поле стало едва ли не значительно сильнее формальных отношений. Так называемое теневое право («понятия») является неформальным регулятором общественных отношений и реализуется в скрытом противоправном поведении должностных лиц (Varanov, 2002).

Коррупциогенность законодательства. Несмотря на наличие института антикоррупционной экспертизы, в действующем законодательстве можно обнаружить немало явно коррупциогенных норм. Так, в Уголовном кодексе России из целого ряда статей убрали минимальные пределы наказания, чем безбрежно увеличили широту дискреционных полномочий судей. Плюс к этому судья получил право по своему усмотрению менять категорию тяжести преступления, что ранее было недопустимо. Из системы наказаний исключили конфискацию. Через три года ее снова ввели, но все-таки не как меру наказания, что вызывает недоумение. Наказание до 8 лет лишения свободы суд может назначать условно, в том числе даже по делам коррупционеров.

Отсутствие контроля гражданского общества, как и фактически самого гражданского общества. Общественные палаты и общественные советы, к сожалению, либо не имеют полномочий по контролю деятельности чиновников, либо являются фактически декоративными. Независимые средства массовой информации являются важным элементом антикоррупционного контроля. Ограничение свободы слова, давление на журналистов и фактическая цензура снижают вероятность выявления коррупционных схем и способствуют их латентности.

Немаловажным коррупциогенным фактором является *слабость антикорруп-*

ционной активности, недостаток политической воли со стороны государства, которая способствует усилению процесса коррупционной активизации в государственной жизни российского общества (во всех ветвях и на всех уровнях власти). Политические факторы определяют не только уровень коррупции, но и эффективность антикоррупционной политики. Формальный характер антикоррупционных программ, отсутствие политической воли и избирательность правоприменения существенно снижают результативность даже самых жестких правовых мер.

Организованная преступность – главная социальная движущая сила коррупции в РФ. Организованная преступность и коррупция – две стороны одной медали, точнее, даже почти одно и то же: в настоящее время коррупция тоже становится все более организованной, сетевой, системной. К сожалению, не прекращается процесс сращивания преступников с властными и правоохранительными структурами. Если еще вчера специфическим содержанием организованной преступности было сплочение собственно преступного мира, то сегодня мы наблюдаем уже симбиоз криминалитета с властью, формирование некоего единого криминального пространства, в котором не только совершаются согласованные преступные действия, но и сами чиновники или правоохранители действуют противозаконно, даже подчас и не прибегая к помощи криминальных авторитетов. В свою очередь, криминал тратит немалые финансовые средства на подкуп власти, продвигая свои преступные намерения, расширяя зависимость власти от организованной преступности.

Здесь возможны несколько вариантов такого сотрудничества. В первом случае происходит сговор лидеров организованных преступных групп с представителями официальных структур о совместном совершении преступлений. Это типичная схема, например, рейдерских захватов. Во втором случае преступные элементы используют, например, силовыми органами для совершения преступлений чужими ру-

ками в качестве орудий или средств для нелегальной расправы, провокаций или даже физической ликвидации. В третьем случае сами должностные лица используют и/или превышают свои властные полномочия, совершая преступления с помощью создания преступного сообщества и руководства им. В-четвертых, преступные международные связи используются для перекачки средств, добытых преступным путем, в том числе чиновниками за счет совершения должностных преступлений, за рубеж, размещения на банковских счетах или вложения в экономику иностранных государств, что, в числе прочего, помогает без проблем в режиме наибольшего благоприятствования получить иностранное гражданство или вид на жительство. Все варианты, как известно, представлены сегодня в российской действительности отдельно или в различных комбинациях.

Фактическое отсутствие единой, эффективной государственной системы кадрового отбора. Неэффективность существующей государственной кадровой политики, беспорядочность и неорганизованность государственной системы кадрового отбора неизбежно приводят к развитию коррупции в органах государственной власти и управления, которая проявляется либо в открытой торговле должностями, либо в совершении иных коррупционных деяний (протекционизм, клановость, различные злоупотребления при проведении конкурсных процедур и т.п.). Следует также отметить, что механизм включения в федеральный резерв управленческих кадров того или иного кандидата не является открытым и доступным для граждан, так как он в значительной степени основан на использовании административного ресурса. Дальнейшее движение по этапам вертикали власти также не является прозрачным. Отсутствие доступного и прозрачного механизма замещения отдельных государственных должностей, безусловно, является коррупциогенным фактором и административным барьером для граждан, желающих реализовать себя в сфере правосудия, государственной власти и управле-

ния. В литературе отмечается, что государство утратило контроль над реализацией государственной системы кадрового отбора, что создает коррупционные риски, прямо влияющие на независимость и самостоятельность государственной власти. В итоге отсутствие прозрачной и эффективной государственной системы кадрового отбора создает угрозу сосредоточения всей власти по решению кадровых вопросов в исполнительных, судебных и законодательных органах в руках глав субъектов, председателей судов, прокуроров и т.д. Подобная ангажированная деятельность по решению кадровых вопросов не может не сказываться на общей независимости ветвей государственной власти (Shamanskii, 2025).

Экономические факторы коррупции. Экономические детерминанты занимают центральное место в системе факторов, обуславливающих возникновение и воспроизводство коррупции. В криминологическом и социально-экономическом аспектах коррупция рассматривается как форма рентного поведения, возникающая в условиях дисбаланса между экономическими интересами субъектов и институциональными механизмами их удовлетворения. Именно экономическая среда во многом определяет мотивацию коррупционного поведения, масштабы коррупционных практик и их устойчивость во времени.

К основным экономическим детерминантам коррупции обычно относят: уровень социально-экономического неравенства; характер распределения ресурсов; степень участия государства в экономике; уровень доходов и социального обеспечения должностных лиц; масштабы теневой экономики; дефицит и монополизацию экономических благ.

Государственное противодействие коррупции, к сожалению, до сих пор практически не затрагивает главную экономическую ее причину – теневую экономику, удельный вес которой, по экспертным оценкам, недопустимо велик и прямо угрожает национальной безопасности страны. Так, положительная эмпирическая связь между коррупцией и долей теневого сектора в эко-

номике отмечается в работе Ю.В. Голика и В.И. Карасева и называется одним из основных механизмов, с помощью которого коррупция глубоко закрепляется в обществе (Golik, Karasev, 2005).

В свою очередь, к основным факторам, способствующим возникновению и процветанию теневой экономики, специалисты относят такие, как высокий уровень налогообложения и запутанность налоговой системы; высокую регламентированность экономики (определяется интенсивным административным вмешательством в экономику и тесно связана с другим фактором – высокой долей государственного сектора в экономике); нестабильность экономики, неопределенность макроэкономических параметров и задач; низкий кредитный рейтинг национальной экономики и ее субъектов, что зачастую препятствует легальному ведению бизнеса. Теневая экономика в России возникла прежде всего вследствие монополизации основных производственных сфер, материалов, строго централизованного фондирования сырья, материалов и оборудования. Субъектами являлись представители административно-управленческого аппарата различных звеньев народного хозяйства (Avdiiskii, 2024).

Еще одна самостоятельная причина коррупции – монополизм, отсутствие и (или) подавление конкуренции хозяйствующих субъектов. Здесь мы видим замкнутый порочный круг: коррупция стимулирует и влечет монополизм, а монополистическое давление некоторых игроков экономического рынка с неизбежностью порождает коррупцию. Подобное объяснение феномена коррупции сформулировал Р. Клитгард (Институт современных исследований, США). Он утверждал, что «коррупция – это монополия, плюс свобода действий, минус ответственность» (Klitgard, MacLean-Abaroa, 2004). Другими словами, требуется, чтобы кто-то имел монополию на принятие решений, а также свободу делать то, что посчитает нужным, т.е. действовать в собственных интересах, и ни перед кем не отчитываться. По мнению Р. Клитгарда, возникновение корруп-

ции независимо от сферы жизни общества (политика, бизнес, здравоохранение) объясняет универсальная формула:

$K = M + Д - П$, где K – коррупция; M – монопольная власть; $Д$ – свобода действий чиновников; $П$ – подотчетность.

Если некто обладает монопольной властью над товарами или услугами и имеет полную свободу в решении вопроса – кто и какие товары и услуги получает, и как много он их получает, то в этом случае не существует подотчетности, и поэтому другие люди могут видеть, что какой-то человек принимает решения. Здесь мы склонны обнаруживать коррупцию независимо от того, где это происходит – в государственном или частном секторе, в богатой или в бедной стране. Повышение прозрачности ограничивает монопольную власть и свободу действий и является необходимым условием подотчетности лиц, ответственных за принятие решений.

Самостоятельной экономической причиной сложившегося в стране высокого уровня коррупции является, как полагают некоторые специалисты, также и сырьевой перекос российской экономики.

В качестве коррупциогенного детерминанта следует также назвать и неоптимальную налоговую политику, которая при чрезмерном давлении на предпринимательскую деятельность в понятных, конечно, целях пополнения бюджета, объективно провоцирует бизнес к уходу в тень, использованию серых схем и сокрытию доходов от налогообложения.

Одной из наиболее коррупциогенных в экономике является сфера государственных закупок. Значительные объемы бюджетных средств, сложность процедур и ограниченная прозрачность создают условия для злоупотреблений. Коррупционные схемы в данной сфере включают завышение стоимости контрактов; ограничение конкуренции; лоббирование интересов аффилированных компаний; откаты и посредничество. Исследователи (Torbin, 2024) отмечают такие распространенные случаи, как непрозрачность (30 % – у единствен-

ного поставщика); картельные сговоры (ФАС: 15 % закупок с признаками сговора); откаты: (по оценкам, 10–30 % стоимости контракта). При этом в условиях высокой коррупции формируется особая модель экономики, ориентированная на извлечение краткосрочной выгоды, а не на устойчивое развитие и инновации.

Эффективное противодействие коррупции невозможно без устранения или минимизации экономических предпосылок ее возникновения. Антикоррупционная политика должна быть направлена не только на усиление уголовной ответственности, но и на совершенствование экономических институтов, повышение прозрачности распределения ресурсов и формирование устойчивой модели социально-экономического развития.

Общесоциальные факторы коррупции. *Глубокое социальное расслоение.* Криминологам всего мира хорошо известна самая главная причина преступности, к которой относится и коррупционная преступность, – это глубокий разрыв между бедными и богатыми. Надо сказать, что это является серьезной проблемой и для нашей страны. За постсоветское время в России появилось полторы сотни (148) миллиардеров (Rossiia podnialas' na piatoe mesto v mire po chislu novykh milliarderov, 2025). По этому показателю мы сейчас на пятом месте в мире. Существенная дифференциация уровня жизни населения, ограниченный доступ к социальным благам и неравенство возможностей формируют у граждан ощущение социальной несправедливости. В условиях, когда социальные лифты функционируют неэффективно, коррупция начинает рассматриваться как способ компенсации социальной уязвимости. При этом коррупционные практики приобретают массовый характер, переходя из сферы девиантного поведения в область социально терпимого явления.

Еще одной существенной деформацией социальной сферы является масштабное вовлечение населения в коррупционные схемы, *самовоспроизводство коррупционных практик.*

Деформации духовной сферы – идеологические (социально-психологические) факторы коррупции. Коррупция как устойчивая форма девиантного и преступного поведения не может быть объяснена исключительно экономическими или институциональными факторами. Существенную роль в ее возникновении и воспроизводстве играют идеологические и социально-психологические детерминанты, формирующие ценностные ориентации личности, установки поведения и модели восприятия власти и права. Идеологические и социально-психологические факторы определяют внутреннюю готовность субъектов к участию в коррупционных отношениях, а также степень общественной терпимости к коррупции. Их анализ имеет принципиальное значение для понимания латентной природы коррупции и устойчивости коррупционных практик.

Недавние исследования, в которых коррупция рассматривается не столько как юридический, сколько как культурный, психологический и нравственный феномен, позволяют по-новому посмотреть на природу причинности коррупции. В.В. Горбова, проведя исследование философско-антропологических измерений коррупции (Gorbova, 2016), установила, что коррупционное поведение во многом зависит от принятых норм и стандартов конкретного культурного сообщества, которые уходят вглубь традиций и обычаев культурно-цивилизационных систем. При этом она выявила параллели между национальными чертами характера и моделями коррупционного поведения, такие как деформация «чувства родственности», что приводит к распространению nepотизма (кумовства); гипертрофия нравственного начала (мораленцентризм) и низкая правовая культура противостояния коррупции; ложное стремление к «всеединству», порождающее терпимое отношение к различным формам социального зла (в том числе и к коррупции).

Низкий уровень доверия к органам власти и правовой системе является значимым детерминантом коррупции. Если государственные институты воспринимаются как

неэффективные или несправедливые, граждане склонны искать неформальные способы решения своих проблем. Такая ситуация формирует устойчивые коррупционные установки, при которых взятка или злоупотребление властью рассматриваются как рациональное средство достижения цели. Одновременно снижается готовность общества к активному участию в антикоррупционной деятельности.

Представляется, что разграбление страны мошенниками и коррупционерами было подготовлено исподволь новой идеологией – коммерческой деформацией общественного сознания, предусматривающей только одну важную цель, а именно – личное обогащение. Многими умами овладела идея продать или «продаться подороже». Началась гонка за обладание собственностью и властью. В итоге к власти не так уж редко приходят наиболее последовательные и решительные носители новой идеологии, подстраивающие уже под себя политическую, правовую и экономическую политику государства.

По существу, происходит приватизация не только собственности, но и идеологии, методов формирования общественного сознания, формирование законодательной базы и норм морали и нравственности. Люди теряют социально-нравственные и моральные связи, средства массовой информации, в первую очередь телевидение, ориентируют интересы населения на обсуждение и смакование частной жизни известных актеров, спортсменов и артистов эстрады. На зрителя льется мощный поток низкопробных фильмов и сериалов с незамысловатыми сюжетами.

Одной из ключевых идеологических предпосылок коррупции является кризис общественных идеалов и ценностей. Ослабление значимости понятий служения государству, общественного блага и социальной ответственности способствует формированию утилитарного подхода к осуществлению власти. В условиях идеологической неопределенности материальный успех и личное благополучие начинают доминировать над ценностями законности и спра-

ведливости. Это создает благоприятную среду для оправдания коррупционного поведения как рационального и допустимого способа достижения целей.

Обращаясь к духовной сфере общественной жизни, мы обнаруживаем некий «синдром продажности»: каждый в стране сегодня стал уже как бы предметом торговли в стремлении «продаться подороже». В общественном сознании российских граждан мы сейчас наблюдаем две взаимосвязанные социальные установки. Одна из них – это *коррупционная зависимость*, при которой коррупция воспринимается как неотъемлемый атрибут образа жизни в России. Такое восприятие и соответствующий образ жизни нередко неправильно называют «социальной нормой». «Массовое» или «массовидное» все же не есть синоним «нормальности». В противном случае мы приходим к парадоксальному выводу о том, что в России закон борется или пытается бороться с нормальным поведением, не причиняющим вреда личности, обществу или государству.

Вторую установку можно охарактеризовать как *коррупционную готовность*. Последняя означает психологическую установку на решение различных проблем с помощью подкупа. Восприятие коррупции как «социальной нормы» (что не равнозначно признанию ее в таком качестве, просто «все так делают»), в свою очередь, формирует психологическую готовность давать взятки и брать их. В конечном счете за названными деформациями общественного сознания, как представляется, скрыта еще более глубокая деформация ценностно-нормативной системы общественного, группового и индивидуального сознания. В основе ее – признание денег, капитала, собственности главной ценностью, что и ведет к отчуждению личности от общества и государства и наоборот.

Вывод

Эскалация коррупции и усугубление ее качественных характеристик закономерны для тех состояний общества, когда одновременно, в единой системе, во-первых, мерой

всего оказываются исключительно деньги, материальные ценности, девальвируются духовные ценности, ценность человека определяется размерами его личного состояния независимо от способов получения последнего. Во-вторых, признаются приемлемыми любые средства во имя обогащения. В-третьих, в рамках закона не обеспечивается даже минимальный стандарт жизни.

Преобладание в обществе «материальной мотивации» поведения, нарушение принципа социальной справедливости, «непрозрачность» социальных связей

и действий с неизбежностью порождают коррупционные действия. В конечном счете специфика причин коррупции – в факторах, провоцирующих социальный паразитизм.

Противодействие коррупции может быть эффективным лишь в рамках целостной государственной антикоррупционной политики, содержащей систему политических, организационно-правовых, экономических, социальных и идеологических мер, направленных на создание прозрачной, конкурентной и справедливой социальной среды.

Список литературы / References

Alekseev S. V., Mostovaya I. V. Sotsial'naia obuslovlennost' korruptsii [Social conditioning of corruption]. In: *Vestnik Iuzhno-Rossiiskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta [Bulletin of the Southern Russian State Polytechnic University]*, 2013, 1, 181–188.

Antonyan E. A., Polyakov M. M. Determinatsiia korruptsionnoi prestupnosti v Rossii i mery protivodeistviia ei [Determinants of corruption crime in Russia and countermeasures]. In: *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal [All-Russian criminological journal]*, 2022, 6, 669–676.

Avdiiskii V. I., Dadalko V. A., Siniavskii V. G. *Tenevaia ekonomika i ekonomicheskaiia bezopasnost' gosudarstva [Shadow economy and economic security of the state]*. M., INFRA-M, 2024. 538.

Baranov V. M. *Tenevoe pravo [Shadow law]*. Nizhnii Novgorod, Nizhegorodskaia akademiia Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii, 2002. 165.

Dobrolubova E. I., Pavlushkin A. V., Sidorenko E. L. *Korrelatsiia mer po protivodeistviu korruptsii s prichinami i usloviiami ee vozniknoveniia: nauchno-metodicheskoe posobie [Correlation of anti-corruption measures with the causes and conditions of its occurrence: scientific and methodological manual]*. M., Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniia pri pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii, 2016. 156.

Dolgova A. I. (ed.). *Kriminologiia: Uchebnik [Criminology: Textbook]*. M., 2005. 725.

Engval Dzhokhan. Gosudarstvo kak investitsionnyi rynek: osmyslenie korruptsii v Kyrgyzstan [State as an investment market: understanding corruption in Kyrgyzstan]. 2013. Available at: https://www.researchgate.net/publication/325768671_Gosudarstvo_kak_investitsionnyj_rynek_osmyslennye_korruptcii_v_Kyrgyzstane (accessed 18 February 2026).

Golik Iu. V., Karasev V. I. *Korruptsiia kak mekhanizm sotsial'noi degradatsii [Corruption as a mechanism of social degradation]*. SPb., Iuridicheskii tsentr Press, 2005. 329.

Gorbova V. V. *Filosofsko-antropologicheskie izmereniia korruptsii: dis. ... kand. filosofskikh nauk [Philosophical-anthropological dimensions of corruption: diss. ... cand. of philosophical sciences]*. Voronezh, 2016. 137.

Khlevnuk O. V. *Korporatsiia samozvantsy. Tenevaia ekonomika i korruptsiia v stalinskom SSSR [Corporation of impostors. Shadow economy and corruption in Stalin's USSR]*. M., Novoe literaturnoe obozrenie, 2023. 320.

Martyanov V. S. Dvoinye standarty v opredelenii korruptsii kak vyzov obshchestvennomu soglasiu [Double standards in defining corruption as a challenge to public consensus]. In: *Aktual'nye problemy nauchnogo obespecheniia gosudarstvennoi politiki Rossiiskoi Federatsii v oblasti protivodeistviia korruptsii [Current problems of scientific support for the state policy of the Russian Federation in the field of anti-corruption]*, 2019, 1, 24–51.

Nisnevich Iu. A. *Politika i korruptsiia: korruptsiia kak faktor mirovogo politicheskogo protsessa [Politics and corruption: corruption as a factor of the world political process]*. M., Iurait, 2018. 124.

Nomokonov V. A., Sidorkin D. A. Problema tenevizatsii politicheskoi vlasti [The problem of shadowing political power]. In: *Prestupnost' XXI veka. Transnatsional'nyi kharakter. Tenevaia ekonomika. Vliianie na gosudarstvo* [Crime of the 21st century. Transnational nature. Shadow economy. Impact on the state], M., 2019, 37–53.

Pugachev V. P. Tenevye destruktivnye instituty v gosudarstvennom upravlenii sovremennoi Rossii [Shadow destructive institutions in the state management of modern Russia]. In: *Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo). Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 21* [Management (state and society). Moscow University Bulletin. Ser. 21], 2012, 2, 16–34.

Rose-Ackerman S. *Korrupsiia i gosudarstvo. Prichiny, posledstviia, reformy* [Corruption and government. Causes, consequences, reforms]. M., Logos, 2003. 78.

Rossia podnialas' na piatoe mesto v mire po chislu novykh milliarderov [Russia has risen to fifth place in the world in terms of the number of new billionaires]. 2025. Available at: <https://dzen.ru/a/Z-y1D5Qw5E9AZgm0> (accessed 18 February 2026).

Shamanskii D. A. *Osnovy protivodeistviia korrupsiis* [Fundamentals of anti-corruption]. M., INFRA-M, 2025. 186.

Torbin Iu. G. «Otkatъ» kak predmet vziatochnichestva v sfere gosudarstvennykh i munitsipal'nykh zakupok [“Kickbacks” as the subject of bribery in the field of state and municipal procurement]. In: *Gosudarstvennaia sluzhba i kadry* [State service and personnel], 2024, 2, 243–246.

Vorotnikov V. P. *Preodolenie tenevizatsii obshchestva: teoriia i praktika: avtoref. dis. ... dokt. polit. nauk* [Overcoming the shadowing of society: theory and practice: abstract of the diss. ... doctor of political sciences]. M., 2005. 52.

Zarandiia D. A. *Politicheskaia korrupsiia kak forma tenevoi vlasti: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Political corruption as a form of shadow power: author's abstract of the diss. ... cand. of legal sciences]. Rostov-na-Donu, 2002. 15.

EDN: CTIWGI
УДК 343.9

Information Technology in Combating Corruption and Anti-Corruption Protection

Anna L. Repetskaya*

Baikal State University
Irkutsk, Russian Federation

Received 25.02.2026, received in revised form 02.03.2026, accepted 25.03.2026

Abstract. The article discusses modern strategies for countering corruption and anti-corruption protection, which are implemented using information (digital) technologies. It is noted that their choice depends on the types (levels) of corruption activities, including: digitalization of the system for making and implementing management decisions; modern personnel technologies; methods of digitalizing the interaction between citizens and the state in the form of various government agencies; and electronic services that minimize the contact between these entities. In addition, it is stated that it is necessary to use modern technologies to implement anti-corruption protection of a number of objects (for example, information with restricted access), which will reduce the likelihood of corrupt behavior. Modern strategies for anti-corruption control are considered. In conclusion, it is stated that digital technologies are not the main means of countering corruption, but rather provide technical support.

Keywords: anti-corruption, anti-corruption protection, digitalization, information technologies, anti-corruption control.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Criminal Law.

Citation: Repetskaya A. L. Information Technology in Combating Corruption and Anti-Corruption Protection. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(4), 840–849. EDN: CTIWGI

Информационные технологии в противодействии коррупции и антикоррупционной защите

А.Л. Репецкая

*Байкальский государственный университет
Российская Федерация, Иркутск*

Аннотация. В статье рассмотрены современные стратегии противодействия коррупции и антикоррупционной защиты, осуществляемые с использованием информационных (цифровых) технологий. Отмечается, что их выбор зависит от видов (уровней) коррупционной деятельности, в частности, были рассмотрены: цифровизация системы принятия и реализации управленческих решений; современные кадровые технологии; способы цифровизации взаимодействия граждан и государства в лице различных государственных органов, электронные сервисы, которые позволяют минимизировать контакты этих субъектов. Кроме того, указано, что с помощью современных технологий необходимо осуществлять антикоррупционную защиту ряда объектов (например, информации ограниченного доступа), что позволит снизить вероятность коррупционного поведения. Рассмотрены современные стратегии антикоррупционного контроля. В заключение указано, что цифровые технологии не являются основным средством противодействия коррупции, скорее это техническая поддержка, облегчающая контроль и минимизирующая технические (физические) возможности осуществления коррупционного поведения.

Ключевые слова: противодействие коррупции, антикоррупционная защита, цифровизация, информационные технологии, антикоррупционный контроль.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки); 5.1.4 Уголовно-правовые науки.

Цитирование: Репецкая А. Л. Информационные технологии в противодействии коррупции и антикоррупционной защите. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(4), 840–849. EDN: STIWGI

Введение

Современное противодействие¹ коррупции представляет собой более сложную систему мер устранения, нейтрализации, блокирования причин и условий коррупционного поведения, чем это было еще 10 лет назад. Это связано с развитием информационных технологий и цифровизацией большей части общественных отношений.

С одной стороны, информационно-коммуникационные технологии расшири-

ли перечень различных факторов, детерминирующих разные виды коррупционного поведения, с другой – предоставили дополнительные возможности для антикоррупционной защиты как личности, так общества и государства.

Следует заметить, что в настоящем исследовании не анализировалось направление, которое характеризует детерминанты, включающие использование цифровых технологий, прежде всего криптовалют для оплаты коррупционных услуг. Основное внимание здесь посвящено анализу возможностей та-

¹ В настоящей статье термины «противодействие» и «предупреждение» употребляются как тождественные.

ких технологий с точки зрения их включения в процессы предупреждения коррупции и антикоррупционной защиты.

Первое из анализируемых направлений, обозначаемое в доктрине и правоприменительной практике как противодействие коррупции, является давно разрабатываемым учеными и используемым в правоприменительной деятельности. Информационные технологии здесь используются в разработке современных стратегий противодействия коррупции наряду с уже существующими мерами специально-криминологического ее предупреждения.

Возможности же антикоррупционной защиты стали доктринально оцениваться не так давно, в имеющихся исследованиях говорится о такого рода защите в основном в аспекте антикоррупционной безопасности (Damm, 2022; Shamehina, 2025). Поэтому при анализе этого направления возникает больше понятийных и иных проблем, в частности касающихся определения объектов антикоррупционной защиты.

Следует указать, что противодействие коррупции может осуществляться на разных этапах развития коррупционных отношений: как до возникновения коррупционного поведения или предпосылок к нему (ранняя профилактика), так и тогда, когда коррупционные отношения уже существуют – этап непосредственного предупреждения, а также для профилактики их рецидива.

Как представляется, современные информационные технологии в значительной мере могли бы повысить эффективность противодействия на двух первых этапах – раннего и непосредственного предупреждения. На этапе предупреждения рецидива коррупционного поведения предупредительными мерами являются применение к субъектам таких отношений разных видов ответственности (гражданско-правовой, уголовно-правовой, административной и т.д.), хотя и сами по себе действующие законодательные запреты являются мерами ранней профилактики.

Как известно, на этапе раннего предупреждения воздействие происходит на две группы факторов: условия формирования

причин коррупционного поведения и условия реализации уже сформированных причин, где под причинами понимаются деформации групповой психологии разных сфер общественного сознания (правового, нравственного, экономического), а также криминогенная мотивация (в основном разные виды корысти, но применительно к коррупционному поведению это могут быть и другие мотивы, такие, например, как карьеризм).

Если устранить, нейтрализовать или заблокировать факторы, способствующие формированию причин или их реализации в виде коррупционного поведения, его вероятность будет минимальной. Таким образом, наиболее осуществимым и эффективным является воздействие на разные группы условий, способствующих возникновению коррупционных отношений на ранних этапах профилактики. Использование для этого возможностей информационных технологий, как представляется, значительно повысит эффективность антикоррупционной деятельности.

Основные результаты исследования

В настоящее время перечень мер, регламентирующих профилактику коррупции, перечислен в ст. 6 ФЗ «О противодействии коррупции»², при этом данная норма не содержит указания ни на одну из существующих современных технологий, которые могли бы быть использованы в антикоррупционной деятельности. Между тем это не значит, что возможности этих технологий не используются для повышения эффективности процесса противодействия коррупции в России.

Итак, первично рассмотрим те варианты использования существующих информационных технологий, которые могут быть встроены в процесс деятельности государственных органов при их взаимодействии с различными субъектами общественных отношений на этапе раннего предупреждения коррупции. При этом необходимо помнить о том, что коррупция неоднородна

² ФЗ «О противодействии коррупции» № 273-ФЗ (в ред. от 28.12.2024 г.)

по своей природе и потому имеет различные виды. Так, исходя из уровня должностного положения лиц, вступающих в коррупционные отношения, она может быть «верхушечной и низовой», эти же виды можно назвать «деловой и бытовой» коррупцией.

О верхушечной (деловой) коррупции речь идет в случаях, когда принимаются решения, имеющие высокую цену – формулы законов, госзаказов, изменение форм собственности и т.п. Низовая (бытовая) коррупция существует на уровне взаимодействия чиновников и граждан – штрафы, регистрации, налоги, сборы, освобождение от обязанностей (службы в армии) и т.п. (Repetskaya, 2023). Соответственно, и способы противодействия указанным видам различны и зависят в том числе от этапа, на котором оказывается противодействие.

Так, на уровне верхушечной (деловой) коррупции на этапе ранней профилактики могут применяться следующие стратегии противодействия с использованием информационных, цифровых технологий:

- цифровизация системы принятия и реализации управленческих, кадровых, организационных решений, которая заключается во внедрении информационно-коммуникационных технологий в эти процессы, в частности искусственного интеллекта;
- современные кадровые информационные технологии.

Цифровизация системы принятия и реализации управленческих, кадровых, организационных решений как современная технология противодействия коррупции прежде всего требует реализации следующих мероприятий, осуществить которые без использования информационных технологий невозможно. Это переход на электронный документооборот; автоматизация административных процедур; создание открытых баз данных. Реализация каждого из указанных направлений в деятельности государственного управления существенно снижает риски коррупционного поведения.

Особая роль здесь отводится искусственному интеллекту (ИИ), который успешно используется в противодействии

коррупции и показывает достаточно высокую эффективность как в нашей стране, так и за рубежом (Santiso, 2019; Fazekas, Toth, King, 2016; Chen, 2019; Minbaleev, Evsikov, 2021; Kuzmin 2021; Krylova, Maksimenko, 2021).

Технология алгоритмов искусственного интеллекта обладает большими преимуществами в этой сфере: она не имеет субъективного восприятия; способна быстро обрабатывать большие массивы данных; мало подвержена внешнему влиянию и, соответственно, имеет высокую эффективность для противодействия коррупции.

Учитывая перечисленные преимущества искусственного интеллекта, в Российской Федерации создается Национальная система управления данными (НСУД), которая должна обеспечить правовое, техническое и методическое единообразие сбора, обработки, предоставления, распространения и использования данных органами власти (Konceptsiya sozdaniya i funkcionirovaniya nacional'noj sistemy upravleniya dannymi i plana meropriyatij («dorozhnyu kartu») po sozdaniyu nacional'noj sistemy upravleniya dannymi, 2019). Внедрение такой системы повысит доступность государственных данных и создаст предпосылки для появления технологии искусственного интеллекта в государственном управлении (Minbaleev, Evsikov, 2021).

Стоит заметить, что успешным и пока единственным примером использования искусственного интеллекта в государственном управлении является назначение ИИ на должность министра по закупкам в Албании (Albania puts AI-created 'minister' in charge of public procurement, 2025). Результаты апробации указанной технологической системы в осуществлении государственной деятельности в определенной сфере, с одной стороны, даст толчок другим правительствам в использовании аналогичных систем в своем аппарате управления, а с другой – покажет уровень эффективности их работы без коррупционных рисков.

Современные кадровые информационные технологии противодействия коррупции также относятся к стратегическим

направлениям, позволяющим реализовать раннюю профилактику и минимизировать возможности коррупционного поведения. Можно назвать несколько таких направлений, в частности:

- создание и внедрение информационных систем и программного обеспечения, позволяющих отслеживать соблюдение госслужащими требований и запретов в рамках их должностных обязанностей;
- использование искусственного интеллекта и баз данных для выявления скрытых конфликтов интересов либо несоответствия требований к специальным знаниям, опыту работы, публичному поведению претендентов на соответствующие должности при формировании кадрового потенциала;
- реализация программ профессионального развития должностных лиц (разных категорий служащих), связанных с их профессиональной карьерой, дистанционно, без отрыва от основной деятельности.

При анализе действия первого из указанных направлений следует заметить, что в настоящее время уже существует несколько государственных информационных систем (ГИС) и программное обеспечение, позволяющее отслеживать соблюдение госслужащими требований и запретов в рамках их должностных обязанностей. Среди них, например, Федеральная ГИС «Единая информационная система управления кадровым составом государственной гражданской службы Российской Федерации», созданная для повышения эффективности межведомственного взаимодействия и внутренней организации деятельности по управлению кадрами государственной гражданской службы РФ; Официальный Портал государственной службы, где размещается реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия. Он содержит подсистему обеспечения соблюдения требований к служебному поведению, урегулирования конфликта интересов. Кроме того, можно назвать специальное программное обеспечение «Справка БК», предназначенное для автоматизации процесса заполнения и перевода в машиночитаемый формат сведений о доходах.

Для устранения (нейтрализации) условий формирования и реализации коррупционного поведения (коррупционных отношений) на этапе ранней профилактики на уровне низовой (бытовой) коррупции необходима цифровизация взаимодействия граждан и государства в лице различных государственных органов.

В последние десятилетия государство активно использует появившиеся технологические возможности для создания и внедрения различных ГИС, которые позволяют максимально снижать коррупционные риски при взаимодействии государственных служащих, граждан и организаций (Госслуги; Личный кабинет налогоплательщика и т.п.). Эти системы значительно упростили получение информации и различных государственных услуг посредством использования электронных информационных ресурсов, которые нивелируют возможности коррупционного поведения названных субъектов.

Аналогичный механизм заложен и при использовании информационных технологий при других вариантах взаимодействия граждан и государства в лице различных государственных органов. Так, например, это могут быть электронные очереди или формы регистрации, позволяющие сделать прозрачным процесс поступления соответствующей информации; это может быть электронное голосование, которое не позволит исказить результаты выборов или принятия коллективных решений.

Кроме того, в случаях, когда не удается избежать реального взаимодействия граждан и государства, арсенал информационно-технологических средств, имеющих высокий предупредительный эффект, следует пополнить созданием и внедрением *краудсорсинговых платформ*, позволяющих гражданам сообщать о случаях вымогательства или предложения взятки. Возможности использования такой обратной связи и знание госслужащего о ее наличии может значительно снизить риск коррупционного поведения с его стороны, в то же время повышая возможности антикоррупционного контроля.

Между тем на этапе ранней профилактики указанные технологии и сами могут становиться объектом охраны от преступных посягательств коррупционной направленности. В данном случае охране и защите подлежит содержательная часть информационных технологий – базы данных, массивы аналитики, реестры, и т.п. При этом стоит заметить, что охране подлежит не любая информация, а как представляется, только охраняемая законом.

Иными словами, *охраняемая законом информация ограниченного доступа* является одним из основных объектов антикоррупционной защиты, поскольку именно информация подлежит в первую очередь различным манипуляциям, которые приводят к разного рода преступлениям, в том числе и коррупционной направленности.

При определении критериев указанного объекта антикоррупционной защиты следует обратить внимание, что это сведения, на которые распространяется режим ограниченного доступа. Такой режим возникает в случаях, когда владелец информации предпринял действия по ее защите (например, установил пароль); и при этом сама информация подпадает под сведения ограниченного доступа, режим оборота которых регулируется каким-либо федеральным законом. Вместе с тем информация может быть и не ограничена от доступа, но на нее может распространяться запрет на копирование и модификацию (Repetskaia, Rodivilin, 2021).

Наиболее известным информационным блоком, подпадающим под сведения ограниченного доступа, являются, например, персональные данные, которые охраняются специальным Федеральным законом «О персональных данных» № 152-ФЗ, принятым еще в 2006 г. Кроме того, существует значительное количество других массивов информации, связанной с различного рода тайнами (государственной, банковской, врачебной и т.п.), которые охраняются федеральным законодательством и могут быть предметом, в частности, коррупционных преступлений. Именно такая информация

может выступать одним из объектов антикоррупционной охраны и защиты.

Однако помимо защиты информационного ресурса от коррупционных посягательств необходимо еще и обеспечение прозрачности и корректности работы информационной технологической инфраструктуры, исключающей возможность скрытого манипулирования.

Речь идет о том, что современные информационные технологии, интегрируемые в процессы аналитики, принятия решений и управления, могут выступать в качестве инструмента, определяющего алгоритмы действий различных органов и организаций. Становясь неотъемлемой частью управленческих процедур, информационные технологии могут быть использованы для коррупционного манипулирования в интересах определенных групп или лиц.

Приведенный выше пример с использованием искусственного интеллекта в роли министра по закупкам правительства Албании как раз демонстрирует необходимость антикоррупционной защиты данной технологической системы, которая принимает решения на основе объективных критериев. Коррупционное влияние на команду обслуживания данной технологии (администраторов, операторов системы и т.п.) с целью изменения алгоритмов, программных кодов и баз данных может привести к принятию решений, предоставляющих приоритеты для отдельных субъектов, не имеющих для этого оснований. В этой связи сама технология становится объектом постоянной антикоррупционной защиты системы от несанкционированного вмешательства в ее работу.

Как и любое нововведение, применение цифровых (информационных) технологий в процессе противодействия коррупции может быть связано с определенными проблемами, прежде всего технического характера. Речь идет о разработке адекватного программного обеспечения работы информационных систем, в которых защита информации ограниченного доступа должна проходить несколько уровней контроля. Кроме того, такое программное обеспече-

ние не должно быть подвержено манипуляциям и злоупотреблениям со стороны пользователей и быть совместимым с имеющимися системами, содержащими информацию ограниченного доступа (охраняемую законом) (Repetskaya, Rodivilin, 2021).

Таким образом, можно утверждать, что антикоррупционная защита указанных объектов от коррупционных посягательств является самостоятельным направлением в противодействии коррупции в рамках ее ранней профилактики. Защита может осуществляться несколькими группами средств, среди которых можно назвать уголовно-правовые, технические, виктимологические меры.

Так, уголовно-правовые меры охраны указанных объектов заключаются в привлечении к уголовной ответственности виновных лиц за преступления в сфере обращения охраняемой законом информации (ст. 272, 273, 274 УК РФ) и совершенствовании их регламентации. Технические меры включают в себя среди прочих создание информационной базы данных о вредоносных компьютерных программах; соответствующее программное обеспечение работы информационной технологической инфраструктуры. Виктимологические меры направлены на повышение уровня информационной безопасности как массивов данных (их шифрование, использование сложных паролей), так и самих программ (Repetskaya, Rodivilin, 2021).

Обеспечение прозрачности и корректности работы информационно-технологической инфраструктуры позволит снизить возможности получения информации ограниченного доступа, ее копирования и модификации, а соответственно, снизить риски коррупционного поведения, связанного с ее использованием.

Для непосредственного предупреждения коррупционного поведения необходимо использовать современные информационные технологии, позволяющие осуществлять эффективный *антикоррупционный контроль*. Цифровизация антикоррупционного контроля заключается в создании единой вертикально интегрированной

цифровой платформы с соответствующим функционалом.

Одним из современных инструментов информационных технологий наиболее эффективным представляется использование технологии Big Data. Этот инструмент антикоррупционного контроля дает возможность объединить фрагментарные данные и получить общую картину системной коррупционной деятельности. Автоматизированный учет статистических данных позволяет отслеживать потенциальные конфликты интересов, динамические коррупционные риски и статистику коррупционных правонарушений с учетом полномочий государственного служащего.

Среди других инструментов цифровизации антикоррупционного контроля можно отметить уже действующие государственные информационные системы. Особенно хорошо зарекомендовала себя ГИС «Посейдон», созданная по указу Президента РФ в 2022 г. для обеспечения информационно-аналитической деятельности органов и организаций по противодействию коррупции. Она способна отслеживать и фиксировать все «цифровые следы» государственного служащего, что позволяет обнаруживать признаки как конфликтов интересов, так и коррупционных преступлений (Ageev, 2023; Shabaeva, Bushkova, 2025).

Среди других инструментов цифровизации антикоррупционного контроля можно назвать:

– централизованное обеспечение органам публичной власти доступа к сведениям, необходимым для антикоррупционной экспертизы (Указ Президента РФ от 25.04.2022 № 232);

– нейросетевое программирование для прогнозирования коррупционных рисков, которое позволяет на основе имеющихся сведений об экономических, финансовых, политических, социальных и культурных факторов сформировать «прогностическую матрицу», благодаря которой появляется реальная возможность определить коррупционные риски в зависимости от сроков,

прогнозов, региональных особенностей, субъектов правоотношений;

– создание ГИС для межведомственного взаимодействия при противодействии коррупции. Примером такой системы является федеральная государственная информационная система «Единая система межведомственного электронного взаимодействия», созданная согласно Постановлению Правительства РФ от 08.09.2010 № 697.

Еще одной современной технологией, которая широко применяется в других сферах, но может быть использована, в частности, для осуществления антикоррупционного контроля, является *технология распределенного реестра (блокчейн)*. Указанная технология представляет собой децентрализованную систему обработки и хранения данных, обеспечивающую их сохранность и достоверность благодаря своей блочной структуре, где каждый предыдущий блок с информацией включается в следующий без возможности изменения данных после соответствующей операции.

Информация о действиях пользователя открыта, что позволяет осуществлять антикоррупционный контроль. Вместе с тем особенности применения данной технологии позволяют использовать ее также и на этапах раннего предупреждения коррупции, поскольку она может применяться при регистрации сделок и контрактов (технология смарт-контракта) (Mokretsov, 2023); проведении различных видов голосования; при распределении средств и пожертвований, а также в системах учета и отчетности.

Так, при регистрации сделок и контрактов возможно получить надежную и прозрачную систему записи, которую трудно изменить или подделать; для обеспечения честного и прозрачного голосования минимизируется возможность подделки голосов; с использованием технологии блокчейн обеспечивается безопасность информации и надежности записи данных, связанных с финансовыми транзакциями, поставками, а также возможно ее применение в целях подтверждения данных о доходах и расходах юридического или физического лица.

Иными словами, эта технология позволяет обеспечить повышение безопасности транзакций и снижение затрат. Эффективность применения данной технологии в большей степени зависит от контекста, чем от самой технологии, которая может отслеживать деятельность публичных субъектов, оцифровывать услуги, оказываемые органами публичной власти и обеспечивать прозрачность и подотчетность их деятельности (Nazarenko, 2023).

Безусловно, в рамках непосредственного предупреждения информационные технологии могут применяться и при обнаружении, и пресечении коррупционной деятельности. Однако когда преступление уже совершено эти технологии играют скорее вспомогательную роль при привлечении лица к уголовной ответственности, тогда как на этапе ранней профилактики их применение выступает одним из базовых средств противодействия, поскольку позволяет минимизировать возможности возникновения самого коррупционного поведения с помощью использования современных цифровых и информационных технологических приемов и способов.

Заключение

В заключение следует заметить, что использование современных цифровых, информационных технологий в обеспечении антикоррупционной безопасности для защиты общества от коррупции в дальнейшем будет только расширяться. Это связано в первую очередь с цифровизацией самих общественных отношений, поэтому применение технических достижений в государственном управлении – это неизбежный процесс встраивания антикоррупционных технологий в управленческую, организационную, кадровую деятельность государственных органов, в лице отдельных субъектов при осуществлении ими должностных полномочий.

При этом необходимо понимать, что цифровые технологии не являются основным средством противодействия коррупции, скорее это техническая поддержка, облегчающая антикоррупционный контроль и минимизирующая технические (физиче-

ские) возможности осуществления коррупционного поведения. Приоритетом в антикоррупционной политике должна при этом оставаться гарантированность защиты персональных данных, частных прав, обеспечение цифровой безопасности личности.

В этой связи в антикоррупционной деятельности крайне важно соблюдение баланса при использовании цифровых технологий, которые в целом должны помогать в принятии решений человеком, а не заменять его.

Список литературы / References

Ageev V.N. Informacionnye tekhnologii kak sredstvo protivodejstviya korrupcii v Rossijskoj Federacii [Information Technologies as a Means of Countering Corruption in the Russian Federation]. In: *Nacional'naya bezopasnost' / nota bene [National Security/ nota bene]*, 2023, 6. 49–60. DOI 10.7256/2454–0668.2023.6.49–60.

Albania puts AI-created 'minister' in charge of public procurement. 2025. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2025/sep/11/albania-diella-ai-minister-public-procurement> (accessed 1 October 2025).

Chen S. Is China's corruption-busting AI system 'Zero Trust' being turned off for being too efficient, In *South China Morning Post*. 2019. Available at: <https://www.scmp.com/news/china/science/article/2184857/chinas-corruption-busting-ai-system-zero-trust-being-turned-being> (accessed 10 June 2021).

Damm I. A. Ob'ekt antikorrupcionnoj kriminologicheskoy bezopasnosti: osnovnye napravleniya issledovaniya [The Object of Anticorruption Criminological Security: Key Research Directions]. In: *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal [Russian Journal of Criminology]*, 2022, 16(5), 555–565. EDN ABQPJZ. DOI: 10.17150/2500–4255.2022.16(5).555–565.

Fazekas M., Toth I. J., King L. P. An Objective Corruption Risk Index Using Public Procurement Data. In: *European Journal of Criminal Policy and Research*, 2016, 22(3), 369–397.

Koncepciya sozdaniya i funkcionirovaniya nacional'noj sistemy upravleniya dannymi i plana mero-priyatij («dorozhnyuyu kartu») po sozdaniyu nacional'noj sistemy upravleniya dannymi na 2019–2021 gody [The concept of the creation and operation of the national data management system and the action plan («road map») on the creation of a national data management system for 2019–2021]. 2019. Available at: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 10 June 2021).

Krylova D. V., Maksimenko A. A. Ispol'zovanie iskusstvennogo intellekta v voprosakh vyyavleniya i protivodejstviya korrupcii: obzor mezhdunarodnogo opyta [The Use of Artificial Intelligence in Identifying and Countering Corruption: A Review of International Experience]. In: *Gosudarstvennoe upravlenie. Ehlektronnyj vestnik [Public Administration. Electronic Bulletin]*, 2021, 84. 241–255. DOI 10.24412/2070–1381–2021–84–241–255.

Kuzmin N. A. Perspektivy ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta v protivodejstvii korrupcii [Prospects for Using Artificial Intelligence in Countering Corruption]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2021, 3, 154–156. DOI 10.24412/2073–0454–2021–3–154–156.

Minbaleev A. V., Evsikov K. S. Anti-corruption information technologies. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2021, 14(11), 1674–1689. DOI: 10.17516/1997–1370–0849.

Mokretsov Yu. V. Sovershenstvovanie pravovogo rezhima protivodejstviya korrupcii primeneniem tekhnologii blokchejn [Improving the Legal Regime for Countering Corruption by Using Blockchain Technology]. In: *Zakon i pravo. [Legislation and Law]*, 2023, 3, 106–109. DOI 10.24412/2073–3313–2023–11–106–109.

Nazarenko G. V. Perspektivy ispol'zovaniya tekhnologii raspredelennogo reestra v predotvrashchenii korrupcii [Prospects for Using Distributed Registry Technology in Preventing Corruption]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and Pedagogical Sciences]*, 2023, 1(846), 92–98. DOI 10.52070/2500–3488_2023_1_846_92.

Repetskaya A.L. Sovremennyj rossijskij rynek uslug, zapreshchennykh v grazhdanskom oborote: kharakteristika i determinaciya [Contemporary Russian Market of Services Prohibited for Civilian Circulation: Characteristics and Determinants]. In: *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal [Russian Journal of Criminology]*, 2023, 17(2), 134–145. EDN: GFXAFV. DOI: 10.17150/2500–4255.2023.17(2).134–145.

Repetskaya A.L., Rodivilin I.P. Preduprezhdenie prestuplenij v sfere obrashcheniya okhranyaemoj zakonom informacii [Prevention of Crimes in the Field of Circulation of Legally Protected Information]. In: *Akademicheskij juridicheskij zhurnal [Academic Law Journal]*, 2021, 22(4), 352–360. DOI: 10.17150/1819–0928.2021.22(4).352–360.

Repetskaya A.L., Rodivilin I.P. *Ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe protivodejstvie prestupleniyam v sfere obrashcheniya okhranyaemoj zakonom informacii [Criminal Law and Criminological Counteraction to Crimes in the Field of Circulation of Legally Protected Information]*. Irkutsk: Baikal State University Publishing House, 2021. 178.

Santiso C. Here's how tech can help governments fight corruption. 2019. Available at: <https://www.weforum.org/agenda/2019/12/heres-how-tech-can-help-crack-down-on-corruption> (accessed 10 June 2021).

Shabaeva O. A., Bushkova A. V. Istoriya razvitiya pravovykh informacionnykh sistem v Rossii [History of the Development of Legal Information Systems in Russia]. In: *Sibirskij juridicheskij vestnik [Siberian Legal Bulletin]*, 2025, 2. 32–37. DOI 10.26516/2071–8136.2025.2.32.

Shamehina E. V., Gutnik S. I., Teplyashin P. V. Legal Problems of Unauthorized Access to Confidential Information Due to Corruption. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2025, 18(8), 1552–1562. EDN: FKZFIF.

EDN: TLTVSR
УДК 343.85

Anti-Corruption Rhetoric as a New Area of Scientific Research

Tatiana R. Rumyantseva*

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 26.03.2026, received in revised form 08.04.2026, accepted 08.04.2026

Abstract. The global spread of corruption and the constant complication of its forms necessitate the development of new interdisciplinary approaches to the analysis and prevention of this phenomenon. A specific feature of corruption is its predominantly verbal nature: corrupt interactions are initiated, developed and implemented mainly in the format of verbal communication. The fight against corruption also relies on linguistic means – legal norms, public statements, expert opinions, information and educational campaigns. The complex rhetorical organization of corruption and anti-corruption discourses makes their in-depth theoretical understanding necessary. Currently, related research fields are actively being formed: legal linguistics, linguistic expertise, political linguistics, theory of speech genres. At the same time, fundamental research on the rhetorical foundations of anti-corruption activities as an independent scientific field has not yet been conducted. In this context, the development of the theoretical foundations of anti-corruption rhetoric as an interdisciplinary scientific field seems promising. A primary description of the multidimensional manifestations of anti-corruption rhetoric, as well as its systemic and structural parameters, will make it possible to assess the research potential of this area and determine its place in the system of humanitarian knowledge.

Keywords: anti-corruption rhetoric, corruption discourse, rhetoric, legal linguistics, linguistic pragmatics, theory of speech genres, speech impact, anti-corruption communication.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Russian language. Languages of the peoples of Russia (philological sciences); Criminal law sciences (legal sciences).

Citation: Rumyantseva T. R. Anti-Corruption Rhetoric as a New Area of Scientific Research. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(4), 850–859. EDN: TLTVSR

Антикоррупционная риторика как новое направление научных исследований

Т.Р. Румянцева

*Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск*

Аннотация. Глобальное распространение коррупции и постоянное усложнение ее форм обуславливают необходимость выработки новых междисциплинарных подходов к анализу и профилактике данного явления. Специфической чертой коррупции выступает ее преимущественно вербальный характер: коррупционные взаимодействия инициируются, развиваются и реализуются главным образом в формате речевого общения. Противодействие коррупции также опирается на языковые средства – нормы законодательства, публичные заявления, экспертные заключения, информационные и просветительские кампании. Сложная риторическая организация коррупционного и антикоррупционного дискурсов делает необходимым их углубленное теоретическое осмысление. В настоящее время активно формируются смежные исследовательские области: юрислингвистика, лингвистическая экспертиза, политическая лингвистика, теория речевых жанров. Вместе с тем до сих пор не проводилось фундаментальных исследований риторических оснований антикоррупционной деятельности как самостоятельного научного направления. Перспективным в этом контексте представляется развитие теоретических основ антикоррупционной риторики как междисциплинарной научной области. Первичное описание многоаспектных проявлений антикоррупционной риторики, а также ее системно-структурных параметров позволит оценить исследовательский потенциал данного направления и определить его место в системе гуманитарного знания.

Ключевые слова: антикоррупционная риторика, коррупционный дискурс, риторика, юрислингвистика, лингвистическая прагматика, теория речевых жанров, речевое воздействие, антикоррупционная коммуникация.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки); 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Цитирование: Румянцева Т.Р. Антикоррупционная риторика как новое направление научных исследований. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(4), 850–859. EDN: TLTVSR

Введение в проблему исследования

В условиях глобализации коррупция превратилась в масштабную проблему, представляющую угрозу устойчивому развитию как отдельных государств, так и мирового сообщества в целом. В преамбуле Конвенции ООН против коррупции 2003 г. отмечается, что коррупция приобрела транснациональ-

ный характер и затрагивает общественную жизнь и экономику всех стран. Для ее эффективного предупреждения и пресечения требуется комплексный, всеобъемлющий и междисциплинарный подход (Ivanov, Khabrieva, Chikanchin et al., 2016).

Российская Федерация в относительно короткие сроки сформировала правовые и организационные основы националь-

ной системы противодействия коррупции. Принятие в 2008 г. Федерального закона «О противодействии коррупции» стало мощным стимулом для дальнейшего развития профильного законодательства и институционального оформления антикоррупционных органов и механизмов. Вместе с тем формирование государственной модели противодействия коррупции во многом опережало ее научно-теоретическую разработку (Damm, 2021b).

Ключевая проблема научного обеспечения системы противодействия коррупции заключается в отсутствии единой концептуально-методологической основы для анализа коммуникативных и риторических аспектов как коррупционной деятельности, так и мер по ее сдерживанию. Необходим поиск новых фундаментальных подходов, способных в рамках единой руководящей идеи обобщить и интегрировать уже накопленные межотраслевые научные результаты и практический опыт противодействия коррупции (Astaniin, 2012; Damm, 2021a; Nomokonov, 2016).

Вербальная природа коррупционной деятельности находит подтверждение в судебно-следственной практике: большая часть доказательств по делам антикоррупционной направленности представлена записями переговоров, перепиской в цифровых каналах и другими текстовыми свидетельствами (Карпов, 2018). Коррупционное взаимодействие реализуется через сложную цепочку речевых актов – от первоначального предложения до окончательного согласия, а его участники прибегают к специфическим риторическим стратегиям: эвфемизации, косвенной номинации, конспиративного кодирования для сокрытия противоправного содержания (Karimova, 2024; Viazigina, 2012). Такая риторическая организация коррупционного диалога устойчива, повторяется в разных делах и требует системного риторического описания.

Наряду с коррупционной коммуникацией риторического анализа требует и публичный антикоррупционный дискурс – президентские послания, парламентские

дебаты, правительственные программы, выполняющие функции легитимации власти, политической мобилизации и формирования общественного мнения (Lampropoulou, 2021; Skorobogatov & Krasnov, 2021; Starcev, 2019). Однако существующие исследования фиксируют преимущественно тематику и интенсивность антикоррупционных заявлений, но не раскрывают их убеждающий потенциал и коммуникативную действенность. Предлагаемая концепция восполняет эту лауну: риторический анализ позволяет оценить аргументативные стратегии и жанровые формы выступлений с точки зрения их соответствия задаче формирования устойчивого антикоррупционного сознания, а критический дискурс-анализ – обнаружить разрыв между декларируемыми намерениями и реальными коммуникативными эффектами, выявить случаи использования антикоррупционной риторики в целях политической легитимации без реального изменения коррупционных практик.

Третью сферу вербального антикоррупционного измерения образуют юридические тексты – нормативные правовые акты, законодательство, подзаконные акты, которые характеризуются специфическими риторическими особенностями: юриколингвистической определенностью, императивностью, системностью терминологии (Kabanov, 2014). Вместе с тем коррупциогенность нормативных правовых актов часто обуславливается их языковой формой: двусмысленными формулировками, оценочными категориями, неудачным словоупотреблением, порождающими пробелы в правовом регулировании, которыми и пользуются коррупционеры.

Концептологические основания исследования

Для конструирования теоретических моделей антикоррупционной риторики необходимо опираться на уже сложившийся комплекс риторических, лингвистических и дискурсивных подходов, обеспечивающих как методологическую, так и эмпирическую базу исследования. Классическая

риторика с ее триадой «этос – логос – пафос» и развитым аппаратом теории аргументации, риторической критики и концепции речевого воздействия позволяет анализировать убеждающий потенциал как коррупционной, так и антикоррупционной коммуникации, выявляя механизмы формирования доверия, рационального обоснования и эмоционального вовлечения адресата (Moskvin, 2022; Perel'man & Olbrekhts-Tyteka, 2025).

В рамках лингвистической прагматики теория речевых актов (Дж. Остин, Дж. Серл) задает инструменты для описания иллокутивного статуса коррупционных высказываний (просьба, требование, обещание, угроза) и условий их успешности, а также для анализа косвенной коммуникации, принципа кооперации Грайса (Grais, 1985; Ostin, 1999) и его нарушений в коррупционном диалоге. Теория речевых жанров М.М. Бахтина (Bakhtin, 1996; Kolmogorova & Kozachina, 2023) и ее современные интерпретации позволяют выделить и описать специфические жанры антикоррупционного дискурса – антикоррупционное законодательство, экспертное заключение лингвиста по коррупционным делам, публичное антикоррупционное выступление, просветительский антикоррупционный текст, тогда как критический дискурс-анализ (Fairclough, 1995; Van Dijk, 2008) фокусируется на отношениях власти, идеологии и манипуляции, проявляющихся в антикоррупционной риторике.

Юрислингвистика при этом концентрируется преимущественно на экспертной деятельности и интерпретации правовых норм, оставляя за пределами основного предмета риторические аспекты общественного воздействия, убеждения и формирования антикоррупционного сознания. Важным компонентом целостной теоретической базы выступают также политическая лингвистика и медиалингвистика, исследующие языковые механизмы политической коммуникации, медиатизацию антикоррупционной политики, содержательные особенности медиатекстов о коррупции и когнитивные матрицы ан-

тикоррупционного мышления (Baranov & Parshin, 1986; Chudinov, 2006); однако в их рамках антикоррупционная риторика, как правило, не выделяется в автономную область со специфическими целями, механизмами и коммуникативными эффектами.

Постановка проблемы

На основании обобщения накопленных междисциплинарных знаний антикоррупционная риторика как самостоятельное научное направление выполняет ряд взаимосвязанных функций: описательно-аналитическую (систематизация речевых механизмов коррупционного взаимодействия), оценочную (анализ убеждающего потенциала и коммуникативной эффективности антикоррупционного дискурса), проектировочную (разработка научно обоснованных моделей антикоррупционной коммуникации) и критическую (выявление случаев использования антикоррупционной риторики как инструмента политической манипуляции). Совокупность этих функций определяет содержательные области направлений научных изысканий, каждое из которых обладает собственным предметом и исследовательскими задачами.

Содержание антикоррупционной риторики охватывает три взаимосвязанные области.

Риторика коррупционной коммуникации обращается к устройству самого коррупционного взаимодействия: анализирует его речевую структуру, языковые средства эвфемизации и конспирации, прагматические условия успешности коррупционных речевых актов (предложение, просьба, согласие, обещание), а также типологию риторических тактик, применяемых участниками для кодирования противоправного содержания.

Риторика публичного антикоррупционного дискурса сосредоточена на изучении аргументативных стратегий и жанровых форм, в которых власть конструирует антикоррупционную повестку и формирует общественное восприятие проблемы. Предметом анализа выступают риторические топосы антикоррупционных обращений,

соотношение этоса, логоса и пафоса в официальных заявлениях, а также условия, при которых декларируемая антикоррупционная позиция приобретает или утрачивает убеждающую силу в глазах аудитории.

Риторика антикоррупционного просвещения и образования обращается к прикладному измерению направления: на основе выявленных риторических закономерностей она формулирует принципы конструирования убеждающих антикоррупционных сообщений, определяет жанровые и стилистические параметры антикоррупционного просветительского текста, а также разрабатывает педагогическую риторику антикоррупционного образования с учетом специфики различных целевых групп – государственных служащих, учащейся молодежи, широкой общественности.

Обсуждение

Риторика как наука имеет двухтысячелетнюю традицию. Зарожденная в античной Греции и Риме, она сложилась как дисциплина об искусстве убеждать: учение о способах эффективной речи, организации аргументации, правилах построения дискурса и психологического воздействия на адресата. Уже Аристотель различал общую риторику и ее прикладные отрасли – судебную, совещательную, торжественную, позднее названные родами риторики, заложив тем самым принцип дифференциации риторического знания по сферам применения (Aristotel', 2000). Современная риторика расширила этот перечень, выделив юридическую, политическую, педагогическую, деловую риторику, риторику науки и другие отраслевые направления (Moskvin, 2022; Rozhdestvenskii, 1997). Каждая из таких отраслей сохраняет общий категориальный аппарат риторики – триаду «этос – логос – пафос», разделы инвенции, диспозиции, элокуции, мемории, акции (Kliuev, 2001; Ippolitova, 2009), однако применяет его к специфическому коммуникативному контексту, формируя собственные теоретические задачи и исследовательские приоритеты. Антикоррупционная риторика

формируется по тому же принципу и при этом обладает собственным предметом и методологией, не сводимыми к смежным дисциплинам.

Антикоррупционная риторика вписывается в эту традицию как прикладная отрасль, выделяющаяся по специфике коммуникативной сферы – противодействия коррупции. Принцип подобного выделения хорошо известен риторике: подобно тому, как судебное красноречие отвечает на вопрос «что справедливо?», а политическое выступление – на вопрос «что полезно?», общая риторика описывает универсальные законы убеждения, тогда как прикладные отрасли изучают, как эти законы проявляются в конкретной деятельности с определенным объектом, аудиторией и практической задачей. С этих позиций антикоррупционная риторика выделяется на основании объекта исследования (коррупционная и антикоррупционная коммуникация), аудитории (представители публичного и частного секторов, гражданское общество) и практической задачи – повышения реальной эффективности речевого противодействия коррупции, а не только его декларативной демонстрации. Классический риторический аппарат при этом полностью сохраняет свою аналитическую силу: инвенция позволяет выявить аргументативный репертуар антикоррупционного дискурса и топосы, к которым обращается власть и гражданское общество; диспозиция – понять, какими композиционными и жанровыми принципами руководствуются антикоррупционные выступления; элокуция и акция – проанализировать, насколько языковое оформление и публичная подача речи соответствуют требованиям убедительности; мемория – выявить, какие образы, прецеденты и мнемонические формулы антикоррупционного дискурса фиксируются в коллективной памяти сообщества. В отличие от общей риторики, изучающей универсальные законы убеждения, антикоррупционная риторика сосредоточивается на феноменологии коммуникации в сфере правовой и этической нормативности, где ставки высоки, ауди-

тория гетерогенна и наличие манипуляции требует риторической идентификации и оценки.

Юрислингвистика исследует взаимосвязь языка и права, язык правовых актов и правовую коммуникацию, включая интерпретацию законов, экспертизу спорных текстов и анализ юридической терминологии (Baranov, 2025; Galashina, 2023; Golev & Matveeva, 2003). Антикрупционная риторика использует ее методический аппарат при анализе коррупционных текстов, но не ограничивается экспертной деятельностью. Для юрислингвистики центральны толкование и экспертиза, тогда как для антикрупционной риторики – убеждение и формирование антикрупционного сознания. Соответственно, в первой доминируют семантический и дискурсивный анализ, во второй – риторический анализ и теория аргументации; практический результат юрислингвистики – судебная экспертиза, антикрупционной риторики – разработка эффективных антикрупционных сообщений. Таким образом, юрислингвистика дает инструменты анализа коррупционных текстов, а антикрупционная риторика ориентирована на их критическое осмысление и конструирование антикрупционной коммуникации.

Лингвистическая прагматика изучает использование языка в контексте, отношения между знаками и их пользователями, речевые акты и коммуникативные стратегии (Arutiunova, 1985; Issers, 2024; Kornina, 2014). Антикрупционная риторика применяет методы прагматики для анализа коррупционной коммуникации, но фокусируется на специфическом предмете – антикрупционном воздействии. Если прагматика исследует механизмы речевого воздействия в целом, то антикрупционная риторика изучает применение этих механизмов в конкретной социально значимой сфере с целью выработки рекомендаций по повышению эффективности антикрупционной коммуникации.

Теория речевых жанров изучает типовые модели речевого взаимодействия, их устойчивые тематические, композици-

онные и стилистические характеристики. Антикрупционная риторика опирается на ее методы для типологизации коррупционной и антикрупционной коммуникации, однако переносит акцент с описания жанровых форм на анализ их убеждающего потенциала: какие жанровые решения делают антикрупционное сообщение более действенным и за счет каких риторических механизмов.

Политическая лингвистика исследует язык политики во всех его проявлениях, включая предвыборный дискурс, парламентские дебаты, политическую пропаганду (Sheigal, 2004; Skovorodnikov & Kornina, 2022). Антикрупционная проблематика является одной из тем политического дискурса, но не исчерпывает его содержания. Антикрупционная риторика выделяет антикрупционный дискурс как автономный объект исследования, выходящий за рамки политической сферы. Антикрупционная коммуникация осуществляется не только политиками, но и юристами, педагогами, журналистами, общественными активистами. Антикрупционное просвещение, образование, экспертиза не являются собственно политическими практиками, хотя и имеют политическое измерение.

Антикрупционная риторика как научная категория раскрывается в двух взаимосвязанных измерениях – теоретическом и прикладном. В теоретическом измерении она выступает объектом научного познания: исследование ее понятия, содержания, типологии и соотношения с иными категориями создает предпосылки для концептуального оформления самостоятельного исследовательского направления. В прикладном измерении антикрупционная риторика функционирует как минимум в четырех ролях. Во-первых, как характеристика коммуникативной практики – она позволяет оценить эффективность риторических стратегий конкретных антикрупционных кампаний, программ и выступлений с точки зрения их убеждающего воздействия и влияния на формирование антикрупционного сознания. Во-вторых, как нормативная модель – она обеспечивает

разработку риторических стандартов и рекомендаций для создания эффективных антикоррупционных сообщений в различных жанрах и сферах коммуникации. В-третьих, как инструмент критического анализа – она позволяет выявлять манипулятивные стратегии в публичном антикоррупционном дискурсе и исследовать идеологические функции антикоррупционной коммуникации. В-четвертых, как образовательная дисциплина она направлена на формирование антикоррупционной коммуникативной компетенции государственных и муниципальных служащих, педагогов, журналистов и общественных деятелей.

Будучи междисциплинарным направлением, антикоррупционная риторика интегрирует методологический арсенал нескольких научных областей, каждая из которых вносит самостоятельный вклад в ее исследовательскую программу. Риторический анализ позволяет выявить компоненты классической риторической модели (этнос, логос, пафос) в антикоррупционных сообщениях, реконструировать аргументативные структуры и описать топосы антикоррупционного дискурса. Критический дискурс-анализ нацелен на исследование отношений власти и идеологии, отраженных в антикоррупционной коммуникации, в частности, на выявление стратегий легитимации и делегитимации в публичном антикоррупционном дискурсе. Прагматический анализ включает определение иллюкативной силы коррупционных и антикоррупционных речевых актов, исследование условий их успешности, а также анализ имплицитных смыслов и presuppositions. Жанровый анализ охватывает типологизацию антикоррупционного дискурса и выявление тематических, композиционных и стилистических особенностей различных жанров антикоррупционной коммуникации. Семантический и когнитивный анализ направлен на исследование концептуальных метафор коррупции, фреймов и ментальных моделей антикоррупционного мышления, а также оценочных компонентов антикоррупционной лексики. Наконец, экспериментальные методы обеспечивают

эмпирическую проверку эффективности различных риторических стратегий антикоррупционного воздействия и измерение убеждающего потенциала антикоррупционных сообщений для различных целевых аудиторий.

Формирование антикоррупционной риторики как самостоятельного направления открывает широкие перспективы для научных исследований. В области риторики коррупционной коммуникации актуальна разработка типологии речевых стратегий и тактик участников коррупционного взаимодействия и построение модели риторических стадий коррупционной сделки – от инициации до реализации. Перспективным является и исследование эффективности антикоррупционной риторики: эмпирическая проверка воздействия различных риторических стратегий на формирование антикоррупционных установок, выявление факторов, влияющих на убедительность антикоррупционных сообщений, и разработка научно обоснованных моделей убеждающей антикоррупционной коммуникации для различных целевых аудиторий и каналов распространения. Отдельное направление составляет сравнительное изучение антикоррупционной риторики – межкультурный и межъязыковой анализ стратегий антикоррупционного дискурса в различных странах и правовых традициях, позволяющий выявить как универсальные механизмы риторического убеждения, так и культурно специфические модели антикоррупционной коммуникации.

Практическое значение антикоррупционной риторики заключается в том, что ее развитие способствует комплексному совершенствованию системы противодействия коррупции в различных сферах общественной жизни. В сфере законодательной деятельности риторический анализ нормативных правовых актов позволяет повысить их коммуникативную эффективность, предупредить коррупциогенность языковой формы и обеспечить ясность и убедительность антикоррупционных норм; в правоприменительной практике использование методов антикоррупцион-

ной риторики в судебной лингвистической экспертизе повышает убедительность экспертных заключений и улучшает качество аргументации по делам о коррупционных правонарушениях; в области государственного управления научно обоснованные риторические стратегии публичного антикоррупционного дискурса усиливают легитимность антикоррупционной политики и способствуют росту доверия общества к антикоррупционным институтам; в сфере образования и просвещения разработка эффективных моделей антикоррупционной коммуникации способствует формированию антикоррупционного правосознания и созданию в обществе устойчивой атмосферы неприятия коррупции.

Наконец, для гражданского общества овладение инструментами критического анализа антикоррупционной риторики позволяет выявлять манипулятивные стратегии, оценивать реальную эффективность антикоррупционных программ и полноценно участвовать в механизмах общественного контроля.

Заключение

Антикоррупционная риторика представляет собой перспективное междисциплинарное направление научных исследований, формирующееся на стыке риторики, юрислингвистики, лингвистической праг-

матики, теории речевых жанров, политической лингвистики и антикоррупционных наук. В отличие от смежных дисциплин, антикоррупционная риторика обладает специфическим предметом – исследованием речевого воздействия в сфере противодействия коррупции – и особой практической задачей – разработкой эффективных моделей убеждающей антикоррупционной коммуникации.

Вербальная природа коррупции и антикоррупционной деятельности, наличие развитой теоретической базы в смежных научных областях, накопленный опыт лингвистической экспертизы коррупционных текстов и анализа публичного антикоррупционного дискурса создают достаточные предпосылки для формирования антикоррупционной риторики как самостоятельного научного направления.

Первичное познание полиаспектных проявлений антикоррупционной риторики, а также ее системно-структурных характеристик позволяет оценить высокий научный и практический потенциал предлагаемого направления исследований. Дальнейшее развитие антикоррупционной риторики будет способствовать повышению эффективности противодействия коррупции, формированию антикоррупционного сознания общества и совершенствованию антикоррупционной коммуникативной практики.

Список литературы / References

- Aristotel'. *Ritorika [Rhetoric]* / per. s drevnegrech. i primech. O. P. Cybenko; pod red. O. A. Sycheva i I. V. Peskova. Moscow: Labirint, 2000. 224 p.
- Arutiunova N. D. Istoki, problemy i kategorii pragmatiki [Origins, problems and categories of pragmatics]. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 16. Lingvisticheskaia pragmatika [New in foreign linguistics. Issue 16. Linguistic pragmatics]*, Moscow: Progress, 1985, 3–42.
- Astanin V. V. *Antikorrupcionnaia politika Rossii. Kriminologicheskie aspekty [Anti-corruption policy of Russia. Criminological aspects]*. Moscow: Iuniti-Dana, 2012. 255 p.
- Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. In: *Sobranie sochinenii. T. 5 [Collected works. Vol. 5]*, Moscow: Russkie slovari, 1996, 159–206.
- Baranov A. N. *Lingvisticheskaia ekspertiza teksta: teoreticheskie osnovaniia i praktika [Linguistic examination of text: theoretical foundations and practice]*. Moscow: Flinta, 2025. 592 p.
- Baranov A. N., Parshin P. B. Iazykovye mekhanizmy variativnoi interpretacii deistvitel'nosti kak sredstvo vozdeistviia na soznanie [Linguistic mechanisms of variable interpretation of reality as a means of influencing consciousness]. In: *Rol' iazyka v sredstvakh massovoi kommunikacii [The role of language in mass communication media]*, Moscow: INION RAN, 1986, 100–143.

Viazigina N. V. Lingvisticheskaia ekspertiza po delam, sviazannym s korrupciej: problema provokacii vziatki [Linguistic examination in corruption cases: the problem of bribery provocation]. In: *Kommunikativistika v sovremennom mire: materialy III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferencii* [Communicativistics in the modern world: proceedings of the III International Scientific Conference], Barnaul, 2012, 190–193.

Galashina E. I. Lingvisticheskaia ekspertiza normativnykh pravovykh aktov kak sredstvo profilaktiki korruptsii [Linguistic examination of normative legal acts as a means of corruption prevention]. In: *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti* [Bulletin of Economic Security], 2020, 2, 147–152.

Galashina E. I. *Sudebnaia lingvisticheskaia ekspertiza: uchebnik* [Judicial linguistic examination: textbook]. Moscow: Prospekt, 2023. 424 p.

Golev N. D., Matveeva O. N. Iurilingvisticheskaia ekspertiza: na styke iazyka i prava [Legal-linguistic examination: at the intersection of language and law]. In: *Sibirskii filologicheskii zhurnal* [Siberian Philological Journal], 2003, 1, 35–49.

Grais P. Logika i rechevoe obshchenie [Logic and speech communication]. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 16* [New in foreign linguistics. Issue 16], Moscow: Progress, 1985, 217–237.

Damm I. A. Antikorrupcionnaia kriminologicheskaja bezopasnost' kak novoe napravlenie nauchnykh issledovanii [Anti-corruption criminological security as a new direction of scientific research]. In: *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* [All-Russian criminological journal], 2021a, 15(6), 734–743.

Damm I. A. Predposylki formirovaniya teorii antikorrupcionnoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii [Prerequisites for the formation of the theory of anti-corruption security of the Russian Federation]. In: *Journal of Siberian Federal University. Humanities*, 2021b, 14(11), 1690–1709.

Dement'ev V. V. *Teoriia rechevykh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow: Znack, 2010. 600 p.

Ippolitova N. A. *Ritorika: uchebnik* [Rhetoric: textbook]. Moscow: Prospekt, 2009. 448 p.

Issers O. S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. 9-e izd., dop. 2024. 320 p.

Kabanov P. A. Iuridiko-lingvisticheskaia neopredelennost' kak predmet antikorrupcionnoi ekspertizy normativnykh pravovykh aktov i proektov normativnykh pravovykh aktov [Legal-linguistic uncertainty as the subject of anti-corruption expertise of normative legal acts and draft normative legal acts]. In: *NB: Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniia* [NB: Administrative law and practice of administration], 2014, 3, 61–71.

Karimova T. S. Osobennosti lingvisticheskoi ekspertizy tekstov dialogov po antikorrupcionnym delam [Features of linguistic examination of dialogue texts in anti-corruption cases]. In: *Politseiskaia deiatel'nost'* [Police activity], 2024, 1, 57–69.

Karpov D. L. *Lingvisticheskaia ekspertiza teksta po antikorrupcionnym delam: uchebnoe posobie* [Linguistic examination of text in anti-corruption cases: study guide]. Iaroslavl': OOO «Akademiia 76», 2018. 80 p.

Kliuev E. V. *Ritorika (Inventciia. Dispozitciia. Elokutciia)* [Rhetoric (Invention. Disposition. Elocution)]. Moscow: PRIOR, 2001. 272 p.

Kolmogorova A. V., Kozachina A. V. Zhanr rechi v dinamike diskursa [Speech genre in the dynamics of discourse]. In: *Terra Linguistica*, 2023, 14(4), 79–94.

Kopnina G. A. *Rechevoe manipulirovanie: uchebnoe posobie* [Speech manipulation: study guide]. 4-e izd., ispr. Moscow: Flinta, 2014. 176 p.

Lampropoulou E. Liki Ianusa v antikorrupcionnoi ritorike v Grecii [Faces of Janus in anti-corruption rhetoric in Greece]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiia* [Bulletin of St. Petersburg University. Sociology], 2021, 14(3), 245–261.

Moskvin V. P. *Ritorika i teoriia argumentacii: uchebnik dlia vuzov* [Rhetoric and theory of argumentation: textbook for universities]. 3-e izd., pererab. i dop. Moscow: Iurait, 2022. 725 p.

Nomokonov V. A. Rossiiskaia politika v sfere protivodeistviia korruptsii: skoree korruptciogenna, chem optimal'na? [Russian policy in the field of anti-corruption: rather corruptionogenic than optimal?]. In: *Prestupnost', ugovolnaia politika, zakon: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Crime, criminal policy, law: proceedings of the All-Russian scientific-practical conference], Moscow, 2016, 314–320.

Ostin Dzh. Kak proizvodit' deistviia pri pomoshchi slov [How to do things with words]. In: *Izbrannoe [Selected works]*, Moscow: Ideia-Press, Dom intellektual'noi knigi, 1999. 13–135.

Perel'man Kh., Olbrekhts-Tyteka L. *Novaia ritorika: traktat ob argumentatsii [New rhetoric: treatise on argumentation]*. St. Petersburg: Aleteia, 2025. 710 p.

Protivodeistvie korruptsii: novye vyzovy: monografiia [Anti-corruption: new challenges: monograph] / [I. I. Ivanov, T. Ia. Khabrieva, Iu. A. Chikanchin et al.]; otv. red. T. Ia. Khabrieva; Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniia pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii. Moscow: Norma: INFRA-M, 2016. 432 p.

Rozhdestvenskii Iu. V. *Teoriia ritoriki [Theory of rhetoric]*. Moscow: Dobrosvet, 1997. 600 p.

Skorobogatov A. V., Krasnov A. V. Diskurs korruptsii v rossiiskom obshchestve [Corruption discourse in Russian society]. In: *Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovanii [Russian Journal of Legal Research]*, 2021, 15(4).

Skvorcova G. A. Antikorruptcionnyi diskurs [Anti-corruption discourse]. In: *Diskursologiya [Discourse Studies]*, 2016, 4, 34–41.

Skovorodnikov A. P., Koptina G. A. *Slovar' sovremennykh politicheskikh iarlykov: uchebnoe posobie [Dictionary of modern political labels: study guide]*. Krasnoiarsk: Sibirskii federal'nyi universitet, 2022.

Starcev I. Iu. Antikorruptcionnyi diskurs vysshikh organov gosudarstvennoi vlasti Rossiiskoi Federatsii: kolichestvennyi analiz [Anti-corruption discourse of the highest state authorities of the Russian Federation: quantitative analysis]. In: *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniia [Issues of State and Municipal Management]*, 2019, 3, 111–137.

Sheigal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse]*. Moscow: ITDGK «Gnozis», 2004. 324 p.

Chudinov A. P. *Politicheskaia lingvistika: uchebnoe posobie [Political linguistics: study guide]*. Moscow: Flinta, Nauka, 2006. 256 p.

Fairclough N. *Critical discourse analysis: The critical study of language*. London: Longman, 1995. 265 p.

Van Dijk T. A. *Discourse and power*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008. 320 p.

EDN: BBLQEW
УДК 343

Improving the Legal Regulation of the Search for Criminally Acquired Assets

Anna N. Starzhinskaya^{a, b*} and Vladimir A. Makarov^{a, c}

^a*Investigative Committee of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation*

^b*All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)
Moscow, Russian Federation*

^c*University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation*

Received 26.02.2026, received in revised form 02.03.2026, accepted 27.03.2026

Abstract. The successful recovery of stolen assets and compensation for damage caused by criminal acts requires a solid legislative framework with a wide range of tools in this area. Currently, the stages of the international search and seizure of criminal assets in criminal proceedings, as well as after the end of the investigation, have significant problems in regulation at the legislative level and are partially compensated only by the rules established by legal acts of departmental and interdepartmental levels. In this regard, the legislative consolidation of effective mechanisms for the search, seizure and seizure of corrupt proceeds after the end of the preliminary investigation, including after sending a criminal case to court, will eliminate the lack of an institutional framework and make up for the lack of the necessary capacity of competent authorities to search, recover and confiscate criminal assets. As part of the solution to these issues, this study uses the results of the work of the Investigative Committee of the Russian Federation on the return of assets from abroad, compensation for damage and measures to identify property in respect of which confiscation measures can be taken. In addition, international experience in the legal regulation of the search and recovery of assets obtained by criminal means has been taken into account.

Keywords: crime, fight against corruption, criminal policy, investigation of crimes, asset recovery, confiscation, criminal procedure legislation.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Criminal Law.

Citation: Starzhinskaya A. N., Makarov V. A. Improving the Legal Regulation of the Search for Criminally Acquired Assets. *In: J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(4), 860–868. EDN: BBLQEW

Совершенствование нормативно-правового регулирования поиска активов, добытых преступным путем

А.Н. Старжинская^{а, б}, В.А. Макаров^{а, в}

^аСледственный комитет Российской Федерации

Российская Федерация, Москва

^бВсероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

Российская Федерация, Москва

^вУниверситет прокуратуры Российской Федерации

Российская Федерация, Москва

Аннотация. Успешное возвращение похищенных активов и возмещение причиненного преступными действиями ущерба требует прочной законодательной базы с широким спектром инструментов в данной сфере. В настоящее время стадии международного розыска и ареста преступных активов в порядке уголовного судопроизводства, а также после окончания следствия имеют существенные проблемы в регламентации на законодательном уровне и частично восполняются лишь правилами, устанавливаемым правовыми актами ведомственного и межведомственного уровней. В этой связи законодательное закрепление эффективных механизмов поиска, ареста и изъятия коррупционных доходов после окончания предварительного следствия, в том числе после направления уголовного дела в суд, позволит устранить недостаточность институциональной базы и восполнить нехватку необходимого потенциала у компетентных органов по поиску, возврату и конфискации преступных активов. В рамках решения указанной проблематики в настоящем исследовании использованы результаты работы Следственного комитета Российской Федерации по возвращению активов из-за рубежа, возмещению ущерба и принятию мер к установлению имущества, в отношении которого могут быть приняты меры конфискации. Кроме того, учтен международный опыт нормативно-правового регулирования поиска и возврата активов, добытых преступным путем.

Ключевые слова: преступность, борьба с коррупцией, уголовная политика, расследование преступлений, возврат активов, конфискация, уголовно-процессуальное законодательство.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки); 5.1.4 Уголовно-правовые науки.

Цитирование: Старжинская А. Н., Макаров В. А. Совершенствование нормативно-правового регулирования поиска активов, добытых преступным путем. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(4), 860–868. EDN: BBLQEW

Введение

в проблему исследования

Освещение в средствах массовой информации задержаний чиновников федерального и регионального уровней, высших должностных лиц оборонного ведомства,

правоохранительных органов и судебной системы, придание огласке их материального состояния, явно не соответствующего уровню официальных доходов, сформировали в обществе гражданский запрос на обеспечение уголовно-правовой политикой государства

достижения социальной справедливости и реализации принципа «преступление не должно окупаться».

Безусловно, организованная преступность использует возможности коррумпированных должностных лиц для получения беспрепятственного доступа к бюджетным средствам и материальным ресурсам с целью их хищения и получения максимально возможного дохода от незаконной деятельности.

Анализ находящихся и расследованных в Следственном комитете Российской Федерации уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности позволяет сделать вывод, что наиболее подвержены коррупционным рисками сферы: правоприменительная (правоохранительная); образование и наука; здравоохранение и социальное обеспечение; жилищно-коммунальное хозяйство; эксплуатация транспорта, перевозок грузов и пассажиров; строительства, обеспечения жильем, проектирования зданий и сооружений. То есть наиболее чувствительные сферы – социальная, обеспечивающая поддержкой наиболее уязвимые группы населения, а также безопасности в различных отраслях, на чем строится защита национальных интересов.

В связи с этим согласимся с рядом авторов, указывающих на высокую потребность не просто в наказании и строгой ответственности, а в неотвратимости государственного реагирования на факт совершения преступления (Агуатов, 2019: 5).

При этом обострение международной обстановки и проведение специальной военной операции придают важнейшее значение обеспечению экономического, технологического и военного суверенитета государства, ключевыми составляющими которого видятся не только эффективное пресечение преступлений, привлечение виновных к уголовной ответственности, но и реальное возвращение похищенного имущества законным владельцам, бюджетная эффективность, возможность финансирования государственных социальных проектов за счет конфискованных в доход государства преступных активов и т.д.

Как следует из руководства по возврату активов для специалистов практиков, изданного в 2012 г. Всемирным Банком, по причине относительно низкого уровня возврата преступных доходов по сравнению с огромными цифрами, в которых оценивается размер криминальной экономики, большинство государств приняли меры по повышению эффективности усилий в области конфискации имущества, добытого преступным путем. Новые подходы предусматривали введение положений о конфискации вне уголовного производства; смягчение критериев доказанности; переложение бремени доказывания на обвиняемого и т.д. (Jean-Pierre Brun, Larissa Gray, Kevin Stevenson, Coive Scott, 2012).

Современное состояние отношений между Российской Федерацией и рядом стран в разрезе правоохранительного диалога в значительной мере обусловлено текущей геополитической ситуацией и носит выраженный негативный характер, что отражается на эффективности международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства.

Например, швейцарской стороной в 2025 г. отказано в исполнении запроса Следственного комитета Российской Федерации о правовой помощи, направленного в рамках уголовного дела, возбужденного по ч. 4 ст. 159 и ч. 4 ст. 160 УК РФ по факту растраты денежных средств кредитной организации, оказывающей банковские услуги, в особо крупных размерах и мошенничества, совершенного организованной группой и в особо крупном размере. В рамках международного поручения следствием запрошено наложение ареста на денежные средства обвиняемого, находящиеся на банковских счетах в Швейцарии. Основанием для отказа в исполнении запроса послужили решения Федерального суда по уголовным делам Швейцарии, в компетенции которого находится судебная оценка дел об оказании правовой помощи по уголовным делам. В решении суда изложена позиция, согласно которой независимо от конкретного случая запросы о правовой помощи Российской Федерации, представленные швейцарским

органам, впредь до дальнейших распоряжений должны быть отклонены.

Как отмечено К. К. Клевцовым, «правовая стагнация» определенного периода подчеркивает актуальность вопроса о подмене традиционного международного права «международным порядком, основанным на правилах», представляющих совокупность норм и принципов преимущественно неюридической природы (Klevtsov, 2024: 432). Приведенный пример отказа в международном сотрудничестве как раз и демонстрирует те самые правила, или так называемый либеральный международный порядок (Demidov, 2024: 199).

Постановка проблемы

Международный опыт нормативно-регулирующего вопросов производства по поиску активов и их конфискации свидетельствует о том, что большинство стран решительно настроены защищать экономику страны и права потерпевших от имущественных преступлений, концентрируясь на достижении стратегических целей, а не на необходимости соблюдения неизменности правовых механизмов.

В условиях глобального влияния цифровизации на структуру преступности и потребности в связи с этим в преобразовании правовых институтов необходимость определения центральной роли поиска преступных активов и их конфискации в деятельности по противодействию преступности способна сформировать новые гибкие и адаптируемые механизмы такой борьбы.

Проведенный в Следственном комитете Российской Федерации анализ результатов работы по противодействию преступности, в том числе организованной, связанной с выводом значительных активов за рубеж, определил нормативные дефициты в сфере уголовно-процессуального регулирования механизма поиска и возврата активов.

Нередко на фоне крайне длительных временных периодов исполнения запросов о правовой помощи компетентными органами иностранных государств, скованных ограниченными процессуальными сроками (ст. 6.1 УПК РФ), следователи вынуждены

завершать расследование направлением дела в суд, не дождавшись ответов по преступно добытому имуществу обвиняемых.

При этом процессуальный механизм продолжения работы по замораживанию, аресту и возвращению активов, в случае если ответ от компетентных органов иностранного государства об их установлении поступил после направления уголовного дела в суд, отсутствует.

По общим правилам производства следственных действий они могут выполняться только следователем, в производстве которого уголовное дело находится.

Кроме того, в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством в случае смерти лица, подлежащего привлечению к ответственности, уголовное дело прекращается. Зачастую в силу принятия такого процессуального решения становится невозможным продолжить поиск преступных доходов и конфисковать их. Например, имеют место ситуации, когда обвиняемые, находящиеся за границей, умерли, согласно представленным документам. Вопрос о судебной перспективе в таких случаях в части конфискации преступных доходов по действующему законодательству будет решен не в пользу потерпевшей стороны или государства.

Выход из указанной ситуации подсказывает опыт ряда стран, предусматривающих возможность посмертного осуждения в случае совершения конвенционных преступлений. В частности, это предусмотрено Законодательством Республики Беларусь. Представляется, что реальная или мнимая смерть не должны служить основанием для прекращения уголовного дела. Преступник должен быть признан судом преступником, а преступные доходы и приобретенное на них имущество конфисковано.

Однако сегодня ни существующая традиционная модель выделения уголовного дела, предусмотренная ст. 154 УПК РФ, ни иные доступные к реализации процессуальные инструменты не позволяют реализовать задачу по продолжению установления похищенного и подлежащего конфискации имущества после завершения

расследования основного уголовного дела и его направления в суд для рассмотрения по существу либо прекращению в связи со смертью подозреваемого.

В случае если отсутствует основание для выделения из основного уголовного дела материалов в отношении неустановленных сообщников либо новых эпизодов преступной деятельности, есть риск того, что вопрос с арестом обнаруженного за рубежом имущества останется без движения, так как не определено уполномоченное лицо на получение решения суда о наложении ареста имущества, направление с целью реализации такого решения суда запроса о правовой помощи.

Приведенный выше тезис о несовершенстве и неэффективности традиционных мер уголовного правосудия в части возврата активов и конфискации уже длительное время является предметом дискуссии в научном сообществе, участие в которой принимают и правоприменители (Starzhinskaya, 2023: 391). При этом, на наш взгляд, заслуживает внимания концепция о необходимости сосредоточения внимания не только на самом лице (*action in personam*), совершившем преступление, но и на активах (*action in rem*). (Zotova, Nikolaev, Feshina, 2020: 369).

Обсуждение

Как следует из тематического доклада, подготовленного в 2023 г. Секретариатом Группы по обзору хода осуществления Конвенции ООН против коррупции (Вена, Возобновленная четырнадцатая сессия), почти все государства располагают системами или механизмами для возвращения активов, однако соответствующие меры на нормативном, институциональном и оперативном уровнях существенно различаются¹.

Такие страны, как Швейцария, Соединенное Королевство и Соединенные Шта-

ты Америки, сделали возвращение активов приоритетом своей политики. Например, в Швейцарии проблематика длительного исполнения запросов о правовой помощи стала поводом для разработки и принятия в 2011 г. Федерального закона о реституции активов лиц, вовлеченных в политическую деятельность, полученных противозаконными средствами, который регулировал замораживание, конфискацию и реституцию таких активов².

Закон Великобритании от 2017 г. «О криминальных финансах» вводит понятие «богатство необъяснимого происхождения». Конфискация имущества, относящегося к обозначенной категории, может осуществляться государством без обвинительного приговора. Бремя доказывания законности источника происхождения имущества возлагается на собственника.

Кроме того, закон о доходах от преступной деятельности от 2002 г. Великобритании наделяет власти (Национальное агентство по борьбе с преступностью; Управление по борьбе с крупным мошенничеством; Налоговую службу Великобритании) широкими полномочиями по расследованию дел и взысканию активов, если подозревается, что такие активы связаны с преступной деятельностью. Так, указанными органами может быть конфисковано имущество от преступной деятельности как в соответствии с вынесением обвинительного приговора, так и без него.

Предложенная в рамках настоящего исследования концепция поиска активов полностью коррелирует с положениями Конвенции ООН против коррупции, а также позиции, изложенной в процедурах конфискации доходов от коррупции без вынесения обвинительного приговора в рамках уголовного производства, разработанной в ООН Межправительственной рабочей группой открытого состава по возвращению активов³.

¹ Материалы ООН. Тематический доклад, подготовленный Секретариатом Группы по обзору хода осуществления «Осуществление положений сквозного характера, содержащегося в главе II (Меры по принуждению коррупции) и главе V (Меры по возвращению активов) Конвенции Организации Объединенных Наций. Возобновленная четырнадцатая сессия.

² Закон о реституции незаконных активов. Available at: <https://www.news.admin.ch/en/nsb?id=37478> (accessed 29 January 2026).

³ Документ подготовлен в Вене (Австрия) 6–10 сентября 2021 года.

Например, в п. 24 обозначенного документа приводятся примеры опыта некоторых стран (например, Германия), когда конфискационное производство хоть и включено в систему уголовного судопроизводства, оно может носить автономный характер. Такой механизм подразумевает возбуждение производства в порядке уголовной юрисдикции, а также вынесение решения в отношении имущества фигуранта отдельно от обвинительного приговора.

Изучение опыта законодательного регулирования процедур поиска активов и их конфискации свидетельствует о существенном прогрессе в данной части в некоторых государствах СНГ, где система уголовно-процессуального законодательства по своей структуре близка к российской.

Например, в Республике Казахстан отдельная глава в Уголовно-процессуальном кодексе предусматривает порядок осуществления производства о конфискации имущества, полученного незаконным путем, до вынесения приговора (гл. 15 УПК Республики Казахстан).

При этом производство о конфискации имущества возбуждается отдельно на основании материалов, выделенных из уголовного дела о преступлении, послужившем основанием для конфискации (ст. 667 УПК Республики Казахстан).

Следователь по производству о конфискации устанавливает обстоятельства, подлежащие доказыванию, отдельно закрепленные в статье 668 УПК Республики Казахстан, в число которых входят:

- 1) принадлежность имущества подозреваемому, обвиняемому или третьему лицу;
- 2) связь имущества с преступлением, являющимся основанием для применения конфискации;
- 3) обстоятельства приобретения имущества третьим лицом либо дающие основание полагать, что имущество приобретено в результате правонарушения.

Следователем по производству о конфискации составляется заключение, которое направляется прокурору. В свою очередь, прокурор, обращается с ходатайством

о конфискации в суд, которому подсудно уголовное дело о преступлении, расследуемое органом уголовного преследования.

Федеральный закон от 03.07.2016 № 323 УПК РФ дополнен главой 55.1 «Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с признанием и принудительным исполнением приговора, постановления суда иностранного государства в части конфискации находящихся на территории Российской Федерации доходов, полученных преступным путем». В настоящее время Российская Федерация может принудительно исполнять решения и приговор иностранных судов в отношении лиц, имеющих доходы от преступлений, в том числе в части их конфискации на своей территории.

Такой подход положительно отмечен в рамках взаимной оценки ФАТФ Российской Федерации в 2019 г. (Критерий 38.1 к Рекомендации 38 Технического соответствия рекомендациям ФАТФ по итогам взаимной оценки Российской Федерации).

Вместе с тем, согласно рекомендательным мерам ФАТФ к Непосредственному результату 8 Отчета о взаимной оценке Российской Федерации, предложено принять дополнительные меры для возврата активов, выведенных за рубеж, а также изыскать дополнительные возможности для возврата активов.

В рамках проведения национальной оценки рисков в 2022 г. по результатам анализа уязвимостей в сфере правоприменительной деятельности также отмечено отсутствие правового механизма, устанавливающего порядок исполнения конфискации имущества, находящегося за рубежом, сложность исполнения запросов о правовой помощи и взаимодействии, длительность получения информации компетентными органами государств.

Изложенное свидетельствует о стратегической важности вопроса активизации на данном треке международного сотрудничества, а также о необходимости совершенствования национального законодательства в части регламентации порядка поиска и возврата преступных активов.

Реализовать обозначенную задачу возможно путем внесения изменений в уголовно-процессуальное законодательство, предусмотрев новый процессуальный порядок выделения уголовного дела о розыске и возврате преступно добытого имущества, а также иного имущества, в отношении которого возможно применение мер по конфискации.

Особый порядок производства по установлению и конфискации имущества может быть предусмотрен в новой главе 51.2 УПК РФ, регламентирующей производство поиска и возврата преступно добытого имущества, а также иного имущества, в отношении которого возможно применение мер конфискации.

В нормах данной главы должны быть определены обстоятельства, подлежащие доказыванию, к которым могут быть отнесены:

1) принадлежность имущества подозреваемому, обвиняемому или другому лицу (организации);

2) связь имущества с преступлением, являющимся основанием для применения конфискации;

3) обстоятельства приобретения имущества третьим лицом и условия передачи имущества, предусмотренные ч. 3 ст. 104.1 УК РФ.

Лицо, в отношении имущества которого выделено уголовное дело в целях поиска имущества, его представитель, защитник, гражданский ответчик, потерпевший, его представитель и гражданский истец должны быть допущены к участию в уголовном деле с момента его выделения для производства поиска и возврата преступно добытого имущества, а также иного имущества, в отношении которого возможно применение мер конфискации, что позволит соблюсти их права, которыми они наделены в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством.

По окончании предварительного следствия по выделенному уголовному делу предусмотреть возможность ознакомления с материалами уголовного дела перечисленных выше лиц по аналогии с уже име-

ющимся порядком в ст. 215–217 УПК РФ. После ознакомления в указанном порядке соответствующих участников уголовного судопроизводства следователь должен составить постановление о направлении уголовного дела в суд для применения мер конфискации и с материалами уголовного дела передать его прокурору, который по результатам изучения поступивших материалов должен принимает одно из следующих решений: 1) об утверждении постановления следователя и о направлении уголовного дела в суд для применения мер конфискации; 2) о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного расследования.

Отдельной регламентации подлежит стадия рассмотрения уголовного дела в суде по вопросу конфискации имущества. В случае же прекращения или оправдания по основному уголовному делу выделенное в целях установления похищенного имущества уголовное дело также подлежит прекращению по аналогичным основаниям.

Такой подход будет полностью соответствовать правовым позициям Конституционного суда Российской Федерации, отраженным в Определении от 11.11.2025 № 2916-О и Постановлении от 30.05.2025 № 25-П, а также позволит соблюсти принцип действия уголовно-процессуального закона в пространстве (ст. 2 УПК РФ), законности (ст. 7 УПК РФ) и состязательности сторон (ст. 15 УПК РФ); в полном объеме реализовать назначение уголовного судопроизводства в части защиты прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений (ст. 6, 6.1 УПК РФ).

Законодательное закрепление механизмов поиска, ареста и изъятия незаконных доходов после окончания предварительного следствия и направления в отношении обвиняемых дела в суд позволит устранить недостаточность институциональной базы и восполнить инструментарий компетентных органов по поиску, возврату и конфискации преступных активов.

Кроме того, в настоящее время наряду с приговором судьба арестованного имущества может быть разрешена только при

прекращении судом уголовного дела по не-реабилитирующим основаниям, при этом такое разъяснение не содержится в УПК РФ, а упоминается, например, в пункте 13 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.06.2018 № 17 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве».

Видится целесообразным внести соответствующие изменения в часть 9 статьи 115 и части 1, 3 статьи 104.1 УК РФ, предусмотрев возможность конфисковывать и обращать в собственность государства имущество не только на основании обвинительного приговора, но и в случаях, к примеру, направления в суд уголовного дела с постановлением о применении принудительной меры медицинского характера, прекращения уголовного дела или уголовного преследования по не-реабилитирующим основаниям и т.д. Такой подход будет отвечать назначению уголовного судопроизводства и позволит обеспечить защиту прав и законных интересов потерпевших от преступлений.

Заключение

Подводя итог, подчеркнем, что неотвратимость наказания за совершение коррупционных преступлений представляет собой ключевой инструмент обеспечения

общей и частной превенции. Вместе с тем показатели состояния коррупционной преступности свидетельствуют, что даже перспектива лишения свободы далеко не всегда является достаточным сдерживающим фактором.

Видим одну из задач антикоррупционной политики государства – создать, используя правовые инструменты, такие условия, чтобы коррупция была не выгодна, а соотношение цели и средств достижения для коррупционера несоразмерным. Риски наступления максимально тяжелых последствий от наказания и иных мер экономической репрессии в результате осуждения за совершенное коррупционное преступление должны стать одним из барьеров для криминализации в этой сфере.

Предлагаемые законодательные инициативы совершенствования системы уголовного правосудия позволят, на наш взгляд, обеспечить справедливость и общественную безопасность, а также будут способствовать устранению финансовых последствий от преступлений и снижению рецидива коррупционных деяний. Важным элементом предлагаемого механизма поиска активов и конфискации преступных доходов, повышающим эффективность этих мер, является практическая реальность его реализации, а не только нормативное закрепление.

Список литературы / References

Ariamov A. A., Kolivancev A. S., Kolivantseva M. A. *Konfiskacionnyj resurs antickorruptcionnoj politiki: komparativnyj analiz: khrestomatiynoe uchebnoe posobie [Confiscation resource of anti-corruption policy: comparative analysis: chrestomathic textbook]*. М., Izdatel'stvo "Iurlitinform", 2019. 320. ISBN 978–5–4396–1719–7. EDN XVUXID.

Demidov A. V. «Poriadok, osnovannyi na pravilakh», ili mezhdunarodnoe pravo? [“Rule-based order”, or international law?]. In: *Sistema nauchnykh tsennostei rossijskogo obshchestva: mezhdisciplinarnye issledovaniia: sbornik statei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferencii s mezhdunarodnym uchastiem [System of scientific values of Russian society: interdisciplinary research: collection of articles of the All-Russian scientific-practical conference with international participation]*. Ufa: ООО “Aeterna”, 2024. 199–209. EDN HFPFIE.

Zotova E. A., Nikolaev D. A., Feshina S. S. *Konfiskatsiia i vzykanie prestupnogo imushchestva: sovremennoe sostoianie Evropeiskogo Soiuza [Confiscation and recovery of criminal property: current state of the European Union]*. In: *Ekonomika: vchera, segodnia, zavtra [Economics: yesterday, today, tomorrow]*, 2020, 10(10–1), 369–377. DOI 10.34670/AR.2021.32.36.044. EDN VRXXZU.

Jean-Pierre Brun, Larissa Gray, Kevin Stevenson, Coive Scott. *Asset Recovery Guide for specialist practitioners*. Peo. Translated from English. Moscow, Alpina Publisher, 2012. 356.

Klevcov K.K. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v oblasti ugovnogo pravosudii: teoreticheskie i pravovye osnovy* [International cooperation in the field of criminal justice: theoretical and legal foundations]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia, 2024. 432.

Starzhinskaia A.N. Sovremennyj podkhod k rassledovaniu aktivov, poluchennykh v rezul'tate prestuplenii [Modern approach to investigating assets obtained as a result of crimes]. In: *Ugolovnyj process i kriminalistika: pravovye osnovy, teoriia, praktika, didaktika (k 75-letiiu so dnia rozhdeniia professora B. Ia. Gavrilova): sbornik nauchnykh statei po materialam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferencii* [Criminal procedure and criminalistics: legal foundations, theory, practice, didactics (to the 75th anniversary of the birth of Professor B. Ya. Gavrilov): collection of scientific articles based on the materials of the international scientific-practical conference]. M., 2023, 391–396.

EDN: FOZWLD
УДК 343.9

Computational (Algorithmic) Criminology: About the Development Prospects

Tatiana M. Sudakova*

*Baikal State University
Irkutsk, Russian Federation*

Received 05.03.2026, received in revised form 10.03.2026, accepted 27.03.2026

Abstract. The problem of methodology is currently an actively developed aspect of the study of modern crime features and trends in modern criminology and is directly related to the assessment of the role and significance of its computational, technological, and digital nature. In the context of the digital transformation of society, the principles and methods of traditional classical criminology, based on linear causality, retrospective statistics and ideas about the sustainability of social patterns, are largely losing their explanatory and predictive potential. The methodological approaches of criminology should act as a systematic set of those strategic initiatives and principles that make it possible to form adequate ways of measuring and evaluating modern crime in order to determine the actual degree of its social danger. The use of algorithms for predictive purposes is the essence and technological basis of algorithmic criminology. Its development is associated with many critical assessments of both the methods themselves and their evaluation and recognition. Today, the creation of an accurate predictive model is one of the key components of predictive policing as the main mechanism of algorithmic criminology, which has been seriously developed in the theory of foreign criminology and is actively being implemented in the practice of law enforcement agencies and has received as serious criticism of the effectiveness and transparency of the models used, as well as an assessment of the ethical and legal principles of their application. The development of algorithmic criminology today is aimed at creating an accurate and reliable algorithmic model as an important stage in the effective fight against cybercrime, followed by an analysis of evidence of its effectiveness and the proportionality of risks and benefits. Recent research shows that criminology needs a deeper epistemological understanding of the scientific value of data-driven tools in order to further a serious discussion about their use.

Keywords: algorithmic criminology, computational criminology, predictive analytics, machine learning in criminology.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Criminal Law.

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: krime@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2613-1207

Citation: Sudakova T. M. Computational (Algorithmic) Criminology: About the Prospects of Development. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(4), 869–879. EDN: FOZWLD

Вычислительная (алгоритмическая) криминология: о перспективах развития

Т.М. Судакова

*Байкальский государственный университет
Российская Федерация, Иркутск*

Аннотация. Проблема методологии является сегодня активно разрабатываемым аспектом исследования современных особенностей преступности, тенденций современной криминологии и непосредственно взаимосвязана с оценкой роли и значимости ее вычислительно-технологического, цифрового характера. В условиях цифровой трансформации социума принципы и методы традиционной классической криминологии, опирающиеся на линейную причинность, ретроспективную статистику и представления об устойчивости социальных закономерностей, во многом утрачивают свой объяснительный и прогностический потенциал. Методологические подходы криминологии должны выступать в роли системной совокупности тех стратегических инициатив и принципов, которые позволяют сформировать адекватные изменяющейся криминальной реальности способы измерения и оценки современной преступности для определения фактической степени ее общественной опасности. Использование алгоритмов в предсказательных целях составляет сущность и технологический базис алгоритмической криминологии. Ее развитие связано со многими критическими оценками как самих методик, так их оценки и признания. Сегодня создание точной прогностической модели – одна из ключевых составляющих предиктивной полицейской деятельности как основного элемента алгоритмической криминологии. Она получила значительное развитие в теории зарубежной криминологии и активно внедряется в практику работы правоохранительных органов. Этот процесс ознаменован столь же серьезной критикой эффективности и прозрачности применяемых моделей, как и оценки этических и правовых принципов их применения. Развитие алгоритмической криминологии сегодня направлено на создание точной и надежной алгоритмической модели как важного этапа эффективной борьбы с киберпреступностью, с последующим анализом доказательств ее эффективности и соразмерности рисков и выгод. Исследования последних лет показывают, что криминология нуждается в более глубоком эпистемологическом понимании научной ценности инструментов, основанных на данных, чтобы вести дальнейшую серьезную дискуссию об их использовании.

Ключевые слова: алгоритмическая криминология, вычислительная криминология, прогнозная аналитика, машинное обучение в криминологии.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Цитирование: Судакова Т. М. Вычислительная (алгоритмическая) криминология: о перспективах развития. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(4), 869–879. EDN: FOZWLD

Введение

Современная преступность меняет свой облик, тенденции ее технологизации, цифровизации приобрели свойства закономерности как совокупности устойчивых повторяющихся характеристик. Эти процессы также активно формируют отклик теории и практики противодействия преступности, ее более опасным, интеллектуально-гибридным проявлениям. Преступность цифровизуется вместе с обществом, растет сложность и объем данных, анализ массивов которых требует внедрения ИИ и автоматизированного анализа, появляются новые по характеру криминальные угрозы, требующие симметричных ответов. В условиях цифровой трансформации социума принципы и методы традиционной классической криминологии, опирающиеся на линейную причинность, ретроспективную статистику и представления об устойчивости социальных закономерностей, во многом утрачивают свой объяснительный и прогностический потенциал. Вместе с тем современная динамика развития общества и преступности, рассматриваемая с позиций нелинейности, неустойчивости, настоятельно указывает на целесообразность и необходимость формирования нового типа научного знания со свойственным ему вероятностно-динамическим характером. Такой подход опосредуется через выявление вероятностных сценариев развития преступности и моделирование диапазона ее предполагаемых закономерностей и будущих тенденций. При этом знание о преступности формируется через вычислительные модели, применение симуляций и технологий машинного обучения как современных эпистемологических инструментов. Речь в данном случае о теории и прикладном характере современной вычислительной криминологии, ее алгоритмической и прогностической значимости.

Многоуровневый характер преступности, детерминированный множеством социально-психологических детерминантов с их сложными механизмами взаимосвязи, огромный поток информации и формирование столь же огромного ее

массива – больших данных (БД), позволили и настоятельно указали социологическим наукам, в том числе изучающим социально-правовое явление преступности, на целесообразность и необходимость заимствования для исследований новых технологических инструментов. Этот факт обусловил, в свою очередь, формирование эпистемологического сдвига научного знания в данной сфере от описательного и объяснительного к прогностическо-интерпретативному и рефлексивному.

Теоретические обоснования

Проблема методологии является сегодня активно разрабатываемым аспектом исследования современных особенностей преступности, тенденций современной криминологии и непосредственно взаимосвязана с оценкой роли и значимости ее вычислительно-технологического, цифрового характера. Важнейший аспект этой проблемы заключается в том, что методологические подходы криминологии должны выступать в роли системной совокупности тех стратегических инициатив и принципов, которые позволяют сформировать адекватные изменяющейся криминальной реальности способы измерения и оценки современной преступности для определения фактической степени ее общественной опасности. И с помощью методологически и методически обеспеченных технологий и инструментов предугадывать будущие риски как основы разработки и реализации адекватных, научно обоснованных и разнонаправленных мер противодействия преступному поведению.

Сегодня данная методология отражает не просто технический прогресс, а смену самой парадигмы – от пассивного ретроспективного учета динамики и иных проявлений преступности к активному ее прогнозированию и моделированию с использованием прогрессивных алгоритмов и больших данных. Современная алгоритмическая криминология базируется на использовании инструментов машинного обучения и иных механизмов ИИ для разработки и реализации предиктивного

анализа. Это основной элемент механизма ее существования и развития. С момента интенсивного проникновения ИИ в методологию и методику криминологических исследований зарубежная теория и практика предиктивной (прогнозной) аналитики на основе больших данных, а также риски, связанные с концентрацией данных в руках полиции и алгоритмической предвзятостью, стали развиваться стремительно, чего нельзя сказать о российской криминологии. Столь же стремительно сформировалась целая доктрина об эффективности таких инструментов в противодействии преступности, ее отдельным формам и видам. Сегодня теория рискологии является активно развивающейся междисциплинарной доктриной, появившейся как естественный отклик на процессы неопределенности, нелинейности, сложности развития общественных процессов. Век технологизации, смена технологических укладов, стремительно меняющихся важнейших сфер общественного устройства актуализировали и потребовали адекватного ответа от социальных наук к выработке и прогнозной оценке тех рисков, которые предопределяют тенденции будущего. Появление вычислительных социальных наук и развитие вычислительной криминологии, таким образом, выступили естественной реакцией на эти стремительно развивающиеся и также стремительно меняющиеся процессы.

Термин «вычислительная криминология», или «алгоритмическая», прочно вошел в научный оборот относительно недавно, отражая сдвиг в методологии изучения преступности от простой автоматизации знаний к сложным методам анализа данных. Результаты моделирования криминологических явлений, к примеру краж с проникновением в жилище либо иное помещение путем применения методов агентного моделирования, и сравнение полученных результатов с выводами, полученными в результате применения традиционных методов, более десятилетия назад уже отражали определенную эффективность такого рода инструментов (Birks, Townsley, Stewart, 2012).

В российской доктрине алгоритмическая криминология описывается как относительно новое направление исследований, базирующееся на использовании алгоритмов, больших данных и ИИ для прогнозирования преступности. В работах российских криминологов упоминается о первом отечественном опыте прогностической криминологии XXI века и о мониторинге, прогнозировании и планировании предупреждения цифровой преступности, что невозможно без осмысления алгоритмических методов и методологии. Ее разработчики говорят о необходимости особого подхода при проведении мониторинга криминальной ситуации к использованию технологий больших данных, целесообразности создания удобного концептуального инструмента для разработки прогностического инструментария.

О цифровой криминологии в России сказано сегодня достаточно много. В целом разработчики солидарны во мнении, что цифровая криминология, изучающая преступность в условиях цифровой трансформации, а именно киберпреступления, использование криптовалют, влияние новых технологий на криминогенную мотивацию и механизмы ее реализации, это, по существу, адаптация классической криминологии к реалиям цифрового мира. И отношение цифровой криминологии к методологии и методике вычислительного измерения заключается в констатации наличия в ее методологическом аппарате *инструментария, базирующегося на определенной области междисциплинарных исследований*. Междисциплинарность «нового качества» заключается в формировании эффективных инструментов, методов и принципов методологического подхода к прогнозированию и последующему управлению преступностью на стыке прикладной математики, статистики и информатики, ориентированной на использование алгоритмов машинного обучения, моделирования и анализа больших данных (Iskhuk, Pinkevich, Smolyaninov, 2021). Возникает вполне закономерный вопрос об интеграции «вычислительного знания» и вы-

числительного мышления в русло и «тело» криминологического знания. Российская криминология обсуждает переход к вычислительной криминологии и использованию больших данных для измерения и прогнозирования организованной преступности, критикуя традиционную статистику за искажения и подчеркивая необходимость интеграции разрозненных массивов данных и развития программного обеспечения для «цифровой криминологической обстановки». В то же время отмечается низкий уровень оцифровки и неинтегрированность баз данных правоохранительных органов. Обзор применения вычислительных инструментов показывает, что в российской действительности государственные структуры выступают основным участником реализуемых сегодня программ с применением машинного обучения и иных форм ИИ. Системы «Безопасный город», автоматизированные системы МВД и т.д. реализуются в системе деятельности правоохранительных органов. При этом ключевым методологическим ограничением, обсуждаемым в литературе, является качество и доступность криминологической информации. Ученые указывают на проблемы производства и оборота криминологической информации, что в контексте алгоритмической криминологии создает проблемы формирования исходных данных (Pudovochkin, Babayev, 2021).

Алгоритмическая вычислительная криминология знаменует собой, таким образом, качественный парадигмальный сдвиг от объяснения преступности к ее прогнозированию, от ретроспективного описания криминальных процессов к вероятностному прогнозированию будущих событий. За рубежом этот переход сопровождается мощным развитием технологий машинного обучения и столь же мощной волной критики, направленной на защиту гражданских прав от «тирании данных». В России методология находится на этапе институционализации, двигаясь от традиционной статистики к сложным аналитическим комплексам. Главными вызовами для российской действительности являются

преодоление разрыва между количеством данных и их качеством (проблема латентности и искажения отчетности) и формирование правовой базы, способной обеспечить баланс между эффективностью борьбы с преступностью и защитой конституционных прав граждан.

Постановка проблемы

Обращение к понятийному анализу вычислительной, или, как принято ее называть в доктрине, алгоритмической криминологии в российской и зарубежной школе, позволило сформировать ряд ее существенных особенностей и характерных признаков. Традиционно основоположником терминологии и самих основ алгоритмической криминологии считается Ричард Берк, определяющий алгоритмическую вычислительную криминологию (*Algorithmic Computational Criminology*) как междисциплинарное направление, находящееся на стыке компьютерных наук, прикладной математики и криминологии и использующее древовидные методы машинного обучения для прогнозирования криминального поведения (Berk, 2013). При этом автор отличает вычислительную и алгоритмическую криминологию по используемым инструментам такого анализа, делая акцент на изначальном фокусировании первого ее вида на компьютерно-интенсивном моделировании преступного поведения для объяснения механизмов преступности на его прогнозирование методами машинного обучения. Этот подход автора отражает, по сути, его отношение к этапам развития вычислительной криминологии, которым, в свою очередь, имманентно присущи те технологические новации, которые внедряются в социум вследствие его повсеместной цифровизации. Для алгоритмической криминологии важнейшим посылом выступает принятие так называемого черного ящика (*black box*), смысл которого заключается в отношении к получаемым результатам. А именно – исследователь фокусируется на точности прогноза, не делая акцент на причинном объяснении получа-

емых выводов. Теория «черного ящика» получила стремительное развитие в зарубежной криминологии, используется очень активно, в том числе с серьезным прикладным акцентом на основные инструменты алгоритмической криминологии.

Более широкий контекст понимания алгоритмической криминологии отражает ее понимание как части феномена «алгоритмического управления» (*algorithmic governance*) в сфере правоохранительной деятельности и организации борьбы с преступностью, где *data-driven* технологии и прогностические алгоритмы (от распознавания лиц до генеративного ИИ) перекраивают культуру работы правоохранительных органов. Исследования данных авторов посвящены проблемам критического анализа трансформации культуры и практики работы правоохранительных органов под влиянием процессов внедрения технологий прогнозирования, систем видеонаблюдения и ИИ в рамках мирового сообщества. Это дискуссии о роли ИИ и БД в современных системах контроля и безопасности, представляющие не просто описательный характер, а критическое осмысление лежащих в их основе идеологий, таких, к примеру, как технорешения с социальными последствиями их распространения (Kuldova, Gundhus & Wathne, 2024).

Такой подход к оценке алгоритмической криминологии предполагает некую формализацию с использованием вычислительного языка в теории криминологии и практике реализации мер противодействия преступному поведению выявления скрытых закономерностей, оценки управленческих и правоохранительных решений в сфере контроля над цифровой преступностью и ее иными видами и формами. Вычислительная криминология не подменяет классическую теорию, а формирует некий метауровень анализа закономерностей преступности и других системообразующих элементов ее предмета, позволяющий тестировать криминологические гипотезы *in silico*, т.е. путем создания модели такого исследования. Для таких исследований истина понимается как операциональная адек-

ватность модели, а не как ее описательная полнота.

Анализ методологических особенностей алгоритмической криминологии базируется на тех технологических подходах, которые составляют ее суть. Она основана на использовании агент-ориентированного моделирования, сетевого анализа, машинного обучения и ИИ, симуляций сценариев преступности.

Иными словами, алгоритмическая криминология представляет междисциплинарное направление криминологического знания, фокусирующее внимание на формализации, моделировании и вычислительном воспроизведении преступности как сложной социально-технической системы. Ее ключевыми признаками являются:

- отказ от казуального моделирования в пользу прогнозирования. Сложные регрессионные модели, используемые на более ранних этапах развития вычислительной криминологии, суть которых сводилась к ответу на вопрос «почему?», трансформировались в модели совместного распределения вероятностей с помощью алгоритмов для ответов на вопросы «кто, где и когда?»;

- опора на машинное обучение, где в качестве основного инструмента используются не регрессионные модели, а алгоритмы, способные самостоятельно выявлять скрытые структуры в больших данных (например, деревья классификации, случайный лес, стохастический градиентный бустинг;

- акцент на оценку рисков и классификацию как единый процесс предсказательного правосудия, где основной задачей математических моделей и компьютерных программ является не поиск преступников, уже совершивших преступление, а прогнозирование будущего поведения людей или событий путем их сортировки по группам и вычисления степени вероятности. Большинство моделей в этом случае – это задачи классификации: от оценки риска рецидива при УДО до оценки уровня опасности лица при принятии процессуальных решений. Классификация в данном случае предпола-

гает процесс отнесения объекта к определенной категории на основе его характеристик. Если классификация – это присвоение категории, то оценка риска – это вычисление числовой вероятности наступления нежелательного события (Hartmann, Wenzelburger, 2021);

- принятие «непрозрачности», т.е. проблема «черного ящика», предполагающая, что в отличие от классического подхода, алгоритмическая криминология не извиняется за сложность интерпретации модели, если модель демонстрирует высокую предсказательную способность на контрольных выборках;

- динамический характер, заключающийся в возможностях мониторинга в режиме реального времени (*live time*), что позволяет данной сфере научного прогнозирования отслеживать не только криминальные феномены, но и фоновые криминогенные явления по мере их трансформации.

Таким образом, алгоритмическая криминология – это использование больших данных, машинного обучения и искусственного интеллекта для анализа преступности, прогнозирования рисков и поддержки принятия решений в сфере уголовного правосудия. Алгоритмическая справедливость и «уголовное правосудие, основанное на данных» переосмысливают подход к получению знаний о преступности, смещая акцент с причинно-следственных связей на корреляции и статистический прогноз с обсуждением проблемы о целесообразности такого перехода криминологической теории.

Обсуждение

Использование алгоритмов в предсказательных целях составляет сущность и технологический базис алгоритмической криминологии. Ее развитие связано со многими критическими оценками как самих методик проведения исследований такого рода, так и оценки их признания. Идет ли в данном случае речь о единой устоявшейся автономной классической теории или о методологическом направлении, объединяющем вычислительное моделирование,

машинное обучение и большие данные для объяснения и прогнозирования преступности – вопрос, активно разрабатываемый и сегодня.

Структурно содержательные основы алгоритмической криминологии включают в себя несколько элементов. Это интенсивное компьютерное моделирование преступного поведения, в том числе агент-ориентированные модели, позволяющие «генерировать» и тестировать различные механизмы теории криминологии. Это алгоритмическая криминология в «узком» смысле, включающая применение методов машинного обучения для прогностических задач, и в широком смысле – компьютерные подходы и ИИ в криминологии и во всей системе уголовного правосудия, от прогнозирования рецидива до предиктивного полицейского патрулирования, использования программ сетевого анализа, компьютерного зрения и т.п.

Зарубежная методология алгоритмической криминологии, характерная прежде всего для США и стран Западной Европы, характеризуется высоким уровнем институционализации, развитым правовым механизмом и активным внедрением в практику работы правоохранительных органов. Западная методология при этом требует кардинальной смены отношения криминологов к появлению феномена генерации данных, где корреляция отодвигает на задний план теорию криминологии с ее акцентом на причинно-следственные зависимости. Алгоритмическая справедливость и «*data-driven criminal justice*» переформируют производство знания о преступности, смещая акцент с причинности к корреляциям и статистическому прогнозу. В этой связи, как подчеркивает Алеш Завершник, в теории активно обсуждается вопрос, должны ли криминологические модели опираться на причинные теории или допустимы «черные ящики» при критическом сопровождении человеком. В Европе также уже формируется активная критика «алгоритмического риска». Алгоритмическое правосудие в сфере уголовного судопроизводства размывает границы регули-

рования и может нарушать установленные уголовно-процессуальные нормы, трансформируя процесс получения знаний и потенциально нарушая установленные правила (Zawierczyk, 2019).

Проблема «черного ящика» сегодня в среде прогнозистов криминального поведения является одной из самых обсуждаемых. Акцент в этой проблематике уступает место активно разрабатываемым подходам к оценке эффективности таких методов и возможности их адаптации к получаемым выводам и их достоверности. Критическая рефлексия и правовые ограничения активно направлены в русло концепции «самонавязанной алгоритмической бездумности», представляющей перенос ответственности за принимаемые решения на алгоритм и его выводы, без субъективных оценок полученных алгоритмом выводов. Методология алгоритмической криминологии не обладает универсальностью, таким образом, как показывают современные исследования.

Обращение к опыту развития зарубежной алгоритмической криминологии последних нескольких лет показывает, что в нем отражен существенный поворот в развитии при изучении алгоритмических систем. Если первые работы в этой области были сфокусированы на технической эффективности прогнозов, то современные исследования сосредоточены на глубоких социальных, этических и юридических последствиях внедрения искусственного интеллекта в работу полиции и судов.

Вышло достаточно большое количество научных трудов, посвященных критическому осмыслению инструментов оценки рисков, к примеру, знаменитого COMPAS, используемых для прогнозирования вероятности рецидива среди подсудимых (Khosrowi, Basshuysen, 2024). Исследователи вводят и детально разрабатывают понятие перформативности применительно к криминологическим алгоритмам с полученными выводами о том, что алгоритмы не просто пассивно предсказывают будущее преступление, но могут активно его создавать. В этой связи предлагается новое требование к алгоритмам – «объ-

яснимость в контексте». Смысл этого тезиса заключается в том, что понимания, как устроена математическая модель, недостаточно для последующей оценки рисков. Необходимо знание о том, как она взаимодействует с социальными и институциональными условиями. Такой подход еще раз указывает на необходимость повышать планку требований к валидации инструментов: простого совпадения прогноза и реальности недостаточно, нужно выяснять причинно-следственные связи. Анализ системы прогнозирования преступлений (predictive policing) в сравнении с традиционной полицейской работой «по горячим точкам» (hot spots policing) на данных города Балтимор показал разработчикам, что ситуация с предвзятостью в предиктивной полицейской деятельности сложнее, чем предполагалось. Несмотря на то что предиктивная полицейская деятельность демонстрирует предвзятость из-за обратной связи, обнаружено, что традиционная альтернатива – патрулирование «горячих точек» – имеет схожие проблемы. В краткосрочной перспективе предиктивная полицейская деятельность оказалась более справедливой и точной, чем патрулирование «горячих точек», хотя она быстрее усиливала предвзятость, что указывает на потенциальную возможность ухудшения ситуации в долгосрочной перспективе. Авторы провели комплексное сравнительное имитационное исследование, посвященное справедливости и точности технологий предиктивной полицейской деятельности в Балтиморе, показывающее на примере г. Балтимора, что в некоторых случаях предвзятость этих систем проявлялась в чрезмерном патрулировании «белых» районов, в отличие от предыдущих исследований. В целом эта работа демонстрирует методологию оценки предиктивной полицейской деятельности в конкретном городе и сравнения поведенческих тенденций, показывая, как такое моделирование может выявить неравенство и долгосрочные тенденции (Semsar, Lakshmikanth Prabhu, Waters, Foulds, 2026).

Авторы, таким образом, пришли к выводу, что ситуация с предвзятостью алго-

ритмов сложнее, чем считалось ранее. Они подтвердили наличие порочных кругов обратной связи (алгоритм направляет полицию в район → там находят больше преступлений → данные подтверждают «опасность» района), и это ведет к усилению дискриминации. В краткосрочной перспективе алгоритмическое прогнозирование показало себя более справедливым и точным, чем традиционные методы, и оно же продемонстрировало более быстрое усиление предвзятости в долгосрочной перспективе. Вопреки ожиданиям, в Балтиморе системы склонялись к избыточному патрулированию белых районов, а не только меньшинств, что подчеркивает необходимость калибровки инструментов под локальный контекст исследования и реализации.

Исследования последних лет сводятся сегодня к выводам о том, что криминология нуждается в более глубоком эпистемологическом понимании научной ценности инструментов, основанных на данных, чтобы вести дальнейшую серьезную дискуссию об их использовании. Кроме того, наличие серьезных разногласий и опасений по поводу предиктивной полицейской деятельности, основанных на больших данных, доказательства ее эффективности нуждаются в дополнительной проверке с позиции их убедительности (Lee, Ben Bradford, Posch, 2022).

Эффективность использования инструментов для оценки рисков на основе алгоритмов (Risk Assessment Instrument, RAI) для прогнозирования риска насильственного рецидива после освобождения анализируется авторами в контексте использования инструмента RiskCanvi на основе машинного обучения, который применяется в Департаменте юстиции Каталонии, Испания. Авторами исследования, в частности, отработывалась гипотеза, что правоохранители смогут эффективнее определять риск рецидива, если им будет помогать предложенная система RAI. Авторы серьезного программного исследования пришли к выводу, что алгоритмическая поддержка систематически приводит к более точным прогнозам, однако смысл в использовании полностью автоматизированной системы

для оценки криминальных рисков отсутствует, но система может быть полезна для обучения, стандартизации, а также для уточнения или перепроверки прогнозов по особо сложным случаям. Прогноз с использованием RAI повышает эффективность работы при активном последующем участии профессионалов-аналитиков. Кроме того, RAI можно использовать для расширения профессиональных возможностей и развития навыков на протяжении всей последующей деятельности (Portela, Castillo, Tolan, Karimi-Naghighi, Andrés-Pueyo, 2022).

Большое количество работ сегодня посвящено разработке и анализу новых методов в рамках этических стандартов, встраивания технического анализа в нормативные рамки. Продолжается активная дискуссия о быстром прогрессе в глубоком обучении, стимулировавшем и значительный прогресс в интеграции компьютерного зрения и обработки естественного языка, особенно в области приложений для субтитров изображений. В своих исследованиях авторы представляют новые подходы, которые используют, к примеру, возможности субтитров изображений специально для обнаружения насилия, преобразующий видеоконтент в значимые текстовые описания, в отличие от традиционных методов компьютерного зрения для обнаружения насилия. Авторы полагают, что этот сдвиг обеспечивает новую парадигму анализа и классификации видео как многообещающую альтернативу традиционным методам обнаружения насилия, потенциально открывая путь для новых приложений в области безопасности, модерации контента и общественной безопасности. Это исследование не только продвигает область видеоанализа, но и подчеркивает универсальность технологий субтитров изображений в решении реальных проблем. Как сложная самостоятельная проблематика, она требует дальнейшего отдельного исследования (Bartausch, Zhurani, 2025).

Поиск баланса между точностью алгоритма и справедливостью и непредвзятостью, соответственно, показал, что алгоритмы – это не зеркало реальности,

а активные агенты, меняющие реальность. Это ставит под сомнение корректность всей предыдущей методологии валидации таких инструментов и демонстрирует, что техническое сообщество перешло от простого постулирования проблемы к сложному поиску компромиссов. Оказалось, что «менее предвзятый» алгоритм в краткосрочной перспективе может быть точнее человека, но его долгосрочные эффекты могут быть разрушительнее. В теоретической криминологии, таким образом, формируется критика «алгоритмического управления риском», показывающая, как big data меняют смысл риска. Исследования политики внедрения алгоритмов подчеркивают, что ключевые последствия зависят не только от технических свойств, но и от того, как алгоритмы встраиваются в локальные процедуры принятия решений и перераспределяют неопределенность: статистический прогноз заменяет прежнюю «фундаментальную неопределенность», что меняет логику ответственности и обоснования решений.

Выводы

Таким образом, алгоритмическая криминология перестает быть просто прикладной статистикой и превращается в поле интенсивного междисциплинарного диалога, где вопросы математической точности неразрывно связаны с вопросами адекватности применяемых алгоритмов, возмож-

ности и необходимости их внедрения в плоскость теории криминологии, понимания ею причинно-следственных зависимостей. Современная вычислительная криминология превратилась в самостоятельное междисциплинарное направление. Опираясь на мощь искусственного интеллекта и анализ больших данных, она направлена на прогнозирование рисков развития явлений и процессов, составляющих объект криминологического исследования. Наблюдается трансформация парадигмы, заключающаяся в переходе к «количественной криминологии» и вычислительным методам, позволяющим изучать преступность как сложную адаптивную систему в режиме реального времени. В теоретической криминологии формируется критика «алгоритмического управления риском», показывающая, как big data меняют смысл риска. Исследования политики внедрения алгоритмов подчеркивают, что ключевые последствия зависят не только от технических свойств, но и от того, как алгоритмы встраиваются в локальные процедуры принятия решений и перераспределяют неопределенность: статистический прогноз заменяет прежнюю «фундаментальную неопределенность», что меняет логику ответственности. Сегодня создание точной прогностической модели – одна из ключевых составляющих предиктивной полицейской деятельности.

Список литературы / References

- Berk R. A. Algorithmic criminology. In: *Security Informatics*. 2013, 2(1). DOI:10.1186/2190–8532–2–5.
- Bartausch K., Zhurani R. [Effective detection of violence using the CLIP model]. In: *Motahhir, S., Bossufl, B., Guerrero, J. M. (eds.) Digital Technologies and Applications. ICDT 2025. Lecture notes on Networks and Systems*, volume 1642. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978–3–032–07915–2_29.
- Birks D., Townsley M., Stewart A. Generative explanations of crime: using simulation to test criminological theory. In: *Criminology*, 2012, 50(1). 221–254. DOI. 10.1111/j.1745–9125.2011.00258.xDigital Object Identifier.
- Iskhuk Ya. G., Pinkevich T. V., Smolyaninov E. S. *Tsifrovaia kriminologiya: uchebnoe posobie [Digital Criminology: textbook]*. M., Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 24.
- Zawierczyk A. Algorithmic Justice: Algorithms and Big Data in the Criminal Justice System. In: *European Journal of Criminology*, 2019, 18, 623–642. DOI: 10.1177/1477370819876762.
- Kuldova T., Gundhus H., & Wathne C. T. (Eds.). *Policing and Intelligence in the Global Big Data Era, Volume I: New Global Perspectives on Algorithmic Governance*. Palgrave Macmillan. 2024. 400. DOI: 10.1007/978–3–031–68326–8.

Khosrowi D., & van Basshuysen P. Making a Murderer: How Risk Assessment Tools May Produce Rather Than Predict Criminal Behavior. In: *American Philosophical Quarterly*, 2024, 61(4), 309–325.

Portela M., Castillo C., Tolan S., Karimi-Haghighi M., and Andrés-Pueyo A. A comparative study of user predictions in the assessment of recidivism risk using algorithms. In: *Artificial Intelligence and Law*, 2022, 33, 471–517. DOI: 10.1007/s10506–024–09393-y.

Prikolotina Yu. Problemy i vozmozhnosti kriminologicheskikh issledovaniy v usloviyakh preobrazuiushchei realnosti [Problems and Opportunities of Criminological Research in a Changing Reality]. In: *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D. Ekonomicheskie i iuridicheskie nauki [Bulletin of Polotsk State University. Series D. Economic and Legal Sciences]*, 2022, 5, 21–124.

Pudovochkin Yu. E., Babaev M. M. Problemy proizvodstva i oborota kriminologicheskoi informatsii [Problems of Production and Circulation of Criminological Information]. In: *Rossiiskii deviantologicheskii zhurnal [Russian Deviantology Journal]*, 1(1), 137–150. DOI: 10.35750/2713–0622–2021–1–137–150.

Semsar S., Lakshmikanth Prabhu K. & Waters G., Foulds J. A Comparative Simulation Study of the Fairness and Accuracy of Predictive Policing Systems in Baltimore City. 2026, arXiv preprint arXiv: 2602.02566 DOI: arxiv.org/pdf/2602.02566v1.

Hartmann K., Wenzelburger G. Uncertainty, Risk, and the Use of Algorithms in Political Decision-Making: The Case of Criminal Justice in the United States. In: *Policy Sci*, 2021, 54, 269–287. DOI: 10.1007/s11077–020–09414-y.

Lee Y., Ben Bradford B. & Posch K. The Effectiveness of Predictive Policing Based on Big Data: A Systematic Review. In: *Journal of Justice Assessment*, 2022. DOI: 10.1080/24751979.2024.2371781.

EDN: FCNIQZ
УДК 343.35

Responsibility for Illicit Enrichment in the Kyrgyz Republic: Legislative Regulation Issues

Nazgul N. Sulaimanova* and **Cholpon N. Sulaimanova**

*Interstate Educational Organization
of Higher Education First President of Russia Boris Yeltsin
Kyrgyz-Russian Slavic University
Bishkek, Kyrgyz Republic*

Received 26.01.2026, received in revised form 26.02.2026, accepted 27.03.2026

Abstract. Corruption crimes are one of the threats to the national security of any State. The establishment of responsibility for these acts in national legislation is of great importance in the issue of combating corruption. The issue of the implementation of illicit enrichment in national legislation by the States parties to the UN Convention against Corruption remains relevant today and still causes a lot of discussion in the scientific community. The Kyrgyz Republic has provided for a provision on illicit enrichment in its criminal legislation, which reflects international anti-corruption standards enshrined in article 20 of the UN Convention against Corruption. This study examines the issue of legislative consolidation of illicit enrichment as a crime in the criminal legislation of the Kyrgyz Republic, as one of the mechanisms for combating corruption.

Keywords: corruption, corruption crimes, anti-corruption, UN Convention against Corruption, illicit enrichment, criminal liability, illegal income, the official.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Criminal Law.

Citation: Sulaimanova N.N., Sulaimanova Ch.N. Responsibility for Illicit Enrichment in the Kyrgyz Republic: Issues of Legislative Regulation. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(4), 880–887. EDN: FCNIQZ

Ответственность за незаконное обогащение в Кыргызской Республике: вопросы законодательной регламентации

Н.Н. Сулайманова, Ч.Н. Сулайманова

Межгосударственная образовательная организация высшего образования
«Кыргызско-Российский Славянский университет
имени первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина»
Кыргызская Республика, Бишкек

Аннотация. Коррупционные преступления являются одной из угроз национальной безопасности любого государства. Важное значение в вопросе противодействия коррупционным проявлениям отводится установлению ответственности за данные деяния в национальном законодательстве. Вопрос по имплементации незаконного обогащения в национальное законодательство государствами участниками Конвенции ООН против коррупции на сегодняшний день остается актуальным и до сих пор вызывает много дискуссий в научном сообществе. Кыргызская Республика предусмотрела в уголовном законодательстве норму о незаконном обогащении, что отражает международные антикоррупционные стандарты, закрепленные в статье 20 Конвенции ООН против коррупции. В данном исследовании рассмотрен вопрос законодательного закрепления незаконного обогащения в качестве состава преступления в уголовном законодательстве Кыргызской Республики как одного из механизмов борьбы с коррупционными проявлениями.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные преступления, противодействие коррупции, Конвенция ООН против коррупции, незаконное обогащение, уголовная ответственность, незаконные доходы, должностное лицо.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки); 5.1.4 Уголовно-правовые науки.

Цитирование: Сулайманова Н. Н., Сулайманова Ч. Н. Ответственность за незаконное обогащение в Кыргызской Республике: вопросы законодательной регламентации. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(4), 880–887. EDN: FCNIQZ

Введение

в проблему исследования

В главе 3 Конвенции ООН против коррупции от 2003 года (далее Конвенция) «Криминализация и правоохранительная деятельность» приводится перечень правонарушений, которые необходимо признать уголовно-наказуемыми в национальных законодательствах государств-участниц данной Конвенции.

Одним из таких коррупционных деяний среди перечисленных в Конвенции высту-

пает незаконное обогащение. Рекомендация о криминализации незаконного обогащения в национальных законодательствах стран, ратифицировавших Конвенцию, связана с тем, что незаконное обогащение препятствует стабильному экономическому развитию государств и способствует возникновению серьезных угроз, а также способствует подрыву демократических и этических ценностей, нанося вред их развитию.

Рассматривая данный аспект в своей работе, Н. В. Щедрин справедливо отмечает, что

«незаконное обогащение – опасное во всех отношениях явление, но особенно опасным оно становится, когда таким образом прирастает имущество публичных должностных лиц, которые определяют и обеспечивают вектор развития страны на всех уровнях и во всех сферах. Такие действия не только нарушают отношения справедливого распределения материальных благ в обществе, но и подрывают установленный в обществе порядок и авторитет публичной службы» (Shchedrin, 2018: 70).

Подчеркивая общественную опасность коррупции, а также важность принятия мер в вопросах противодействия коррупционным проявлениям, в Концепции национальной безопасности Кыргызской Республики, принятой в 2021 году отмечается, что: «коррупционные риски и схемы подвергаются постоянной трансформации. Появляются новые коррупционные зоны в отдельных органах системы государственного управления, что оказывает негативное воздействие на развитие государства и общества. Отдельные чиновники всех уровней по-прежнему используют свое должностное положение для извлечения личных выгод и преимуществ, а властные полномочия – для личного обогащения» (National Security Concept of the Kyrgyz Republic, 2021).

При этом, на наш взгляд, правильным является то, что в качестве одной из задач, поставленных для достижения целей в сфере противодействия коррупции, указывается на необходимость принятия мер по «совершенствованию методики определения уровня благосостояния лиц, занимающих государственные и муниципальные должности, с определением уровня жизни их семей для реализации системы сравнения уровня жизни с реальными доходами». Разработка и внедрение такой методики позволит на более ранней стадии проводить профилактические мероприятия по выявлению и предупреждению незаконного обогащения должностных лиц.

Методология

Методологическую основу настоящего исследования составляет совокупность общенаучных, специально-юридических

и междисциплинарных методов познания, применение которых обусловлено комплексным характером института ответственности за незаконное обогащение и особенностями его законодательной регламентации в Кыргызской Республике. В рамках общенаучных методов использованы анализ и синтез, позволившие выявить структуру правового регулирования ответственности за незаконное обогащение, установить внутреннее противоречие, пробелы в действующем законодательстве, а также определить соотношение данного института с иными мерами публично-правового воздействия. Ключевое значение в исследовании имеет формально-юридический метод, посредством которого осуществлен анализ норм уголовного, антикоррупционного законодательства в Кыргызской Республике, регулирующих вопросы незаконного обогащения. Данный метод позволил раскрыть юридико-технические особенности законодательных конструкций, оценить корректность использования терминологии, а также выявить проблемы правовой определенности и предсказуемости правового регулирования. В целях практической реализуемости нормативных положений применялся метод анализа правоприменительной практики, включающий изучение материалов судебных решений, официальных разъяснений, отражающих применение нормы об ответственности за незаконное обогащение. Дополнительно использовался системно-структурный метод, позволивший рассмотреть институт ответственности за незаконное обогащение как элемент целостной системы антикоррупционного законодательства, выявить его взаимосвязь с конституционными принципами, нормами уголовного права и механизмами финансового контроля. Применение указанных методов в их совокупности обеспечило комплексный и всесторонний анализ вопросов законодательной регламентации ответственности за незаконное обогащение в Кыргызской Республике, что позволило сформировать обоснованные научные выводы и предложения по совершенствованию правового регулирования.

Постановка проблемы

Незаконное обогащение, являясь одним из видов коррупционных преступлений, вызывает неоднозначную оценку в юридической доктрине в вопросе о признании его уголовно наказуемым деянием в национальном законодательстве в соответствии с нормой Конвенции.

Отдельные ученые, рассматривая вопрос невозможности криминализации незаконного обогащения в уголовном законодательстве, обосновывают это тем, что это противоречит основополагающим принципам права. Так, В. Михайлов отмечает следующее: «статья 20 Конвенции не включена в национальное законодательство многих государств, в связи с тем, что, во-первых, положения этой статьи не согласуются с презумпцией невиновности, и, во-вторых, ответственность за незаконное обогащение закреплена в законодательстве о налогах, трудовых отношениях и государственной службе» (Mikhailov, 2012: 118). И.В. Савельев считает, что «конструкция состава незаконного обогащения, в случае его введения в «полотно» уголовного закона, рискует сыграть роль дезорганизующего, чужеродного и противоречащего основным правовым принципам романо-германской правовой семьи элемента» (Saveliev, 2018). Анализируя позиции отдельных ученых о невозможности имплементации незаконного обогащения в ткань национального законодательства, большинство из них в качестве основного аргумента указывает на нарушение принципа презумпции невиновности и принципа вины.

В то же время сторонники криминализации незаконного обогащения отмечают, что «негативный тренд в динамике незаконного обогащения доказывает неэффективность применяемых в отношении таких деяний мер дисциплинарной и гражданско-правовой ответственности. Поэтому введение уголовной ответственности за незаконное обогащение не противоречит принципу достаточности мер принуждения. Итак, с позиции принципов криминализации общественно опасного поведения введение уголовной ответственности за не-

законное обогащение представляется обоснованным» (Burlakov, 2015).

Так, при рассмотрении вопроса о криминализации незаконного обогащения Н.В. Щедрин указывает на то, что «для достижения кумулятивного эффекта в противодействии незаконному обогащению могут и должны быть задействованы средства, предусмотренные в различных отраслях законодательства. ... Но движение к деликтолизации и криминализации незаконного обогащения будет происходить постепенно по мере формирования соответствующих предпосылок и создания необходимых ресурсов» (Shchedrin, 2018: 66, 68).

Сегодня институт незаконного обогащения криминализировали более пятидесяти государств мира, введя в свои национальные законодательства меру уголовной ответственности за данное правонарушение (Kobets, 2023: 114).

Вместе с тем незаконное обогащение нередко имеет очевидные для общества последствия, которые становятся заметны широкому кругу лиц, что, в свою очередь, способствует формированию у общества искаженного восприятия о системе государственной службы и деятельности государственных служащих. В Кыргызской Республике неоднократно подвергались общественной оценке факты наличия у отдельных государственных служащих и должностных лиц дорогостоящего движимого и недвижимого имущества, стоимость которого не соизмерима с их официальными доходами (24.kg News Portal, 2021).

Нет сомнений относительно того, что в том случае, когда расходы должностных лиц существенно превышают их доходы, можно говорить о том, что имеющиеся у них активы и собственность выступают индикатором конкретных коррупционных проявлений (Kobets, 2023: 119).

Следовательно, считаем, что установление уголовной ответственности за незаконное обогащение существенно повышает для коррупционеров риски привлечения к ответственности, даже в случаях недоказанности их участия в тех или иных конкретных кор-

рупционных действиях, а потому является действенным механизмом по сдерживанию совершения ими коррупционных деяний.

Включение рассматриваемого состава преступления в уголовное законодательство Кыргызской Республики произошло в рамках имплементации международно-правовых норм, отраженных в Конвенции ООН против коррупции от 10 декабря 2003 года, которую Кыргызская Республика ратифицировала Законом КР от 6 августа 2005 года № 128 (Law of the Kyrgyz Republic No. 128, 2005).

Как мы знаем, в соответствии с содержанием ст. 20 вышеназванной Конвенции: «при условии соблюдения своей Конституции и основополагающих принципов своей правовой системы каждое государство-участник рассматривает возможность принятия таких законодательных и других мер, какие могут потребоваться, с тем, чтобы признать в качестве уголовно наказуемого деяния, когда оно совершается умышленно, незаконное обогащение, т.е. значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать» (United Nations Convention against Corruption, 2003).

То есть при наличии существенных активов у публичных должностных лиц, превышающих их законный доход, правомерность появления которых должностное лицо не может обосновать.

Соответственно, преступное деяние, совершаемое в виде незаконного обогащения, включает в себя получение дохода, происхождение которого владелец не может объяснить, а также и фактическое владение собственностью и активами. В соответствии с этим конструирующими признаками состава преступного деяния являются следующие: субъектами преступления выступают государственные должностные лица, у которых в течение определенного периода времени существенно увеличиваются активы (движимое или недвижимое имущество), причем отсутствуют данные о возможности приобретения ими таких активов в соответствии с их официальными доходами.

Обсуждение

В 2012 году в Уголовный кодекс Кыргызской Республики (далее УК КР) была включена статья, устанавливающая ответственность за незаконное обогащение. Так, в соответствии со статьей 308–1 уголовная ответственность наступает в случае «значительного увеличения активов должностного лица, превышающего его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать» (Criminal Code of the Kyrgyz Republic No. 68, 1997). В примечании уточняется, что значительным увеличением активов в данной статье признается сумма денег, стоимость ценных бумаг, иного имущества или выгод имущественного или неимущественного характера, в три тысячи раз превышающая расчетный показатель, установленный законодательством Кыргызской Республики на момент совершения преступления.

Введение уголовной ответственности за незаконное обогащение несет положительную нагрузку на защиту общества от коррупционных проявлений.

Как мы видим, признаки объективной стороны незаконного обогащения, закрепленные в диспозиции ст. 308–1 УК КР, почти не отличались от положений статьи 20 Конвенции.

В Конвенции и в УК КР криминализация незаконного обогащения напрямую зависит от наступивших последствий – превышения фактических активов должностного лица над законными доходами. Однако в рассматриваемом международно-правовом акте не определено, в результате чего было достигнуто такое превышение.

В итоге получается, что в статье 20 Конвенции говорится об ответственности за преступление без указания на деяние, в ходе которого произошло увеличение активов должностного лица.

Таким образом, противоправность незаконного обогащения проявляется в том, что должностное лицо приобретает имущество, источник происхождения средств на которое не может объяснить либо не может обосновать законность наличия у него такой суммы денежных средств.

Включение в УК КР состава незаконного обогащения, в свою очередь, вызвало ряд вопросов как у научного сообщества, так и у правоприменителя, например, что понимать под фразой «не может разумным образом обосновать», и какой период времени будет учитываться при установлении «значительного увеличения активов должностного лица» – это время нахождения его на государственной службе или какой-то определенный период времени.

Как мы знаем, данная норма была предметом рассмотрения Конституционной палаты Верховного суда КР в 2014 году на предмет ее конституционности. Так, в решении Конституционной палаты отмечалось, что государственный служащий при поступлении на государственную службу добровольно принимает ограничения, с которыми связан приобретаемый им публично-правовой статус должностного лица, и выполняет соответствующие требования согласно установленной законом процедуре, что не влечет ограничения или нарушения конституционных прав этого гражданина. При этом обязанность должностного лица доказать значительное увеличение своих активов, превышающее его законные доходы, является частью его обязательств и осуществляется в рамках его служебной деятельности. Необходимость доказывания происхождения своих активов как обязанности государственного служащего вытекает из его другого обязательства – декларировать свои доходы, имущество и обязательства имущественного характера, цель которого – выявление и предупреждение коррупционных нарушений (Decision of the Constitutional Chamber of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic No. 35-г, 2014).

Наряду с тем, что данная норма была признана конституционной, Конституционной палатой Верховного суда КР было рекомендовано законодателю провести работу по уточнению диспозиции оспариваемой статьи и четко определить объективную сторону данного преступления.

Во исполнение решения Конституционной палаты Верховного суда КР со сторо-

ны законодателя была предпринята попытка уточнить признаки состава незаконного обогащения в уголовном законодательстве.

В рамках редакции УК КР от 2 февраля 2017 года диспозиция рассматриваемого состава преступления была сформулирована следующим образом: «Приобретение должностным лицом в собственность (пользование) имущества, стоимость которого превышает его официальные доходы, подтвержденные законными источниками за два полных года, или передача им такого имущества близким родственникам» (ч. 1 ст. 323 УК КР) (Criminal Code of the Kyrgyz Republic No. 19, 2017).

Таким образом, законодатель во исполнение решения Конституционной палаты Верховного суда КР уточнил признаки объективной стороны незаконного обогащения и установил такой критерий, как временные рамки, в течение которых учитываются официальные доходы должностного лица, подтвержденные законными источниками за два года по части 1 статьи и за пять лет по части 2 статьи. Также законодатель предусмотрел возможность наступления ответственности и в случае того, что приобретенное имущество может быть передано близким родственникам должностного лица. При этом отягчающим обстоятельством установлено, если эти деяния совершаются должностным лицом, занимающим ответственное положение.

Такая интерпретация состава незаконного обогащения в УК КР не противоречит содержанию статьи 20 Конвенции, где ключевым критерием выступает установление превышения фактических активов над законными активами. Таким образом, норма УК КР содержит уже более четкие критерии в конструировании ответственности за незаконное обогащение.

Соответственно, противоправность незаконного обогащения проявляется в том, что должностное лицо приобретает имущество, источник происхождения средств на которое оно было приобретено, лицо не может объяснить либо не может обосновать законность наличия у него такой суммы денежных средств.

В октябре 2021 года принимается новая редакция Уголовного кодекса КР и в норму, устанавливающую ответственность за незаконное обогащение, были внесены определенные изменения. В соответствии с частью 1 статьи 340 УК КР под незаконным обогащением понимается «приобретение должностным лицом в собственность (пользование) имущества за счет другого лица, полученного преступным путем и признанного незаконным, стоимость которого превышает его официальные доходы, подтвержденные законными источниками за последние два года работы» (Criminal Code of the Kyrgyz Republic No. 127, 2021).

Так, если прежняя редакция статьи определяла получение (приобретение) имущества за счет так называемого нетрудового дохода должностного лица, то есть полученного сверх заработной платы, и других законных источников, полученных за последние два года или пять лет, то в действующей редакции УК КР уже указывается на то, что, во-первых, имущество приобретено за счет другого лица; во-вторых, данное имущество получено преступным путем и, в-третьих, признанное незаконным. В связи с этим возникает ряд вопросов к признакам объективной стороны преступления.

На наш взгляд, формулировка деяния в составе незаконного обогащения не должна допускать необходимость установления факта приобретения имущества должностным лицом преступным путем и признание этого имущества незаконным. Считаем, что факт установления такого имущества приобретенным незаконным способом содержит признаки предикатного преступления, при этом для установления факта незаконного обогащения должностного лица нет необходимости усложнять процесс привлечения к ответственности путем доказывания незаконности приобретения им имущества, тем более устанавливать источник его обогащения, посредством которого он приобрел данное имущество.

В связи с этим считаем необходимым рассмотреть вопрос об исключении из признаков незаконного обогащения установле-

ние факта незаконного, преступного способа приобретения имущества должностным лицом, поскольку это усложнит процесс привлечения должностного лица к уголовной ответственности по данному составу преступления.

Заключение

По итогам проведенного исследования данного вопроса предлагается изложить часть 1 статьи 340 УК КР в следующей редакции:

Статья 340. Незаконное обогащение

1. Приобретение должностным лицом в собственность (пользование) имущества, стоимость которого превышает его официальные доходы, подтвержденные законными источниками за два полных года.

Практическая ценность установления уголовной ответственности за незаконное обогащение выражается в расширении возможностей правоохранительных органов по привлечению коррупционеров к уголовной ответственности в случаях, когда фиксация иных преступлений, в результате которых были получены должностным лицом незаконные активы, затруднена или невозможна.

Таким образом, становится очевидным, что законодательные меры по введению системы, которая бы ограничивала и устанавливала запреты для должностных лиц, направленные на противодействие коррупционной преступности вместе с механизмами по декларированию необходимых сведений, послужат серьезным ограничением, не позволяющим, чтобы должностные лица приобретали собственность и иные активы на средства, полученные в результате коррупционной деятельности.

Подводя итог, отметим, что незаконное обогащение, несомненно, выступает одним из проявлений коррупции. Установление законодателем Кыргызской Республики уголовной ответственности за незаконное обогащение соответствует международным обязательствам нашей страны в вопросах противодействия коррупции, в то же время необходимо принимать меры по дальнейшему совершенствованию национального

законодательства в данной сфере. Включение в УК КР такого состава преступления, как незаконное обогащение, выполняя меру профилактического воздействия, также является одним из сдерживающих факторов, что, в свою очередь, несет в целом положительную нагрузку на защиту общества от коррупционных проявлений.

Список литературы / References

24.kg News Portal. Deputat Zhogorku Kenesha Aliyarbek Abzhaliev podozrevaetsya v nezakonnom obogashchenii [Member of Parliament Aliyarbek Abzhaliev suspected of illicit enrichment]. 2021. Available at: https://24.kg/proisshestviya/185028_deputat_jogorku_kenesha_aliyarbek_abjaliev_podozrevaetsya_vnezakonnom_obogaschenii/ (accessed 24 January 2026).

24.kg News Portal. Sud'ya zaderzhan po delu o nezakonnom obogashchenii [Judge detained in an illicit enrichment case]. 2021. Available at: https://24.kg/proisshestviya/176674_kvartira_vVIP-gorodke_kottedj_zanezakonnoe_obogaschenie_zaderjan_sudya_vskr/ (accessed 24 January 2026).

24.kg News Portal. VIP-kvartiry, kottedzhi i mashiny: u sud'i vyyavleny neuchtennye aktivy [VIP apartments, cottages and cars: undisclosed assets found]. 2021. Available at: https://24.kg/obschestvo/179535_VIP-kvartiryi_kottedji_imashiny_esche_uodnoy_sudi_nashli_neuchtennye_bogatstva/ (accessed 24 January 2026).

Burlakov V.N. Kriminalizatsiya nezakonnogo obogashcheniya: teoreticheskaya model' sostava prestupleniya [Criminalization of illicit enrichment: a theoretical model of the corpus delicti]. *Criminological Journal of Baikal State University of Economics and Law*, 2015, 9(1), 12–19. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23134896> (accessed 24 January 2026).

Criminal Code of the Kyrgyz Republic No. 127 (2021, October 28). Available at: <https://cbd.minjust.gov.kg/112309/edition/14072/ru> (accessed 24 January 2026).

Criminal Code of the Kyrgyz Republic No. 19 (2017, February 2) (repealed pursuant to Law No. 126 of October 28, 2021). Available at: <https://cbd.minjust.gov.kg/111527/edition/1186183/ru> (accessed 24 January 2026).

Criminal Code of the Kyrgyz Republic No. 68 (1997, October 1) (repealed as of January 1, 2019). Available at: <https://cbd.minjust.gov.kg/3-10/edition/920090/ru> (accessed 24 January 2026).

Decision of the Constitutional Chamber of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic No. 35-r (2014, June 25). Available at: <https://cbd.minjust.gov.kg/9630/edition/932382/ru> (accessed 24 January 2026).

Kobets P.N. Zarubezhnyi opyt otvetstvennosti dolzhnostnykh lits za nezakonnoe obogashchenie kak effektivnaya mera bor'by s korruptsiei [Foreign experience of liability of public officials for illicit enrichment as an effective anti-corruption measure]. *Jurist-Pravoved*, 2023, 3(106), 114–120.

Law of the Kyrgyz Republic No. 128 (2005, August 6). Available at: <https://cbd.minjust.gov.kg/4-1653/edition/1026518/ru> (accessed 24 January 2026).

Mikhailov V. Stat'ya 20 Konventsii OON protiv korruptsii ob otvetstvennosti za nezakonnoe obogashchenie i vozmozhnye napravleniya otrazheniya ee idei v pravovoi sisteme Rossiiskoi Federatsii [Article 20 of the UN Convention against Corruption on liability for illicit enrichment and possible directions for implementation in the legal system of the Russian Federation]. *Criminal Law*, 2012, 2, 113–119.

National Security Concept of the Kyrgyz Republic (2021, December 20), approved by Presidential Decree No. 570. Available at: <https://cbd.minjust.gov.kg/430815/edition/1118046/ru> (accessed 24 January 2026).

Saveliev I. V. Konstruktsiya sostava nezakonnogo obogashcheniya kak inorodnyi element v ugovolno-pravovom organizme [The structure of illicit enrichment as an alien element in the criminal law system]. In: *Constitutional and Legal Regulation of Social Relations: Theory, Methodology, Practice* (Proceedings of the Scientific and Practical Conference). Voronezh, 2018, 224–230.

Shchedrin N. V. Problemy i perspektivy kriminalizatsii nezakonnogo obogashcheniya publichnykh dolzhnostnykh lits [Problems and prospects of criminalization of illicit enrichment of public officials]. *Property Relations in the Russian Federation*, 2018, 12, 62–75.

United Nations Convention against Corruption (2003, December 10). Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (accessed 24 January 2026).

EDN: VFSFIV
УДК 34

The Digital Profile of a Corrupt Official: Outlines of a New Research Paradigm in Russia and China

Artem M. Tsirin^{a*}, Vyacheslav V. Sevalnev^a
and Shao Zixuan^b

^a*Institute of Legislation and Comparative Law under the Government
of the Russian Federation*

Moscow, Russian Federation

^b*Independent researcher*

Shenzhen, People's Republic of China

Received 02.03.2026, received in revised form 05.03.2026, accepted 31.03.2026

Abstract. The article substantiates the need to form a new interdisciplinary approach to corruption prevention through the prism of the concept of the “digital profile of a corrupt official”, taking into account the legislation and law enforcement practice of the Russian Federation and the People’s Republic of China. In the context of the digital transformation of society, traditional methods of detecting corruption risks focused on documentary checks are proving to be insufficiently effective, while the use of artificial intelligence to conceal the criminal source of funds, including by disguising legitimate transactions and transactions, complicate the identification and seizure of corrupt proceeds. This situation is typical for both the domestic legal order and the legal space of China. The paper distinguishes between a forensic “portrait” (used “post factum”) and a predictive profile aimed at assessing corruption risks. Special attention is paid to the methodological challenges of digital profiling, as well as the ethical and legal dilemmas that arise during its construction and use, and ways to overcome the identified gaps are proposed.

Keywords: anti-corruption policy, digital profile, corruption, predictive analytics, big data, artificial intelligence, digital footprints, data ethics.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Administrative Law, Financial Law, Information Law.

Citation: Tsirin A. M., Sevalnev V. V., Shao Zixuan. The Digital Profile of a Corrupt Official: Outlines of a New Research Paradigm in Russia and China. In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(4), 888–898. EDN: VFSFIV

Цифровой профиль коррупционера: контуры новой исследовательской парадигмы в России и Китае

А.М. Цирин^а, В.В. Севальнев^а, Шао Цзысюань^б

^аИнститут законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
Российская Федерация, Москва

^бНезависимый исследователь
Китайская Народная Республика, Шэньчжэнь

Аннотация. В статье обосновывается необходимость формирования нового междисциплинарного подхода к профилактике коррупции через призму концепции «цифрового профиля коррупционера» с учетом законодательства и правоприменительной практики Российской Федерации и Китайской Народной Республики. В условиях цифровой трансформации общества традиционные методы выявления коррупционных рисков, сфокусированные на документальных проверках, оказываются недостаточно эффективными, в то время как использование искусственного интеллекта для сокрытия преступного источника происхождения денежных средств, в том числе путем маскировки под законные сделки и транзакции, усложняет выявление и изъятие коррупционных доходов. Такая ситуация характерна как для отечественного правового порядка, так и для правового пространства Китая. В работе проводится разграничение между криминалистическим «портретом» (используемым «post factum») и предиктивным профилем, нацеленным на оценку коррупционных рисков. Особое внимание уделяется методологическим вызовам цифрового профилирования, а также этико-правовым дилеммам, возникающим при его построении и использовании, предлагаются пути преодоления выявленных пробелов.

Ключевые слова: антикоррупционная политика, цифровой профиль, коррупция, предиктивная аналитика, большие данные, искусственный интеллект, цифровые следы, этика данных.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки); 5.1. Право.

Цитирование: Цирин А. М., Севальнев В. В., Шао Цзысюань. Цифровой профиль коррупционера: контуры новой исследовательской парадигмы в России и Китае. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(4), 888–898. EDN: VF5FIV

Введение в проблему

Противодействие коррупции, оставаясь приоритетом достижения глобальных целей устойчивого развития¹, вступает в новую фазу, обусловленную всеохватывающей цифровизацией. В юридической литературе отмечается, что цифровизация приводит к «модификациям прежних функций, методов деятельности, формы государства» (Khabrieva, Chirkin, 2005: 228). Стремительная цифровая трансформация всех сфер общественной жизни – от повседневного общения и бизнеса до науки и образования – приводит к формированию сложной, всепроникающей цифровой среды, которая может быть охарактеризована в качестве сложной социотехнической системы.

Правовое регулирование такой среды предполагает учет неразрывной взаимосвязи общественных отношений с IT-инфраструктурой, где технологические элементы неразрывно связаны с человеческими практиками, социальными нормами и правовыми регуляторами. Ключевым элементом развития этой среды является формирование и применение технологий цифрового профиля в органах государственной власти (Tsifrovoe pravo, 2020: 27).

Во исполнение Постановления Правительства Российской Федерации от 3 июня 2019 г. № 710 «О проведении эксперимента по повышению качества и связанности данных, содержащихся в государственных информационных ресурсах» Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации реализован цифровой профиль на базе единой системы идентификации и аутентификации².

Цифровой профиль носит динамический характер и агрегируется из множе-

ства источников в момент запроса. Иными словами, в его основу заложен принцип децентрализации, предполагающий работу с разными базами данных. При этом глубина формируемого цифрового профиля может существенно различаться в зависимости от целей его использования и оператора конечной информации. Например, создание цифрового профиля гражданина направлено в первую очередь на повышение качества и оперативности предоставления государственных услуг и ориентировано на полезный результат для пользователя.

Значительный интерес вызывает законодательство и правоприменительная практика КНР, опосредующая использование «портрета пользователя» в правоохранительных целях. Несмотря на широкое использование в научной и специальной литературе терминов «цифровой профиль», «портрет пользователя» (数字身份 / 用户画像 / user portrait), в базовых законах КНР в рассматриваемой сфере отсутствует его легальная дефиниция. Регуляторная модель строится функционально: через понятия «персональная информация», «обработка персональной информации», «чувствительная персональная информация», а также через специальные требования к автоматизированному принятию решений и алгоритмическим рекомендациям (Regulations on the Administration of Algorithmic Recommendation in Internet Information Services). Центральным актом выступает Закон КНР от 20 августа 2021 г. «О защите персональной информации» (Personal Information Protection Law of the PRC) (далее – Закон КНР ОЗПИ).

Постановка проблемы

Закон КНР ОЗПИ определяет персональную информацию как сведения, относящиеся к идентифицированному или идентифицируемому физическому лицу, за исключением анонимизированной информации. Одновременно закон раскрывает «обработку персональной информации» как совокупность операций (сбор, хранение, использование, обработка, передача,

¹ Для достижения устойчивого развития государствами-участниками ООН на Генеральной Ассамблее 25 сентября 2015 года была принята Резолюция «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», которая содержит 17 глобальных целей (целей устойчивого развития – ЦУР) и 169 соответствующих задач.

² Подробнее см.: Письмо Минцифры России от 01.12.2025 № МШ-П24-117737 «О взаимодействии с инфраструктурой цифрового профиля» // СПС «Консультант Плюс».

ча, предоставление, раскрытие, удаление и т.п.). Из этого следует ключевой вывод для квалификации цифрового профиля: если профиль позволяет идентифицировать лицо или может быть соотнесен с идентифицируемым субъектом через устойчивые идентификаторы (аккаунт, телефон, device ID, рекламные идентификаторы), то профиль и операции по его построению/обновлению являются обработкой персональной информации и подпадают под действие норм Закона КНР ОЗПИ.

Для цифрового профилирования системообразующее значение имеют принципы обработки персональной информации: законность и добросовестность, целевая определенность и связь с разумной целью, а также минимизация (обработка в минимально необходимом объеме). В прикладном аспекте это означает необходимость отвечать на два юридически значимых вопроса:

а) для чего формируется профиль (конкретная цель/сценарий использования);

б) какие данные действительно необходимы для достижения цели, и почему менее инвазивные средства недостаточны.

Нарушение принципов целевого ограничения и минимизации типично для практик «универсального профиля», создаваемого «на перспективу» без конкретного сценария использования либо путем объединения несоразмерных источников данных. В соответствии с нормами Закона КНР ОЗПИ подобные подходы повышают риск квалификации обработки как избыточной и несоответствующей цели.

Закон КНР ОЗПИ закрепляет перечень правовых оснований обработки персональной информации (включая согласие, необходимость для заключения/исполнения договора с субъектом, выполнение законных обязанностей и др.). Для цифрового профилирования это требует разграничения:

– профиля, объективно необходимого для оказания услуги (например, безопасность транзакций, антифрод), который может опираться на «необходимость для исполнения договора» при соблюдении пропорциональности;

– профиля для маркетинга/таргетинга, для которого, как правило, существеннее требования прозрачности и возможность отказа от персонализации (см. раздел 4 Закона КНР ОЗПИ).

Если основанием выступает согласие, то оно должно быть добровольным, явно выраженным и информированным; субъект вправе его отозвать.

Правоохранительные органы активно применяют профилинг с целью создания профиля правонарушителя для собственных целей. Сходные техники используются таможенниками при выявлении наркотрафика: под подозрение подпадают пассажиры с малым количеством багажа, следующие в определенном направлении, совершающие много транзитных рейсов, оплатившие билет наличными (Talarina, 2020).

Созданная в России Государственная информационная система (ГИС «Посейдон») представляет собой централизованную цифровую платформу по автоматизированному сбору, проверке и анализу сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера широкого круга лиц (госслужащие, их семьи, кандидаты на выборные должности, сотрудники государственных компаний и корпораций и др.).

ГИС «Посейдон» разрабатывалась как единая цифровая среда, которая обеспечивает работу по профилактике и выявлению коррупционных правонарушений, предоставляя набор запрашиваемых данных уполномоченным должностным лицам органов власти и организаций, служит источником официальной информации для подразделений, занимающихся антикоррупционной работой.

Функционал ГИС «Посейдон» позволяет эффективно проверять, соблюдают ли подотчетные лица требования законодательства о противодействии коррупции (например, запреты на определенную деятельность, обязанности по декларированию доходов, расходов, имущества и обязательств имущественного характера, требования по предотвращению и урегули-

рованию конфликта интересов). На основе полученных данных система сама проводит первичный анализ и проверки на предмет соблюдения публичными должностными лицами антикоррупционных запретов и ограничений, выявляя несоответствия для дальнейшего рассмотрения человеком.

Процессы цифровизации и роботизации трансформируют «...сложившиеся общественные отношения, и существующей правовой базы не всегда достаточно или она становится малоэффективной в новых условиях» (Tikhomirov, Krysenkova, Nanba, Margusheva, 2018: 8). Традиционно сложившиеся правовые модели оказываются устаревшими и перестают соответствовать динамике регулируемых общественных отношений.

Во всем мире признано, что угрозы национальной безопасности, исходящие от злоумышленников, базирующихся в других странах, необходимо нейтрализовать, в противном случае это может создать экзистенциальные угрозы внутри страны (Gun, Truntsevskii, Seval'nev, 2025: 42). Коррупционные угрозы, исходящие от злоумышленников, базирующихся за рубежом, являясь элементом гибридного противоборства, отличаются масштабностью, изощренностью и деструктивным воздействием на национальную безопасность. Риски политического вмешательства и «покупки влияния», утечки конфиденциальной информации в цифровой среде возрастают.

Первоначально цифровые технологии были лишь инструментом для реализации старых коррупционных схем (например, использование электронной почты для сговора и криптовалют для выплаты незаконного вознаграждения). В современном мире криптовалюты, NFT, токенизированные активы и децентрализованные финансы (DeFi) создают глобальную, псевдоанонимную, высокоскоростную среду для движения капиталов. Использование микшировщиков (mixers, tumblers), кросс-чейн мостов и одноранговых (P2P) платформ делает традиционный финансовый мониторинг (основанный на идентификации клиента банка – KYC) недостаточно эффектив-

ным. Сегодня мы наблюдаем становление нативно-цифровых криминальных моделей, реализуемых только в цифровой среде. Виртуальная реальность создает пространство для:

- цифрового отмывания (покупка виртуальной земли, предметов искусства (NFT) или внутриигровых ценностей на «грязные» деньги с последующей их конвертацией в «чистые» фиатные средства через легальные биржи);

- коррупционных сделок в «цифровых тенях» (встречи аватаров в защищенных VR-комнатах для обсуждения и передачи взяток в криптовалюте, что не оставляет физических следов);

- новых форм коррупционного обогащения (манипулирование стоимостью виртуальных активов, инсайдерская информация о развитии цифровых платформ, злоупотребления при распределении ресурсов в метавселенных, управляемых государством или госкомпаниями).

Наряду с использованием формализованных сведений у правоохранительных органов возникает все больше возможностей для использования массива неформализованных данных, образующих цифровой след: активности в социальных сетях (лайки, репосты, группы, лексический анализ), геолокаций с телефона и автомобиля, истории поисковых запросов и потребления контента, метаданных переписки (время, частота, корреспонденты), паттернов покупок.

В юридической литературе справедливо отмечается: «...наблюдение за механизмами противодействия коррупции в Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что они практически достигли пределов своего расширения, и для выхода на следующий уровень предупредительной деятельности требуется поиск новых фундаментальных подходов» (Damm, 2024: 592). Цифровая коррупция является одной из перспективных областей правового воздействия, в которых наиболее явно проявляется «вызов скорости». При этом стандартный правотворческий цикл (выявление проблемы → проект нормативного

правового акта → обсуждение → принятие) отстает от скорости появления новых технологических схем. Нужны более гибкие регуляторные инструменты. В юридической литературе справедливо критикуется устаревшая «ручная» модель декларирования, обременительная для большинства публичных должностных лиц (Truntsevskii, 2022). Проведенный анализ контингента лиц, уволенных в связи с утратой доверия в 2024 году, позволил выявить следующее распределение в его структуре: депутаты различных уровней – 26,32 %; муниципальные служащие – 23,17 %; сотрудники органов внутренних дел (16,27 %); государственные гражданские служащие (11,64 %) (Informatsionno-analiticheskii biulleten' «Protivodeistvie korruptsii» (2024), 2025). Следует отметить, что наибольшее число правонарушений, совершаемых депутатами муниципальных образований и муниципальными служащими, связано с недобросовестным декларированием сведений об имуществе, доходах, расходах и обязательствах имущественного характера.

1 января 2026 г. вступил в силу Федеральный закон от 28.12.2025 № 505-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», направленный на совершенствование порядка представления сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. Законом были внесены изменения в механизм декларирования доходов и имущества для широкого круга лиц. В частности, предусматривается, что представление полных сведений о доходах и имуществе (по форме, утверждаемой Президентом Российской Федерации) осуществляется не на регулярной основе. Теперь декларирование осуществляется при возникновении оснований для представления сведений о расходах согласно Федеральному закону от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам». В соответствии с указанным федеральным законом юридическим фактом, обуславливающим необходимость представления указан-

ных сведений, является совершение должностным лицом (или его семьей) сделок по приобретению имущества (недвижимости, транспорта, ценных бумаг и т.д.) на общую сумму, которая превышает совокупный официальный доход этого лица и его супруга за три предшествующих года. Совершение таких сделок, согласно указанному закону, должно быть объяснимо с позиций анализа не только официальных семейных доходов за обозначенный период, но и источников их происхождения. При этом сведения должны быть представлены до 30 апреля года, следующего за годом, в котором возникли указанные основания.

Наряду с вышеуказанным общим подходом к декларированию Федеральным законом от 28.12.2025 № 505-ФЗ выделяется еще несколько оснований для представления сведений о доходах и имуществе: в случае назначения на государственную должность Российской Федерации, а также при поступлении на должности государственной службы и должности в отдельных организациях с государственным участием. Обязанность по декларированию доходов также возникает в случае перевода государственного служащего из одного государственного органа в другой, а также в случае включения лица в федеральный кадровый резерв.

ГИС «Посейдон» призвана заменить или радикально модернизировать существующий фрагментированный и обременительный процесс анализа сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера. Если традиционные подходы к антикоррупционной деятельности фокусировались на реактивном расследовании уже совершенных правонарушений, то современный тренд смещается в сторону проактивного управления рисками. Основной аргумент в пользу отмены сплошного декларирования – переход от формальной проверки деклараций к непрерывному автоматизированному контролю через ГИС «Посейдон», в рамках которого система оперативно получает информацию и автоматически выявляет коррупционные риски. Без применения ГИС

«Посейдон» рассматриваемые новеллы института декларирования могли бы привести к сужению его профилактического потенциала. Речь идет об усложнении применения института декларирования для выявления конфликта интересов через анализ структуры активов и обязательств (наличие акций подконтрольных компаний, долей в бизнесе); ослаблении контроля соблюдения прямых запретов, например, на владение иностранными финансовыми инструментами или счетами в зарубежных банках и т.д.

Концептологические основания исследования

Учитывая скорость развития современных цифровых технологий и высокую адаптивность коррупционных практик к изменяющимся условиям, представляется целесообразным рассматривать концепцию цифрового профиля коррупционера не в качестве криминального портрета конкретного лица, а как абстрактной, постоянно уточняемой модели, выявляющей совокупность цифровых маркеров, статистически значимо коррелирующих с высокой вероятностью совершения коррупционных деяний. В этом контексте для усиления профилактического потенциала государственных информационных систем, используемых для целей противодействия коррупции, предложенная концепция «цифрового профиля коррупционера», образует новую исследовательскую парадигму, которая может стать основой для постановки научных проблем, их исследования и юридической интерпретации цифровой реальности. Отличительными особенностями указанной исследовательской парадигмы являются:

- ценностная ориентация на основе статьи 75.1 Конституции Российской Федерации;

- прагматичность (связанность не только с должным (искоренение коррупции), но и с сущим, поскольку коррупция является неотъемлемым элементом социальной реальности);

- направленность на реализацию национальных интересов Российской Фе-

дерации, предусмотренных Стратегией национальной безопасности Российской Федерации³;

- междисциплинарность, обусловленная применением широкого подхода к формированию концепции цифрового профиля коррупционера, основанного на опыте и знаниях различных отраслей науки (синтез методов юриспруденции, data science, криминологии, поведенческой экономики и сетевого анализа);

- диалектичность – возможность увидеть не только накопление знаний, но и смену фундаментальных подходов.

Взаимное доверие государства и общества является ключевой ценностью, закрепленной в статье 75.1 Конституции Российской Федерации. Это краеугольный камень существования любого государственно организуемого общества. Коррупция выступает в качестве разрушителя этого доверия. ГИС «Посейдон» и цифровой профиль коррупционера – это инструменты обеспечения такого доверия через демонстрацию прозрачности, объективности и беспристрастности контроля со стороны государства над самим собой. Тем самым государственная власть посылает обществу сигнал: «государство следит за чистотой служащих своего аппарата современными и высокотехнологичными методами».

Отечественными правоведами, например академиком РАН Т.Я. Хабриевой, неоднократно отмечалась опасность конфронтации между государственными органами и институтами гражданского общества, провоцируемой некоммерческими организациями, имеющими преимущественно зарубежное финансирование и совершающими попытки повлиять на массовое сознание посредством превращения темы коррупции в триггер социальной напряженности. Несмотря на это, российским государством предпринимаются значительные шаги по созданию механизма реального, полного

³ См.: п. 25 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утв. Указом Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание Законодательства Российской Федерации. 2021, № 27 (часть II), ст. 5351.

и безвозвратного взыскания, причиненного государству и обществу, коррупционного ущерба. Так, российская прокуратура за пять лет добилась обращения в доход государства имущества коррупционеров на общую сумму свыше 760 миллиардов рублей⁴.

Как уже было отмечено, основой новой исследовательской парадигмы является принятие в качестве отправной точки перехода от констатации реальности наличия коррупционных фактов к работе с ней. Разработка и внедрение ГИС «Посейдон» в рамках обсуждаемой научной парадигмы может рассматриваться не только в качестве акта принятия государством цифровой реальности, но и в рамках использования новых возможностей контроля, воплощенного в конкретных организационных и правовых решениях.

Цифровой профиль коррупционера можно определить как совокупность цифровых данных (записей) о нем, содержащихся в информационных системах органов публичной власти, финансовых учреждений, а также в социальных сетях. Целью такого цифрового профилирования является закрепление модели, агрегирующей данные из открытых и закрытых цифровых источников (данные госреестров, финансовые транзакции, цифровые следы в соцсетях и мессенджерах, метаданные переписки, паттерны поведения в цифровой среде), для выявления статистически значимых маркеров, ассоциированных с коррупционным поведением.

Обсуждение

В целях формирования ядра цифрового профиля коррупционера к обсуждению предлагается следующий набор признаков, характеризующих финансовое поведение лиц, совершающих коррупционные правонарушения.

1. Превышение расходов (активов, трат, инвестиций) над легальными декларирова-

емыми доходами лица и членов его семьи. О коррупционной составляющей может свидетельствовать проведение финансовых операций, не соответствующих социальному и экономическому статусу лица, а также осуществление транзакций, сумма, периодичность или контрагенты которых кардинально не соответствуют заявленному роду занятий, должности или исторической финансовой активности лица.

2. Структурирование финансовых средств с целью обхода контроля. Совершение множества операций чуть ниже контрольных порогов (в том числе разными лицами или через разные счета) с последующей консолидацией средств на одном счете или приобретением дорогостоящих активов.

3. Поступление средств от контрагента вскоре после значимых событий (выигрыш тендера или выплата причитающихся за его выполнение средств, изменение законодательства, проверка), особенно если сумма имеет «круглый» характер (например, ровно 5 или 10 % от суммы контракта).

4. Зарплатные «аномалии» (поступление на счет, формально являющийся зарплатным, сумм, многократно превышающих официальный оклад, либо регулярные поступления из источников, не связанных с работодателем по трудовому договору).

5. Оформление фиктивных гражданско-правовых договоров и «самозанятость». В качестве примера можно привести поступления от юридических лиц (особенно технических, «прокладок») или в статусе самозанятого по договорам, содержание которых неочевидно, неспецифично или не соответствует финансовому профилю лица (например, муниципальный служащий получает многомиллионные выплаты за «консалтинг» от строительной компании).

6. Систематическое использование экспресс-счетов для обналичивания или перевода крупных сумм денег с последующим закрытием (быстрое движение крупных сумм через счет лица («зашел-вышел») со снятием наличных или переводом на счета физических лиц, не свя-

⁴ Генпрокурор Краснов: У коррупционеров изъяли имущества на 760 млрд рублей // Российская газета. 08.12.2024 // <https://rg.ru/2024/12/08/krasnov-za-5-let-u-korruptcionerov-iziali-deneg-i-imushchestva-na-760-mlrd-rublej.html>

занных очевидными семейными или деловыми узами, с последующим закрытием экспресс-счета.

7. Выплаты от подконтрольных коммерческих (регулярное получение выплат по ссудам, займам или по дивидендам от коммерческих компаний) или некоммерческих организаций:

- являющихся подрядчиками/субподрядчиками по государственному либо муниципальному заказу, если клиент – публичное должностное лицо из контролирующей или заказной сферы;

- не ведущих активной хозяйственной деятельности (отсутствие операционных расходов, налогов);

- зарегистрированных на третьих лиц (номиналов), но контролируемых должностным лицом.

8. Приобретение дорогостоящего имущества (недвижимость, автомобили, яхты, предметы искусства) за наличные средства или с привлечением непрозрачного заемного финансирования (например, займ от офшорной компании).

9. Оплата элитного образования, аренда дорогостоящей недвижимости за рубежом, организация семейных торжеств за счет средств, источник происхождения которых неясен.

10. Оплата дорогостоящих товаров/услуг (люксовые авто, ювелирные изделия, VIP-путешествия), конечным бенефициаром которых являются не само должностное лицо, а его родственники или аффилированные лица.

11. Выявление группы взаимосвязанных счетов (супруг(а), дети, родители, иные родственники), через которые проводится транзит средств, аккумулируются доходы или приобретаются активы.

12. Переводы или совместные операции с лицами, являющимися номинальными директорами/учредителями компаний-подрядчиков, или с теми, происхождение средств которых неочевидно либо носит сомнительный характер.

13. Управление счетами родственников или подконтрольных лиц по доверенности, использование одних и тех же устройств/

IP-адресов для доступа к разным «несвязанным» счетам.

Представляется, что практическая реализация цифрового профиля возможна в рамках интеграции данных финансового мониторинга на базе функционирования ГИС «Посейдон». При этом может осуществляться автоматизированная сверка данных должностного (должность, подконтрольная сфера) с реестрами госзакупок, корпоративными реестрами, декларациями, данными социальных сетей, а также сетевая аналитика транзакций (построение графиков связей между контрагентами клиентов финансовых организаций для выявления скрытых центров консолидации средств и схем обналичивания).

Применение риск-ориентированного подхода позволит удерживать дополнительный фокус на сотрудниках, чьи должности связаны с принятием решений о государственных и муниципальных расходах, закупках, выдаче разрешений. Впоследствии практика использования цифрового профиля коррупционера может быть смещена с перечисления отдельных признаков на проактивное выявление целостных поведенческих и сетевых моделей, характерных для коррупционного поведения, с акцентом на анализ связей и несоответствий в рамках всей финансовой экосистемы должностного лица и его окружения.

Впоследствии осуществление мониторинга финансового поведения подконтрольного лица позволяет формировать комплексное сообщение о подозрительной деятельности, объединяющее несколько взаимосвязанных признаков и транзакций, что раскрывает логику схемы, а не просто фиксирует соответствующую аномалию.

Системообразующей и легитимирующей основой для внедрения цифрового профиля коррупционера является его направленность на реализацию национальных интересов, закрепленных в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, включая защиту конституционного строя, суверенитета, государственной и территориальной целостности (ст. 44 Стратегии). ГИС «Посейдон» обеспечивает

единый, объективный и технологичный стандарт контроля за соблюдением антикоррупционного законодательства в масштабах всей страны и на всех уровнях публичной власти, формируя инструмент для обеспечения реального, а не декларативного, действия закона.

Концепция цифрового профиля коррупционера не является монолитной и единственно верной. Она предполагает множество допустимых и конкурирующих моделей, наполнений и акцентов, которые зависят от цели использования профиля (профилактика, расследование, кадровая политика); дисциплины (право, data science, экономика, психология, политология), баланса между ценностями (эффективность/ приватность, безопасность/свобода).

В любом случае рост технологий не влечет дегуманизацию права, которое должно содействовать развитию техники, но оставаться при этом технологически нейтральным, не превращаясь в парадигме перманентного технического прогресса в руководство по эксплуатации постоянно устаревающих объектов техники (Tsifrovaia ekonomika: aktual'nye napravleniia pravovogo regulirovaniia, 2022: 18).

Заключение

Цифровой профиль коррупционера представляет собой современный научно-практический инструмент, синтезирующий достижения в области финансового мониторинга, анализа данных и теории сетей. Его внедрение позволяет перейти от реактивного к проактивному и предиктивному режиму антикоррупционной работы. Эффективная борьба с нативно-цифровыми преступлениями требует доступа к огромным массивам данных и применения алгоритмов проактивного анализа, что неизбежно входит в конфликт с правами на приватность и защиту персональных данных. При этом могут учитываться активность в социальных сетях (контакты, членство в закрытых группах, геолокация, лайки и репосты, анализ сентимента и тематик). Например, в КНР, несмотря на наличие специального закона о персональной

информации, режим цифрового профиля дополняется Законом КНР от 7 ноября 2016 г. «О кибербезопасности», закрепляющим базовые обязанности сетевых операторов и требования к безопасности сетей; Законом КНР от 10 июня 2021 г. «О безопасности данных», формирующим общие пределы управления данными и рисками безопасности; Гражданским кодексом КНР, предусматривающим охрану частной жизни и персональной информации как личных прав, а также общие требования законности обработки персональной информации (Shao Tszysiuian, 2024).

Закон КНР ОЗПИ выделяет «чувствительную персональную информацию» – сведения, которые при утечке или незаконном использовании могут причинить существенный вред достоинству личности или безопасности имущества; закон прямо относит к ней, в частности, биометрию, религиозные убеждения, данные о здоровье, финансовые счета, точную геолокацию и др. Практически значимо, что цифровые профили нередко включают такие категории (геолокация, финансовые атрибуты, биометрические идентификаторы), поэтому многие сценарии профилирования автоматически попадают в усиленный режим обработки. Обработка чувствительной персональной информации допускается при наличии конкретной цели и необходимости, с применением строгих мер защиты; как правило, требуется отдельное (специальное) согласие субъекта. Это ограничивает построение «глубоких» цифровых профилей, особенно в ситуациях, где ее цели не могут быть признаны достаточным основанием для использования чувствительных данных.

Концепция цифрового профиля коррупционера знаменует переход к новому, проактивному этапу противодействия коррупции, основанному на анализе больших данных. Однако ее реализация – это не столько техническая задача, сколько сложный социотехнический вызов, требующий симбиоза технологических решений (Big Data, AI, FinTech), глубокого социально-гуманитарного осмысления и адекватных правовых рамок, исключая

ющих использование цифрового профиля в противоправных целях. Наряду с новыми технологическими решениями целесообразным представляется выработка новых правовых и этических инструментов, препятствующих использованию данных цифрового профиля и цифрового следа в противоправных целях.

Список литературы / References

Damm I. A. Osnovnye elementy sistemy teorii antikorrupcionnoj kriminologicheskoy bezopasnosti [Main elements of the system of the theory of anti-corruption criminological security]. In: *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal [All-Russian criminological journal]*, 2024, 18(6), 591–601. DOI 10.17150/2500–4255.2024.18(6).591–601. EDN AIDNYZ.

Gun N., Truncevskij Iu.V., Seval'nev V. V. Prestup leniia protiv nacional'noj bezopasnosti v Gonkonge: zakonodatel'stvo pered vneshnimi i vnutrennimi ugrozami [Crimes against national security in Hong Kong: legislation in the face of external and internal threats]. In: *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo [International public and private law]*, 2025, 1, 42–47.

Khabrieva T. Ia., Chirkin V. E. *Teoriia sovremennoj konstitucii [Theory of modern constitution]*. M., Norma, 2005. 319.

Personal Information Protection Law of the PRC. 2021. Available at: <https://www.npc.gov.cn/> (accessed 5 February 2026).

Regulations on the Administration of Algorithmic Recommendation in Internet Information Services. 2022. Available at: <https://www.cac.gov.cn/> (accessed 5 February 2026).

Shao Zisyuan'. Prioritety i napravleniia razvitiia antikorrupcionnoj raboty Kitaiia v blizhais hie piat' let [Priorities and directions of development of China's anti-corruption work in the next five years]. In: *Voprosy nacional'nykh i federal'nykh otnoshenij [Questions of national and federal relations]*, 2024, 14(3) (108), 909–914.

Talapina E. V. Algoritmy i iskusstvennyj intellekt skvoz' prizmu prav cheloveka [Algorithms and artificial intelligence through the prism of human rights]. In: *Zhurnal rossiiskogo prava [Journal of Russian law]*, 2020, 10, 25–39.

Tikhomirov Iu.A., Krysenkova N. B., Nanba S. B., Margusheva Zh. A. Robot i chelovek: novoe partnerstvo? [Robot and human: new partnership?]. In: *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniia [Journal of foreign legislation and comparative law]*, 2018, 5, 5–10.

Truncevskij Iu. V. Sovershenstvovanie instituta deklarirovaniia svedenii o dokhodakh, raskhodakh, imushchestve i obiazatel'stvakh imushchestvennogo kharaktera v usloviakh cifrovizacii [Improving the institution of declaring information on income, expenses, property and property obligations in the context of digitalization]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. [Bulletin of St. Petersburg State University. Law]*, 2022, 13(2), 344–359.

Truntsevskii Iu.V., Tsirin A. M., Seval'nev V.V. (eds). *Informacionno-analiticheskii biulleten' «Protivodeistvie korruptsii (2024)» [Information and analytical bulletin "Anti-corruption (2024)"]*. M., Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniia pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii, 2025. 96.

Tsifrovaia ekonomika: aktual'nye napravleniia pravovogo regulirovaniia: nauchno-prakticheskoe posobie [Digital economy: current directions of legal regulation: scientific and practical manual], pod red. I. I. Kucherova, S. A. Sinitsyna. M., Norma, 2022. 376.

Tsifrovoe pravo: uchebnik [Digital law: textbook], pod obshch. red. V. V. Blazheeva, M. A. Egorova. M., Prospekt, 2020. 640.

EDN: WIIVRA
УДК 343

Metaverses as a Source of Corruption and Criminal Danger

Ellada V. Shamehina*

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 26.02.2026, received in revised form 03.03.2026, accepted 31.03.2026

Abstract. The digitalization of public relations and the development of digital technologies have led to the emergence of fundamentally new forms of sociotechnical reality – the metaverse. Despite the fact that scientific ideas about metaverses, due to their relative novelty, are at the initial stage of their formation, the danger of the rapid development of virtual worlds in the absence of proper legal and criminological regulation is already becoming obvious. The technical characteristics of metaverses allow us to identify them as a potential source of criminal danger, including the danger of corruption. Metaverses increase the vulnerability of objects of anti-corruption criminological protection. The consequence of this is the transformation of the environment of corruption crimes, the subject of bribery and the subject of corruption crimes, which will be considered in this paper.

Keywords: corruption, corruption crime, metaverses, digital technologies, anti-corruption, cryptocurrencies, tokens, digital assets.

Research area: Social Structure, Social Institutions and Processes; Criminal Law.

Citation: Shamehina E. V. Metaverses as a Source of Corruption and Criminal Danger.
In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2026, 19(4), 899–909. EDN: WIIVRA

Метавселенные как источник коррупционной криминальной опасности

Э.В. Шамехина

*Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск*

Аннотация. Цифровизация общественных отношений и развитие цифровых технологий привели к возникновению принципиально новых форм социотехнической реальности – метавселенных. Несмотря на то что научные представления о метавселенных ввиду их относительной новизны находятся на начальном этапе своего становления, опасность стремительного развития виртуальных миров в отсутствие надлежащего правового и криминологического регулирования уже становится очевидной. Технические характеристики метавселенных позволяют определять их как потенциальный источник криминальной опасности, в том числе опасности коррупционной. Метавселенные усиливают уязвимость объектов антикоррупционной криминологической защиты. Следствием этого является трансформация среды совершения коррупционных преступлений, предмета взяточничества и субъекта коррупционных преступлений, которые будут рассмотрены в настоящей работе.

Ключевые слова: коррупция, коррупционная преступность, метавселенные, цифровые технологии, противодействие коррупции, криптовалюты, токены, цифровые активы.

Научная специальность: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки); 5.1.4 Уголовно-правовые науки.

Цитирование: Шамехина Э. В. Метавселенные как источник коррупционной криминальной опасности. *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2026, 19(4), 899–909. EDN: WIIVRA

Введение

в проблему исследования

Стремительное развитие цифровых технологий в начале XXI века обусловило появление качественно нового, еще находящегося в стадии концептуального становления, но уже привлекающего устойчивое внимание все большего круга исследователей из различных областей феномена – метавселенных. Метавселенные формируют особую форму социотехнической реальности, где границы между физическим и виртуальным мирами становятся все более размытыми, а цифровая инфраструктура приобретает статус самостоятельной среды жизнедеятельности человека и функционирования социальных институтов.

Большинство научных работ, посвященных изучению метавселенных, традиционно

берут свое начало с попытки определения понятийно-категориальных координат исследования. И уже на данном, сравнительно раннем этапе доктринального осмысления становится очевидным, что выработка единого общепризнанного определения метавселенной представляет собой методологически и теоретически затруднительную задачу. Как полагают большинство исследователей, термин «метавселенная» («metaverse») впервые был использован Нилом Стивенсоном в романе 1992 г. «Лавина», где метавселенная представлена как постоянно действующий виртуальный мир, в котором люди взаимодействуют посредством использования своих аватаров (Efremova & Russkevich, 2025; Kuznecova & Mart'ianova, 2025; Mansurov, 2023). В дальнейшем новый термин вошел

в оборот у писателей-фантастов, а позже – у представителей технологического сообщества и медиаиндустрии, что обусловило его постепенный выход за рамки сугубо художественного дискурса и превращение в один из ключевых направлений развития современной цифровой среды.

Концептологические основания исследования

Проведенный анализ предлагаемых представителями научного сообщества авторских дефиниций позволил выделить три основных подхода в формулировании определения «метавселенные» в зависимости от расставляемых акцентов – технологического, социального и правового.

Представители *технологического подхода* исходят из того, что сущностные характеристики метавселенной задаются прежде всего параметрами ее цифровой архитектуры и используемых технологических решений. С этой точки зрения Н. Н. Ковалева, В. Ф. Изотова и Д. С. Чайковский определяют метавселенную как «цифровое пространство, основанное на принципах технологий NFT (невзаимозаменяемый токен) и блокчейн и иных прорывных технологиях, включающее в себя цифровую диффузию, позволяющую совместить все элементы глобальной цифровой среды и возможность бесшовного взаимодействия пользователя на различных участках всемирного веб-пространства, базирующееся на экономически обоснованных способах построения бизнес-моделей и инструментов для производства и взаимобмена благами» (Kovaleva, Izotova & Chaikovskii, 2024: 119).

А. А. Нагорный полагает, что «метавселенная является частью цифрового пространства, доступ к которой осуществляется с использованием широкого круга компьютерных устройств (VR- и AR-оборудование, смартфоны, персональные компьютеры), подключенных к информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», обеспечивающей связь между ними» (Nagornyi, 2025: 140). М. С. Ситников же отмечает, что «метавселенная – это не-

прерывно функционирующая цифровая информационная система, направленная на имитацию физического мира за счет использования технологий виртуальной и дополненной реальности и имеющая встроенную модель социально-экономического взаимодействия» (Sitnikov, 2023: 60).

Сторонники *социального подхода*, в свою очередь, исходят из понимания метавселенной как особого социального пространства и новой формы организации коллективной жизнедеятельности, в которой технологический компонент выступает лишь средой, опосредующей человеческие взаимодействия.

Отмечая, что универсального определения метавселенной не существует, М. А. Ефремова, Е. А. Русскевич считают, что в широком смысле ее можно определить как «коллективное виртуальное пространство, которое создается посредством конвергенции дополненной виртуальной реальности и физического мира» (Efremova & Russkevich, 2025: 190). Е. В. Холодная характеризует метавселенную как «направление (область) развития цифровых технологий по формированию цифрового пространства для различного вида социальной и публичной деятельности с имитацией личного присутствия пользователя» (Kholodnaia, 2024: 117). А. А. Селькова указывает, что «более предпочтительно рассматривать метавселенную комплексно – как систему, состоящую из масштабных, постоянных и совместимых между собой виртуальных пространств, отображающихся в режиме реального времени и в 3D-формате» (Sel'kova, 2025: 141).

Представители же *правового подхода* стремятся концептуализировать метавселенную как объект правового регулирования и как специфическое пространство действия права. В этой связи К. С. Евсиков полагает, что метавселенная – это «информационная система, существующая в форме цифровой платформы и/или социальной сети, предоставляющая возможность создавать и осуществлять переход цифровых прав между пользователями, для доступа к которой физическое лицо может исполь-

зовать информационные технологии виртуальной и/или дополненной реальности, а также проецировать в реальную действительность виртуальные объекты» (Evsikov, 2023: 54).

Таким образом, в современной научной литературе представлены различные точки зрения на определение метавселенной и его содержательное наполнение. Полагаем, что проблематика выработки общего универсального определения метавселенной имеет междисциплинарный характер, поскольку феномен метавселенных изначально формируется на стыке различных областей знания и практики – информационно-технологической, социальной, экономической, культурной и правовой. Представители разных наук, обращаясь к метавселенной, неизбежно формулируют ее дефиницию через призму собственных теоретико-методологических установок и исследовательских приоритетов. В результате складывается ситуация понятийной фрагментации: каждое из предлагаемых определений оказывается логичным и полезным в рамках конкретной дисциплины, но одновременно частичным и ограниченным для формирования комплексного понимания метавселенной как целостного феномена. Иначе говоря, различные дефиниции фиксируют разные «срезы» одной и той же реальности – технологический, социальный или правовой – и потому принципиально не совпадают ни по объему, ни по содержанию.

Постановка проблемы

Уже на нынешнем этапе его познания достаточно отчетливо проявляются связанные с дальнейшим цифровым развитием риски. В современной криминологической науке обосновывается появление нового вида преступности, непосредственно связанного с развитием метавселенных, – так называемой метапреступности, характеризующейся «синергетическим эффектом интеграции реального и виртуального пространств противоправной деятельности, формированием новых криминальных практик и трансформацией традицион-

ных видов преступлений под воздействием процессов цифровизации» (Begishev & Denisovich, 2025: 577).

Принимая во внимание существующую в научной литературе дискуссию относительно соотношения цифровой преступности, киберпреступности и компьютерной преступности, полагаем, что справедливо будет сделать вывод, что метапреступность представляет собой новый этап эволюционного развития цифровой преступности, обусловленный переходом от плоского, «двумерного» киберпространства к иммерсивным, многомерным виртуальным средам метавселенных. При этом преступления, совершаемые в метавселенных, могут быть классифицированы на два качественно различных вида – новые преступления, совершение которых возможно только в метапространстве, и традиционные преступления, совершение которых возможно как в реальном, так и в виртуальном мире. Это разграничение основывается не только на формальном учете того или иного технологического инструмента в механизме совершения преступления, но и на анализе сущностной роли цифрового элемента в реализации противоправного деяния.

Истинное метапреступление невозможно вне виртуального пространства. В этих составах технологии виртуальной реальности выступают не просто вспомогательным элементом, а составляют основу преступного поведения, формируют новый уровень опасности и требуют особых аналитических и правовых подходов к выявлению, расследованию, доказыванию и пресечению. Примерами таких преступлений будут выступать, например, деяния, направленные на незаконное завладение виртуальными цифровыми объектами, обладающими объективной экономической ценностью. К таким объектам относятся прежде всего токенизированные активы, представляющие уникальные цифровые артефакты, – произведения виртуального искусства, коллекционные предметы, эксклюзивные скины для аватаров, а также виртуальная недвижимость в виде земельных участков, строений и пространств, сто-

имость которых может достигать миллионов долларов.

Преступления против виртуальной собственности являются не единственными деяниями, возможными исключительно в метавселенной. Сенсационным в 2024 году стало начатое полицией Британии расследование виртуального изнасилования. Согласно сообщениям в средствах массовой информации (*Politsiia Britanii rassleduet pervoe iznasilovanie v virtual'noi real'nosti*), цифровой аватар несовершеннолетней пользовательницы метавселенной подвергся насилию со стороны аватаров нескольких мужчин. В контексте данной ситуации, конечно, затруднительно говорить о совершении изнасилования в традиционном его понимании, ввиду отсутствия физического контакта преступника с жертвой. Однако следует признать, что с развитием виртуальных миров происходит возникновение новых объектов, нуждающихся в защите.

Одним из таких объектов выступают цифровые аватары. О необходимости развития правовых норм в данной сфере заявлял В.В. Путин на международной конференции по искусственному интеллекту и анализу данных *Artificial Intelligence Journey* в 2021 году. По словам президента России, «государство должно взять на себя ответственность за хранение критически важной информации. Речь уже идет не о том, чтобы обеспечить кибербезопасность самого человека, но и его виртуального двойника – аватара внутри формирующихся метавселенных».

Таким образом, истинная метапреступность представляет собой систему преступлений, совершение которых возможно исключительно в метапространстве ввиду посягательства на совершенно новые объекты, не существующие в физическом мире. В то же время в виртуальных мирах могут совершаться и иные преступные деяния, не поставленные в жесткую зависимость от наличия виртуального пространства.

Как отмечает И.А. Филипова, «в метавселенной может быть совершено практически любое преступление, возможное в реальном мире» (Filipova, 2023: 21).

Преступность приобретает новые формы и «успешно перемещается с публичного пространства в виртуальную среду, увеличивая уровень ее латентности, масштабы, негативные последствия и существенно усложняя возможности их устранения» (Kabanov, 2024: 26). В данном случае метавселенная выступает лишь как еще одно социальное пространство для совершения действий или установления коммуникации. К преступлениям такого рода относятся традиционные посягательства, перенесенные в виртуальную среду без изменения своей сущности: мошенничество, распространение экстремистских или порнографических материалов, организация наркоторговли и другие. Здесь виртуальность играет роль удобной инфраструктуры, которая обеспечивает относительную анонимность, транснациональность и скрытность, но не определяет объективную сторону состава преступления, которая могла бы реализоваться и в других цифровых или офлайн-пространствах.

Несмотря на то что метавселенная не изменяет содержательной сущности совершаемых в виртуальном пространстве традиционных преступлений, она создает условия для облегчения их реализации, и в этой связи справедливым будет говорить о наличии потенциальной криминальной опасности метавселенных. Предлагаем далее рассмотреть этот вопрос в контексте развивающейся теории антикоррупционной криминологической безопасности (Damm, 2021).

Обсуждение

Необходимость перехода к теории антикоррупционной криминологической безопасности как новой концептуальной основе антикоррупционной деятельности обусловлена исчерпанием ресурсов и снижением эффективности существующей системы противодействия коррупции. Кроме того, «противодействие коррупции с семантических позиций довольно ограничено, поскольку несет активный деятельностный посыл и по своему смысловому значению характеризует адресное воздействие

только на коррупцию как источник опасности» (Damm, 2025: 59). На сегодняшний день можно говорить о формировании направления научных исследований в сфере антикоррупционной криминологической безопасности и отдельных ее направлений (Akunchenko, Damm & Shchedrin, 2018; Garmaev, 2025; Gorshenkov & Gorshenkov, 2012; Kleimenov, 2020; Krainova, 2025; Lebedev, 2018; Nomokonov & Sudakova, 2025). Ключевой особенностью теории является смещение акцентов с традиционных мер борьбы с преступностью на усиление защитных функций охраняемых объектов и учет того заряда опасности, который несут в себе определенные объекты и явления. В этой связи базовыми категориями в контексте теории выступают «объект антикоррупционной криминологической безопасности» и «источник коррупционной криминальной опасности» (Damm, 2024).

Метавселенные выступают потенциальным источником коррупционной криминальной опасности, поскольку их технические характеристики – относительная анонимность, трансграничность, децентрализованная блокчейн-экономика и псевдонимность транзакций – создают благоприятствующие условия для реализации коррупционных схем. Виртуальное пространство усиливает уязвимость объектов антикоррупционной криминологической защиты, и это влияние находит отражение в трех основных элементах – среде совершения коррупционных преступлений, предмете взяточничества и субъектах коррупционных преступлений.

Среда совершения коррупционных преступлений. Метавселенные оформляются в новое пространство, в пределах и с использованием которого возможно совершение коррупционных преступлений. Они представляют собой не просто совокупность виртуальных миров, а устойчивую социотехническую среду с собственной экономикой, инфраструктурой взаимодействия и механизмами оборота ценностей, что неизбежно влечет за собой перенос в метапространство всего спектра криминальных практик, включая корруп-

ционные. Для теории антикоррупционной криминологической безопасности это означает появление новой криминогенной среды, в которой традиционные формы коррупционного поведения получают технологическое воплощение и становятся еще более латентными.

Отдельно следует упомянуть слабость государственного контроля в новых виртуальных мирах и проблему установления юрисдикции. Метавселенная, будучи сетью взаимосвязанных виртуальных пространств, в которые одновременно подключаются пользователи из различных государств, практически нивелирует привычные для права границы. Ключевой аспект проблемы юрисдикции в метавселенной состоит в том, что традиционные точки привязки – место совершения деяния, место наступления вреда, место нахождения имущества – с трудом поддаются установлению в виртуальной среде.

Отмечая указанную проблему, М.С. Ситников описывает два возможных сценария ее разрешения. Первый связан с децентрализацией метавселенных и последующей разработкой единого свода международных правил, посвященных регулированию общественных отношений. Несмотря на кажущиеся преимущества данного варианта, сам автор отмечает, что «в силу особенностей национальных правовых семей и существующей международной обстановки выработать такое регулирование крайне трудно» (Sitnikov, 2023: 57). Второй и наиболее простой сценарий связан с централизацией метавселенных и их привязкой к конкретной юрисдикции и установлению контроля со стороны государства.

М.М. Маджумаев, в свою очередь, предлагает «пересмотреть содержание понятия «место преступления» в децентрализованной метавселенной и рассматривать его не как определенную пространственную точку, а как распределенную систему отдельных компонентов», каждый из которых является самостоятельным звеном, определяющим юрисдикцию – субъект виртуального деяния, цифровые активы, протоколы платформы и вред (физическая связь или

конечный результат) (Madzhumaev, 2025: 581–582).

Проблема определения юрисдикции метавселенных грозит стать вызовом для современной юридической науки и практики – классические принципы определения юрисдикции оказываются неприменимы в современных условиях, а новые модели пока лишь формулируются и требуют глубокого теоретического и прикладного осмысления.

Слабость внешнего контроля и определенная закрытость характеризует метавселенные как среду, наиболее удобную для совершения преступления, чем реальный мир. Как отмечают в научной литературе, «одним из основных факторов, предопределяющих выбор преступниками сети Интернет как средства совершения преступлений, является анонимность (анонимность подключения, анонимность общения, анонимность платежей)» (Gaidin & Golovchanskii, 2022: 206). И метапространство предоставляет пользователям такую псевдоанонимность, что способствует совершенствованию «способов ухода от социального контроля» (Repetskaia, 2025: 151) и усилению импульсивности девиантного поведения. И хотя анонимность в виртуальном мире достаточно относительна, она имеет существенное значение в контексте механизма коррупционного поведения. Если в реальной жизни потенциальный коррупционер может долго оценивать соотношение риска и получаемой выгоды, искать безопасные схемы, то в метавселенной этот процесс упрощается до совершения нескольких кликов. И, как полагают П. К. Петров и В. В. Денисович, «именно этот фактор является основным провоцирующим аспектом совершения преступления, т.к. нет ни внешних, ни внутренних ограничений такого поведения» (Petrov & Denisovich, 2025: 68). В результате принятие решения о совершении коррупционного преступления дается лицу значительно легче.

Таким образом, ввиду технических особенностей функционирования и слабой разработанности правового регулирования метавселенные на сегодняшний день

представляют собой среду повышенной коррупционной криминальной опасности и способствуют реализации коррупционных практик.

Предмет взяточничества. Виртуальное пространство не только создает условия для совершения коррупционных преступлений, но и порождает новые объекты, потенциально пригодные для использования в качестве предмета подкупа. Как уже было отмечено выше, с развитием цифровых технологий появились новые ценности и складывающиеся по их поводу общественные отношения. Криптовалюты, невзаимозаменяемые токены, игровые активы, виртуальное имущество – все это представляет собой объекты, не имеющие физического воплощения, но обладающие ценностью и стоимостным выражением.

Практика дачи и получения взятки в виде криптовалюты уже не является новым явлением, однако до сих пор не получила разрешения по основным дискуссионным вопросам доктрины и правоприменения. Можно ли отнести цифровые валюты к предмету взятки согласно статье 290 Уголовного кодекса РФ, как установить стоимость криптовалют в коррупционных преступлениях, наложение ареста и конфискация – несмотря на широкое исследование указанных проблем в научной литературе, на уровне законодательства по-прежнему существуют пробелы в регулировании, однако отмечается явная тенденция к установлению государственного контроля в данной сфере отношений.

Что же касается взяточничества с использованием иных виртуальных активов, то этот вопрос пока не получил должного освещения ни на уровне доктринальных, ни правовых источников. Вместе с тем уже сегодня можно строить предположения о возможности использования виртуального или игрового имущества в качестве предмета подкупа, и отсутствие ясности правового статуса этих объектов выступает обстоятельством, дополнительно детерминирующим их преступное использование. В этой связи представляется необходимой выработка фундаментального подхода

к разрешению вопроса цифровизации предмета коррупционных преступлений, который позволил бы охватить все многообразие различных цифровых объектов, потенциально пригодных для использования в коррупционных расчетах.

Субъекты коррупционных преступлений. Цифровая трансформация общественных отношений и развитие виртуальной реальности способствуют расширению субъектного состава коррупционных преступлений.

Как уже было отмечено выше, анонимность в метaprостранстве является очень условной – несмотря на то, что пользователи скрываются за своими цифровыми воплощениями (аватарами), они неизбежно оставляют цифровые следы в ходе своих действий – как персональные данные, позволяющие идентифицировать субъекта, так и информацию о совершении всех действий внутри виртуального мира, включая осуществление переводов, передачу виртуальных объектов и совершение иных сделок. Как полагает Пан Дунмэй, «данные, являясь фундаментальной основой метавселенной, представляют собой ее ключевую составляющую» (Pan Dunmei, 2025: 163). А так как в современном информационном обществе информация выступает одним из наиболее ценных ресурсов, лица, обладающие доступом к таким данным, получают возможность для их коррупционного использования (так называемого коррупционного инсайдерства (Shamekhina, Gutnik & Terliashin, 2025), а потому такие лица «требуют особого контроля со стороны правоохранительных органов» (Ovchinnikov, 2019: 165).

Однако контроль над указанными лицами представляет собой сложную задачу ввиду асимметрии технических знаний и компетенций – в результате постоянного усложнения цифровых технологий подавляющее большинство лиц, ответственных за противодействие преступности, не понимают алгоритмов работы информационных систем и не могут осуществлять контроль за соблюдением законности. Следствием этого становится формирование пласта тех-

нических специалистов, чьи уникальные знания и доступ к управлению цифровой инфраструктурой создают беспрецедентные возможности для совершения и сокрытия коррупционных деяний при минимальных рисках обнаружения. В этой связи следует согласиться с В.В. Астаниным, который отмечает, что «потребность в подготовке специалистов для обеспечения антикоррупционной безопасности с использованием ... передовых технологий» сегодня становится очевидной (Astaniin, 2024: 1172).

Заключение

Стремительное развитие метавселенных как социотехнической реальности неизбежно переносит в виртуальное пространство весь спектр противоправных практик, включая коррупционные преступления. Контроль криминальных рисков, присущих метавселенным, требует всестороннего комплексного подхода, методологической основой которого способна выступить теория антикоррупционных мер безопасности (Shchedrin, Damm & Akunchenko, 2025).

Теория антикоррупционных мер безопасности как научное направление ориентирована не столько на борьбу с уже совершенными деяниями, сколько на превентивное воздействие – выявление и нейтрализацию условий, способствующих коррупции, а также защиту охраняемых объектов от потенциальных коррупционных посягательств. Применительно к метавселенным данная теория позволяет выстроить многоуровневую систему защиты с акцентом на трех основных элементах – среде совершения коррупционных преступлений, предмете взяточничества и субъекте коррупционных преступлений.

Метавселенные выступают новой средой совершения коррупционных преступлений, характеризующейся отсутствием должного контроля, анонимностью и повышенной степенью латентности. Ключевой проблемой регулирования виртуальных миров сегодня является сложность в установлении юрисдикции и отсутствие на международном уровне выработанных подходов к разделению «зон ответственно-

сти» в виртуальном трансграничном пространстве. Следствием этого становится появление «серых» бесконтрольных зон, отсутствие необходимых для поддержания правопорядка запретов и мер ответственности, а также сложность в установлении факта совершения противоправного деяния и его расследования.

Метавселенные также способствуют появлению новых объектов, представляющих ценность в современном мире. Вопрос правового статуса и регулирования сделок с виртуальными активами является общеправовой проблемой, однако в контексте противодействия коррупционной преступности в цифровом мире он приобретает дополнительную актуальность. Формальный выход новых виртуальных ценностей за пределы обозначенного в Уголовном кодексе РФ предмета взятки косвенно стимулирует их использование в коррупционных расчетах, поскольку субъекты могут руководствоваться убеждением в отсутствии правовых запретов на такие операции. Кроме того, неопределенность правового статуса цифровых объектов создает дополнительные сложности при определении размера взятки, что критично для целей уголовно-правовой квалификации и назначения наказания.

Помимо новых предметов, потенциально пригодных для подкупа, метавселенные также способствуют появлению новых субъектов, обладающих потенциальной возможностью к совершению коррупционных преступлений. Необходимость контро-

ля за такими лицами очевидна, однако он во многом осложняется отсутствием у сотрудников правоохранительных органов и специалистов в сфере противодействия коррупции необходимых технических знаний, что дополнительно актуализирует вопрос кадровой подготовки и развития цифровых компетенций будущих специалистов правового профиля.

Таким образом, стремительное развитие метавселенных актуализирует проблему коррупционной криминальной опасности, имманентно присущей новым виртуальным мирам. Ответом на этот вызов должна стать выработка целостной системы антикоррупционных мер безопасности, адаптированных к специфике цифровой среды и способных обеспечить защиту личности, общества и государства от коррупционных угроз без ущерба для инновационного потенциала метавселенных. Важно подчеркнуть, что реализация антикоррупционных мер безопасности в метавселенных не должна создавать избыточных барьеров, сдерживающих развитие цифровой среды. Необходим поиск баланса между обеспечением защищенности общественных отношений и сохранением тех преимуществ, которые несут виртуальные пространства. Как отмечает Т. Я. Хабриева, «юридической практике только предстоит дальнейшее осмысление происходящих цифровых трансформаций» (Khabrieva, 2023: 10), что предполагает необходимость разработки принципиально новых подходов к правовому регулированию.

Список литературы / References

Akunchenko E. A., Damm I. A., Shchedrin N. V. Antikorruptsionnaia bezopasnost' izbiratel'nogo protsesssa: sostoianie i perspektivy [Anti-corruption security of the electoral process: state and prospects]. In: *Natsional'naya bezopasnost' / Nota Bene [National security / Nota Bene]*, 2018, 1, 49–71.

Astanin V. V. Antikorruptsiya v ogranicheniiakh estestvennogo i stimulakh iskusstvennogo intellekta [Anti-corruption in the limitations of natural and incentives of artificial intelligence]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Journal of Siberian Federal University. Series: Humanities]*, 2024, 17(6), 1163–1173.

Begishev I. R., Denisovich V. V. Metaprestupnost': klyuchevye kriminologicheskie gorizonty tsifrovoi epokhi [Metacrime: key criminological horizons of the digital era]. In: *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal [All-Russian criminological journal]*, 2025, 19, 575–586.

Damm I. A. O sootnoshenii protivodeistviia korrupsitsii i obespecheniia antikorrupsionnoi bezopasnosti [On the ratio of anti-corruption countermeasures and anti-corruption security]. In: *Transformatsiia paradigmy antikorrupsionnoi deiatel'nosti: Sbornik nauchnykh statei po materialam VIII Sibirskogo antikorrupsionnogo foruma* [Transformation of the anti-corruption activity paradigm: Collection of scientific articles based on the materials of the VIII Siberian Anti-Corruption Forum], 2025, 55–62.

Damm I. A. Osnovnye elementy sistemy teorii antikorrupsionnoi kriminologicheskoi bezopasnosti [Main elements of the theory of anti-corruption criminological security system]. In: *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* [All-Russian criminological journal], 2024, 18(6), 591–601.

Damm I. A. Predposylki formirovaniia teorii antikorrupsionnoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii [Prerequisites for the formation of the theory of anti-corruption security of the Russian Federation]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Journal of Siberian Federal University. Series: Humanities], 2021, 14(11), 1690–1709.

Efremova M. A., Russkevich E. A. Ugolovno-pravovye problemy protivodeistviia prestupnosti v metaversennoi: sovremennoe sostoianie i perspektivy razvitiia [Criminal law problems of countering crime in the metaverse: current state and development prospects]. In: *Journal of Digital Technologies and Law*, 2025, 3(2), 187–202.

Evsikov K. S. Metaversennye kak novyi ob'ekt regulirovaniia dlia informatsionnogo prava [Metaverses as a new object of regulation for information law]. In: *Trudy po intellektual'noi sobstvennosti* [Proceedings on intellectual property], 2023, 44(1), 47–57.

Filipova I. A. Sozdanie metaversennykh: posledstviia dlia ekonomiki, sosiuma i prava [Creation of metaverses: consequences for economy, society and law]. In: *Journal of Digital Technologies and Law*, 2023, (1)(1), 7–32.

Gaidin A. I., Golovchanskii A. V. Sredstva anonimizatsii v mekhanizme prestupnoi deiatel'nosti, osushchestvliiaemoi v seti Internet [Means of anonymization in the mechanism of criminal activity carried out on the Internet]. In: *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2022, 2, 205–213.

Garmaev Iu. P. Osnovy kontseptsii antikorrupsionnoi bezopasnosti sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov [Fundamentals of the concept of anti-corruption security for law enforcement officers]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Journal of Siberian Federal University. Series: Humanities], 2025, 18(8), 1497–1504.

Gorshenkov A. G., Gorshenkov G. N. Antikorrupsionnaia bezopasnost' politsetskogo [Anti-corruption security of a police officer]. In: *Iuridicheskaiia nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* [Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2012, 4, 60–64.

Kabanov P. A. Zhertvy kiberkrazh kak ob'ekt sovremennoi rossiiskoi kiberziktimologii: kriminologicheskii analiz statisticheskikh pokazatelei kriminonoi viktimmnosti 2021–2022 gg. [Cyber theft victims as an object of modern Russian cyber victimology: criminological analysis of criminal victimization statistics for 2021–2022]. In: *Viktimologiya* [Victimology], 2024, 11(1), 25–42.

Khabrieva T. Ia. Tekhnologicheskii imperativy sovremennogo mira i pravo [Technological imperatives of the modern world and law]. In: *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniia* [Journal of foreign legislation and comparative law], 2023, 19(1), 5–12.

Khodnaia E. V. O pravovoi kontseptsii metaversennykh [On the legal concept of metaverses]. In: *Lex Russica*, 2024, 3, 116–128.

Kleimenov M. P. Aktual'nye napravleniia obespecheniia antikorrupsionnoi bezopasnosti [Current directions of anti-corruption security]. In: *Antikorrupsionnaia bezopasnost': vyivlenie ugroz i strategiiia obespecheniia: sbornik nauchnykh statei po itogam V Sibirskogo antikorrupsionnogo foruma*, [Anti-corruption security: identification of threats and security strategy: collection of scientific articles based on the results of the V Siberian Anti-Corruption Forum], 2020, 115–120.

Kovaleva N. N., Izotova V. F., Chaikovskii D. S. Metaversennye: problemy pravovogo regulirovaniia [Metaverses: problems of legal regulation]. In: *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya*

D. Ekonomicheskie i iuridicheskie nauki [Bulletin of Polotsk State University. Series D. Economic and legal sciences], 2024, (4)(69), 119–123.

Krainova N. A. Lichnost' prestupnika v kontekste antikorrupsionnoi bezopasnosti: regional'noe issledovanie [Personality of the offender in the context of anti-corruption security: regional study]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Journal of Siberian Federal University. Series: Humanities]*, 2025, 18(8), 1505–1513.

Kuznecova O. A., Mart'ianova E. Iu. Metavselennaia kak al'ternativnoe pravovoe prostranstvo [Metaverse as an alternative legal space]. In: *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGIA) [Bulletin of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)]*, 2025, 1(4), 100–108.

Lebedev S. Ia. Razvitiie innovatsionnykh tekhnologii v antikorrupsionnoi bezopasnosti [Development of innovative technologies in anti-corruption security]. In: *Ugolovnoe sudoproizvodstvo: problemy teorii i praktiki [Criminal procedure: problems of theory and practice]*, 2018, 1, 52–55.

Madzhumaev M. M. Mnogofaktornaia model' iurisdiktsii: peresmyslenie mesta prestupleniia v detsentralizovannoi metaversennoi [Multifactor model of jurisdiction: rethinking the place of crime in the decentralized metaverse]. In: *Journal of Digital Technologies and Law*, 2025, 3(4), 581–582.

Mansurov G. Z. Pravovoi rezhim avatarov NFT v metavselennoi [Legal regime of NFT avatars in the metaverse]. In: *Vestnik Ural'skogo iuridicheskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2023, 4(40), 47–51.

Nagorni A. A. Problemy ponimaniia i pravovogo regulirovaniia «metaversennykh» [Problems of understanding and legal regulation of “metaverses”]. In: *Pravoporiadok: istoriia, teoriia, praktika [Law and order: history, theory, practice]*, 2025, (4)(47), 136–142.

Nomokonov V. A., Sudakova T. M. Antikorrupsionnaia bezopasnost' i ee sinergeticheskii potentsial [Anti-corruption security and its synergistic potential]. In: *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [Journal of Siberian Federal University. Series: Humanities]*, 2025, 18(8), 1486–1496.

Ovchinnikov A. I. Protivodeistvie korruptsii v usloviakh tsifrovizatsii: vozmozhnosti, perspektivy, riski [Countering corruption in the context of digitalization: opportunities, prospects, risks]. In: *Zhurnal rossiiskogo prava [Journal of Russian Law]*, 2019, 11, 158–170.

Pan Dunmei. Kriminal'nye riski v metaversennoi i vozmozhnye strategii ikh minimalizatsii [Criminal risks in the metaverse and possible strategies for their minimization]. In: *Lex Russica*, 2025, (9)(226), 154–168.

Petrov P. K., Denisovich V. V. Prestupnost' v virtual'nom prostranstve: kriminologicheskaiia kharakteristika [Crime in virtual space: criminological characteristics]. In: *Problemy prava [Problems of law]*, 2025, (1)(97), 66–70.

Politsiia Britanii rassleduet pervoe iznasilovanie v virtual'noi real'nosti [British police are investigating the first rape in virtual reality]. 2024. Available at: https://rg.ru/2024/01/03/policiaa-britanii-rassleduet-pervoe-iznasilovanie-v-virtualnoj-realnosti.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (accessed 25 February 2026).

Repetskaia A. L. Osobennosti razvitiia sovremennoi korruptsionnoi prestupnosti v Rossii [Features of the development of modern corruption crime in Russia]. In: *Transformatsiia paradigmy antikorrupsionnoi deiatel'nosti: Sbornik nauchnykh statei po materialam VIII Sibirskogo antikorrupsionnogo foruma [Transformation of the anti-corruption activity paradigm: Collection of scientific articles based on the materials of the VIII Siberian Anti-Corruption Forum]*, 2025, 148–151.

Sel'kova A. A. Metaversennaia: voprosy podsudnosti i poriadka razresheniia sporov [Metaverse: issues of jurisdiction and dispute resolution]. In: *Lex Russica*, 2025, 78(5), 139–149.

Shchedrin N. V., Damm I. A., Akunchenko E. A. Antikorrupsionnye mery bezopasnosti [Anti-corruption security measures]. Prospekt, 2025. 496 p.

Sitnikov M. S. Pravo i metaversennaia: nekotorye voprosy teorii i praktiki [Law and metaverse: some questions of theory and practice]. In: *Tsifrovoe pravo [Digital law]*, 2023, 4(3), 51–71.